ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE

DEC 30 1960

WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

11

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

ЦАО ЦАО ЦЗИ. (Сборник статей о Цао Цао). Пекин. Саньлянь рудянь. 1960. 2,440 стр.

VAN TAO, THANH THÊ VY, NGUYÊN CÔNG BINH. **Lich su' cách mang thang tám.** (*История* августовской революции.) Hà-nôi. Nhà xuât V'an su' Hoc. 1960. 258 стр.

Cach mang thang tam. (Августовская революция. Материалы и документы под ред. Чан Хьюи Льеу). Hà-nôi. Nhà xuât b'an su noc. 1960. Tom I, 452 стр.

Viêt Su lu' o's (Côm 3 quyên). Tran Quôc Vu'o'ng. Phien dich Và chù giai. (Краткая история Вьетнама). Hà-nôi. Nhà xuât ban van su dia. 1960, 222 стр.

TRAN QUÔC VU'O'NG, HAVAN TAN. **Lich su chê dô công san nguyên thuy ò Viêt-Nam.** (История первобытного общества во Вьетнаме). Hà-nôi. 1960. 267 стр.

ZISLENIEC L. **Na trudnym szlaku.** Warszawa. Książka i wiedza. 1960. 268 s.

MAJEWSKI K. **Importy rzymskie w Polsce.** Warszawa-Wrocław. Zakład nar. im. Ossolińskich. 1960. 152 s.

RUBINOWICZ D. **Pamiętnik Dawida Rubinowicza.** Warszawa. Książka i wiedza. 1960. 122 s.

ROMANIUKOWA F. **Radykalni demokraci polsky. 1863—1875.** Warszawa. PWN. 1960. 620 s. + 8 tabl.

Kultura ludowa Wielkopolski. Redakcja J. Burszta. Poznán. 1960. 743 s. + 8 tabl.

RECHOWICZ H. **Walka trwała siedem godzin.** Katowice. Śląsk. 1960. 53 s.

GRAJEWSKI H. **Komitet Emigracji Polskiej 1848 r.** (Nieznana karta z dziejow Wielkiej Emigracji). Wrocław. Ossolińeum. 1960. 176 s.

FUSEK W. **Przez piaski pustyni.** Z dziennika zolnierza Brygady Karpackiej. Wrocław. Ossolińeum. 1960. 494 s.

GŁADYSZOWA M. **Wiedza ludowa o gwiazdach.** Wrocław. Zakład narodowy im Ossolińskich. 1960. 235 s.

GODŁOWSKI K. **Studia nad stosunkami społecznymi w okresach pożnolateńskim i rzymskim w dorzeczu Odry i Wisły.** Wrocław. Ossolińeum. 1960. 138 s. + 1 tabl.

25 ans d'historiographie Tchécoslovaque, 1936—1960. Praha, Nakladatelství Československé Akademie VĚD. 1960. 494 s.

DIMITRIU V. R. P. **Bulgaria un drum de luptă şi victorii.** Bucureşti. Editura politică. 1960. 165 p.

TÖMÖRY M. **Új vizeken járok.** (A Galilei Kör története). Budapest. Gondolat. 1960. 294. old.

KODOLÁNYI J. **Ormanság.** Budapest. Gondolat 1960. 132. old.

ALPÁRI G. **Válogatott írásai.** Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1960. 499. old.

KIESSLING W. **Ernst Schneller.** Lebensbild eines Revolutionärs. Berlin. Dietz. 1960. 242 S.

LINDAU R. **Revolutionäre Kämpfe 1918—1919.** Aufsätze und Chronik. Berlin. Dietz. 1960. 268 S.

ZETKIN K. **Ausgewählte Reden und Schriften.** Bd. 2. Auswahl aus den Jahren 1918 bis 1923. Berlin. Dietz. 1960. XXIII, 748 S.

WERNER K., BIERNAT K. H. **Die Köpenicker Blutwache 1933.** Mit einem Anhang. Berlin. Dietz. 1960. 103 S.

Freundschaft für immer. Deutsche Genossen berichten über die Traditionen der deutsch-sowjetischen Freundschaft. Berlin. Dietz. 1960. 114 S.

BIRKE E. **Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert.** Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln. Böhlau Verlag. 1960. XVI + 527 S., 2 Karte, 1 Taf.

STENGEL E. E. **Abhandlungen und Untersuchungen zur mittelalterlichen Geschichte.** Köln. Böhlau Verlag. 1960. XII + 392 S.

HODGKIN TH. **Nigerian Perspectives. A Historical Anthology.** London. Oxford University Press. 1960, 340 p.

WOOD W. B., EDMONDS J. E. **The Civil War in the United States.** London. Methuen. 1960, 328 p.

Le Japon au XIe Congrès International des Sciences Historiques à Stockholm. L'état actuel et les tendances des études historiques au Japon. Tôkyô. Nippon Gakujutsu Shinkôkai. 1960, 482 + XVIII p.

SPINI G. **Storia dell'età moderna dall' impero di Carlo V all'illuminismo.** Roma. Cremonese. 1960. 906 p.

BOSCH-GIMPERA P. **El Problema indoeuropeo.** Con un apéndice de M. Swadesh. Mexico. 1960. XIX, 385 p.

NORREGÅRD G. **Efterkrigsår i Dansk udenrigspolitik, 1815—1824.** Copenhagen. Gyldendal. 1960, 208 s.

Сэнго Нихон сё-си. Янайхара Тадао хэн. (Краткая история Японии после второй мировой войны. Под ред. Янайхара Тадао). Т. 1. 3,272 стр.; т. 2. 275—637, 12 стр. Токио. 1958—1960.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вопросы истории

№ 11 НОЯБРЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Б. Г. Гафуров, член-корреспондент АН СССР — Международный форум ориенталистов (К итогам XXV Международного конгресса востоковедов) 3

П. В. Волобуев — Об общих закономерностях и национально-исторических условиях победы социалистической революции в России . 19

В. Ю. Крупянская — К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса 40

Н. Я. Иванов (Ленинград) — Из истории борьбы против «второй корниловщины» 50

И. С. Кремер — Великая Октябрьская социалистическая революция и антивоенное движение рабочего класса Баварии (конец 1917 — начало 1918 г.) 68

Б. И. Коваль — Рабочее движение в Бразилии в конце XIX — начале XX века 82

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

А. Дризул (Рига), **В. Савченко** (Рига) — Научная сессия, посвященная 20-летию восстановления Советской власти в Прибалтике . 98

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. А. Кирилин — Научный труд о происхождении и начале второй мировой войны 105

Л. П. Лавров — Борьба молодой Советской республики за мир и мирное сосуществование 112

С. Ф. Найда, Н. М. Чикин — Избранные произведения Я. М. Свердлова 118

В. А. Корольков, М. А. Заборов, М. И. Иляхин — «История международного рабочего и национально-освободительного движения». Ч. 1-я. 60—80-е годы XVIII в.— 1917 г. 126

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. А. Ежов (Ленинград), **И. А. Иванов** (Ленинград) — «Бастионы революции». Выпуск первый. Сборник материалов из истории ленинградских заводов в 1917 г.; **В. А. Куманев** — Ф. Ф. Королев. Советская школа в период социалистической индустриализации; **С. С. Дмитриев** — «Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.». Сборник документов; **Н. В. Устюгов** — С. И. Волков. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30—70-е годы); **В. И. Калюжный** (Свердловск), **Н. А. Финкельштейн** (Свердловск) — В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке; **А. А. Галкин** — «Ноябрьская революция в Германии». Сборник статей и материалов; **Л. П. Делюсин** — А. Г. Мазаев. Аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам; **В. Г. Трухановский** — В. Г. Поляков. Англия и мюнхенский сговор (март — сентябрь 1938 г.); **А. Л. Гальперин** — Ким Бусик. Самкук Саги (Исторические записи трех государств) 131

Новые книги 154

Статьи в советских исторических журналах 156

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н. В. Каменская (Минск) — О некоторых вопросах развития исторической науки в Белоруссии 159

И. В. Дубровина, Г. Ф. Семенюк — Работа кафедры истории СССР Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской по изучению истории Московской области . . 168

М. Л. Иткин — О перспективном плане библиографических работ по истории 171

Б. Я. Бриккер (Днепропетровск) — О работе историков Днепропетровска 177

Н. Я. Мерперт — Семидесятипятилетие доктора исторических наук А. Я. Брюсова 178

Хроникальные заметки 179

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Б. Р. Лопухов — Великая Октябрьская социалистическая революция в произведениях Антонио Грамши 182

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. К. Яцунский — Новые работы по исторической картографии Чехословакии; **Л. С. Переломов** — Го Мо-жо. Бронзовый век. . . . 187

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 191

Заметки о статьях 193

Рецензии на книги советских авторов 211

Хроникальные заметки 212

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

С. С. Шустерман — О судьбе рабочего-революционера Я. С. Потапова 213

Александр Львович Гальперин 215

Сергей Иванович Волков 216

Резюме статей на английском языке 217

Сведения об авторах статей, помещенных в данном номере журнала 222

СТАТЬИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ОРИЕНТАЛИСТОВ

(К ИТОГАМ XXV МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ)

Член-корреспондент АН СССР Б. Г. Гафуров

В Москве, в здании Государственного университета на Ленинских горах, с 9 по 16 августа 1960 г. проходили заседания XXV Международного конгресса востоковедов. Советская и зарубежная общественность уделила много внимания работе конгресса.

Традиция созыва международных конгрессов востоковедов сложилась уже давно. Один из них, третий по счету, происходил в Петербурге в 1876 году. В то время Россия была совсем другой. Иначе выглядела и карта всего мира. Тогда начинался, говоря словами В. И. Ленина, «громадный «подъем» колониальных захватов» [1], которые осуществлялись капиталистическими державами. Ныне же мы являемся свидетелями краха позорной колониальной системы.

Подъем национально-освободительного движения, начавшийся в колониальных и полуколониальных странах под влиянием русской революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин назвал пробуждением Азии [2]. Великая Октябрьская социалистическая революция, оказавшая огромное воздействие на судьбы всех стран и народов, положила начало общему кризису капитализма и его составной части — кризису колониальной системы. Могучие волны освободительной борьбы все выше поднимались в колониальных и полуколониальных странах Востока. Победоносное национально-освободительное движение народов Азии и Африки, составляющих большую часть населения земного шара, привело в наши дни к политическому освобождению почти всех стран Азии и двух третей Африканского континента. «Наш век,— говорил Н. С. Хрущев,— век борьбы за свободу, когда народы стряхивают со своих плеч чужеземное иго. Народы хотят достойной жизни и сражаются за нее» [3].

Международный форум ученых, занимающихся проблемами Азии и Африки, не мог не учитывать в своей работе происшедших в мире перемен. По инициативе деятелей советской науки при поддержке ученых стран Востока были внесены существенные изменения в программу и распорядок работы конгресса.

Высказанный на конгрессе первым заместителем председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном тезис, что народы Востока из объекта науки, как они рассматривались в недавнем прошлом буржуазным востоковедением, превратились в ее творца, несомненно, сыграет свою положительную роль в новой ориентации востоковедения.

В работе XXV Международного конгресса востоковедов приняли участие две тысячи ученых, представлявших более шестидесяти государств мира, в том числе свыше двадцати независимых стран Азии и Африки. Ни на одном из предыдущих конгрессов не собиралось столько

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 243.
[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 65—66.
[3] «Правда», 24 сентября 1960 года.

ученых из стран Востока. На заседаниях можно было увидеть исследователей из Индии, Объединенной Арабской Республики, Камеруна, Японии, Гвинейской республики и многих других стран.

На конгрессе было прочитано 658 докладов, из них: советскими учеными — 241, учеными стран народной демократии — 99, исследователями стран Востока — 107, исследователями Западной Европы и США — 211.

Круг обсуждавшихся научных вопросов был чрезвычайно широк и разнообразен. На конгрессе работало свыше двадцати секций, в том числе секции египтологии, ассириологии, хеттологии и урартоведения, византиноведения, истории Монголии, Кореи, Ирана, Турции, арабских стран, Юго-Восточной Азии, алтаистики, индианистики, африканистики и др.

XXV Международный конгресс востоковедов окажет несомненное влияние на развитие мировой ориенталистики. Конгресс показал, что центр востоковедческих исследований сейчас перемещается непосредственно в страны Востока, а научно-исследовательская работа все больше концентрируется на решении актуальных социально-экономических, политических и культурных проблем.

Обращая большое внимание на изучение современности, советские ориенталисты исследуют также самобытную культуру и историческое прошлое народов Востока, внесших достойный вклад в развитие мировой цивилизации. Советские ученые руководствуются в своей научной работе теорией марксизма-ленинизма, которая позволяет научно объяснить историческое прошлое и настоящее народов Азии и Африки.

Накануне конгресса в реакционной печати США, Англии и иных западных стран были предприняты попытки принизить научное значение советского востоковедения. В «Times» и других английских газетах были опубликованы статьи, заметки и письма, в которых высказывались нелепые предположения, что конгресс в Москве будет носить не научный, а сугубо пропагандистский характер. За месяц до начала работы конгресса английская газета «Star» напечатала статью под провокационным заголовком: «Используют ли Советы Конгресс востоковедения в своих целях?». Однако клевета на советское востоковедение была разоблачена в ходе деятельности конгресса. Десятки крупных западных и восточных буржуазных ученых на заключительных заседаниях почти всех секций открыто признавали успехи востоковедческой науки в нашей стране. Более того, они подчеркивали широту научных интересов советских ученых и то, что во всех секциях, в том числе занимающихся историей древности, средневековья, филологией, археологией и текстологией, то есть традиционными отраслями ориенталистики, они встретили эрудированных советских специалистов. Выступая на заседании секции Юго-Восточной Азии, известный голландский ученый У. Берг решительно опроверг измышления о том, что в Советском Союзе якобы нет подлинного востоковедения. Аналогичные заявления были сделаны зарубежными учеными и на других секциях.

Многие доклады, прочитанные за время работы конгресса, представляют собой серьезный вклад в науку, являясь обобщением многолетнего, кропотливого труда. Они вызвали глубокий интерес исследователей и оживленный обмен мнениями.

В работе конгресса принимала участие большая делегация советских ориенталистов, в состав которой входили академики Н. И. Конрад, И. А. Орбели, В. В. Струве, а также ученые РСФСР, союзных и автономных республик Советского Востока — Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Башкирии, Бурятии, Дагестана, Татарии. Их активное участие в работе конгресса, выступления и доклады разоблачили клевету, распространяе-

мую реакционными кругами Запада, о «застое» науки и культуры в советских республиках Средней Азии и Закавказья.

Организованная на конгрессе выставка культурных и научных достижений восточных республик Советского Союза отразила замечательные успехи в разрешении национального вопроса в СССР. Многие делегаты конгресса побывали в Закавказье и Средней Азии. Они посетили Тбилиси, Баку, Ташкент, Сталинабад, Самарканд и Бухару и воочию убедились в расцвете за годы Советской власти экономики и культуры восточных народов СССР. Делегаты явились также свидетелями огромного внимания, которое уделяется в СССР сохранению и реставрации памятников материальной культуры этих народов. Ученые стран Востока и Запада заявляли, что эти поездки помогли им убедиться в лживости разного рода утверждений, распространяемых империалистической пропагандой о советской национальной политике. Некоторые из иностранных исследователей говорили, что по возвращении на родину они опубликуют статьи о подлинном положении в республиках Советского Востока.

Наряду с такими видными учеными стран Запада, как Луи Массиньон, Торкильд Якобсен, Франц Бабингер, Камиль Коэн, Г. К. Филипс, Норман Браун, Г. Моргенстьерне и Эрнст Вальдшмидт, научными деятелями стран народной демократии — Вальтер Рубен, Ананиаш Зайончковский, Тадеуш Левицкий, Ярослав Прушек, Ян Рипка и другие,— на конгрессе достойно представляли науку стран Азии и Африки Нгуен Кхань Тоан (ДРВ), Ян Хен Соп (КНДР), Пунцук-Норбо (МНР), индийцы Сунити Кумар Чаттерджи и Шивдан Сингх Чоухан, афганец Ахмад Али Кохзад, иранец Саид Нафиси, цейлонец Гунапала Малаласекера, Саладин Бустани из Объединенной Арабской Республики, японец Иноуэ Киёси, представитель молодой африканской науки Шейх Анта Диоп и многие, многие другие.

Наука без диспутов недолговечна, справедливо подчеркивал выдающийся персидский поэт Саади. Наука развивается в атмосфере серьезных, честных и принципиальных споров, где в поисках истины сталкиваются различные, порой противоположные точки зрения. Разумеется, на заседаниях секций конгресса были споры, были диспуты. Это дает возможность смотреть на будущее ориенталистики оптимистически.

Выяснению точек зрения по актуальным проблемам, помимо докладов и выступлений, немало способствовали личные контакты делегатов. По основным, принципиальным вопросам почти все ученые стран Востока выступали единодушно с деятелями науки социалистических стран.

Например, индийские исследователи резко возражали против неправильных высказываний английского ученого Э. Конза, который сделал доклад «Махаяна и Ближний Восток». Индийская делегация активно поддержала советских ученых, давших отпор С. Н. Хею (секретарю Американского комитета по проведению юбилея Рабиндраната Тагора), когда он попытался представить в ложном свете отношение великого индийского поэта к Советскому Союзу.

В то время как многие западные исследователи уклонялись от рассмотрения докладов, посвященных проблемам национально-освободительного движения народов Востока, и в личных беседах подчеркивали, что эта проблематика будто бы не является предметом изучения востоковедческой науки, индийские ученые отнеслись к этому вопросу по-другому. Выступая в прениях по докладу В. В. Балабушевича и А. М. Дьякова «О некоторых проблемах новейшей истории Индии в освещении советских ученых», индийские делегаты выразили большое удовлетворение тем, что советские востоковеды занимаются вопросами национально-освободительной борьбы народов Востока.

Хорошие отношения установились между советскими и иранскими исследователями. Характерно, что по инициативе советских делегатов впервые в истории международных конгрессов востоковедов был принят рабочим языком секции филологии Ирана язык фарси. Это отметили с большим удовлетворением виднейшие иранские ученые Нафиси и Минови.

10 августа на секции китаеведения выступил сотрудник Колумбийского университета Мортон Фрид с докладом «Проблемы революции и семьи в Китае». Ссылаясь на статьи американских журналов (не имеющих никакого отношения к науке), он пытался оклеветать проводимые в КНР мероприятия по укреплению семьи и брака. Советские китаеведы и ученые народно-демократических стран дали должный отпор фальсификациям Фрида. Они убедительно показали, что его доклад противоречит подлинным фактам и является недостойным выпадом против народного Китая. Получив единодушный отпор со стороны прогрессивных ученых, Фрид вынужден был признать, что он не располагает документальными материалами и не знает того, что происходит в настоящее время в КНР.

Английский ученый В. Парселл, в тезисах доклада которого содержались утверждения о том, будто вступление войск интервентов в Пекин в период восстания ихэтуаней было законным, пересмотрел свои выводы и в устном выступлении опустил наиболее одиозные высказывания.

Некоторые буржуазные исследователи сочли разумным отказаться от своих тенденциозных докладов и воздержаться от подготовленных ими выступлений, в которых они рассчитывали дискредитировать тезисы тех ученых, которые являются противниками колониализма. Так, на секции истории арабских стран против доклада «Хозяйственно-политические мероприятия германского империализма на Ближнем Востоке в первую мировую войну», сделанного Лотаром Ратманом (Лейпциг), намеревался выступить член делегации ФРГ М. Крамер. Однако, убедившись в единстве мнений, которое сложилось у ученых арабских и социалистических стран, Крамер отказался выступить.

Атмосфера, создавшаяся на конгрессе, заставила некоторых буржуазных исследователей перестроиться и опустить в своих докладах наиболее реакционные положения. Так, американская ориенталистка доктор философии Ирэн Тойбер, занимающая мальтузианские позиции, в тезисах доклада «Рост населения в Китае с 1741 по 1953 г.», полученных участниками конгресса до начала его работы, призывала прибегнуть к современным методам «научного регулирования деторождения», чтобы избежать «катастрофы человечества». В устном высказывании Ирэн Тойбер несколько изменила отдельные формулировки своего доклада.

Советские ученые Ю. А. Левада, А. Г. Крымов и чехословацкий исследователь А. Палат выступили против мальтузианских идей доклада Тойбер и показали несостоятельность выводов, сделанных его автором Решительный отпор, данный учеными-марксистами попыткам доказать, будто быстрый рост населения Китая представляет собой «угрозу человечеству», привел к тому, что Ирэн Тойбер в заключительном слове отказалась от ряда своих положений. Она не смогла опровергнуть доводы, выдвинутые оппонентами, и признала ошибочность ряда своих высказываний.

Любопытно, что представители буржуазной ориенталистики — английские, французские, западногерманские, американские и голландские ученые,— многие из которых до конгресса выступали против того, чтобы востоковеды занимались изучением современной тематики, во время работы конгресса признали необходимость обсуждения современных проблем, а в некоторых случаях даже приветствовали этот курс развития востоковедческой науки (таковы, например, были выступления

голландских ученых У. Берга и З. Вертхейма на секции Юго-Восточной Азии).

Конечно, это не значит, что отдельные реакционно настроенные ориенталисты не предпринимали идеологических атак. В ряде случаев они прибегали к обходным маневрам, пытаясь защищать колониализм и колониальную политику. Так, в частности, на секциях Юго-Восточной Азии, Японии и африканистики некоторые буржуазные ученые всячески оправдывали миссионерство, утверждая, что миссионеры в колониальных и зависимых странах способствовали-де распространению просвещения и культуры и якобы не были проводниками колониалистской политики.

Таким образом, конгресс не только способствовал на основе критики колониализма установлению определенных контактов ученых социалистических стран, стран Востока и прогрессивных ученых Запада, но и привел к известной изоляции реакционно настроенных ориенталистов из западных стран, к сдаче ими некоторых позиций и в большой степени содействовал успехам прогрессивного направления востоковедческой науки, лучшему пониманию плодотворности марксистско-ленинской методологии.

Успешной деятельности конгресса в значительной степени содействовало активное участие советских востоковедов в его подготовке. Следует отметить, что за неполных три года (1958—1960) Институтом востоковедения АН СССР (ныне Институт народов Азии) издана 481 книга. Общий объем этой литературы составил 5 407 печатных листов. К конгрессу было опубликовано более 450 докладов на русском и иностранных языках. Выпуск докладов на иностранных языках был по достоинству оценен всеми делегатами конгресса. Крупный американский ассириолог А. Гетце от имени всех делегатов назвал это умелым преодолением «языкового барьера». Преодолению «языкового барьера» способствовали также выступления многих советских ученых на иностранных (западных и восточных) языках. В связи с этим английский журнал «Tablet» 17 сентября отмечал на своих страницах «превосходные лингвистические знания русских».

На XXV Международном конгрессе востоковедение нашей страны было представлено во всех его отраслях научными исследованиями, проведенными на основе марксистско-ленинской методологии. Глубина и оригинальность разработки наиболее важных проблем свидетельствуют о превосходстве советской ориенталистики над буржуазной наукой.

Советское востоковедение развивается наряду с бурным ростом всей советской науки, для которой Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широчайшие возможности и достижения которой общеизвестны. Естественно, что советское востоковедение не стояло и не стоит в стороне от столбовой дороги мировой ориенталистики. Более того, оно является наследником и продолжателем прогрессивных, передовых традиций востоковедной науки всех стран, в частности российского востоковедения.

С самого начала возникновения научной ориенталистики в ее развитии можно проследить две тенденции. Одна находила свое выражение в трудах тех, кто прямо или косвенно способствовал закреплению колониального господства западных держав на Востоке. Другая — в трудах тех, кто питал глубокое уважение к культуре народов Востока, осуждал колонизаторов и видел смысл своей деятельности в установлении на прогрессивной основе взаимодействия между культурами Запада и Востока.

Эти две тенденции были свойственны и дореволюционной ориенталистике в России, причем ведущей была вторая, гуманистическая тенденция.

До Октябрьской революции русские ориенталисты концентрировались в основном вокруг Академии наук, «Азиатского музея» и «Восточного отделения Российского императорского археологического общества» в Петербурге и Лазаревского института восточных языков в Москве, причем их исследования охватывали преимущественно область филологии. На восточных окраинах царской России научная работа велась одиночками-энтузиастами или кружками (в Тифлисе и Ташкенте).

Положение принципиально изменилось после утверждения Советской власти. Коммунистическая партия и Советское правительство уже в первые послереволюционные годы активно содействовали развитию советского востоковедения, отбросившего все, что связано с первой тенденцией, и воспринявшего то лучшее, что характерно для второй, гуманистической, демократической тенденции. По указанию В. И. Ленина в 1922 г. была основана Всероссийская научная ассоциация востоковедения. Политика молодой Советской державы, выступившей против всех форм эксплуатации, национальной и расовой дискриминации, создала исключительно благоприятные условия для развития советской востоковедной науки.

Участие советских ориенталистов в составлении новых алфавитов и в развитии письменности, в изучении культурного наследия, практическое содействие созданию новой, социалистической культуры, подготовка национальных кадров интеллигенции — все это впервые в истории создало возможность для гармоничного сочетания теоретических исследований с практикой строительства новой, подлинно народной культуры на Востоке. «Традиционное» востоковедение, являвшееся монополией ученых Запада, полностью изжило себя в Советском Союзе еще в 30-х годах, когда в науку влились кадры молодых ученых советских республик Средней Азии и Закавказья, для которых исследование истории, культуры и языков Востока было, по существу, изучением их родной истории, родной культуры, родных языков. Наряду с Институтом востоковедения Академии наук СССР возникли новые центры по изучению востоковедных проблем: Тихоокеанский институт АН СССР, институты истории, литературы и языка союзных академий наук, институты востоковедения АН Узбекской и Азербайджанской ССР, отделы востоковедения в академиях наук других республик Средней Азии и Закавказья. Богатейшие фонды восточных рукописей были собраны в Ташкенте, Сталинабаде, Ереване и других городах.

В годы Великой Отечественной войны были созданы отделения Востока на историческом и филологическом факультетах Московского государственного университета (ныне преобразованы в Институт восточных языков), а также восточные факультеты Ленинградского, Среднеазиатского (в Ташкенте), Азербайджанского (в Баку) и Тбилисского университетов.

Пятидесятые годы ознаменовались выпуском большого количества научной продукции, более широкой и эффективной подготовкой научных кадров через аспирантуру, усилением координации востоковедческих исследований, укреплением и расширением сотрудничества между востоковедами Москвы и Ленинграда и национальными кадрами ориенталистов республик Советского Востока.

В 1956 г. работа Института востоковедения АН СССР была перестроена. Увеличилось число научных сотрудников, что дало возможность приступить к исследовательской работе по отдельным странам и отраслям, мало изучавшимся прежде. В частности, значительный успех достигнут в изучении проблем современной Африки.

Благодаря созданию специального Издательства восточной литературы, образованию ряда журналов и периодических изданий («Проблемы востоковедения», «Современный Восток» и другие) значительно расширены возможности публикации трудов ориенталистов, что способствует развитию востоковедной науки.

Внимание всех советских востоковедов, занимаются ли они историческим прошлым или современными проблемами стран Азии и Африки, направлено на выявление передовых национальных традиций того или иного народа, на изучение остатков старых общественных институтов, сохранившихся до наших дней, на определение того, что сейчас является пережитком далекого прошлого и мешает прогрессу, а что является передовым, подлинно народным, заслуживающим поддержки и дальнейшего развития.

Следует отметить две наиболее важные черты, характеризующие развитие советского востоковедения в последние годы. Во-первых, дальнейшее развитие наметившейся ранее отраслевой специализации востоковедов, сочетающейся с одновременным укреплением связи между учеными, специализирующимися в той или иной отрасли востоковедения (античниками, медиевистами, специалистами по новой и новейшей истории, экономистами, лингвистами, литературоведами и т. п.). Во-вторых, установление тесных контактов между советскими востоковедами и учеными стран Востока, которые по мере роста науки и культуры в их странах, добившихся государственного суверенитета, начинают играть ведущую роль в изучении своей истории, культуры и родных языков.

Эти особенности развития советского востоковедения привели к некоторым организационным и даже терминологическим изменениям. Были созданы два научных учреждения: Институт народов Азии и Институт Африки.

★

Основным на конгрессе в докладах советских ученых по проблемам новой и новейшей истории, а также современной экономики и идеологической борьбы на Востоке было утверждение идей марксистско-ленинского учения и разоблачение колониалистских концепций. Все выступления советских делегатов были глубоко аргументированы.

Некоторые реакционные ученые Запада, апологетически относящиеся к колониализму, не решались вступать в дискуссию по основным общественно-экономическим вопросам, а избирали объектом своих нападок главным образом отдельные события международной жизни. Подобного рода выступлениям давался отпор, что, как правило, побуждало тенденциозно настроенных ораторов приносить извинения, ссылаться на «непонимание» или чаще всего «недостаточное знание» материала.

Наиболее обстоятельно обсуждались проблемы нового и новейшего времени на секции Японии. Эти проблемы концентрировались вокруг трех узловых моментов: характер и движущие силы революции Мэйдзи; рабочее и крестьянское движение и социалистическая идеология; характер японского империализма и милитаризма и антиамериканская борьба в Японии на современном этапе. В постановке и обсуждении этих проблем отчетливо определились два направления: марксистско-ленинское и буржуазное. Последнее характеризуется идеалистическим подходом к объяснению исторических и идеологических процессов и даже прямой апологетикой экспансионизма.

По вопросам новой истории Японии, включая революцию Мэйдзи, было сделано шесть докладов: три советскими историками (А. Л. Галь-

перин, Г. И. Подпалова и Х. Т. Эйдус) и три японскими учеными-марксистами.

Советские и японские востоковеды-марксисты совместно выступили с возражениями по докладам голландца Х. ван Стреелена и американца Х. Кублина, в которых содержался ряд извращений по важнейшим вопросам идеологической борьбы в Японии XIX века.

На секции подробно были освещены вопросы современного рабочего движения и борьбы японского народа против империализма и ремилитаризации Японии. Им были посвящены доклады Сиро Тоёда — «Возрождение японского милитаризма и империализма», Масанори Хориэ — «О значении борьбы против японо-американского «договора безопасности» и о роли в ней рабочего класса Японии», Сёбэй Сиота — «Историческое значение борьбы японского народа против японо-американского «договора безопасности». Точка зрения советских ученых на особенности развития современного японского империализма была изложена в докладах М. И. Лукьяновой и Я. А. Певзнера. Советские исследователи полемизировали с некоторыми японскими учеными, из концепции которых мог быть сделан вывод, что после капитуляции Японии в стране как бы исчез японский империализм и он лишь теперь возрождается в связи с усилением монополий. В целом на секции доминировал, бесспорно, марксистский подход к освещению и истолкованию актуальных проблем Японии.

Острая идеологическая борьба развернулась на секции китаеведения. Основные проблемы исторического развития Китая были рассмотрены в докладах ученых Советского Союза, Чехословацкой Социалистической Республики и Германской Демократической Республики. Советские востоковеды, в частности, выступили с докладами: Л. В. Симоновская — «Две тенденции в феодальном обществе Китая позднего времени», Г. В. Ефимов — «Значение периода 70—90-х годов XIX в. в новой истории Китая», С. Л. Тихвинский — «Маньчжурское господство в Китае и партия реформ», В. П. Илюшечкин — «Аграрная политика тайпинов», Зигфрид Берзинг (ГДР) прочитал доклад «Телеграммы китайского консульства в Берлине времен проникновения немецкого империализма в Китай», А. Палат (Чехословакия) — «Ван Ань-ши и его эпоха».

Китаеведы СССР и ряда социалистических стран не только непосредственно выступали с докладами, но и вели активную полемику с некоторыми западными учеными, которые пытались идеализировать старый, феодальный Китай и опорочить народный Китай. Так, американец Ф. Г. Майкл и канадец Хэ Пин-ди сделали доклады о роли сословия джентри в истории Китая. Они пытались найти некоторые демократические элементы в феодальном регионализме и в средневековом институте джентри. Советские китаеведы Г. В. Астафьев и А. Г. Крымов в своих выступлениях сумели раскрыть реакционность этого положения и его научную несостоятельность. В заключительном слове ни Ф. Г. Майкл, ни Хэ Пин-ди не смогли опровергнуть ни одного возражения советских ученых.

Современным корейским проблемам было посвящено три доклада. По насущнейшему вопросу современной Кореи ученый Корейской Народно-Демократической Республики Ян Хен Соп сделал доклад «Борьба корейского народа за социализм и мирное объединение своей родины»; советский кореист И. С. Казакевич прочитал доклад о развитии капитализма в сельском хозяйстве на примере эволюции арендной системы; Г. Ф. Ким и Г. Д. Тягай — о советской литературе по истории и экономике Кореи.

Обсуждение проблем современной Монголии проходило весьма активно и вызвало оживленную дискуссию. На секции выступили с до-

кладами: профессор Шагдаржавын Нацокдоржи (Улан-Батор) — «Основные этапы развития МНР», профессор политических наук Мичиганского университета У. Баллис — «Исторические перспективы образования и развития МНР», Г. Мэрфи (Стэнфорд, США) — «МНР: дуалистическая экономика».

Монгольские и советские делегаты подвергли критике доклады У. Баллиса и Г. Мэрфи. Особенно блестящим было аргументированное, политически острое выступление профессора Пунцук-Норбо (МНР). Отметив ряд правильно изложенных У. Баллисом фактов из истории Монгольской народно-революционной партии и Монгольской Народной Республики, Пунцук-Норбо разоблачил клеветнический характер утверждения У. Баллиса об «экспорте революции» в Монголию. Пунцук-Норбо показал, что США неизменно проводили враждебную политику по отношению к МНР с момента ее образования. В замечаниях по докладу Г. Мэрфи, пытавшегося доказать, что экономическое развитие МНР якобы целиком определялось и определяется хозяйственными потребностями СССР, Пунцук-Норбо отметил беспочвенность такой точки зрения. Он подчеркнул равноправный, взаимовыгодный характер советско-монгольской торговли, огромную роль советской экономической помощи для Монголии. И. Я. Златкин и И. М. Майский указали на научную несостоятельность методологии У. Баллиса и Г. Мэрфи, на незнание ими фактического материала.

В дискуссии о Монголии выступил американский ученый О. Латтимор. Он сказал, что У. Баллис подходит к истории Монголии с учетом лишь внешних факторов, а советские и монгольские делегаты, по его мнению, акцентируют свое внимание на внутренних, и сделал отсюда вывод, что истина находится где-то посередине.

В заключительных словах У. Баллис и Г. Мэрфи пытались отмежеваться от официальной политики правительства США по отношению к МНР. В частности, Г. Мэрфи считает, что Монгольская Народная Республика должна занять свое место в ООН.

На секции истории Средней Азии советские ученые Ш. Б. Батыров и М. Р. Рыскулбеков говорили об огромных успехах, достигнутых Туркменской и Киргизской советскими социалистическими республиками в развитии национальных культур и экономики. Актуальность этих докладов не подлежит сомнению. Сейчас, в период неудержимого роста национально-освободительного движения, опыт советских республик имеет исключительно важное значение для бывших колоний и полуколоний. Положение народов, населявших окраинные районы бывшей царской России, почти ничем не отличалось от положения населения колоний: то же политическое бесправие, та же нищета и бескультурье. Только в условиях подлинной свободы, которую принесла победа Октябрьской революции, за четыре с небольшим десятилетия народы Советского Востока сделали поистине гигантские шаги в области развития экономики, культуры и народного благосостояния. На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев говорил: «Мы гордимся тем, что на опыте бывших окраин России доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран» [4].

При обсуждении на секциях конгресса докладов о достижениях советских восточных республик выяснилось, что некоторые ориенталисты до сих пор еще не знают о тех огромных переменах, которые произошли на Советском Востоке. Так, по докладу президента Академии наук Туркменской ССР Ш. Б. Батырова «К вопросу об образовании и развитии

[4] «Правда», 24 сентября 1960 года.

туркменской социалистической нации» крупный исламовед М. Низамуддин (Индия) отметил, что он знаком с туркменами лишь по книге В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского завоевания». Он сказал, что счастлив был узнать о происшедшем процессе консолидации туркменских племен в одну нацию. По докладу М. Р. Рыскулбекова «Переход киргизов от кочевого к современному социалистическому хозяйству» М. Низамуддин заметил, что впервые слышит о том, что киргизы, известные с давних пор как кочевники, перешли от кочевого уклада к социалистическому хозяйству.

Следует подчеркнуть, что ни на одном из происходивших ранее международных конгрессов востоковедов не было в повестке дня столь большого количества главнейших исторических тем и острых современных проблем. Советских востоковедов и ученых стран народной демократии в постановке важнейших современных проблем неизменно поддерживали ученые стран Востока и прогрессивные востоковеды Запада. Это свидетельствует о том, что коллективными усилиями прогрессивных деятелей науки можно многое сделать для дальнейшего развития востоковедения, внести большой вклад в дело победоносного национально-освободительного движения и строительства новой жизни в странах Азии и Африки.

Историко-экономические исследования западных ориенталистов, продолжающих стоять на старых позициях, во многом отстают от жизни, от развития науки, ибо эти ученые не учитывают реально происходящего процесса распада колониальной системы, а без учета этих условий современная востоковедная наука не может двигаться вперед. Так, западные буржуазные исследователи, по сути дела, не выступали по современным проблемам Арабского Востока, а доклад американца М. Халперна «Политические партии как инструмент модернизации в современной истории Северной Африки», восхвалявшего буржуазную партийную систему и не давшего какого-либо научного анализа затрагивавшихся проблем, вызвал единодушное осуждение прогрессивных востоковедов Запада и Востока. В секции индианистики единственный доклад по современным проблемам сделал Д. Торнер («Характер аграрного вопроса в современной Индии»). Он выступал за максимальную фактологию, против широких обобщений. Однако подобные мысли не получили поддержки у большинства делегатов, выступивших в прениях.

В то же время следует отметить, что доклады и выступления советских индологов (А. М. Дьякова, В. В. Балабушевича, К. А. Антоновой и других), так же как выступления советских востоковедов иных специальностей (А. А. Губера, Г. Л. Бондаревского, Н. С. Луцкой, Л. Р. Гордон-Полонской, Н. А. Халфина, А. Х. Бабаходжаева) по проблемам современности, вызвали живой интерес и были положительно оценены учеными стран Востока, а также поддержаны многими прогрессивными ориенталистами Запада.

XXV Международный конгресс востоковедов показал, что центральными проблемами новой и новейшей истории Азии и Африки являются: национально-освободительная борьба, пути решения насущных социально-экономических и научно-культурных вопросов развития стран Азии и Африки, принципиально новый характер взаимоотношений несоциалистических стран Азии и Африки со странами социалистического лагеря.

★

Проблемы древней и средневековой истории Востока обсуждались преимущественно на секциях египтологии, ассириологии, хеттологии, семитологии и византиноведения. Доклады, освещавшие эти проблемы, были весьма разнообразны. В них рассматривались социально-экономические проблемы, вопросы общественной истории, истории культуры

(искусство, литература, наука), религии, этнографии, языкознания (письмо, лексика, грамматика) и, наконец, вопросы, связанные с публикацией еще неизвестных науке текстов и новыми археологическими находками. Заседания секций проходили активно, что свидетельствует о большом интересе научных работников к поставленным докладам.

Зарубежные ученые были, конечно, в какой-то степени знакомы с исследовательскими работами советских востоковедов в области древней и средневековой истории и культуры, но нередко их осведомленность носила случайный и однобокий характер. Это, с одной стороны, объясняется тем, что до конгресса не было достаточно широких контактов советских и зарубежных востоковедов, а с другой — тем, что за редким исключением зарубежные ориенталисты не знают русского языка.

На конгрессе иностранные делегаты смогли убедиться в том, что советские востоковеды, отдавая предпочтение изучению проблем современности, вместе с тем ни на минуту не ослабляют своего внимания к древней истории и культуре Востока, памятуя, что именно Восток был колыбелью цивилизации.

На основе марксистской методологии, глубокого исследования многочисленных фактов и событий истории, в частности данных археологии и свидетельств источников, советские ориенталисты пришли к выводу, что пути развития стран Запада и Востока подчинены одним и тем же закономерностям всеобщего исторического прогресса, что Восток проходит через те же общественно-экономические формации, что и Запад. Определяя общие закономерности развития Востока и Запада, советские востоковеды не только не отрицают специфику развития отдельных народов Востока, но в ряде случаев они уже нашли объяснение этой специфики и вскрыли ее корни.

Советские историки в своих многочисленных исследованиях сумели доказать, что страны древнего Востока по типу своей социально-экономической структуры не могут быть отнесены к странам «извечного феодализма», что древневосточные общества на ранней ступени своего развития в основном были рабовладельческими, что эти страны, так же как и европейские, последовательно проходили разные этапы общественного развития.

Наряду с социально-экономической проблематикой советские ученые ведут интенсивную работу по изучению культур древнего Востока. Исследуется письменность, литература, религия, научные достижения, искусство.

Новые археологические раскопки, осуществленные советскими учеными, позволили по-новому осветить далекое прошлое Средней Азии. На основе этих раскопок установлено, что в VII—VI вв. до н. э. там начало складываться классовое общество, стали возникать города, создавались грандиозные сооружения. Очень интересны и важны результаты раскопок, произведенных в Закавказье, а также на территории Сибири и Алтая. Материалы этих раскопок показали, что здесь процветали культуры, находившиеся во взаимодействии с культурами древнего Востока. Советские ученые установили, что существовала связь между древними цивилизациями Ближнего и Дальнего Востока. Они доказали, что вся Азия в целом, а не только отдельные ее районы, была родиной древнейших цивилизаций мира.

Плодотворные результаты дало сотрудничество деятелей науки Москвы и Ленинграда с учеными национальных республик, в частности Средней Азии и Закавказья, в области медиевистики. Для изучения средневековой истории Ирана и так называемых «мусульманских» стран огромное значение имеют такие обобщающие коллективные труды по истории народов Средней Азии и Кавказа, как «История Узбекистана»,

«История Казахской ССР», «История Туркмении», «История Киргизии», «История Азербайджана» и другие.

В последние годы советские востоковеды уделяли большое внимание вопросу зарождения капиталистических отношений в странах Азии. Эта проблема связана с так называемым «отставанием» Востока от передовых стран Запада в период позднего средневековья. В некоторых трудах западных ученых это «отставание» трактуется как свидетельство некой «абсолютной застойности» восточного общества, мнимой неспособности народов Востока без содействия Запада перейти от «извечного феодализма» к более высоким формам экономической и политической организации.

Исследования, начатые покойным профессором И. М. Рейснером и продолженные другими учеными, опровергают это утверждение. Советским востоковедам удалось установить, что, несмотря на чрезвычайно разнообразные экономические и политические формы развития, в крупных странах Востока предпосылки зарождения капиталистических отношений складывались уже в XVI—XVII веках. Тщательному исследованию подвергались также причины, тормозившие социально-экономическое развитие Востока, в частности нашествия кочевых племен, феодальная деспотия, колониальная экспансия западных держав.

Большое значение для изучения древней и средневековой истории Востока имеет источниковедческая работа, которая широко ведется в научных учреждениях республик Советского Востока. Бережно собираются и описываются фонды восточных рукописей и исторических актов, издаются собрания документов, критические тексты и т. д.

В докладах иностранных ученых содержались важные и интересные сообщения о новых, еще не опубликованных текстах и археологических находках в странах древнего Востока, Египте, Двуречье, Малой Азии, на восточном побережье Средиземного моря, о неизученных и неизданных памятниках разных музеев и собраний. Все эти доклады вводили в обиход науки новые ценные и интересные источники.

С докладами о неизданных документальных и литературных текстах, хранящихся в советских музеях, выступили М. А. Коростовцев и Г. Глускина. О прочтении документов на согдийском языке с горы Муг (Таджикистан) и об их оценке сделали сообщения В. А. Лившиц, М. Н. Боголюбов и О. И. Смирнова. Источниковедческие и филологические доклады о рукописных памятниках советские ученые читали на разных секциях: византиноведения, иранистики, тюркологии, монголистики, арабистики, кавказоведения и др.

Несомненным свидетельством превосходства советской науки над буржуазной является систематическое исследование социально-экономических проблем на основе исторического материализма. Эти исследования оказывают серьезное влияние на ученых капиталистических стран.

Из докладов иностранных востоковедов, посвященных социально-экономической проблематике, следует отметить «Правовое положение кумранской общины» Г. Бардтке (ГДР), «Социальное расслоение в староаккадский период» И. Дж. Гельба (США), «Положение и обеспечение работников в Древнем Египте» М. Малинина (Франция). Последний подчеркнул, что он обратился к социально-экономической тематике под влиянием советской науки.

Единодушное одобрение секции получили доклады ленинградских египтологов Ю. Я. Перепелкина и О. Д. Берлева на социально-экономические темы древности. В этих докладах было уточнено значение ряда египетских социально-экономических терминов, которые различными исследователями понимались по-разному, что препятствовало правильному прочтению текстов.

С большим интересом был прослушан доклад С. П. Толстова «Приаральские скифы и Хорезм», в котором по-новому был освещен вопрос о соотношении «степи» и «оазиса» в истории Средней Азии.

После доклада профессора Ф. Хинце (ГДР) о результатах работ на территории Судана археологической экспедиции Египтологического института Берлинского университета имени Гумбольдта, изучившей важные для познания древней истории и культуры этой страны памятники, была принята резолюция об изыскании средств для дальнейшего финансирования охраны древних памятников Египта и Судана и расширения раскопок на этой территории.

Директор Французского археологического института в Каире и ряд других деятелей науки подняли вопрос об участи египетских памятников, которым грозит затопление в связи с возникновением в будущем «нубийского моря».

Важное место в работе конгресса заняли вопросы филологии. Содержание прочитанных докладов, а также характер развернувшейся по ним дискуссии позволяют сделать некоторые общие выводы об основных путях развития современной восточной филологии в различных странах.

Некоторыми зарубежными учеными, главным образом западноевропейскими и американскими, были зачитаны доклады и сообщения, связанные с тематикой «традиционного» востоковедения. Они затрагивали по преимуществу частные проблемы филологии, текстологии и источниковедения.

Московский конгресс продемонстрировал известный перелом, наметившийся за последние годы в мировой ориенталистике в области филологии. Большая часть докладов, связанных с филологической тематикой, была посвящена крупным и актуальным проблемам изучения современных языков и литератур народов Востока. Нужно отметить, что не только в СССР и в ряде социалистических стран Европы, прежде всего в ГДР и Чехословакии, но и в некоторых капиталистических странах Европы и в США, а также (что особенно важно) во многих странах Востока происходят важные сдвиги в развитии восточной филологии.

Советские ученые, как и ориенталисты социалистических стран, стремятся исследовать объективные закономерности развития языков и литератур народов Востока в неразрывной связи с общим историческим процессом. В докладах деятелей науки социалистических стран по-новому осмысливалось классическое наследие Востока. Интерес восточных ученых к изучению живых языков и современных литератур их стран, проявившийся как в докладах, так и в выступлениях на дискуссиях, отражал стремление народов стран Востока к национальной независимости, культурному и социальному прогрессу.

Знаменательным является тот факт, что некоторые известные западные исследователи, ранее занимавшиеся древностью и средневековьем, теперь приступили к изучению проблем современной восточной филологии. Так, американский специалист в области средневековой арабской литературы Х. Гибб выступил с докладом о современной арабской литературе, американский историк Стивен Хей сделал доклад о Рабиндранате Тагоре и т. д.

Доклады по вопросам восточной филологии зачитывались и обсуждались не только на специальных филологических заседаниях секций иранской филологии, арабской филологии, филологических подсекциях секций индианистики, китаеведения, африканистики, кавказоведения, но и на заседаниях комплексных секций (Юго-Восточной Азии, Японии, алтаистики и др.).

Бесспорное преимущество советских ученых перед коллегами из буржуазных стран Запада заключалось в том, что они представили филологические доклады, касающиеся проблем, имеющих важное научное и общественное значение. Именно это и вызвало наиболее оживленный обмен мнениями вокруг их выступлений. Особенно большое внимание ученых восточных стран и прогрессивно настроенных ученых стран Запада привлекали доклады И. С. Брагинского, Д. С. Комиссарова, А. М. Мирзоева, М. Г. Асланова, Н. А. Дворянкова, покойного Ю. Н. Рериха, И. Я. Ошанина, Л. З. Эйдлина, В. И. Беляева, Г. Ш. Шарбатова, И. М. Оранского, Е. П. Челышева, М. Ауэзова, В. М. Жирмунского, Н. А. Баскакова, С. К. Кенесбаева, Г. Д. Санжеева, А. С. Чикобава, А. С. Гарибяна, Е. А. Бокарева и многих других.

Крупным преимуществом советских востоковедов-филологов является также то, что большинство из них свободно владеет восточными языками. Это неоднократно отмечали виднейшие зарубежные ученые (В. Ф. Минорский, Норман Браун, С. К. Чаттерджи и др.).

В работе конгресса активное участие принимали молодые советские ученые-востоковеды. Их доклады и выступления были высоко оценены зарубежными делегатами. Это, несомненно, еще одно свидетельство успешного развития советского востоковедения.

Характерной особенностью, принципиально отличающей наше восточное литературоведение от буржуазного (сосредоточивающего главное внимание либо на исследовании отдельных классических литературных памятников, либо частных и нередко формальных сторон произведений древних авторов), является изучение литератур народов Востока в неразрывной связи с историей общества и с идеологической борьбой, стремление показать, как в литературе отражаются демократические, патриотические, освободительные идеи и прогрессивные идеалы народов Востока, исследование взаимодействия различных литератур. Например, интересный доклад Ю. Н. Рериха был посвящен проблеме эволюции индийского эпоса в Тибете, доклад С. Г. Арешяна и Г. Н. Овнана — проблеме армяно-европейских литературных связей и т. д.

Основной проблемой, связанной с внедрением историзма в литературоведческие исследования, является периодизация классической литературы, отказ от традиционной династической периодизации. Предложение о проведении международного симпозиума по этому вопросу было единодушно одобрено делегатами на секции иранской филологии.

В условиях роста национального самосознания народов Востока одной из важнейших проблем становится критическое осмысление культурного наследия прошлого народов Востока и установление правильных соотношений этого наследия и современности. Отсюда актуальность проблемы традиций и новаторства.

На конгрессе советские востоковеды-филологи работали в тесном контакте со своими коллегами из европейских социалистических стран. Как показала работа секций, а также многочисленные встречи и продолжительные беседы наших ученых с учеными социалистических стран, научно-исследовательская деятельность в области изучения восточной филологии в этих странах развивается в основном в том же направлении, что и в СССР. В дальнейшем важно улучшить координацию работы ученых всех социалистических стран.

Одной из особенностей развития восточной филологии в социалистических странах Европы является рост интереса ведущих ученых к проблемам современности. Так, в большинстве докладов о литературе, сделанных научными работниками ГДР и Чехословакии, рассматривались актуальные проблемы развития современной восточной литературы. В этих докладах были поставлены вопросы о самобытности национальных литератур народов Востока, об их неразрывной связи с национально-

освободительным движением, о развитии в них прогрессивных тенденций. В этом отношении наиболее интересными были доклады Я. Прушека (Чехословакия) — «Некоторые проблемы изучения новой китайской литературы» и И. Петерса (ГДР) — «Взгляды Лу Синя на взаимоотношение литературы и революции в 1927—1930 гг.».

Некоторые ведущие востоковеды социалистических стран Европы, еще несколько лет назад плодотворно занимавшиеся вопросами древней филологии, представили доклады, связанные с современной тематикой. Подобная тенденция проявилась и в области изучения восточных языков. В большинстве докладов ученых социалистических стран Европы, посвященных восточным языкам, затрагивались проблемы языкового строительства в странах Востока.

Многочисленные ученые-филологи стран Востока, участвовавшие в работе московского конгресса, несмотря на то, что они принадлежат к различным школам и направлениям, в массе своей активно поддерживали советских востоковедов. Среди ученых восточных стран, принимавших участие в работе конгресса, были представители трех направлений: последователи так называемой традиционной ортодоксальной восточной школы, отрицательно относящиеся к любым попыткам критического подхода к незыблемым канонам; исследователи, стремящиеся сочетать «традиционные» и современные методы исследования (таких было большинство на конгрессе); и, наконец, ученые, применяющие в своей научной деятельности марксистско-ленинскую методологию.

Опыт XXV Международного конгресса показал, что советские исследователи успешно сотрудничают с учеными стран Востока. В научных дискуссиях с западными буржуазными востоковедами советских ориенталистов поддерживали не только прогрессивные восточные ученые, но и ученые старой, традиционной школы, которых привлекает глубина, широта и объективность советских исследований.

За время работы конгресса были установлены многие полезные контакты, расширены старые связи, намечены конкретные программы совместных исследований советских и зарубежных востоковедов-филологов.

XXV Международный конгресс ориенталистов показал, что советское востоковедение является мощным и передовым отрядом мировой востоковедческой науки. Впервые за всю историю ориенталистики советское отечественное востоковедение было представлено на конгрессе во всех его отраслях научными исследованиями, осуществленными на основе марксистско-ленинской методологии. Советские ученые выступали с докладами, содержание которых охватывало проблемы древней, средневековой, новой и новейшей истории, вопросы экономики, идеологии и культуры, а также языкознания и филологии. В этих докладах не только обобщались итоги многолетней работы советских востоковедов, но и было предложено решение целого ряда новых проблем востоковедческой науки. Зарубежные гости имели также возможность ознакомиться с последними советскими изданиями по истории, экономике, культуре, филологии и т. д., которые были представлены на книжной выставке.

Обсуждение на конгрессе актуальных проблем дало возможность установить, что в связи с победой национально-освободительного движения в Азии и Африке востоковедческая наука не может не уделять серьезного внимания проблемам современности. Конгресс с особой ясностью и убедительностью показал, что окончательная победа нового, прогрессивного в ориенталистике теснейшим образом связана с деятельностью ученых стран Азии и Африки. Будущее востоковедения в руках научных деятелей стран Востока. Востоковеды Запада должны всемерно участвовать в этом важнейшем деле, помогать ученым Востока, активно сотрудничать с ними. Взаимное сотрудничество ученых Запада и Востока обогатит народы огромными духовными ценностями.

В этом отношении примечателен тот факт, что ученые-востоковеды единодушно решили провести очередной XXVI Международный конгресс востоковедов в Индии.

Одно из важнейших достижений конгресса — упрочение контактов Востока и Запада, связей между учеными, которые придерживаются различных общественно-политических взглядов.

Дружная, плодотворная работа научной ассамблеи востоковедов служит ярким свидетельством того, что для прогресса науки жизненно необходима ликвидация опасности новой мировой войны.

Московский конгресс востоковедов знаменует новый этап в развитии мировой ориенталистики. Зарубежные востоковеды высоко оценили его деятельность. Так, профессор Д. Сайнор (Англия) на заключительном пленарном заседании, обращаясь к делегатам, сказал: «Сегодня мы с вами присутствуем на закрытии XXV конгресса востоковедов, который, я уверен, мы все считаем огромным успехом в нашей работе. Наша работа здесь была действительно очень успешной. Это был либеральный конгресс, научный конгресс, дискуссии были свободными, и все делегаты, которые прибыли сюда, прибыли, чтобы чему-то научиться, а не только учить других. Конгресс был не только успешным, но и приятным в результате его блестящей организации нашими гостеприимными хозяевами».

Эти слова являются ответом всем клеветническим предсказаниям западной буржуазной печати, о которых говорилось в начале статьи. Конгресс показал, что принципиальное, дружеское сотрудничество и взаимопонимание приведут к победе прогрессивной линии в востоковедении. Эта линия отражает величие самой жизни, исторической действительности, и она победит, так как победа прогрессивного, нового — закон общественного развития.

ОБ ОБЩИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

П. В. Волобуев

Вопрос о закономерностях победы Великой Октябрьской социалистической революции является одним из коренных вопросов советской исторической науки[1]. Актуальность его всестороннего научного исследования обусловлена тем, что исторические условия, формы и методы революционного переустройства в СССР — первой стране победившего социализма — находятся в центре внимания ученых и общественных деятелей всего мира, а проблема закономерности перехода от капитализма к коммунизму является объектом нарастающей идеологической борьбы.

В современной буржуазной историографии и социологии до сих пор господствует концепция, согласно которой Октябрьская революция была якобы исторической аномалией, следствием стихийного стечения обстоятельств, то есть явлением незакономерным. Многие зарубежные буржуазные историки и социологи в объяснении причин победы Октябрьской революции все еще оперируют идеями о ее «случайном» характере, сводят их к специфическим русским условиям, к особенностям «русской души», «просчетам» Временного правительства, «ошибкам» союзников, успешному «заговору» большевиков[2]. В частности, для работ В. Чемберлина,

---

[1] К сожалению, эта проблема незаслуженно мало разрабатывается в нашей историографии, и, как правило, ее затрагивают только в связи с освещением экономических и политических предпосылок Октябрьской революции. Из работ теоретического или обобщающего характера можно назвать следующие: Г. Н. Голиков. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. «Коммунист», 1955, № 16; А. Л. Сидоров. Экономические предпосылки социалистической революции в России. «История СССР», 1957, № 4; М. М. Гуревичов. Обоснование В. И. Лениным исторической необходимости социалистической революции в России. «Сборник научных работ кафедр общественных наук вузов г. Харькова». Вып. 2. Харьков. 1957; С. А. Скородум. В. И. Ленин об экономических и политических предпосылках Октябрьской революции. «Ученые записки» Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков. Т. XVII, 1957; Я. П. Петров. Экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. «Научные записки» Всесоюзного заочного экономического института. Вып. 3. М. 1957; А. П. Швецов. В. И. Ленин об экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции. «Ученые записки» Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Т. 63. Выпуск экономический. 1958; П. В. Волобуев. Победа Октябрьской революции — результат закономерного развития истории. «Коммунист», 1959, № 15; кандидатская диссертация Н. Абишева «Экономические и политические закономерности Великой Октябрьской социалистической революции в России». М. 1954. Среди работ, в которых обстоятельно рассматриваются закономерности победы Октябрьской революции, выделяется недавно вышедшая книга Ю. А. Красина «Ленинская теория социалистической революции». Л. 1960. Более или менее подробно рассматривается этот вопрос в книгах и брошюрах, посвященных истории революции, стратегии и тактике Коммунистической партии и т. п.

[2] Настоящая статья не ставит перед собой задачу дать обстоятельный анализ современной буржуазной историографии по вопросу о причинах победы Октябрьской

Э. Карра, Г. фон Рауха, А. Мейера и др.[3] характерно отрицание Октябрьской революции как закономерного акта поступательного развития человеческого общества.

Вместе с тем в последние годы в буржуазной социологии наблюдается и нечто новое. Часть буржуазных идеологов, вынужденная считаться со всемирно-историческими успехами социализма в СССР и странах народной демократии, начинает отходить от примитивных представлений о коммунизме. Коммунизм трактуется теперь ими как одна из форм организации общества в современную «эпоху индустриализма», которая возможна и допустима в отдельных странах, но будто бы не является необходимой ступенью в развитии всего человечества, всех стран мира[4].

Правосоциалистическая историография и социология, перепевая «доводы» Суханова, Каутского и Отто Бауэра о «незрелости России» для социализма, также отказываются «признать» Октябрьскую революцию закономерным актом исторического развития. Ее представители, например, Ф. Штернберг, Д. Стрэчи[5], силятся доказать, что социалистическая революция в России произошла не «по Марксу». По их мнению, с точки зрения марксистского учения в России — стране отсталой и ввиду этого не имевшей предпосылок для социализма — могла произойти лишь аграрная, буржуазная, но никак не социалистическая революция. Наиболее рьяные поборники пресловутого «демократического социализма» все еще тщатся доказать, будто бы Октябрьская революция — «не нормальный» этап на пути к социализму[6].

Однако более чем 40-летний исторический опыт доказал полную несостоятельность реформистских домыслов о «незрелости» России для социализма и практически подтвердил жизненность марксистско-ленинского учения о закономерности социалистической революции. Правосоциалистическим теоретикам становится все труднее и труднее писать о «незакономерном» характере Октябрьской революции. Им приходится всячески изворачиваться, маневрировать, переходить к более тонкой фальсификации в вопросе о причинах победы Октября. Излюбленным приемом такой фальсификации является изображение социалистической революции в нашей стране не как результата действия общих закономерностей перехода к социализму, а как порождения специфических национальных особенностей России. Таким путем реформистские теоретики и историки пытаются доказать, будто революционный переход к социализму был возможен и «допустим» только в таких странах, как Россия или Китай. С точки зрения этих «теоретиков», социалистические революции, диктатура пролетариата являются уделом только отсталых стран Востока, а «передовому» Западу предстоит «мирная трансформация» капитализма в социализм. Подобные модные в реформистских и ревизионистских кругах идеи проповедовал, в частности, видный лейбористский историк Д. Коул. Разделяя все старые каутскианские вымыслы об экономической «незрелости» России для социализма и «несоциалисти-

---

революции. На эту тему за последнее время опубликован ряд статей советских авторов; кроме того, ей была посвящена специальная сессия Научного совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Автора настоящей статьи интересовали лишь основные тенденции трактовки этой проблемы в буржуазной и реформистской литературе.

[3] W. H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921. Vol. I. New York. 1935; Ed. H. Carr. The Bolshevik Revolution. 1917—1923. Vol. I. New York. 1951; Georg von Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden. 1955; Alfred G. Meyer. Leninism. Cambridge. Massachusetts. 1957.

[4] H. Fisher. American Research on Russia. Blumington. 1959.

[5] Fritz Sternberg. Marx und die Gegenwart. Köln. 1955; J. Strachey. Contemporary capitalism. London. 1956.

[6] См., например, брошюру группы французских «левых» социалистов. I. Craipeau. La Revolution qui vient. Paris. 1957.

ческом» характере Октябрьской революции, он вынужден был вместе с тем признать, что в России революция была необходимым условием для ее социального преобразования и прогресса[7].

Нетрудно видеть, что за этим «признанием» неотвратимости победы социалистической революции в России скрывается в конечном счете все то же отрицание ее исторической закономерности, отрицание, отражающее страх империалистической буржуазии перед неумолимостью законов революционного крушения капитализма.

Нельзя не отметить, что в вопросе о причинах победы Октябрьской революции современная буржуазно-реформистская историография переживает своеобразный «кризис аргументации»: из одной и той же посылки — отсталости дореволюционной России — делаются прямо противоположные выводы: в одном случае — о незакономерности революции, в другом — о ее правомерности.

Новейшей формой фальсификации закономерностей социалистической революции являются писания современных ревизионистов типа американцев Д. Гейтса и А. Биттелмена, канадца Д. Солсберга, итальянца А. Джолитти, югославских ревизионистов[8], которые отрицают закономерность Октябрьской революции.

Непомерно раздувая значение национально-исторических особенностей отдельных стран и связывая только с ними возможность перехода от капитализма к социализму, ревизионисты тем самым фактически отрицают общие закономерности социалистической революции, всячески умаляют международное значение Октябрьской революции и ее опыта. По их мнению, Октябрьская революция — проявление особого, «русского пути» к социализму.

В подобных утверждениях нет ни грана правды. Сама жизнь и прежде всего победа социализма в СССР, возникновение и успехи мировой социалистической системы, в основе которых лежат общие для всех стран закономерности революционного крушения капитализма и строительства социализма, опровергают буржуазно-реформистские и ревизионистские концепции о причинах победы Октябрьской революции и дают в руки марксистов-ленинцев неоспоримые аргументы для борьбы с ними. Незаменимым теоретическим оружием в этой борьбе является богатейшее ленинское идейное наследство по вопросам истории и теории социалистической революции в нашей стране. В трудах В. И. Ленина дано глубокое теоретическое обоснование коренных причин и исторических условий победы Октябрьской революции, методов и форм революционной борьбы, международного значения революции. Ленинские идеи — сильнейшее оружие в борьбе как против правооппортунистического умаления всемирно-исторической роли Октябрьской революции, так и против догматического, механического копирования выработанных в 1917 г. форм и методов борьбы пролетариата за власть коммунистическими и рабочими партиями других стран.

Марксисты-ленинцы располагают также решениями XX и XXI съездов КПСС и Декларацией Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1957 г.). Эти документы в свете исторического опыта строительства социализма в СССР и странах народной демократии обобщают основные закономерности социалистической революции и социалистического строительства и тем самым наносят удар по ревизионистам.

Таким образом, обращение к конкретному опыту Октябрьской революции, дальнейшее изучение ее закономерностей имеют не только научно-познавательное, но и политическое значение.

---

[7] Г. Д. Г. Коул. Капитализм в современном мире. М. 1958.

[8] Подробнее о взглядах этих ревизионистов и обстоятельную критику их см., например, А. Бутенко. Основные черты современного ревизионизма. М. 1959.

★

Объективная неизбежность смены капитализма социализмом была задолго до Великой Октябрьской социалистической революции научно обоснована и доказана основоположниками марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс установили, что капитализм, развив в невиданной прежде степени производительные силы и придав всему производству общественный характер, тем самым подготовил материальные предпосылки для перехода к более высокой и прогрессивной общественно-экономической формации — социализму. В недрах капитализма назревает конфликт между производительными силами и устаревшими производственными отношениями, конфликт, являющийся экономической основой социалистической революции. Вместе с тем капитализм создает в лице пролетариата общественную силу, способную разрешить этот конфликт, ликвидировать отживший капиталистический строй и проложить путь к социализму. Осознание пролетариатом своих революционных задач К. Маркс и Ф. Энгельс считали необходимой политической предпосылкой социалистической революции.

В объективном характере конфликта между производительными силами и производственными отношениями, в имманентной необходимости его революционного разрешения пролетариатом как носителем нового, более высокого способа производства и выражается закономерность социалистической революции, призванной освободить производительные силы от сковывающих их развитие капиталистических производственных отношений.

Переход на рубеже XIX—XX вв. домонополистического капитализма к империализму, означавший громадный шаг в обобществлении производства и обостривший все противоречия капитализма, решающим образом приблизил социальную революцию пролетариата, выдвинув ее как практическую задачу.

В. И. Ленин на основе творческого развития марксизма создал новую теорию социалистической революции, открыл те ее закономерности, которые были обусловлены наступлением эпохи империализма, и важнейшую среди них — неизбежность победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой стране. Рассматривая вопрос о предпосылках социалистической революции, В. И. Ленин пришел к выводу, что в условиях империализма вся мировая система капитализма созрела для социалистической революции. Но отдельным капиталистическим странам, составляющим мировую систему империализма, присущи свои, специфические экономические и политические черты, отражающие особенности их исторического развития. Причем свойственная периоду империализма неравномерность, скачкообразность развития капиталистических стран не сглаживает, а, напротив, усиливает разнообразие и различие в развитии тех или иных сторон капитализма, рабочего и демократического движения в разных странах.

Подчеркивая единство внешних и внутренних условий для возникновения социалистической революции, В. И. Ленин писал: «Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин» [9].

В основе социалистической революции лежат, таким образом, общие закономерности общественного развития эпохи империализма. Однако они никогда и нигде не действуют, так сказать, в «чистом» виде, а проявляются через национальные особенности той или иной страны. Эти особенности накладывают свой отпечаток на характер проявления общих

---

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 506.

закономерностей, обусловливая их конкретно-исторические формы, темпы проявления.

Октябрьская революция была подготовлена всем предшествовавшим развитием русского капитализма, являвшегося одной из самых крупных национальных систем мирового империалистического фронта. Говоря о том, что «нас подвело к самой социалистической революции», В. И. Ленин указывал: «Нас подвел империализм, нас подвел капитализм в его первоначальных товарнохозяйственных формах»[10].

Россия позднее передовых европейских стран вступила на путь капитализма. Однако в силу неравномерности капиталистического развития она одновременно с ними на рубеже XIX—XX вв. перешла к империализму. Уже накануне первой мировой войны монополистический капитал в лице синдикатов, трестов, банков и т. п. стал решающей силой в экономике страны. Занимая главенствующее место в ее ключевых отраслях (тяжелая индустрия, кредит), он тем самым господствовал в хозяйственной жизни России. Причем при абсолютно меньшем числе капиталистических монополий охват крупнейшими из них внутреннего производства и рынка обеспечивал им такую силу экономического владычества, какой могли тогда позавидовать даже монополисты Запада. Показательно, например, всесилие «Продамета», нефтяных трестов, военно-промышленных монополий, синдикатов транспортного машиностроения и т. д. Можно считать доказанным, что по степени монополизации промышленности Россия в то время превосходила Францию и Англию и уступала лишь США и Германии. При этом следует иметь в виду, что в России относительный вес крупной промышленности (в большинстве своем монополизированной) был по крайней мере в 3 раза выше, чем в Германии и США[11].

Общеизвестен также факт более высокой концентрации русской промышленности по сравнению с промышленностью Германии и США. Даже некоторые буржуазные экономисты (например, Л. Б. Кафенгауз) еще до войны вынуждены были признать, что тяжелая промышленность России по степени концентрации и монополизации была вполне подготовлена к национализации и обобществлению[12].

По уровню концентрации банков Россия стояла впереди главных капиталистических стран Западной Европы. Так, в 1914 г. доля 8 крупнейших петербургских банков в совокупном капитале всех банков (по основным пассивам) составляла 61%, тогда как в Германии доля 8 берлинских банков — менее 50%, а в Англии и того меньше[13].

Выделившаяся горстка всесильных монополий и крупных банков при поддержке царизма хищнически эксплуатировала и грабила трудящиеся массы страны. Для трудящихся их гнет стал особенно нестерпимым, породив глубокие противоречия между финансово-монополистической олигархией и большинством народа.

Известный шаг вперед капитализм сделал и в сельском хозяйстве, особенно в период столыпинщины.

В условиях мировой войны монополистический капитализм стал перерастать в государственно-монополистический. Как и в других воевавших странах, хотя с запозданием и более робко, в России стало вводиться государственное регулирование важнейших отраслей хозяйства, регламентироваться производство, распределение продукции и т. д.

---

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 148.

[11] С. Г. Струмилин. Забастовки и революция. «Материалы по статистике труда». Вып. 9. М. 1920, стр. III. Это видно хотя бы из того, что в России на предприятиях с числом рабочих свыше одной тысячи было занято около 1/4 всего количества рабочих, то есть относительно втрое больше, чем в Германии. Но и абсолютное число рабочих на таких предприятиях в России было больше, чем в Германии.

[12] Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности. М. 1910, стр. 233.

[13] И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М. 1948, стр. 184—185.

Государство превратилось в главного потребителя промышленной, а в значительной мере и сельскохозяйственной продукции. Для ослабления губительного влияния войны и в интересах укрепления господства капитала оно вынуждено было взять в свои руки руководство такими отраслями промышленности, как металлургия, топливо, ткани и т. п., централизуя тем самым хозяйство и создавая условия для его ведения в общегосударственном порядке. Развитие государственно-монополистических форм экономики способствовало усилению материальных предпосылок социализма.

Переход к государственно-монополистическому капитализму означал, что Россия, несмотря на свою экономическую отсталость, достигла в решающих отраслях экономики наивысшего, возможного при сохранении частной собственности уровня обобществления труда. Это положение было для Ленина, для большевиков еще одним аргументом в пользу необходимости и обоснованности социалистической революции. «Мы,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— достигли теперь этой ступени развития мировой экономики, и она является непосредственным преддверием к социализму» [14]. Наступило то состояние, при котором «капиталистические отношения... доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот» [15].

Громадные социально-экономические последствия имело также ускорение развития капитализма в сельском хозяйстве страны в годы войны. Оно привело, с одной стороны, к укреплению позиций крестьянской буржуазии, а с другой — к резкому ухудшению положения трудового крестьянства. Это обстоятельство послужило объективной основой для размежевания классовых сил в деревне и сплочения беднейшего крестьянства вокруг пролетариата накануне и в ходе социалистической революции.

Капиталистическая экономика России никогда не отличалась однородностью. В период империализма в силу обострения неравномерности развития отдельных отраслей она стала представлять еще более пеструю картину. «...Самое отсталое землевладение, самая дикая деревня— самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» [16] — такова данная В. И. Лениным поразительно точная характеристика дореволюционной российской действительности и ее главных противоречий.

Оставаясь отсталой, преимущественно аграрной страной, Россия намного уступала передовым странам Запада в отношении степени развития производительных сил. Она стояла также позади их по общему уровню капиталистического развития, широте и действенности государственно-монополистического капитализма. Поэтому дореволюционная Россия в целом может быть отнесена к числу стран со средним уровнем капиталистического развития. В известных замечаниях на книгу Бухарина В. И. Ленин охарактеризовал капиталистическую экономику России как «среднеслабую» [17].

Конкретная диалектика исторического развития России была, следовательно, такова, что, будучи одной «из самых отсталых европейских стран», она вместе с тем была страной с «капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии...» [18]. В решающих звеньях экономики, имевших непосредственно практическое значение для революционного пролетариата, в отношении организационных форм капитализма (концентрация производства, монополии, банки и т. п.) Россия стояла, как было показано выше, на уровне передовых стран. В конце 1917 г. даже орган русской монополистиче-

---

[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 350.
[15] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1950, стр. 263.
[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 406.
[17] См. «Ленинский сборник» XI, стр. 397.
[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 361; т. 18, стр. 58.

ской буржуазии журнал «Промышленность и торговля» вынужден был признать: «Без всяких преувеличений можно сказать, что сила и размах социалистического движения в современной России целиком определяется тем сравнительно, в сущности, очень высоким уровнем капиталистического развития, которого достигла за последние десятилетия наша страна»[19].

Итак, коренные противоречия русского капитализма стали объективной основой Октябрьской революции. Производительные силы страны, главным образом в промышленности, пришли в противоречие с капиталистическими производственными отношениями. Конкретным проявлением этого конфликта в экономике страны явилась хозяйственная разруха в годы войны. Бессилие русской буржуазии (в период ее пребывания у власти) в борьбе с разрухой свидетельствовало об утрате ею каких-либо способностей к дальнейшему руководству общественным производством. В связи с этим В. И. Ленин указывал, что в условиях 1917 г. невозможно было вести успешную борьбу с разрухой, «не покидая почвы буржуазных отношений, не переходя к революционным мерам...»[20].

В России, кроме того, был налицо конфликт между развивающимися производительными силами и старыми, полукрепостническими производственными отношениями, являвшийся основой буржуазно-демократической революции. Но и этот конфликт мог быть разрешен только пролетарской революцией, ибо монополистический капитализм так тесно сросся и переплелся с остатками феодализма, что устранение последних стало невозможным без ликвидации господства капитала.

Исходя из учета реального состояния страны, В. И. Ленин в Апрельских тезисах выдвинул конкретный план борьбы за победу социалистической революции. Он, как никто, видел, что Россия экономически созрела для социализма, что в стране есть необходимый минимум материальных предпосылок для перехода к социализму. Вопрос об экономических предпосылках революции был предметом ожесточенной идейно-теоретической борьбы В. И. Ленина с меньшевиками, а также отдельными большевиками, скатывавшимися на полуменьшевистские позиции. Ссылки на отсутствие якобы в России материальных предпосылок для социализма[21], спекуляция на вопросе об отсталости России — экономической и культурной,— о низком уровне развития ее производительных сил являлись излюбленным доводом меньшевиков против социалистической революции. «Россия — страна отсталая, бедная, со слабо развитой промышленностью, с немногочисленным пролетариатом. Поэтому Россия еще далека от социализма»[22],— говорилось, например, в опубликованной 25 октября 1917 г. (!) «избирательной платформе» меньшевиков на выборах в Учредительное собрание.

Известно, что подобные же антиленинские идейки проповедовали и оппортунисты внутри нашей партии. Каменев, выступая против Апрельских тезисов, а затем позднее, накануне Октябрьского вооруженного восстания, против взятия власти Советами, утверждал, что Россия еще «не готова» к социализму. Рыков на Апрельской конференции заявил об отсутствии в России объективных условий для социалистической революции и о необходимости ждать инициативы Запада[23]. На VI съезде партии такого же

---

[19] «Промышленность и торговля». 1917, № 46, стр. 334—335.

[20] В. И. Ленин. Соч., Т. 23, стр. 314—315; см. также т. 25, стр. 92—93.

[21] Как свидетельствует Суханов, после речи В. И. Ленина, изложившего Апрельские тезисы, лидер меньшевиков Церетели, выступая на собрании 4 апреля 1917 г., пытался доказать их ошибочность ссылкой на отсутствие «объективных предпосылок» для социалистического переворота в России (Н. Суханов. Записи о революции. Кн. 3. Берлин. 1922, стр. 40).

[22] «Рабочая газета», 25 октября 1917 года.

[23] См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы». М. 1958, стр. 107.

рода взгляды развивали Бухарин, Преображенский и другие оппортунисты [24].

Разоблачая предательство меньшевиков, В. И. Ленин показал, что дело должно сводиться не к выискиванию тех или иных признаков никому не ведомого «уровня развития производительных сил и культуры», необходимого для социализма, путем абстрактно-теоретических построений и шаблонных ссылок на западноевропейский образец, а к анализу и учету действительного состояния всей суммы объективных и субъективных условий. В. И. Ленин поставил вопрос об экономических предпосылках социалистической революции в нашей стране на твердую почву конкретного изучения реальной действительности и революционной практики масс. Он прежде всего подверг тщательному исследованию итоги развития монополистического капитализма в России, изложив результаты исследования в своих замечательных работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть?».

В этих работах В. И. Ленин показал конкретные формы проявления зрелости России для социализма: наличие основ современного материального производства (промышленность, железные дороги и т. п.), наличие синдикатов, трестов и крупных банков, обобществивших и централизовавших производство и распределение важнейших продуктов, наличие известного аппарата государственно-капиталистического контроля и регулирования. Тем самым В. И. Ленин разоблачил меньшевистские доводы, убедительно доказав, что социализм в России «смотрит на нас через все окна современного капитализма...» [25]. В. И. Ленин пророчески писал: «Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п., когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих тормозит капитализм; когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых,— когда есть налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции» [26].

Отбросив, как антимарксистские, представления меньшевиков о наличии будто бы прямой, механической связи между высоким уровнем развития производительных сил и социалистической революцией в каждой, отдельно взятой стране и установив, что для ее победы достаточно известной высоты развития капитализма [27], В. И. Ленин тем самым обосновал одну из важнейших общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, блестяще подтвержденную опытом Октябрьской революции и революциями в странах народной демократии.

Что касается экономической отсталости России, то В. И. Ленин задолго до Октября охарактеризовал ее как одну из важнейших особенностей капиталистического развития страны и вскрыл ее причины. Вместе с тем В. И. Ленин в отличие от меньшевиков не абсолютизировал отсталости страны, не покрывал ею все сложное и противоречивое многообразие живой действительности и не считал ее, подобно народникам, «благом», «счастливым даром», а рассматривал глубоко диалектически, как реальный элемент реальной жизни страны того времени. В. И. Ленин указывал,

---

[24] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М. 1958, стр. 111, 250.

[25] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 333.

[26] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 104.

[27] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 242; т. 33, стр. 437—438; «Ленинский сборник» XI, стр. 397.

что отсталость России была относительной отсталостью империалистической страны и такой особенностью, которая ни в чем существенном не изменяла природы русского капитализма. В. И. Ленин писал, что «основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране...» [28].

Поэтому клеветой на Ленина и грубым извращением его взглядов являются утверждения некоторых буржуазных социологов, будто В. И. Ленин считал отсталость «решающим фактором» социалистической революции и делал основную ставку на отсталые страны [29].

В теоретическом обосновании неизбежности социалистической революции в нашей стране громадное значение имеет ленинский анализ тех особенных причин (национальных особенностей и конкретно-исторических условий развития страны), в силу которых пролетарская революция раньше всего началась и победила в России. Тезис Ленина: «...По сравнению с передовыми странами русским было легче начать великую пролетарскую революцию» [30] — направляет наше внимание в сторону того особенного в историческом развитии России, что способствовало победе Октябрьской революции. В. И. Ленин подчеркивал, что «только особенная слабость, отсталость капитализма и особенно стеснительные военно-стратегические обстоятельства создали то, что нам пришлось ходом событий занять место впереди других отрядов, не дожидаясь, пока эти отряды подойдут, поднимутся». Эту мысль Владимир Ильич повторял неоднократно. Так, касаясь политической стороны, он писал: «Не наша воля, а исторические обстоятельства, наследие царского режима, дряблость русской буржуазии,— вот что сделало то, что этот отряд (русский пролетариат.— *П. В.*) оказался впереди других отрядов международного пролетариата, и не потому, что мы этого хотели, а потому, что этого потребовали обстоятельства» [31].

Внутренняя слабость русского монополистического капитализма проистекала из того, что, будучи оплетен пережитками отсталых, докапиталистических отношений, он существовал и развивался на основе не только «старокапиталистических», но и докапиталистических форм хозяйства. Устарелые формы хозяйства, и прежде всего остатки крепостничества, сужали внутренний рынок, подрывая экономическую основу для широкого и свободного развития капитализма. Однако русский капитализм не столько перестраивал эти устарелые формы хозяйства на буржуазный лад, сколько, переплетаясь и сращиваясь с ними, использовал отсталые производственные отношения. Тем самым монополистический капитализм, возвышавшийся в виде горстки всесильных монополий и банков как надстройка над такой капиталистической экономикой, своим гнетом и «сожительством» с докапиталистическими формами хозяйства в громадной степени обострил все имевшиеся в стране противоречия.

По этой же причине русский капитализм так и не решил своей главной исторической задачи — индустриализации страны и создания собственной высокоразвитой материально-производственной и технической базы, являющейся фундаментом и главным источником силы капиталистического строя. Отсюда его сравнительная внутренняя непрочность, слабость и неустойчивость. Загнивание же капитализма на монополистической стадии развития показало, что русский капитализм, как и предвидели марксисты, отцвел, «не успевши окончательно расцвесть» [32].

---

[28] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 88; см. также т. 24, стр. 273; т. 25, стр. 181.

[29] A. G. Meyer. Указ. соч., стр. 259—264.

[30] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 284; см. также т. 27, стр. 76, 150, 259; т. 31, стр. 45.

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 118; т. 27, стр. 341.

[32] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. II. М. 1956, стр. 353.

Одним из важнейших показателей общей слабости русского капитализма было то, что он так и не утвердился в сельском хозяйстве в качестве господствующей системы. «Но в России,— писал В. И. Ленин в 1908 г.,— далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки» [33]. Остатки крепостничества, прежде всего помещичье землевладение, в громадной степени тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве. Вот почему вплоть до 1917 г. в сельском хозяйстве Европейской России господствовали полукрепостнические производственные отношения [34]. Сохранение в эпоху империализма таких отсталых отношений породило одно из самых глубоких и острых противоречий российской экономики — противоречие между ростом капитализма в деревне и крепостническими, феодальными формами землевладения. В то же время развитие капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому пути» в громадной степени усиливало бедствия крестьянских масс, страдавших от полукрепостнической эксплуатации. Этот двоякий процесс делал неизбежной буржуазно-демократическую революцию.

Ослаблению русского монополистического капитализма способствовало также то обстоятельство, что он не располагал в широких масштабах, как западный, таким источником накопления, как грабеж колоний. Это ограничивало возможности русских капиталистов подкупать известные слои населения и тем сглаживать остроту классовых противоречий внутри страны. Эксплуатация русским капиталом и царизмом национальных окраин России хотя и обогащала русских капиталистов и помещиков, однако в силу ряда причин не давала тех баснословных прибылей, какие выжимали из своих колоний западные империалисты. При этом грабеж окраин не столько укреплял русский капитализм, сколько способствовал созданию единого фронта борьбы против него трудящихся всех народов России во главе с русским пролетариатом. В то же время империалистическая эксплуатация России иностранным капиталом (посредством займов, экспорта капиталов, внешней торговли и т. п.) подрывала экономические силы русского капитализма. В. И. Ленин, относя Россию к числу стран, подвергавшихся империалистическому грабежу, подчеркивал, что этот момент «до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений» [35] в таких странах.

Подобное же следствие гнета империалистических держав можно видеть на примере полуколониальных и колониальных стран Азии, Африки и Латинской Америки, ставших после второй мировой войны очагами мощных революционных движений.

Итак, конкретно-исторические условия и особенности развития российского капитализма, с одной стороны, в огромной степени обостряли свойственные этому общественному строю противоречия, а с другой—расширяли фронт социальной борьбы, порождая или усиливая революционные движения разного типа и характера. «...Отсталость России,— указывал В. И. Ленин,— своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков» [36].

Все пороки и внутренняя слабость русского капитализма с особой силой проявились в годы первой мировой войны. Буржуазно-реформистская историография изображает первую мировую войну главной, решающей причиной, обусловившей победу Октябрьской социалистической революции [37].

---

[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 31. Эта характеристика аграрного строя может быть распространена и на последнее десятилетие существования русского капитализма.

[34] См. А. М. Анфимов. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. «Исторические записки». Т. 65. 1959, стр. 162.

[35] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 141.

[36] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 284.

[37] Так, Отто Бауэр еще 40 лет назад пытался в своей книге «Мировая революция» (Вена. 1919) изобразить пролетарскую революцию в России как результат поражения

В. И. Ленин указывал, что Октябрьская революция — это «революция, связанная с первой всемирной империалистической войной»[38]. Вместе с тем он подчеркивал, что как ни велико и многообразно было влияние первой мировой войны, ее действительная роль состояла в том, что она, во-первых, ускорила наступление социалистической революции в России, а во-вторых, облегчила ее победу. Относительно ускоряющего влияния войны на Россию В. И. Ленин указывал, что война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать, что, не будь войны, Россия могла бы годы и даже десятилетия прожить без революции против капиталистов; война сделала это невозможным[39]. Иначе говоря, первая мировая война приблизила социалистическую революцию в России, «заставила» ее разразиться раньше, чем этого можно было ожидать при «нормальных», мирных условиях исторического развития.

Война более всего ослабила русский капитализм. Отсталая экономика России не выдержала военного напряжения. Царизм и русская империалистическая буржуазия оказались неспособными организовать более или менее действенное государственно-монополистическое регулирование экономики страны, что, несомненно, снизило сопротивляемость национального хозяйственного организма и ускорило разруху. Военные поражения царизма расшатали государственную машину и вызвали всеобщее возмущение. Обостренный тяготами войны и порожденной ею разрухи кризис на основе нерешенных задач буржуазно-демократической революции неудержимо назревал и в конечном итоге привел в феврале 1917 г. к падению царизма. Пришедшая к власти буржуазия не хотела да и не могла разрешить неотложную задачу выхода из империалистической войны. Более того, своей политикой продолжения войны «до победного конца» она привела страну к такому положению, которое В. И. Ленин назвал безвыходным[40].

Спасти Россию от национальной катастрофы мог только пролетариат, осуществляя революционные меры против капитала, так как иначе было невозможно разорвать единую цепь интересов русского и мирового империализма. Социалистическая революция неумолимым ходом событий выдвинулась как единственное средство выхода из войны; либо гибель, либо революция против капиталистов — так был поставлен историей вопрос перед народами нашей страны. Вконец дезорганизованный и подорванный войной капитализм не мог противостоять силам революции и пал под ее ударами.

Отмечая как исторический факт влияние первой мировой войны, ускорившей возникновение революционной ситуации в России и победу социалистической революции, было бы ошибочно считать ее благоприятной предпосылкой для победы пролетариата и на этом основании делать вывод, что путь к социализму лежит через войну. Подобная догматизация исторического опыта не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом и открытыми им закономерностями победы социалистической революции.

Выше говорилось, что хозяйственная разруха, порожденная войной, явилась одним из важнейших факторов, сделавших социалистическую революцию в России неизбежной. Разруха, с одной стороны, расшатала самые основы капиталистической организации народного хозяйства и тем подточила изнутри силы русского капитализма. С другой стороны, создав угрозу существованию современного материального производства в стране и обнаружив банкротство буржуазии в руководстве им, хозяй-

---

царизма в первой мировой войне (см. «Ленинский сборник» XXIV, стр. 221, 247). По Локкарту, «не будь войны, не было бы ни Февральской, ни Октябрьской революции» (Б. Локкарт. Две революции. М. 1958, стр. 100).

[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 437.

[39] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 326—327; т. 25, стр. 258.

[40] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 438.

ственный развал ребром поставил вопрос об отстранении буржуазии от власти. В резолюции VI съезда партии «Об экономическом положении» подчеркивалось, что в тех условиях «единственным выходом из критического положения является ликвидация войны и организация производства не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян» [41].

Итак, в лице русского капитализма силы революции имели относительно более слабого противника, чем на Западе. Его же слабость, как мы видели, была обусловлена особенностями исторического развития России. Отсюда ясно, что правильное понимание особенностей России и конкретных условий развертывания социалистической революции ничего общего не имеет с попытками буржуазно-реформистских историков приписать отсталости России и мировой империалистической войне значение коренных причин возникновения и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Закономерности социалистической революции в области политической действуют также объективно, поскольку они коренятся в конечном счете в экономической структуре капитализма и в них проявляется назревшая экономическая необходимость. Они представляют собой прежде всего закономерности классовой борьбы пролетариата, которая в конечном счете неизбежно заканчивается социалистической революцией, установлением диктатуры пролетариата.

Разрабатывая вопрос об исторической миссии российского пролетариата, В. И. Ленин исходил из того, что он способен выполнить роль гегемона в социалистической революции. Вопреки меньшевикам, доказывавшим, что русский пролетариат в силу его малочисленности и слабой организованности якобы не готов к взятию государственной власти, В. И. Ленин показал, что сравнительно небольшой удельный вес рабочего класса в общей массе населения не может быть препятствием для взятия им власти. Во-первых, российский пролетариат давно выделился в особый класс, став мощной политической силой. В отличие от других классов он имел такого опытного политического руководителя, как партия большевиков. Во-вторых, «сила пролетариата в любой капиталистической стране,— учил В. И. Ленин,— несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме» [42].

Именно так обстояло дело в России. В 1913 г. количество промышленных рабочих в стране составляло 3,1 млн. чел., общее число занятых по найму людей достигало 18 млн. чел. на 170,9 млн. чел. населения страны [43]. Тем не менее в России благодаря высокой концентрации рабочих на крупных предприятиях и в основных промышленных центрах (одновременно являвшихся в российских условиях и главными политическими центрами) общественно-политическая роль пролетариата была особенно велика. В-третьих, сила пролетариата в период революции с точки зрения воздействия на массы и вовлечения их в борьбу была неизмеримо больше, чем в «мирный», парламентский период борьбы [44].

---

[41] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Госполитиздат. 1953, стр. 377.

[42] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 250.

[43] См. А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М. 1958, стр. 172; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М. 1950, стр. 454.

[44] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 14.

Однако было бы глубоко ошибочным считать, что партия большевиков и ее вождь В. И. Ленин не придавали значения численности пролетариата. Напротив, в замечаниях на книгу Бухарина среди факторов, определявших революционную силу пролетариата, В. И. Ленин видное место отводил его численности [45]. Это и понятно, ибо в конечном счете коренные вопросы революции решаются силой большинства народа.

Каковы же пути преодоления этого известного отрицательного момента в условиях революционной борьбы русского пролетариата? В. И. Ленин указал эти пути. Еще в годы первой русской революции он писал: «Русский... пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т. е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты» [46].

Для практической деятельности большевиков это означало следующее: привлекать на сторону рабочего класса трудящееся большинство нации, не ожидая превращения большинства населения в пролетариев. Ибо капиталистическое развитие России создало родственность, близость, связь между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, прежде всего беднейшего крестьянства, необходимые для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них. В силу своеобразия исторической обстановки в стране русский пролетариат оказался в особо благоприятных отношениях по степени близости к непролетарским трудящимся массам, в которых он имел наиболее широкую, массовую опору. Это обстоятельство позволило ему под руководством большевистской партии выковать могучий союз рабочего класса с беднейшим крестьянством. Возможность создания такого союза и его наличие в период Октябрьской революции В. И. Ленин считал убедительным показателем зрелости России для социалистической революции. Он писал: «Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции...» [47].

Рабочий класс любой капиталистической страны по своему положению в системе материального производства является наиболее передовым и революционным. Русский пролетариат уже с начала XX в. отличался особенно высокой революционностью, по праву заняв в этом отношении ведущее место в международном рабочем и революционном движении. На это обстоятельство неоднократно указывал В. И. Ленин, глубоко вскрывший причины особой революционной силы пролетариата России.

Революционность русского пролетариата проистекала прежде всего из расстановки классовых сил в стране, где в период империализма не были еще завершены исторически неизбежные буржуазно-демократические преобразования. Так как «радикальный буржуа» не может быть храбр в эпоху сильно развитого капитализма» [48], русский пролетариат должен был взять на себя решение задач буржуазно-демократического переворота, что в других странах — плохо ли, хорошо ли — выполнила буржуазия. Близость же между двумя этапами революции, соединение демократических и социалистических задач, естественно, придавали особый размах и силу пролетарской борьбе.

Непосредственным побудительным мотивом для революционной борьбы пролетариата было его тяжелое экономическое положение, являвшееся результатом варварской эксплуатации рабочих капиталиста-

---

[45] См. «Ленинский сборник» XI, стр. 391.
[46] В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 262.
[47] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 280.
[48] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 293.

ми. Политический деспотизм царизма еще более усугублял тяжесть капиталистического гнета. Отсюда то переплетение экономических и политических стачек русских рабочих, которое явилось основой массовости и силы рабочего движения. Показательно, что за весь период пролетарского освободительного движения в России—с 1896 по 1916 г.— 60% всех стачек были политическими[49]. Кроме того, военно-политический режим царизма сужал до предела возможность распространения в рабочем классе сколько-нибудь серьезных иллюзий насчет легальных, демократических методов борьбы, а экономические условия затрудняли образование в его рядах широкого слоя «рабочей аристократии», что исключало обессиливание пролетариата изнутри.

Решающим источником силы российского пролетариата явилось наличие большевистской партии, воплощающей в себе сознательность, организованность и боевитость рабочего движения. Руководство партии классовой борьбой пролетариата — это одна из важнейших политических закономерностей социалистической революции. Поскольку данный вопрос довольно полно освещен в советской литературе, мы остановимся лишь на некоторых его моментах. Большевистская партия предохраняла рабочее движение России от мелкобуржуазного влияния. И это было достигнуто в стране с громадным преобладанием мелкобуржуазного населения! Воспитанный большевистской партией на высоких идеалах интернационализма, прошедший богатую школу революционных битв, русский рабочий класс в основной своей массе в годы первой мировой войны не поддался шовинистической пропаганде и социал-патриотизму.

Большевистской партии принадлежит историческая заслуга обеспечения единства пролетариата — решающего условия его успешной борьбы за социалистическую революцию. Уже в период предвоенного революционного подъема партия идейно завоевала на свою сторону ⅘ сознательного пролетариата России. Воспитав и закалив в борьбе целое поколение рабочих-правдистов, партия получила такую массовую опору в рабочем классе, которую реакции не удалось подорвать даже в тяжелые годы первой мировой войны. Опираясь на эти кадры рабочих, партия после Февральской революции в кратчайшие исторические сроки сплотила вокруг себя большинство рабочего класса. Перед Октябрьским восстанием большевики вели за собой абсолютное большинство пролетариата, а «конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени наголову...»[50]. Об окончательном политическом крахе этой партии достаточно красноречиво говорит тот факт, что на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 г. меньшевики в обеих столицах (Петроград и Москва) получили всего по 3% голосов[51].

Полная идейная и политическая победа над оппортунизмом — одно из условий единства пролетариата накануне Октябрьской революции. Большевистская партия, будучи массовой рабочей партией, представляла в 1917 г. пример единства и сплоченности при громадной раздробленности мелкобуржуазных и буржуазных партий. Благодаря большевистской партии рабочее и революционное движение в России имело возможность усвоить все то положительное, что имелось в революционном опыте пролетариата Запада. Творческое же усвоение революционного опыта других стран — одно из условий более быстрого развития революционного движения в собственной стране.

Теоретическая деятельность В. И. Ленина и его соратников не только давала ответы на самые насущные вопросы нараставшего революционного движения, но и обеспечивала возможность практического усвоения

---

[49] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. VI.
[50] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 234.
[51] См. там же, стр. 235.

партией и рабочим классом опыта и уроков борьбы в минимальные сроки. Ввиду этого революционное движение в стране не топталось на месте, не впадало в односторонность, не застревало надолго на достигнутой ступени и формах борьбы, а непрерывно нарастало, причем каждый новый шаг движения развертывался на новой, более высокой основе.

Создатель и вождь партии В. И. Ленин, творчески развивая марксизм, вооружил партию и рабочий класс передовой и жизнеутверждающей революционной теорией и тем создал условия для их победы в классовой борьбе. Российские рабочие того времени, несмотря на более низкий общий культурный уровень по сравнению с западноевропейскими, стояли выше последних в идейно-политическом отношении, усвоив в наиболее чистом виде, без всяких реформистских примесей, основные идеи революционной борьбы, убедившись на собственном опыте в их справедливости [52].

Итак, революционность русского пролетариата была проявлением его готовности решить неотложные объективные задачи исторического развития страны — довести до победного конца буржуазно-демократическую революцию и обеспечить ее перерастание в революцию социалистическую.

Одним из необходимых условий осуществления пролетариатом своих исторических задач и превращения его в решающую революционную силу является зрелость классовых отношений. Россия в этом отношении представляла собой наиболее яркий пример. На это обстоятельство тем более необходимо указать, что в реформистской литературе делаются попытки затушевать остроту классовой борьбы в России, прежде всего борьбы пролетариата против буржуазии [53].

Особая острота социального антагонизма и социальной борьбы в России была обусловлена двумя главнейшими факторами. Во-первых, многоукладность дореволюционной экономики сочеталась с тяжестью отсталого политического строя. Ввиду этого в стране, помимо капиталистического гнета, сохранились и культивировались в самых безобразных формах и сплетениях полукрепостническая эксплуатация, национально-колониальное угнетение и полицейский деспотизм царизма. Это порождало различные типы революционной борьбы (помимо социалистического движения пролетариата, революционно-демократическую борьбу крестьянства, национально-освободительное движение народов окраин и т. п.), которые в своей совокупности создавали могучую силу революционного отпора, ответного удара по царизму и капитализму.

Во-вторых, в России — стране мелкобуржуазной по составу населения — тем не менее не было таких значительных и влиятельных мелкобуржуазных слоев (обеспеченных собственников города и деревни, мелких рантье и т. п.) вроде так называемого «среднего» класса на Западе, который заражает собственническим духом широкие трудящиеся массы и тем самым «смягчает» остроту социальных противоречий. Мелкая буржуазия в России, представленная многомиллионными массами крестьянства, являлась по своим устремлениям революционно-демократической силой и при всех свойственных ей колебаниях между пролетариатом и буржуазией играла активную положительную роль в социальной борьбе.

Заметим, что в силу незавершенности буржуазно-демократического переворота русскому пролетариату и возглавлявшей его партии большевиков пришлось до февраля 1917 г. решать необычайно трудную и беспримерную в истории других капиталистических стран того времени

---

[52] Даже К. Каутский вынужден был признать, что марксизм преобладал перед Октябрьской революцией среди рабочих России и «как социалистическая теория он нигде не получил такого признания, как именно там» (К. Каутский. Терроризм и коммунизм. Берлин. 1919, стр. 161).

[53] См., например, Г. Д. Г. Коул. Указ. соч., стр. 37—38, 42.

задачу — вести одновременно две социальных войны, совершенно разнородных как по характеру, так и по целям и по составу классовых сил. Первая социальная война, как известно, своим острием была направлена против остатков крепостничества и прогнившего царского политического строя и велась пролетариатом в союзе со всеми демократическими силами страны. Вторая социальная война развернулась против капитализма: ее вел пролетариат против буржуазии, привлекая к совместной борьбе беднейшее крестьянство.

Еще до Октябрьской революции история дала наглядное свидетельство непримиримости и крайней остроты социальных противоречий в России. Так, относительно противоречия между крестьянством и помещиками В. И. Ленин накануне первой мировой войны, то есть когда вполне выявился крах столыпинской аграрной политики, указывал, что классовая борьба отбросила прочь мечтания кадетов о «социальном мире» между помещиками и всем крестьянством [54]. Об остроте противоречий между рабочим классом и буржуазией достаточно убедительно говорит тот факт, что Россия оказалась, по существу, единственной страной в мире, в которой в годы первой мировой войны социал-соглашателям не удалось добиться хотя бы временного «гражданского мира». Быстрый крах соглашательской политики эсеро-меньшевиков, пытавшихся «примирить» рабочих с капиталистами, а крестьян с помещиками в период буржуазно-демократической революции, также был обусловлен острыми противоречиями между горсткой эксплуататоров и массами эксплуатируемых.

Наиболее характерной, определяющей особенностью социально-политического развития России начала XX в. было объективно революционное состояние страны, то есть состояние непрерывного революционного кризиса, явившегося результатом глубоких экономических и политических противоречий, роста революционности и сознательности народных масс. «Россия,— писал В. И. Ленин,— переживает революционное состояние потому, что угнетение громаднейшего большинства населения, не только пролетариата, но и девяти десятых мелких производителей, особенно крестьян, обострилось в максимальной степени, причем этот обостренный гнет, голодовки, нищета, бесправие, надругательство над народом находятся в вопиющем несоответствии и с состоянием производительных сил России, и с степенью сознательности и требовательности масс, пробужденных пятым годом, и с положением дел во всех соседних, не только европейских, но и азиатских странах» [55]. Эта характеристика революционного состояния страны, подчеркивающая его объективный, то есть от воли тех или иных общественных сил не зависящий, характер, дана Лениным применительно к периоду революционного подъема 1910—1914 годов. Но она вполне может быть распространена на весь довоенный период (1900—1914 гг.). В известном партийном документе — «Тезисах о задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ, принятых XIV конференцией РКП(б)» — начало революционного кризиса отнесено к 1901—1902 гг., а весь период после первой русской революции рассматривается как объективно революционный [56].

Каково же, однако, значение этого объективно революционного состояния страны с точки зрения закономерностей революции? Революционное состояние страны облегчало и ускоряло возникновение революционного кризиса, без которого никакая революция невозможна и необходимость которого является основным законом возникновения действи-

---

[54] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 262.

[55] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 194.

[56] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Госполитиздат. 1953, стр. 44.

тельно народной революции [57]. Это и понятно, ибо если революция представляет собой высшую ступень политической активности широких трудящихся масс, их самодеятельности, время, когда они выступают подлинными героями истории, то революционная ситуация непосредственно создает условия для быстрого, массового и самостоятельного выхода трудящихся на арену открытой политической борьбы.

Уже в 1901—1902 гг. в России наблюдалось назревание революционного кризиса.

В 1904—начале 1905 г. в стране сложилась революционная ситуация, переросшая в революцию 1905—1907 годов. Период реакции после поражения первой русской революции, по существу, был лишь паузой в развитии революции [58].

В этот период, несмотря на упадок массового движения, в стране фактически существовал революционный кризис в скрытой форме [59]. Ибо задачи, которые были поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, не были разрешены. Это обстоятельство обеспечивало преемственность революционного подъема периода 1905—1907 гг. и периода 1910—1914 годов. Накануне первой мировой войны в России вновь складывается революционная ситуация, чреватая более мощным, чем в 1905 г., революционным взрывом. При этом гегемония пролетариата в революционно-освободительном движении являлась решающим условием длительности и устойчивости революционного состояния страны.

Первая мировая война лишь на короткое время отодвинула наступление буржуазно-демократической революции, но зато необычайно приблизила социалистическую революцию. Революционная ситуация 1916 — начала 1917 г. привела к победе Февральской буржуазно-демократической революции. Вслед за тем страна вступила в полосу нового кризиса, покончить с которым можно было только путем социалистической революции.

Благодаря длительному революционному состоянию страны создались особенно благоприятные возможности для самостоятельного и активного участия народных масс, руководимых партией большевиков, в решении главных вопросов общественной жизни, для ускоренного приобретения ими собственного политического опыта. Широкие народные массы, придавленные гнетом капитализма, только на собственном опыте, а не путем теоретического изучения могли познать, какой класс или какая политическая партия выражает их интересы и коренные задачи общественного развития. Отсюда ясно, почему В. И. Ленин собственный политический опыт масс рассматривал как одну из основных закономерностей всякой народной революции [60]. Не будь у трудящихся России, прежде всего пролетариата, такого опыта, не пройди они закалку и идейно-политическое воспитание в горниле революционной борьбы, ни о каких политических предпосылках социалистической революции в России, стране с подавляющей неграмотностью населения, не могло бы быть и речи.

Революционное состояние страны свидетельствовало также о том, что единственным методом кардинального решения всех противоречий российской действительности являлась революция. При этом революционный кризис был настолько глубок и всеобъемлющ, что даже буржуазно-демократическая революция не могла вывести страну из него.

---

[57] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 65.

[58] С. И. Гусев. Из истории борьбы за строительство большевистской партии. «Вопросы истории», 1956, № 5, стр. 18.

[59] См. А. Я. Аврех. Третьеиюньская монархия и образование третьедумского помещичье-буржуазного блока. «Вестник Московского университета», серия историко-филологических наук. 1956, № 1, стр. 5.

[60] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 73.

Особого внимания заслуживает вопрос о темпах революционного движения в России, ибо в них наиболее ярко проявлялось действие политической стороны закона неравномерности и скачкообразности развития капитализма. Для России было характерно чрезвычайно быстрое развитие революционного движения, в результате чего политически она за короткий срок оказалась более подготовленной к социалистической революции, чем какая-либо другая страна.

Ряд причин обусловил это обстоятельство. В революционном движении, особенно начиная с 1905 г., участвовали миллионы рабочих. Между тем массовость движения в сочетании с сознательностью определяет как его силу, так и его темпы. Известно, что по размаху стачечной борьбы рабочего класса Россия начиная с XX в. оставила позади страны Запада и удерживала это ведущее положение вплоть до падения капитализма.

Сила и темпы революционного движения увеличивались также за счет развертывания массового крестьянского движения и национально-освободительной борьбы угнетенных народов России. Россия была единственной страной из числа крупных капиталистических стран, которая за короткое время пережила две буржуазно-демократические революции. Маркс, как известно, революции называл локомотивами истории [61].

«Неслыханная быстрота революции» [62] от февраля к октябрю 1917 г. также определялась массовым и активным участием многомиллионных трудящихся масс в политической жизни страны. Именно в этот период завершается формирование политических условий перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Пролетариат, будучи гегемоном и главной движущей силой победоносной буржуазно-демократической революции, продвинул ее дальше «обычных» рамок — до революционно-демократической пролетарско-крестьянской диктатуры. Если добровольная уступка власти буржуазному Временному правительству свидетельствовала о «недостаточной сознательности и организованности пролетариата» [63], то создание Советов рабочих и солдатских депутатов как органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства убедительно говорило о понимании рабочим классом его особых задач в революции и о его достаточной организованности [64].

В дальнейшем пролетариат быстро освободился от соглашательских и революционно-оборонческих иллюзий и сплотился в сознательную и организованную революционную силу, способную довести революцию до победного конца.

Однако сознательности, организованности и силы самого пролетариата было недостаточно для победы социалистической революции. Для этого, как указывалось выше, необходимо было еще и другое условие — союз пролетариата с беднейшим крестьянством. Под руководством большевистской партии рабочий класс России сумел в кратчайший срок объединить вокруг себя многомиллионные массы трудового крестьянства и повести их к новой революции. Революционную борьбу пролетариата и всех трудящихся возглавила большевистская партия, которая умело использовала открывшиеся возможности (политическая свобода, демократические институты, легальность и т. п.) для повышения революционной сознательности и организованности масс и создания политической армии революции.

Итак, в основе всех этих процессов формирования субъективного фактора лежали такие основные закономерности победы социалистиче-

---

[61] См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М. 1952, стр. 185.
[62] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 288.
[63] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 4.
[64] См. там же, стр. 116.

ской революции, как гегемония пролетариата, его союз с беднейшим крестьянством, безраздельное руководство Коммунистической партии.

Сравнительно легкая победа Октябрьской революции была достигнута также благодаря целому ряду факторов конкретно-исторического характера. Февральская революция не решила основных общедемократических задач. Это обстоятельство, во-первых, предопределило дальнейшее развертывание революционно-демократического движения как резерва социалистической революции, а во-вторых, необычайно расширило ее массовую базу, придав социалистической революции непреоборимую силу и тем облегчив ее победу.

Говоря о значении разрешения пролетарской революцией такого центрального вопроса буржуазно-демократической революции, как аграрный, что обеспечило большевикам поддержку со стороны всего крестьянства, В. И. Ленин писал: «Мы с этого начали в Октябре 1917 года и мы не победили бы тогда так легко, если бы мы не начали с этого»[65]. Касаясь другой общедемократической задачи — борьбы с хозяйственной разрухой и голодом,— В. И. Ленин подчеркивал, что и здесь «большевики выступают... как представители интересов всего народа...»[66]. К этому необходимо добавить еще такие демократические движения, как борьба за мир и национально-освободительное движение угнетенных народов России. Знаменательно, что обстоятельства при этом сложились так, что все эти общедемократические задачи могли быть решены в пользу народа только пролетарскими средствами, то есть путем социалистической революции.

Обстановка революции позволила народным массам на собственном политическом опыте и в кратчайшие исторические сроки убедиться в несостоятельности и гибельности соглашательской политики меньшевиков и эсеров, добивавшихся сохранения буржуазного строя, в правильности большевистского курса на социалистическую революцию. Отвергнув соглашателей, народные массы пошли под безраздельным руководством Коммунистической партии на свержение капитализма. Вот почему на стороне большевиков оказалось большинство народа, а буржуазия вкупе с эсеро-меньшевиками лишилась какой бы то ни было массовой опоры и была легко свергнута. Отсюда видна вся нелепость буржуазных измышлений об Октябрьской революции как революции или «заговоре», совершенном меньшинством будто бы вопреки воле народа[67].

Успеху Октябрьской революции в огромной степени способствовали также живость традиций и опыт 1905 г., наиболее полно воплощенный в идее Советов. В. И. Ленин учил, что успех революции может быть обеспечен лишь в том случае, если революционная энергия и инициатива миллионов и миллионов получат прочное организационное закрепление. В связи с этим он указывал, что победа пролетариата в октябре 1917 г. зависела «только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы»[68]. Такой необходимой организационной формой явились Советы, созданные творческим гением русского пролетариата еще в 1905 г., а в 1917 г. доведенные до всестороннего развития в масштабе всей страны.

Наконец, общеизвестны качества русской буржуазии как относительно слабого противника рабочего класса. Выросшая под крылышком царского абсолютизма, не прошедшая школы открытой политической борьбы, значительно позднее, чем российский пролетариат, сформировавшаяся в самостоятельную политическую силу, русская буржуазия фактически до февраля 1917 г. не имела навыков политического руководства

---

[65] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 284.
[66] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 327.
[67] См., например, Б. Локкарт. Указ. соч., стр. 98—102.
[68] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 67.

массами. Став правящим классом, она не имела достаточного опыта и в силу своей реакционности не смогла возглавить борьбу нации за решение гигантских задач, поставленных революцией, войной и разрухой. Для этого надо было пробудить революционный энтузиазм и энергию рабочих и крестьянских масс, а русская буржуазия давно уже боялась демократической революции и социального прогресса больше, чем реакции. Свое пребывание у власти она использовала для удовлетворения своих классовых интересов, игнорируя насущные нужды народа. Для полноты характеристики ее облика, раскрывшегося во всей его неприглядности перед рабочим классом и трудящимися массами в послефевральский период, необходимо упомянуть о ее враждебности... к обычной буржуазной демократии. Это вынужден был признать даже Милюков, писавший, что к осени 1917 г. создалось парадоксальное положение: буржуазная республика, защищавшаяся только эсерами и меньшевиками, потеряла «последнюю поддержку буржуазии» [69]. Ярче всего это выразилось в бешеном наступлении на демократические права народа, которое буржуазия развернула после июльских дней, а также в саботаже созыва Учредительного собрания. Идеалом русской буржуазии по-прежнему оставалась монархия. Ясно, что дни такой консервативной, махрово контрреволюционной буржуазии были сочтены.

Победе Октябрьской революции благоприятствовали и внешние международные условия. Общеевропейская революционная ситуация, сочувствие и поддержка русской революции международным пролетариатом, с одной стороны, и ожесточенная схватка империалистических хищников, затруднявшая их сговор и борьбу против Советской России,— с другой, позволили русскому пролетариату свергнуть «свою» буржуазию и подготовиться к отражению империалистической агрессии. Все эти и другие возможности, заложенные в реальной действительности того времени, были использованы в интересах победы пролетарской революции только благодаря мудрости и гибкости политики большевистской партии во главе с В. И. Лениным.

Таким образом, политическое развитие также вело к тому, что именно в России должна была произойти, и действительно произошла, первая в истории человеческого общества социалистическая революция. Революционное крушение капитализма закономерно должно было начаться раньше всего там, где капиталистическая система была относительно слаба, а социальные противоречия и классовая борьба пролетариата и его союзников получили наибольшую остроту и размах. Россия оказалась слабым звеном в цепи мирового империализма, так как здесь на основе глубочайших экономических, политических, национальных противоречий, порожденных или обостренных империализмом, раньше всего выросли могучие общественные силы, способные резрешить эти противоречия революционным путем.

Объективным ходом развития мировой капиталистической системы была поставлена задача ликвидации капитализма и замены его социализмом. В силу неравномерности экономического и политического развития капитализма в России — раньше, чем в других странах,— созрели непосредственные условия для прямого штурма капитализма. В стране имелись необходимые экономические предпосылки для победы социалистической революции. В лице пролетариата и его союзника — беднейшего крестьянства выросла общественная сила, способная сокрушить капитализм. Конкретно-исторические условия и специфические особенности

[69] П. Н. Милюков. История второй русской революции. Т. I. Вып. 3. София. 1921, стр. 7.

страны в своей совокупности облегчали и ускоряли революционное решение назревшей исторической задачи. Победа Великой Октябрьской социалистической революции стала возможной потому, что Коммунистическая партия, руководимая В. И. Лениным, была вооружена знанием законов общественного развития, исходила в своей практической деятельности из понимания потребностей материальной жизни общества и чаяний широких трудящихся масс. В сложнейших условиях войны и разрухи партия сумела, говоря словами В. И. Ленина, «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное и национально-специфическое»[70] в проявлениях общих законов классовой борьбы пролетариата и на этой основе выработать конкретные пути и методы, обеспечившие победу социалистической революции в нашей стране. Со времени победы Великого Октября социалистические революции победили в ряде стран, составляющих ныне вместе с СССР мировую социалистическую систему. Исторический опыт показал, что в основе революционного крушения капитализма и империализма в любой стране лежат общие закономерности социалистической революции, открытые и обоснованные К. Марксом и В. И. Лениным.

---

[70] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 72.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ И МЕТОДИКЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

В. Ю. Крупянская

Проблема культуры и быта рабочего класса все более привлекает к себе внимание советских исследователей. За последние годы достигнуты существенные успехи в ее изучении. Активно ведется эта работа в странах народной демократии [1]. Тем не менее следует признать, что данная область этнографической науки остается одной из отстающих. Домарксистская этнография (в частности русская дореволюционная) не ставила задачи изучения рабочего класса. Она рассматривала рабочий класс как некую нивелированную массу, лишенную этнической специфики, видела в крестьянстве исключительного носителя национальной культуры. Тем самым значительная часть населения того или другого народа, не занятая земледельческим или промысловым трудом, оставалась вне сферы этнографического изучения, что не только обедняло, но и искажало общую картину развития народного быта, народной культуры.

В слабости теоретической разработки этой сложнейшей проблемы сказывается, несомненно, и отсутствие должного контакта между этнографией и другими гуманитарными науками, в частности историей. Если историки при изучении рабочего класса выдвигают на первый план такие проблемы, как формирование рабочего класса, его роль в материальном производстве, а также в политической жизни как передового отряда трудящихся, то этнографы, отправляясь от этих важнейших проблем, выдвигают ряд других вопросов. Оперируя живым, конкретным материалом, ставя в центре внимания человека, его сознание, поднимая важнейшие вопросы формирования новой, советской семьи, нового общественного быта, этнография может значительно обогатить понимание исторического процесса, ярче раскрыть революционно-преобразующую, созидательную роль рабочего класса в деле построения коммунистического общества.

Естественно, что соединенными усилиями историков и этнографов эта сложнейшая проблематика может быть разработана глубже и шире.

При огромных масштабах и темпах роста индустрии в СССР ведущая роль рабочего класса в жизни всей страны неуклонно повышается. Совершенно ясно, что исследовать сейчас любую область культуры и быта народа можно только при условии раскрытия роли и значения рабочего класса в истории общества. Советская наука выдвинула этнографическое изучение рабочего класса как одну из наиболее важных и актуальных проблем.

Для общего направления советских исследований характерна ори-

---

[1] См. монографии «Kladensko». Praha. 1959; «Banícka dedina Zacarovce». Bratislava. 1956; подготовлена к печати монография «Rosicko-Oslavansko» (Брно). О работах, проводимых в Польше, см. сообщение Д. Добровольской, В. Квасьневича «Этнографические исследования современной культуры польского народа краковскими учеными». Журнал «Советская этнография», 1959, № 4.

ентация на современность, на изучение закономерностей развития культуры и быта рабочих в условиях социалистической действительности. Это вытекает из самого существа советской науки (этнографии в частности), тесно связывающей теоретические вопросы с практикой коммунистического строительства.

Основная задача этнографических работ, посвященных проблемам современности, заключается в том, чтобы детально исследовать те огромные и сложнейшие процессы, которые происходят в современном быту и в других областях жизни, выявить их направление, причины, ускоряющие или, наоборот, замедляющие процесс развития. Такая задача не может быть разрешена без уяснения исторических корней современных явлений. Это вызывает необходимость углубленного исторического исследования, то есть тщательного выяснения того, как складывались формы быта рабочих на определенных этапах общественного развития.

Первые попытки советских этнографов, направленные на изучение тех коренных изменений, которые произошли в производственном, общественном и семейном быту рабочих в результате победы социализма, оказались неудачными, ибо выдвинутые проблемы ставились и разрешались вне исторического подхода к рассматриваемым явлениям, без учета того, как исторически складывались формы быта. Именно такой характер носили работы Института этнографии АН СССР, предпринятые в 1950 году с целью изучения различных групп рабочих в Москве, Ленинграде, в Московском угольном бассейне и на Урале. В этнографическом отношении эти исследования оказались бесперспективными, собранный материал не позволил выдвинуть ни одной научной проблемы, не удалось разработать и методики исследования[2].

В 1951 г. Институт этнографии провел специальную дискуссию о задачах и методике этнографического изучения рабочих. Ее участники выдвинули как необходимую предпосылку решения проблемы тщательное исследование истории формирования рабочих кадров, выяснение их территориальных (национальных и областных), а также социальных корней. Лишь при этом условии можно ставить одну из важнейших проблем в изучении рабочего быта — проблему роли этнических традиций (в частности взаимодействия различных национальных культур) в процессе складывания новых форм этого быта. С данных позиций и была выработана новая программа, которая легла в основу исследований, проводимых ныне Институтом этнографии АН СССР.

Институт этнографии развернул исследовательскую работу на Среднем Урале — одном из старейших русских промышленных районов[3]. На первом этапе выбор пал на старые предприятия Нижнего Тагила: бывший Нижне-Тагильский металлургический завод (основан в 1724 г.) и Высокогорский железный рудник (заложен в 1721 г.), — уже неоднократно привлекавшие к себе внимание ученых[4]. Выбор этих предприятий дает возможность проводить изучение современного социалистического быта с учетом исторически складывавшихся в Нижнем Тагиле форм культуры и быта рабочих. Причем рабочие коллективы изучаются не изолированно, а в их взаимодействии и общении с другими слоями населения. Это важно отметить, так как только сравнительное изучение позволит обстоятель-

---

[2] С этой точки зрения характерна статья Н. Н. Чебоксарова «Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих» (журнал «Советская этнография», 1950, № 3).

[3] Первые итоги этой работы опубликованы в статье В. Ю. Крупянской «Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века». «Советская этнография», 1953, № 1.

[4] См. серию статей, опубликованных в «Записках историко-бытового отдела Государственного Русского музея». Л. 1932. См. также «Материалы Средне-уральской экспедиции 1949 г. Государственного Исторического музея», опубликованные в труде «Историко-бытовые экспедиции 1949—1950 гг.». М. 1953, стр. 184—212.

нее показать специфику рабочего быта и предохранит от упрощенного, схематического подхода к разрешению проблемы [5].

Для более четкого уяснения процессов, происходящих в условиях социалистической действительности, в ближайшее время намечено приступить к изучению культуры и быта рабочих Ново-Тагильского металлургического завода, вступившего в строй в 1940 году. На этом заводе, оснащенном передовой техникой, занято большое количество высококвалифицированных рабочих, что даст возможность полнее выявить и осветить тенденции развития одного из передовых отрядов рабочего класса.

Нижний Тагил рассматривается, таким образом, как своеобразный стационар для длительных этнографических исследований.

В плане сравнительного изучения рабочего и крестьянского быта Институт этнографии АН СССР организовал в 1954 г. маршрутную экспедицию в районы бассейна рек Камы и Вятки (в Свердловскую, Пермскую и Кировскую области). Одной из задач экспедиции было выяснение особенностей быта уральских рабочих. Проведенное обследование показало, что быт уральских заводских поселков уже во второй половине XIX в. отличался от крестьянского своим укладом, более широкими культурными потребностями населения, что прослеживается на основных сторонах материальной культуры (жилище, одежда, пища). Этнографы выявили и то значительное влияние, какое оказывал быт рабочих на окрестное крестьянство, в среде которого раньше, чем у крестьян непромышленных районов страны, получили развитие городские формы культуры (городская одежда, изменения в жилище и т. д.) [6].

Большую роль в изучении старого рабочего быта Нижнего Тагила, а также населения бывшего горнозаводского округа играет Нижне-Тагильский краеведческий музей, собравший вокруг себя местные краеведческие силы, в том числе из среды самих рабочих [7].

Интересную работу провел в 1952—1953 гг. Челябинский государственный педагогический институт по исследованию быта рабочих Южного Урала [8].

Таким образом, этнографическое изучение уральских рабочих развернуто сравнительно широким фронтом. Но это не снимает общей и неотложной задачи — перейти к планомерному и систематическому изучению советского рабочего класса с охватом основных промышленных районов страны и ведущих отраслей промышленности.

Объединенными усилиями историков и этнографов эта задача могла бы быть разрешена наиболее успешно. В частности, важно было бы наметить объекты для совместных исследований. За последнее время появился ряд специальных трудов, касающихся формирования рабочих кадров по отдельным промышленным районам. Заслуживает внимания работа Б. Н. Васильева «Формирование текстильного пролетариата в Шуйском районе» (1949 г.), в которой детально рассмотрены

---

[5] Проведенные в Нижнем Тагиле анкетные обследования выявили, в частности, теснейшую связь местного рабочего населения в прошлом со средой кустарей. Многие рабочие, особенно плотники, столяры, кузнецы, жестянщики, помимо работы на заводе (или руднике), в поисках добавочного заработка прибегали к ремеслу. Многие заводские (рудничные) рабочие иногда совсем бросали заводскую работу, переходили на положение кустарей-одиночек или работали по найму у крупных кустарей, а потом вновь возвращались на завод. В рабочих семьях, как правило, молодежь работала по найму у кустарей. Все это свидетельствует о тесном взаимодействии этих групп населения.

[6] Эти материалы публикуются в «Трудах русской этнографической экспедиции». Издание Института этнографии АН СССР.

[7] См. Т. К. Гуськова. Некоторые этнографические особенности населения б. Нижне-Тагильского горнозаводского округа в конце XIX — начале XX в. «Советская этнография», 1958, № 2.

[8] См. В. Е. Гусев. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала. «Ученые записки» Челябинского государственного педагогического института. 1956. Т. I, вып. 1.

состав и процесс формирования рабочих кадров этого индустриального центра. Такого типа исторические исследования целесообразно сочетать с этнографическими: это дает возможность глубже, полнее осветить историю и особенности культуры и быта рабочих определенных промышленных районов.

Существенные результаты в области исследования культуры и быта рабочих достигнуты на Украине. Работа ведется здесь и в форме тематического изучения и в плане монографических исследований отдельных групп рабочего класса [9]. В 1953 г. Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук Украинской ССР было начато изучение культуры и быта рабочих Донбасса. В свое время здесь проводил исследования Государственный исторический музей [10]. В результате были собраны интересные материалы, в том числе материалы о культурно-бытовых взаимосвязях украинского и русского народов [11]. Эта работа должна быть продолжена. Она даст сравнительный материал и для исследований, проводимых на Урале.

Изучение основных элементов материальной культуры, общественных и семейных отношений у рабочих разных отраслей промышленности позволило исследователям дать развернутую картину культуры и быта украинских рабочих в обобщающем историко-этнографическом труде «Украинцы», подготовленном к печати.

Этнографическое изучение рабочего класса ведется и в ряде других научных центров нашей страны. В относительно широких масштабах оно проводится в Грузии, где разработка проблемы была начата с изучения быта рабочих старых горняцких районов республики (чиатурской марганцевой промышленности, Тквибульского каменноугольного бассейна). В дальнейшем изучением были охвачены и новые предприятия, выросшие за годы первых пятилеток (Касинский цементный завод и Зестафонский завод ферросплавов), а также вступившие в строй в послевоенное время Кутаисский автомобильный завод имени Серго Орджоникидзе и Руставский металлургический комбинат имени И. В. Сталина.

Выбор этих предприятий принципиально обоснован грузинскими исследователями, полагающими, что сравнительное изучение промышленных объектов, рабочие коллективы которых складывались в различных социально-экономических условиях, даст возможность с наибольшей отчетливостью проследить процесс формирования культуры и быта рабочих и выявить его основные закономерности.

Собранный сравнительный материал (в том числе подробно разработанные генеалогии рабочих семей) показал, что формирование рабочего класса в марганцевой и каменноугольной промышленности Грузии проходило преимущественно за счет местного крестьянского населения. Данный факт имеет существенное значение для уяснения путей развития современной культуры рабочих этих старейших районов Грузии. Как показали обследования, для них по сравнению с новыми индустриальными центрами характерна большая устойчивость традиционных форм материальной культуры, некоторых сторон семейного быта [12].

---

[9] См. В. Т. Зинич. Социалистический быт и культура рабочих г. Киева (кандидатская диссертация. М. 1959); А. С. Куницкий. Социалистический быт рабочих Ворошиловградского завода имени Октябрьской революции (кандидатская диссертация. Киев. 1953). Д. И. Фиголь изучает жилища рабочих Львова; М. Т. Ломова исследует культуру и быт рабочих-нефтяников Борислава.

[10] См. «Историко-бытовые экспедиции 1951—1953 гг.». М. 1955.

[11] В этом отношении интересна работа Н. П. Приходько. Рабочее жилище Донбасса в его историческом развитии (диссертация); его же. Житло робітників Донбасу. Журнал «Народна творчість та етнографія», 1957, № 1.

[12] А. И. Робакидзе. Некоторые стороны быта рабочих Чиатурской марганцевой промышленности. Тбилиси. 1953.

Работа по изучению культуры и быта рабочих развернулась в настоящее время и в Белоруссии, где она ведется на ряде предприятий Минска Институтом истории Академии наук Белорусской ССР (этнографическим сектором) [13].

Круг проблем, связанных с изучением рабочего быта тех народов СССР, которые до революции не имели своей индустрии, разрабатывается в ряде других союзных и автономных республик (в Узбекистане, Туркмении, Казахстане, Киргизии, Осетии и т. д.).

Большой интерес представляют исследования культуры и быта рабочих-нефтяников, проводимые в районах, глубоко отличных друг от друга по времени и условиям своего возникновения, в национальном отношении и по культурным традициям. Такие исследования проводятся в настоящее время среди рабочих-азербайджанцев в старейшем нефтяном районе Баку [14], в Бориславе (Западная Украина), где быт рабочих складывался в условиях взаимодействия украинской и польской культуры, в Туркмении, нефтяная промышленность которой, по существу, возникла уже в советское время. Последнее создает особо благоприятные условия для изучения рабочего быта в процессе его складывания. Проводимые в Туркмении исследования (в районах Небит-Дага, Кум-Дага и на полуострове Челекен) уже сейчас показали те коренные изменения, которые произошли в быту туркменских рабочих, в недавнем прошлом полукочевников-скотоводов и земледельцев, а также рыболовов (на Челекене). Вместе с тем вскрыто наличие ряда противоречивых сторон в современном быту туркмен-рабочих, характерное переплетение в нем новых, социалистических черт культуры с проявлением старых традиций (родоплеменных, большесемейных, религиозных) [15].

Обобщение этих материалов позволит в дальнейшем не только составить в каждом отдельном случае конкретное представление о путях развития национальных рабочих кадров, но и выявить национальное своеобразие культуры и быта рабочих разных народов СССР и в то же время глубже изучить общие закономерности развития рабочего быта в условиях социалистической действительности.

Широкому исследованию советского рабочего класса в значительной мере способствовало совещание по данной проблеме, организованное Институтом этнографии АН СССР в 1957 году.

Большое внимание уделяется этнографами изучению производственного коллектива, ибо в связи с высокими темпами развития промышленности происходят существенные изменения в составе рабочего класса, непрерывно пополняющегося выходцами из других слоев населения. В нашей стране пополнение рабочих кадров в значительной мере происходит сейчас за счет городской молодежи — выпускников средней школы. Одним из важных источников пополнения рабочего класса остается деревня. Однако новое пополнение, вышедшее из современной деревни, качественно отличается от аналогичного пополнения дореволюционного периода. В нынешних условиях, в условиях постепенного стирания граней между городом и деревней, преобразование современного быта — и городского и сельского — происходит в процессе коммунистического строительства. Как показывают обследования в различных промышленных центрах, современная рабочая молодежь, вышед-

[13] У. М. Иванов. Современный быт и культура рабочей семьи г. Минска (на материалах минских предприятий: тракторного завода, радиозавода, фабрики «Коммунарка» и железнодорожного минского узла) (диссертация); его же. Риси нового в побуті робітників Радянської Белорусії. Журнал «Народна творчість та етнографія», 1959, № 1.

[14] А. Г. Трофимова. Бакинские рабочие-нефтяники (диссертация). М. 1954.

[15] Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (диссертация. М. 1958; готовится к печати); его же. Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага. «Советская этнография», 1959, № 1. Подготовлено к печати также исследование о культуре и быте туркмен-нефтяников Челекена.

шая из колхозной деревни, по своему общему культурному уровню почти не уступает городской молодежи.

Однако снимает ли это проблему изучения традиций, то есть учета длительно складывавшихся в той или другой общественной среде воззрений, обычаев, привычек, нравов и их воздействия на процесс социалистической перестройки быта? Для ответа на этот вопрос требуется прежде всего накопление большого фактического материала. Необходимо дифференцированное изучение как потомственных рабочих (местных и приезжих), так и рабочих первого поколения, выходцев из других слоев населения.

В связи с этим остро встает вопрос об изучении воздействия рабочего коллектива и производственной жизни на быт, мировоззрение, духовный облик молодого рабочего.

Именно с этих позиций и ведутся наши исследования. Выдвигается ряд проблем, быть может, на первый взгляд выходящих за рамки этнографии. Но без них нельзя уяснить, как складывается новый тип рабочего и в конечном итоге как протекает закономерный в условиях коммунистического строительства процесс стирания различий между физическим и умственным трудом.

Одной из таких проблем является изучение всех тех изменений, которые произошли и происходят в общественно-производственной деятельности рабочих, в условиях их труда. Необходимо ясное представление о степени механизации и автоматизации производства, о воздействии этого фактора на культурно-технический уровень рабочего, на расширение его кругозора, культурных запросов и т. п. Большое значение приобретает и детальное знание профессионального состава рабочего коллектива (в частности профессионального образования). Особое значение имеет выяснение общего культурного уровня рабочих, что даст возможность показать, в какой мере рабочий класс создает базу для формирования советской интеллигенции (в частности технической), каковы характер и темпы данного процесса в потомственной рабочей среде и в среде новых рабочих пополнений.

Этнографы сейчас исследуют также отношения, которые складываются в рабочем коллективе в процессе труда, и в первую очередь все виды социалистического соревнования, являющегося одним из основных факторов формирования коммунистического сознания. При этом уделяется много внимания развернувшемуся в нашей стране движению бригад и ударников коммунистического труда. Задача этнографов — исследовать воздействие этого замечательного движения современности на общественный быт советских людей, нравы, семью[16].

Важнейшей проблемой является изучение семьи, семейного уклада. Тема эта всегда занимала в этнографических исследованиях видное место. При изучении же закономерностей развития социалистического быта она приобретает первостепенное значение. Всестороннее изучение семьи позволяет глубже и полнее показать процесс становления новых форм быта и вместе с тем выявить те источники, которые питают пережитки старого мировоззрения, сказывающиеся на многих сторонах семейной и общественной жизни. Вот почему с темой семьи связана постановка ряда проблем, имеющих важное значение в практике коммунистического строительства: дальнейшее улучшение положения женщины путем высвобождения ее от загрузки в домашнем хозяйстве; вос-

[16] Этнографы, изучая бригады коммунистического труда, опрашивают не только начальников смен и бригадиров, но по мере возможности и каждого из участников, что позволяет отчетливее понять характер движения в целом и дает более яркое представление о соревнующихся коллективах. На каждого опрашиваемого заполняется также посемейная карточка с выяснением подробностей семейного быта, взаимоотношений, бытового уклада и культуры семьи. Такова была, в частности, практика Нижне-Тагильской экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 году.

питание подрастающего поколения; материальные условия жизни семьи как один из существеннейших факторов ее социалистического переустройства и ряд других. А с этим, в свою очередь, связан комплекс вопросов, требующих детального изучения. Таковы: структура семьи (ее формы, численность, характер родственных связей), внутренний уклад, культурный уровень и т. д. Большой круг вопросов связан с изучением материальной базы семьи, в частности ее бюджета. В наших этнографических исследованиях этот вопрос пока еще мало разработан. Между тем анализ семейных бюджетов крайне необходим и для уяснения процесса складывания новой, советской семьи и роста ее материального и культурного уровня. Чрезвычайно важны вопросы, связанные с браком, его моральными устоями (в частности с выяснением причин и обстоятельств разводов).

Всестороннее изучение семьи и процесса ее социалистического переустройства выдвигает задачу исследования влияния на семейный быт советского законодательства о браке и семье. Важное значение имеет также изучение пережитков так называемого «обычного права», выяснения реакционной роли «обычного права» в семейном быту рабочих многих в прошлом отсталых народов СССР. Исследования, проведенные в Туркмении, показали, что, несмотря на коренные изменения семейного быта, в жизни туркменских рабочих сохранились и некоторые обычаи, связанные еще с родоплеменными традициями (например, обычай возвращения невесты на определенное время в родительский дом; обычай, когда зять и невестка избегают встреч со старшими родственниками, скрытые формы калыма и др.).

Вопрос о формировании передовой идеологии и ее воздействии на все стороны быта, складывание новых обычаев — один из наиболее существенных. Вот почему особенно тщательно изучаются все те новые явления, которые стали типичными для современного образа жизни рабочей семьи. Существенные результаты дали исследования судеб семейной обрядности (связанной с браком, рождением детей, смертью) [17], а также религиозных обрядов и обычаев, сохранившихся у части населения.

Выяснение указанных вопросов невозможно без изучения культурного уровня рабочей семьи, тех коренных изменений, которые произошли в ней в результате социалистических преобразований (образование интеллигентской прослойки внутри семьи, новое культурно-производственное лицо рабочего, вовлечение женщин в производство, роль коммунистов и комсомольцев в семейном быту и т. д.). При этом надо выяснить, как тот или иной фактор влияет на бытовой уклад семьи, ее культуру, общественный облик. А это, как уже говорилось, в свою очередь, остро ставит проблему воздействия производственного коллектива и производственной жизни на процессы преобразования семейного быта.

Подчеркивая особую важность изучения духовной и социальной жизни, мы отнюдь не умаляем необходимости исследования материальной культуры. Нечего и говорить, какое важное значение имеет, например, хорошее знание типов поселения, жилища для изучения общественных и семейных отношений, бытового и хозяйственного уклада семьи, ее культурного уровня. На отдельных элементах материальной культуры четко может быть прослежена роль этнических традиций в процессе складывания ее новых форм. Так, интересные результаты дали иссле-

---

[17] Ряд статей на эту тему опубликован в журнале «Народна творчість та етнографія»: В. Т. Зинич. Современный рабочий брак и свадьба (1957, № 2); его же. Про деякі нові громадські свята та коллективне дозвілля робітників (1958, № 3); его же. Нові риси в сімейному побуті робітників (1957, № 3). См. также статьи белорусского этнографа У. М. Иванова («Сучасны шлюб і вяселля у рабочых» («Вестник АН Белорусской ССР». 1959, № 2) и «З гісторыі вывучэння быту савецких рабочых» («Вестник АН Белорусской ССР». 1959, № 3).

дования А. И. Робакидзе о развитии жилища в горняцких районах Грузии, где новые дома строились в основном по типу старого западно-грузинского жилища; однако это отнюдь не было механическим воспроизведением последнего. Наоборот, традиционные формы жилища видоизменялись применительно к требованиям современной жизни [18]. Аналогичные явления наблюдались и в других промышленных районах (Донбасс, Нижний Тагил).

Исследование указанных проблем возможно лишь при комплексном изучении, позволяющем исследовать явления в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Вот почему этнографическое изучение рабочих ведется преимущественно в плане монографических исследований культуры и быта рабочих отдельных предприятий, городов, промышленных центров. Комплексность исследования определяет и его методику; требуется обращение к материалам смежных дисциплин, а зачастую и самостоятельная разработка этнографом некоторых историко-социальных проблем. Таковы вопросы, связанные с изучением социально-экономических условий края, условий труда рабочих, истории местного рабочего движения, общего состояния культуры.

Этнографическое изучение советского рабочего класса предполагает выяснение состава рабочих кадров отдельных исследуемых предприятий. Необходимо также ознакомиться, хотя бы в основных чертах, с историей формирования пролетариата всего промышленного района. Это позволит в дальнейшем более углубленно изучить как материальную культуру, так и быт рабочих в их историческом развитии, шире поставить вопросы о культурно-бытовом взаимодействии рабочих и крестьян. При разработке этого специального вопроса, требующего широкого использования архивных материалов, было бы особенно плодотворным сотрудничество этнографа и историка. При изучении состава современных рабочих кадров этнографы широко используют статистические данные, проводят специальные анкетные обследования. Таков был, в частности, опыт в Нижнем Тагиле, где применялись анкеты разных типов. Для получения массовых сведений о национальном, областном, социальном и профессиональном составе рабочих кадров была использована анкета упрощенного типа, которую заполняют сами рабочие. Она содержит следующие вопросы: фамилия, имя, отчество, должность, год рождения, национальность, родной язык, социальное происхождение, дата и причины переезда в Нижний Тагил, образование, профессия (сколькими профессиями владеет рабочий, каким путем он получил профессию) и в заключение домашний адрес.

Обобщение данных анкеты дает достаточно четкую картину современного состава рабочих кадров, культурно-технического уровня рабочих. Вместе с тем это помогает осветить сложный вопрос о той роли, которую играли в процессе развития социалистического быта этнические и сплетавшиеся с ними другие традиции, присущие определенной социальной группе, откуда вышел рабочий.

Особенности проявления указанного процесса в рабочей среде обусловлены спецификой рабочего коллектива: разновременностью его пополнения, крайней сложностью национального и областного состава. Так, анкетное обследование даже в таком старом промышленном центре, как Нижний Тагил, показало, что огромное число новых рабочих — выходцы примерно из ста областей и краев страны и отдельных национальных республик. Причем пополнение это идет в основном за счет сравнительно небольших групп (от 2—5 до 20—40 человек и в отдельных случаях до 80 человек) от отдельных областей. К тому же в преобладающем большинстве семей супруги являются уроженцами разных областей.

---

[18] См. А. И. Робакидзе. Указ. соч.

Особенно сложный национальный состав имеет рабочий класс республик, ранее не располагавших своей промышленностью. Здесь в формировании квалифицированных кадров большую роль сыграли более опытные рабочие других национальностей, особенно русские и украинцы [19]. Совместный труд и совместная борьба за национальное и социальное освобождение способствовали сближению различных национальных групп рабочих. В частности, участились смешанные браки, играющие, как указывают этнографические материалы, важную роль в перестройке быта, преодолении былой его замкнутости. Вот почему учет этнического состава рабочих кадров имеет большое значение. Он позволяет более глубоко и обоснованно ставить проблему национальных взаимосвязей и взаимодействий и их роли в процессе складывания новых сторон быта.

При изучении культуры и быта рабочих основным методом являются обычные приемы этнографического исследования — непосредственное наблюдение. При этом отправной точкой исследования является семья. Особенно плодотворные результаты дало сравнительное изучение нескольких поколений семьи, ее материальной и духовной культуры [20].

Метод непосредственного опроса в настоящий момент, естественно, позволяет получить сведения не ранее 80-х годов прошлого века. Однако, поскольку этнограф имеет дело с живыми явлениями, в которых наряду с возникновением новых сохраняются и старые элементы (чаще всего уже в преобразованном виде), ретроспективное изучение позволяет осветить и более ранние этапы развития семьи.

Многое может дать и использование архивных материалов. Как показал опыт в Нижнем Тагиле, важным источником для изучения истории развития рабочей семьи в этом старейшем промышленном центре являются ревизские сказки XVIII и особенно первой половины XIX в., дающие ясную картину форм и состава семьи в дореформенный период. Большой интерес представляют также содержащиеся в том же архиве документы (первой половины XIX в.), характеризующие жилые постройки заводского поселка [21], что в сопоставлении с полевым этнографическим исследованием дает возможность досконально изучить типы усадеб и жилища в Нижнем Тагиле и процесс их развития.

При изучении современной семьи, как колхозной, так и рабочей, этнографы широко применяют специальные анкетные обследования. Применительно к рабочей среде такое обследование имеет некоторую специфику: при многочисленности заводских кадров оно, естественно, носит выборочный характер. Самый принцип отбора должен быть глубоко продуман: выборочное обследование следует проводить возможно более полно, с учетом соотношения коренного и приезжего населения, ибо лишь это обеспечит объективность статистического материала. Посемейная карточка содержит сведения о составе семьи, родственных отношениях, месте рождения и национальности членов семьи, их возрасте, образовании и профессиях, данные о членах семьи, живущих отдельно от родителей, а также сведения о бюджете семьи и некоторых сторонах материального быта.

---

[19] По этому вопросу интересные материалы содержатся в вышеуказанных работах Ш. Аннаклычева, а также в подготовленной к печати статье Ф. Арикова «К вопросу формирования узбекского рабочего класса (По материалам заводов сельхозмашиностроения)».

[20] См. А. И. Робакидзе. К некоторым вопросам этнографического изучения нового быта. Журнал «Советская этнография», 1952, № 2.

[21] Таковы документы, содержащиеся в Нижне-Тагильском краеведческом архиве: «Книга на внесение планов и фасадов обывательских домов Н.-Тагильского завода» (1834 г.); «Книга по записи планов, выдаваемых заводским жителям на постройку домов при Нижне-Тагильском заводе и принадлежащих к нему селениях» (1841 г.) и др. Интересная попытка восстановить тип городского и сельского жилища по данным переписных книг сделана В. А. Александровым в статье «Русское жилище в Восточной Сибири в XVII—начале XVIII века» (журнал «Советская этнография», 1960, № 2).

Построенная на принципе совмещения данных, характеризующих взаимосвязь социально-экономических, культурных и бытовых явлений, посемейная карточка дает материал не только для изучения семьи, ее быта, но и для правильного уяснения характера и направления тех общих изменений, которые происходят в культуре и быту всего населения. Анкетное обследование, проводимое на дому, в семьях рабочих, позволяет накапливать огромное количество живых, непосредственных наблюдений над современным бытом рабочих.

В дополнение к посемейной анкете, направленной в основном на изучение современного быта, разработана анкета, касающаяся генеалогии рабочей семьи. Она содержит следующие графы: место рождения, национальность, родной язык, социальное положение и занятия родителей главы семьи (на которого составлена посемейная карточка), его дедов и прадедов с отцовской и материнской стороны, данные о хозяйстве семьи и некоторых элементах материальной культуры. Анкетой предусматривается выяснение исторических корней ряда важнейших бытовых явлений, которые в современном их состоянии фиксируются посемейной анкетой.

Проведение анкетных обследований обеспечивает более обоснованный и правильный отбор отдельных семей для дальнейшего детального изучения их в свете тех проблем, о которых говорилось выше[22].

Все высказанные соображения, конечно, очень неполны. Этнографическое изучение рабочего класса в значительной мере находится еще в стадии исканий, первоначальных опытов. Работа эта развернулась далеко не во всех республиках.

Следует отметить, что до сих пор ни один из исследовательских институтов, в частности Институт этнографии АН СССР, еще не имеет сколько-нибудь крупных исследовательских коллективов этнографов по изучению рабочего класса. Монографические исследования крупнейших и сложнейших объектов ведутся кустарно, обычно силами одного-двух человек, что растягивает работу на годы; в ряде случаев важные исследования остаются незавершенными. Назрела необходимость перейти к повсеместному планомерному, систематическому изучению культуры и быта рабочего класса, выработке общего перспективного плана, с охватом основных для той или иной республики промышленных районов, ведущих отраслей промышленности.

В не меньшей степени необходим живой обмен суждениями, наблюдениями, материалами, всем опытом по изучению данной проблемы. Дискуссии, конференции, широкая публикация материалов и исследований по этнографии рабочих, несомненно, будут содействовать более углубленной теоретической разработке этой сложнейшей проблемы, помогут найти и более четкую методику ее исследований.

---

[22] О применении анкетного обследования см. Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянская, Л. Н. Терентьева. Об организации и методике полевых этнографических исследований. Журнал «Советская этнография», 1956, № 3.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПРОТИВ «ВТОРОЙ КОРНИЛОВЩИНЫ»

Н. Я. Иванов

В последние годы советские историки проявляли немалый интерес к вопросу о заговоре русской и международной империалистической буржуазии против назревавшей социалистической революции в России, который В. И. Ленин называл «второй корниловщиной». В частности, значительное место ему уделено в работах М. И. Капустина, Л. С. Гапоненко, Г. И. Журавлева [1]. Некоторые интересные факты о действиях контрреволюционных заговорщиков на Балтике имеются в книге А. С. Пухова [2]. Для истории политической подготовки «второй корниловщины» ценны статьи Г. Н. Голикова и Н. Ф. Славина [3]. Отдельные новые факты по этому вопросу можно встретить в книге А. Е. Иоффе, в документальных публикациях, вышедших в связи с 40-летием Октябрьской революции, в мемуарах А. И. Верховского, М. Д. Бонч-Бруевича и др. [4].

Однако в изучении вопроса о «второй корниловщине» имеются и серьезные пробелы. Например, в «Истории гражданской войны в СССР» (т. II) чрезмерно преувеличивается роль так называемых «быховских узников» во главе с Корниловым [5]. Г. И. Журавлев рассматривает «вторую корниловщину» преимущественно как военный заговор ставки и т. д.

Исходя из ленинских указаний, автор пытается показать, что этот крупнейший контрреволюционный заговор готовился не только ставкой и некоторыми генералами. Накануне Октября в основном оформился сговор всех врагов социалистической революции — от кадетов и руководящих кругов международного империализма до правых эсеров и меньшевиков. Статья преследует цель раскрыть решающую роль партии большевиков, В. И. Ленина в разоблачении и срыве этого заговора.

Начало подготовки «второй корниловщины» трудно отделить от конца первой. Вследствие предательского поведения эсеров и меньшевиков разгром мятежа Корнилова не привел к отстранению от власти тайных и явных корниловцев во главе с Керенским. В. И. Ленин, снова разъясняя в те дни, что вопрос о государственной власти является самым глав-

---

[1] М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М. 1957; Л. С. Гапоненко. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). М. 1953; Г. И. Журавлев. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Исторические записки». Т. 56. 1956.

[2] А. С. Пухов. Моонзундское сражение. Л. 1957.

[3] Г. Н. Голиков. Демократическое совещание и провал соглашательской политики эсеро-меньшевиков. «Исторические записки». Т. 41. 1952; Н. Ф. Славин. Кризис власти в сентябре 1917 г. и образование Временного совета республики (Предпарламент). «Исторические записки». Т. 61. 1957.

[4] А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. М. 1958; А. И. Верховский. На трудном перевале. М. 1959; М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М. 1957. Из-за ограниченности объема статьи автор не называет ряд работ советских историков, касающихся вопроса о «второй корниловщине».

[5] «История гражданской войны в СССР». Т. II. М. 1943, стр. 16—17.

ным вопросом всякой революции, писал: «Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам..., либо корниловщина»[6].

Известно, что в дни борьбы с корниловским заговором возникла новая, отмеченная В. И. Лениным возможность мирного перехода власти в руки Советов[7]. Налицо был наиболее глубокий за время революции кризис буржуазного коалиционного правительства. Начало ему было положено уходом в отставку министров-кадетов (с целью расчистки места для диктатуры Корнилова)[8] и демагогическим заявлением соглашательских лидеров о разрыве с партией кадетов ввиду ее участия в заговоре[9]. Вместе с тем бурно нарастала политическая активность Советов, освобождавшихся от эсеро-меньшевистских пут. Только с 28 августа по 1 сентября более 200 местных Советов известили ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов о принятых ими решительных мерах для подавления контрреволюционных заговорщиков[10]. По сообщениям печати, 126 Советов отвергли в эти дни соглашательскую политику ЦИК[11].

Учитывая круто изменившуюся обстановку, большевики по поручению своего Центрального Комитета предложили 31 августа пленарному заседанию ЦИК и Исполкому Советов крестьянских депутатов решить вопрос о переходе власти к Советам и наметили программу революционных действий рабоче-крестьянской власти[12]. Но эсеро-меньшевистское большинство ЦИК, спасая колебавшуюся власть буржуазии, отвергло это предложение. Одновременно соглашатели предпринимали новые попытки обессилить Советы, свести их на нет. С этой целью было решено подменить намечавшийся на сентябрь созыв 2-го Всероссийского съезда Советов так называемым Демократическим совещанием[13]. В тех же целях (сохранения власти буржуазии) ЦИК поспешил выразить доверие Директории (Керенский, Никитин, Терещенко, Верховский и Вердеревский), которая была создана взамен развалившегося коалиционного правительства[14]. В итоге новой измены эсеров и меньшевиков интересам революции и народа создались политические условия для второго «пришествия» корниловщины.

Особенно активную роль в развязывании сил как первой, так и «второй корниловщины» играл министр-председатель Временного правительства эсер Керенский, о котором В. И. Ленин писал, что он «был и остается самым опасным корниловцем»[15]. После самоназначения 30 августа верховным главнокомандующим Керенский сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Напуганный переходом Петроградского Совета 31 августа на позиции большевиков, он пытался реализовать корниловский план разгрома питерского революционного авангарда. Об этом свидетельствовало появление на заводах и в казармах Петрограда многочисленных провокаторов, которые подбивали рабочих и солдат к немедленному выступлению на улицы, а также приведение в боевую готовность юнкеров, приказ о роспуске всех вооруженных отрядов и комитетов, созданных для борьбы с заговором, и др. Палаческие намерения Керенского неопровержимо обличает и его приказ от 2 сентября 1917 г. (под грифом «весьма секретно») о немедленном сосредоточении частей 3-го конного корпуса в районе Павловск—Царское Село—Гатчина—Петергоф якобы для

---

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 344.
[7] См. там же, стр. 283.
[8] В. Д. Набоков. Временное правительство. М. 1923, стр. 74—75.
[9] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 6978, оп. 1, д. 138, лл. 213—217 (заявления Скобелева, Авксентьева, Церетели на заседании ЦИК 30 августа 1917 года).
[10] Там же, д. 624, лл. 1—25.
[11] «Рабочий», 1 сентября 1917 года.
[12] ЦГАОР и СС, д. 138, лл. 220—221.
[13] Там же, д. 117, л. 2.
[14] Там же, д. 138, л. 235.
[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 121.

последующей их отправки в Финляндию[16]. Командир корпуса генерал Краснов писал впоследствии, что из дислокации корпуса была ясна истинная цель Керенского: удар по Петрограду. 4 сентября командующий столичным военным округом генерал Теплов в беседе с Красновым подтвердил, что важнейшей задачей корпуса являлся разгром Петроградского Совета[17].

Но большевистская партия своевременно разгадала и сорвала план Керенского. Она обратилась к рабочим и солдатам Петрограда с призывом воздержаться от преждевременных выступлений. В воззвании Центрального и Петербургского Комитетов большевиков 1 сентября говорилось: «Кто-то, стоящий за спиной Керенского,— старые знакомцы, милюковцы — хочет вызвать нас на бой сегодня, сейчас же, чтобы воспользоваться близостью корниловских войск, пролить кровь питерских рабочих, кронштадтских и выборгских матросов... Будем бдительны, будем осторожны, но не поддадимся на провокацию, примем бой не тогда, когда этого хотят наши враги»[18].

Одним из главных условий подготовки «второй корниловщины» явилось сохранение Керенским у руководства армией генералов-корниловцев. Генерал Алексеев был назначен начальником штаба верховного главнокомандующего. Отправляясь в ставку в Могилев, Алексеев, по его словам, трижды взял с Керенского «честное слово, что Корнилов будет помилован»[19]. По пути Алексеев бесцеремонно поносил местные революционные организации за принятые ими меры борьбы с заговором. В Орше он приказал распустить 5-тысячный отряд, созданный для похода на ставку[20]. По прибытии в Могилев Алексеев около 8 часов совещался с Корниловым, взвешивая шансы «за» и «против» продолжения мятежа. Только угроза удара революционных сил по ставке заставила их отказаться от выработанного плана. Корнилов и его ближайшие сообщники были объявлены арестованными, а генерал Алексеев, став фактическим хозяином ставки, немедленно приступил к подготовке «второй корниловщины».

Следственной комиссии, которая направлялась в Могилев, Керенский дал указание «сузить следствие небольшим кругом лиц, причастных к заговору»[21], что нужно было расценивать как попытку скрыть участие в заговоре партии кадетов, «общественных деятелей», финансистов, иностранных агентов, самого Керенского и др. Позднее Керенский заверил кадетских лидеров Маклакова и Аджемова в том, что он не допустит суда над Корниловым и его сообщниками[22].

Временное правительство оставило нетронутым один из главных очагов корниловщины — на Дону — во главе с генералом Калединым. Первоначально оно объявило Каледина мятежником, но затем круто изменило позицию. 4 сентября Керенский телеграфировал в Новочеркасск, что Временное правительство «признало возможным» не применять ареста в отношении Каледина и лишь потребовало от него прибытия в Могилев для дачи показаний следственной комиссии[23].

Безнаказанность Каледина вызвала огромное возмущение в стране. Чтобы несколько успокоить негодующие массы, 8 сентября в Новочеркасск прибыла делегация ЦИК во главе с бывшим министром меньшевиком Скобелевым. В этот день происходило заседание большого казачьего круга. Речь Скобелева, который настаивал на явке Каледина в Могилев,

---

[16] ЦГАОР и СС, ф. 3, оп. 1, д. 269, л. 2.
[17] «Октябрьская революция». Мемуары. М.-Л. 1926, стр. 36—37.
[18] «Рабочий», 2 сентября 1917 года.
[19] А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. 2. Париж. 1922, стр. 78.
[20] «Известия Московского Совета Р. и С. Д.», 12 сентября 1917 года.
[21] Материалы ЦГАОР и СС.
[22] А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 98.
[23] «Вольный Дон», 5 сентября 1917 года.

была прервана. Выступивший затем Каледин угрожал: «Корнилов уничтожен, но пусть знают, что корниловщина будет жить... Этого у нас никто не вырвет»[24]. В телеграмме правительству и ЦИК Войсковой круг потребовал полной реабилитации Каледина и восстановления его в должности войскового атамана[25]. Это наглое требование белоказачьей вандеи было выполнено Керенским.

В статье «Один из коренных вопросов революции», опубликованной в газете «Рабочий путь» 14 сентября, В. И. Ленин дал предельно точную политическую оценку поведения Временного правительства. Он писал: «И кто не хочет нарочно закрывать глаз, тот не может не видеть, что после корниловщины правительство Керенского все оставляет по-старому, что оно на деле восстановляет корниловщину. Назначение Алексеева, «мир» с Клембовскими, Гагариными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым — все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстановляет корниловщину»[26]. Без перехода власти к Советам, указывал Владимир Ильич, нельзя ни подавить корниловскую контрреволюцию, ни расследовать ее, ни «обеспечить Россию от неизбежного повторения «корниловских» попыток»[27]. Есть только один выход из создавшегося положения, учил В. И. Ленин: сосредоточение всех сил партии на подготовке победоносного пролетарского восстания, которое вырвет власть у корниловцев, устранит опасность новой корниловщины.

Тем временем эсеры и меньшевики предприняли новые шаги к укреплению позиций корниловцев. Одним из звеньев в обеспечении подготовки «второй корниловщины» был созыв эсерами и меньшевиками так называемого Демократического совещания 14 сентября в Петрограде. Соглашатели подтасовали его состав, резко ограничив представительство основных массовых организаций (Советов, профсоюзов, фабзавкомов) и обеспечив преобладание делегатов от разных мелкобуржуазных и буржуазных организаций (земств, коопераций, организаций офицерства, зажиточного казачества и др.). Разоблачая эсеро-меньшевиков как «героев подлога», В. И. Ленин писал, что «Демократическое совещание не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи»[28].

В результате совещания возник Временный совет республики (предпарламент), состоявший из 555 членов. Этот орган был сформирован в окончательном виде кадетами в сговоре с Керенским и соглашательскими лидерами — Церетели, Авксентьевым, Чхеидзе, Даном и др.[29]. Отбросив решение Демократического совещания об ответственности Временного правительства перед вновь созданным органом, кадеты с кликой Керенского признали за предпарламентом лишь совещательные права. Одновременно они резко увеличили в нем представительство буржуазии с кадетами во главе. Даже меньшевик Дан, один из инициаторов создания предпарламента, вынужден был признать впоследствии, что «Совет республики был ублюдочным, компромиссным учреждением»[30].

Цель создания предпарламента, этой, по меткой характеристике В. И. Ленина, «церетелевски-булыгинской думы», состояла в том, чтобы видимостью контроля «народного» представительного органа прикрыть контрреволюционную политику Временного правительства. «Вся суть

---

[24] ЦГАОР и СС, ф. 6978, оп. 1, д. 260, лл. 14—15.
[25] Там же, д. 382, лл. 18—20.
[26] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 344.
[27] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 44.
[28] Там же, стр. 1.
[29] См. В. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 121—123; Н. Ф. Славин. Указ. соч., стр. 48—50.
[30] «Октябрьская революция». Мемуары, стр. 115.

предпарламента,— писал В. И. Ленин,— бонапартистский подлог...»[31], то есть игра в надклассовость власти, лавирование между крайними борющимися силами — буржуазией и пролетариатом, готовыми вступить в смертельную схватку. С помощью предпарламента буржуазия в сговоре с эсеро-меньшевистскими верхами рассчитывала усыпить революционную бдительность масс, сдержать бьющее через край народное негодование, оторвать от масс большевизирующиеся Советы, выиграть время для подготовки разгрома революции посредством установления генеральско-кадетской диктатуры.

В. И. Ленин призвал партию большевиков бойкотировать предпарламент. Он предложил выдвинуть перед революционными массами ясный лозунг: «...разогнать бонапартистскую банду Керенского с его поддельным предпарламентом...» Что касается меньшевиков и эсеров, то «они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров,— призывал Владимир Ильич.— Беспощадная борьба с ними. Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими друзьями Кишкиных, друзьями корниловских помещиков и капиталистов»[32].

Керенский при активном участии эсеро-меньшевистских главарей Церетели, Авксентьева, Чернова, Дана и др. 24 сентября завершил переговоры с кадетами о сформировании «нового» коалиционного правительства. Его ядро составили шесть министров-капиталистов, а остальные десять министерских постов были распределены между эсерами, меньшевиками и «беспартийными специалистами». Заместителем министра-председателя стал крупный промышленник Коновалов.

С помощью эсеров и меньшевиков корниловцы-кадеты снова фактически возглавили власть в стране. Соглашательские партии, потерявшие после корниловского мятежа доверие большинства народа, были уже бессильны перед кадетами. В этом состояло одно из существенных отличий «новой» коалиции от прежних.

Внутренняя и международная реакция приветствовала создание правительства Керенского—Коновалова как правительства удушения революции. Кадетская «Речь» выражала надежду, что это правительство сумеет наконец установить в стране «порядок». Французская пресса писала о нем как о «самом серьезном» русском правительстве за время революции, первой обязанностью которого является «подавление анархии» и восстановление боеспособности армии[33].

Трудящиеся массы быстро распознали крайне враждебный революции характер нового правительства. Этому способствовала деятельность большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина. Большевики беспощадно разоблачали происки заговорщиков. В этой связи важное значение имело обращение ЦК РСДРП(б) 30 сентября 1917 года[34]. Многие Советы, в том числе Петроградский, Московский, Харьковский, Одесский, Красноярский, Гельсингфорсский, выразили «новому» правительству недоверие. Рабочие Петрограда и матросы Балтфлота в многочисленных резолюциях фактически отказались признавать его власть.

В области внешней политики это правительство направило свои усилия на сохранение тесных связей с международным империализмом, которые были скреплены тайными военными договорами и финансово-экономическими обязательствами. В области внутренней политики оно

---

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 35.

[32] Там же, стр. 36.

[33] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) (Ленинградский филиал), ф. 11, оп. 1, д. 4974, л. 311, 1917 г. Обзор иностранной печати (для генерального штаба).

[34] «КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Июль—ноябрь 1917 г.». Сборник документов. М. 1957, стр. 61—64.

пошло по пути резкого усиления карательных мер против революционных рабочих, солдат и крестьян, проявляло полную непримиримость к стремлению угнетенных народов добиться национального самоопределения. При «новом» правительстве еще более открыто стала проводиться политика «экономической корниловщины». За капиталистами было официально признано право на локауты. Пользуясь этим, капиталисты к октябрю 1917 г. закрыли на Урале половину всех предприятий. В Екатеринославе в октябре было выброшено на улицу 50 тыс. рабочих. 9 октября Главный экономический комитет при Временном правительстве удовлетворил ходатайство предпринимателей о закрытии части предприятий и сокращении производства в Московском промышленном районе[35]. Московские фабриканты и заводчики подготавливали увольнение 300 тыс. рабочих.

Волна локаутов росла и ширилась, захватывая новые районы страны. Разоблачая замыслы реакции, В. И. Ленин в это время писал: «Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков»[36].

Резко ухудшилось продовольственное положение страны. В конце сентября съезд представителей Балтийского флота констатировал в своем решении, что правительственные учреждения «ставят колоссальнейшие препятствия» в снабжении флота продовольствием и что это «грозит в конце концов ужасной катастрофой — оставить флот без продуктов»[37]. В начале октября в министерство продовольствия поступило сообщение о катастрофическом положении со снабжением войск Московского и Петроградского военных округов. Так, в Петрограде войска имели запас продуктов лишь на три дня[38]. Петроград получил в октябре лишь половину установленной ему нормы хлеба. Вместе с тем правительство отказало городским организациям в праве контроля за расходованием большого количества продовольственных грузов, поступавших в частные адреса[39].

Реакция преднамеренно ставила революционные центры страны в особенно трудное положение. Локауты, безработицу, голод буржуазия рассматривала как своих союзников в подготовке удушения революции.

Под защитой Временного правительства контрреволюция разрабатывала программу «второй корниловщины». 12 октября в Москве открылся съезд «общественных деятелей», в основном с той же целью, что и Государственное совещание в августе. Одновременно происходил съезд партии кадетов. Решения этих двух центров контрреволюции были сходны. Они потребовали продолжения войны, «восстановления боеспособности армии» в полном соответствии с программой Корнилова, установления «твердой власти», имеющей военный характер (то есть военной диктатуры), разгрома крестьянского движения и сохранения помещичьего землевладения, независимости предпринимателей от рабочих организаций[40].

Это была программа установления неограниченной буржуазно-помещичьей диктатуры в стране.

---

[35] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Часть I. М.-Л. 1957, стр. 426—427.

[36] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 299.

[37] «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник документов. М.-Л. 1957, стр. 222.

[38] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Часть II. М.-Л. 1957, стр. 287.

[39] Там же, стр. 351, 359.

[40] «История гражданской войны в СССР». Т. I. Изд. 2-е. М.-Л. 1938, стр. 244—245; «Русские ведомости», 13—15 октября 1917 года.

Контрреволюция развернула также весьма активную идеологическую подготовку второго «пришествия» российского Кавеньяка. Для этого наряду с новой мутной волной клеветы на большевиков и революционные массы широко использовалась шумная кампания за реабилитацию Корнилова, начатая всей реакционной прессой около середины сентября. Реакционная пресса пыталась представить Корнилова как «честного солдата-патриота», но неопытного политика. Злодейский корниловский план кровавого подавления революции она изображала как «акт патриотического отчаяния» и т. п. Тем самым реакционные силы стремились реабилитировать корниловщину, усыпить революционную бдительность масс, отвлечь их внимание от подготовки «второй корниловщины».

Но некоторые буржуазные газеты и черносотенные листки, вроде «Общего дела» Бурцева, в своем желании всячески выгородить Корнилова явно перестарались по части шумных разоблачений Керенского. Этот тайный корниловец нужен был буржуазии. Поэтому кадетская «Речь» поспешила поправить зарвавшихся писак. Она выступила в защиту Керенского и даже назвала разоблачения его «происками большевиков».

Предпарламент, в котором преобладали эсеро-меньшевики и их сторонники, на заседании 12 октября бурно аплодировал заявлению Струве о невиновности Корнилова [41].

Большевики разгадали политические цели кампании за реабилитацию Корнилова и сорвали расчеты врагов революции. Большевистская печать путем систематического разъяснения помогла массам усвоить уроки корниловщины. Особенно крупную роль в этом отношении сыграла статья В. И. Ленина «Русская революция и гражданская война», опубликованная 29 сентября в газете «Рабочий путь» [42]. Серьезное значение имели статьи И. В. Сталина «Иностранцы и заговор Корнилова», «Заговор против революции» [43], а также статьи Ф. Э. Дзержинского и других деятелей партии. Следуя указаниям В. И. Ленина, большевики разъясняли уроки корниловщины, разоблачали подготовку контрреволюцией нового, еще более грозного заговора, звали массы к восстанию.

Благодаря большевистской партии и В. И. Ленину новый контрреволюционный заговор буржуазии не застал массы врасплох, вследствие чего он был обречен на полный провал.

Активным вдохновителем «второй корниловщины», так же как и первой, был международный империализм. Руководящие политические деятели «союзных» стран—Ллойд Джордж, Пуанкаре, Вильсон—не скрывали своей надежды на подавление русской революции с помощью военной диктатуры. «Что англо-французский капитал и империализм за кадетов и за корниловщину, это доказано длинным рядом политических выступлений и прессой» [44],— писал В. И. Ленин.

Провал корниловского мятежа вызвал в кругах международной реакции разочарование и раздражение. Реакционная французская газета «Figaro» писала: «Русские и штатские и военные разговаривают хорошо, но действовать не умеют» [45]. Другая правая французская газета, «Excelsior», с не меньшим раздражением сокрушалась: «Корнилов не обладает значительной армией, он оказался хвастуном, вместо того что-

---

[41] «Русские ведомости», 13 октября 1917 года.
[42] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 10—23.
[43] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 286—288, 337—357.
[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 14—15.
[45] ЦГВИА (Ленинградский филиал), ф. 11, оп. 1, д. 4974, 1917 г., л. 162. Обзор иностранной печати (для генерального штаба).

бы оказаться диктатором»[46]. Английские газеты презрительно называли Керенского болтуном, а Корнилова упрекали за плохую подготовку заговора.

Международная реакция оказывала русской буржуазии всемерную помощь в организации новой корниловщины. Некоторые реакционные органы английской и французской печати в неистовой злобе против русской революции не останавливались даже перед требованием немедленной интервенции в России. Они предлагали использовать для этой цели в первую очередь японские войска[47].

Правительства Англии, Франции, США в октябре 1917 г. вступили в переговоры с Японией. Они предлагали ей послать свои войска в Россию[48], якобы в целях стабилизации русского фронта.

Империалистические державы неприкрыто вмешивались во внутренние дела России. Английский посол в Петрограде Бьюкенен сообщает в своих мемуарах, что немедленно после провала корниловского заговора он совместно с послами Франции, Италии и США разработал коллективную ноту Временному правительству. Эта нота фактически предписывала последнему направление его военной и внутренней политики[49]. Нота была вручена Керенскому 26 сентября. Она требовала от Временного правительства «сосредоточить всю свою энергию на продолжении войны» и «решительных мероприятий для поддержания внутреннего порядка», то есть подавления революции. Неисполнение этих требований, как дали понять послы, повлечет прекращение военных поставок и отказ в дальнейших кредитах[50]. Это вмешательство во внутренние дела России было столь бесцеремонным, что вызвало некоторое недовольство даже у Керенского. Впрочем, министр иностранных дел Терещенко поспешил пояснить Бьюкенену причину этого недовольства. «Он (Терещенко.— *Н. И.*) сказал,— пишет английский посол,— что Керенскому было досадно, что мы делаем такие представления как раз в тот момент, когда он делал все возможное, чтобы исполнить наши желания»[51].

Вмешательство империалистов союзных стран во внутренние дела России зашло так далеко, что даже проектировалась посылка их «особоуполномоченного комиссара» при Временном правительстве. Для этой роли предназначался французский правый социалист Альбер Тома. Официальная цель его предполагавшейся миссии состояла в оказании помощи по восстановлению военной мощи России, неофициальная — в ускорении подготовки разгрома революции. «Социалистическая» окраска этого верного слуги империализма должна была скрыть действительные цели возложенных на него задач. И только боязнь зарубежных империалистов слишком обнаружить свой нажим на Временное правительство заставила их отказаться от посылки в Россию своего «особоуполномоченного»[52].

Но англо-французские и американские империалисты располагали достаточными средствами для решающего влияния на внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства и без специального комиссара. За время войны они еще более закабалили Россию. Значительная часть русского золотого запаса перешла в сейфы английского казначейства в качестве гарантии долговых обязательств. Новые кредиты и военные поставки России неизменно обусловливались дальнейшим усилением контроля над ее правительством, вооруженными силами

---

[46] Там же.
[47] ЦГВИА (Ленинградский филиал), ф. 11, оп. 1, д. 4974, 1917 г., лл. 216, 266.
[48] См. А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 328—329.
[49] Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М. Б. г., стр. 258—259.
[50] «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Часть II, стр. 513—514; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 259
[51] Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 260.
[52] А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 316.

и экономикой. Россию наводняли всевозможные иностранные агенты, шпионы, дельцы. Широко практиковался подкуп политических деятелей, органов печати. Среди платных американских агентов были такие видные эсеры, как Брешко-Брешковская, Чайковский, министр Временного правительства Маслов, адъютант Керенского Соскис и др. Только на американские деньги в России издавалось 17 газет крайне реакционного направления[53].

Во время подготовки «второй корниловщины» наблюдалась особенно большая активность агентов иностранного империализма в кругах Временного правительства, в ставке, среди кадетов, «общественных деятелей» и т. п.

В. И. Ленин, партия большевиков неустанно разоблачали контрреволюционные происки сил международной реакции и раскрывали их тесную связь с правящими кругами России. Они разъясняли народу, что только победа социалистической революции может сорвать тайный сговор отечественных и иностранных империалистов, обрекавший страну на расчленение и порабощение.

Одно время известные надежды международная реакция возлагала на удушение русской революции посредством сепаратного мира Англии, Франции и США с Германией за счет России. За спиной Временного правительства «союзники» вели переговоры с Германией и Австрией во время подготовки Стокгольмской конференции (апрель — июнь 1917 г.). В целях объединения сил международного империализма против русской революции в роли посредника между воюющими группировками выступил Ватикан. В ходе переговоров германские империалисты требовали уступки им Прибалтики и Польши, превращения Украины в их вассала, сохранения за Германией захваченных ею территорий Бельгии, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии[54]. Германские требования обсуждались на секретном заседании французского кабинета министров 18 сентября[55]. Но противоречия между двумя группами империалистических держав оказались тогда сильнее их лютой ненависти к революционной России. Переговоры затягивались.

По скудным сведениям, просачивавшимся в печать об этих переговорах, В. И. Ленин с гениальной проницательностью разгадал планы врагов революции. Он призывал не верить лживым опровержениям и успокоительным заверениям Временного правительства. «...Глухие, но упорные слухи о сепаратном мире Англии с Германией «за счет России» не могли возникнуть беспричинно»[56],— писал Владимир Ильич. Он настойчиво добивался уяснения большевистской партией глубины нависшей опасности. «...Мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции,— подчеркивал В. И. Ленин.— Задушить ее во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за счет России — вот к чему подходит международный империализм все ближе»[57].

Поиски империалистами путей к миру, разъяснял он, являются одним из показателей обострения кризиса мирового капитализма, вызванного могучим влиянием русской революции на подъем антивоенного и освободительного движения трудящихся всех стран. Партия большевиков, основывающая свою стратегию и тактику на строго научной оценке объективной исторической обстановки, напоминал В. И. Ленин, не может не использовать момент наивысших колебаний в лагере империализма для захвата власти. Партия, взяв власть, про-

---

[53] А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США (1918—1920 гг.). М. 1952, стр. 23.
[54] А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 323, 328.
[55] Там же, стр. 324.
[56] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 121.
[57] Там же, стр. 155.

тивопоставит грабительскому контрреволюционному миру империалистов подлинно демократическую, революционную программу мира. Тем самым она заручится симпатией и поддержкой измученных войной народов, спутав при этом все расчеты врагов. Указания В. И. Ленина впоследствии были претворены в жизнь большевиками.

В августе 1917 г. Германия пыталась завязать переговоры о сепаратном мире непосредственно с Россией. Но в правящих кругах и среди высшего командования господствовало мнение, что обстановка войны более всего благоприятствует подготовке удушения революции. В этой связи характерно, что предложение военного министра Верховского использовать немедленное заключение мира для предотвращения восстания в столице, внесенное на заседании Временного правительства 18 октября, было отвергнуто. Министр иностранных дел Терещенко заявил по этому поводу, что «о мире не может быть и речи» [58]. Двумя днями позднее предложение о мире не получило поддержки и на совместном заседании комиссий предпарламента по военным и иностранным делам [59]. Керенский, по словам Верховского, допускал лишь такую последовательность событий: сначала разгром революции, потом мир [60]. Лишь сравнительно немногие руководящие деятели буржуазии и часть меньшевиков склонялись к мнению, что заключение мира — последний шанс на спасение буржуазной власти [61].

Силы контрреволюции, воздерживаясь от сепаратного мира, возлагали все возрастающие надежды на военное поражение России, на разгром революции штыками немецких оккупантов. Еще в июле 1917 г. наиболее оголтелый реакционер Пуришкевич «разъяснял» на частном совещании Государственной думы, что «враг внутренний» (то есть революционные массы.— *Н. И.*) «несравненно более опасен», чем «враг внешний» [62]. Предательство контрреволюционных генералов под Тарнополем в июле, сдача Корниловым Риги немцам в августе, подготовка сдачи врагу Балтийского флота и Петрограда неопровержимо доказывали переход буржуазии к контрреволюционному пораженчеству.

В. И. Ленин разъяснял партии и массам, что отклонение мира и пораженчество правящей реакции не менее опасно, чем стремление англо-французского блока к сепаратному миру с Германией за счет России. «...Корниловские генералы и офицеры, оставаясь у власти, несомненно откроют фронт немцам умышленно, как они сделали с Галицией и Ригой» [63],— писал В. И. Ленин в конце сентября. Только немедленное свержение власти империалистической буржуазии, переход всей власти к Советам, указывал он, в состоянии предотвратить новые, еще более чудовищные измены корниловцев, их сделки с германскими и «союзными» империалистами против революционного народа России.

Особое внимание контрреволюция уделяла военной подготовке «второй корниловщины». Подготовка открытия немцам фронта, сдачи Петрограда и Балтийского флота, попытки вывода революционных частей из Финляндии и столицы, расформирование большевистски настроенных полков и преднамеренная посылка их на верную смерть, на самые угрожаемые участки фронта, усиленное комплектование «белой

[58] А. И. Верховский. Указ. соч., стр. 383—384.
[59] Там же, стр. 394.
[60] Там же, стр. 383.
[61] В. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 81—82; «Октябрьская революция». Мемуары, стр. 121—122.
[62] «Буржуазия и помещики в 1917 г. Стенограммы частных совещаний членов Государственной думы». М.-Л. 1932, стр. 205.
[63] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 40.

гвардии» буржуазии, подготовка плацдармов контрреволюции в казачьих районах, стягивание казаков и юнкеров к революционным центрам, провокации, аресты, расправы — таков неполный перечень военных приготовлений корниловцев второго призыва.

В. И. Ленин требовал от большевиков самого пристального внимания к военным приготовлениям врагов революции. Он писал в конце сентября: «...Правительство имеет войско и систематически готовится (Керенский в ставке, явное дело, столковывается с корниловцами о войске для подавления большевиков и столковывается деловым образом)». И тут же подчеркивал: «История сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный»[64]. Сдача врагу Петрограда — ближайшая цель корниловцев, многократно предупреждал В. И. Ленин.

8 сентября на Северном фронте был предательски сдан Якобштадтский плацдарм, при этом были поставлены под удар и понесли тяжелые потери наиболее революционные 184-я и 60-я дивизии[65]. Сдача этого плацдарма усугубляла и без того угрожаемое положение Петрограда. За этим последовал новый шаг в подготовке сдачи столицы врагу. 22 сентября после совещания с Керенским командующий Северным фронтом генерал Черемисов отдал приказ о наступлении четырех корпусов 12-й армии, которые защищали подступы к Петрограду на Венденских позициях[66]. Части этой армии были совершенно не подготовлены к активным боевым операциям, и приказ о наступлении имел чисто провокационную цель: поставить их под удар. Солдаты, распознав контрреволюционный смысл приказа, категорически отказались его выполнять. Черемисов затем признавался, что это наступление «привело бы лишь к худшему погрому»[67].

Для обороны Петрограда большое значение имел его боевой страж — Кронштадт. Учитывая это, а также революционную роль Кронштадта, еще Корнилов в свое время потребовал разоружения крепости. Он предлагал вывести гарнизон на материк и там расформировать его. 8 августа Керенский дал на это согласие[68]. Но кронштадтцы не позволили реализовать этот контрреволюционный план. Однако корниловцы не унимались. Во второй половине сентября генерал Черемисов, которому был подчинен Кронштадт, по указанию Керенского издал ряд приказов о снятии крепостной артиллерии[69]. Но в сентябре для ликвидации этой цитадели большевизма было еще меньше возможностей, чем в августе. Известно, что 19 сентября пленарное заседание Центробалта совместно с представителями 80 судовых комитетов приняло историческое постановление о неисполнении распоряжений Временного правительства и непризнания его власти[70]. Опираясь на это постановление, большевистский Исполком Кронштадтского Совета постановил не допускать разоружения крепости. «Неужели вы думали, что правительству Керенского, вам мы можем доверить хоть одну нашу винтовку? Нет, винтовки и пушки нам пока нужны для других целей»[71],— заявил представителю командования один из руководителей кронштадтских большевиков, И. П. Флеровский.

Одновременно 20 сентября генерал Черемисов приказал приступить к немедленному выводу из Финляндии революционных частей (двух дивизий и одной бригады) и заменить их казаками. Но и эта затея кор-

---

[64] Там же. стр. 47.
[65] М. И. Капустин. Указ. соч., стр. 189.
[66] Там же, стр. 197.
[67] «Красный Архив». Т. 25. 1927, стр. 47.
[68] Материалы ЦГАОР и СС.
[69] М. И. Капустин. Указ. соч., стр. 187—188.
[70] «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 217.
[71] И. П. Флеровский. Большевистский Кронштадт в 1917 г. Л. 1957, стр. 87.

ниловцев провалилась. Руководимый большевиками Областной комитет депутатов армии, флота и рабочих Финляндии, взявший в свои руки всю полноту власти, в воззвании к революционным солдатам и рабочим Петрограда и России 24 сентября заявил, что он не допустит вывода революционных войск[72]. В. И. Ленин, придавая исключительно важное значение срыву попыток корниловцев открыть подступы к Петрограду, писал: «Что мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финляндии, это ясно. Лучше идти на все, на восстание, на взятие власти,— для передачи ее съезду Советов»[73].

Одним из крупных событий в канун Октябрьской революции, изобличившим злодейские планы корниловцев, было Моонзундское сражение (29 сентября — 7 октября). Изучение политической обстановки и хода этого сражения дает основание утверждать, что между русской и международной реакцией существовал сговор, имевший своей целью погубить Балтийский флот, сдать немцам Финляндию и в конечном счете Петроград[74].

Временное правительство располагало, так же как и перед сдачей Риги, сведениями о подготовке немцами крупной морской и сухопутной операции в районе Рижского залива. Но оно не только не приняло должных мер к отражению вражеских сил, а, напротив, стремилось ослабить оборону дальних и ближних подступов к Петрограду. Настроенное пораженчески командование Балтфлота использовало для отражения врага лишь незначительную часть наличных сил. По числу линкоров и крейсеров немцы имели четырехкратное, а по эсминцам почти пятикратное превосходство. Этому способствовало изменническое прекращение английским флотом операций в Северном море, что позволило немцам высвободить главные силы своего флота для действий на Балтике. В начале сражения дезертировали командующий Моонзундской позицией русского флота адмирал Свешников и командующий дивизией подводных лодок адмирал Владиславлев. «Факты доказывают,— писал В. И. Ленин,— что адмиралы способны предавать не хуже Корнилова»[75].

О намерении корниловцев сдать Петроград немцам особенно красноречиво свидетельствовало секретное решение Временного правительства о своем переезде в Москву, принятое в разгар сражения[76]. В этой связи Родзянко, один из лидеров буржуазно-помещичьей реакции, заявил в речи на заседании Совета московских «общественных деятелей»: «Петроград находится в опасности... Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Со взятием Петрограда флот все равно погибнет... Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (то есть Советы и т. д.). На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли»[77]. В. И. Ленин, касаясь этого заявления, отметил: «Что родзянковские «хотения» — не пустышка, это доказано опытом. Родзянко — человек дела. За Родзянкой стоит капитал»[78].

В. И. Ленин разгадал тайную подоплеку предательских действий врагов революции. 7 октября он писал Питерской городской конференции большевиков: «Наступательные операции германского флота, при крайне странном полном бездействии английского флота и в связи с планом Временного правительства переселиться из Питера в Москву вы-

---

[72] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М. 1957. стр. 73—74.
[73] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 48.
[74] См. А. С. Пухов. Указ. соч.
[75] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 171.
[76] «Рабочий путь», 6 октября 1917 года.
[77] «Утро России», 8 октября 1917 года.
[78] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 172.

зывают сильнейшее подозрение в том, что правительство Керенского (или, что все равно, стоящие за ним русские империалисты) составило заговор с англо-французскими империалистами об отдаче немцам Питера для подавления революции таким способом»[79].

Факты полностью подтверждают предвидение В. И. Ленина. Мемуары Бьюкенена остаются одним из важных исторических источников, раскрывающих контрреволюционный сговор отечественных и «союзных» империалистов. Вопрос о разгроме революционного Петрограда неоднократно обсуждался Бьюкененом с Терещенко и Керенским[80].

Английский посол откровенно разъяснил позицию своего правительства. В беседе с Керенским он дал понять, что британские правящие круги не склонны усиливать военную помощь России, так как они раздражены тем, что Керенский еще не сумел взять в свои руки армию и использовать ее против революции. В заключение беседы Бьюкенен назидательно заявил, что «уже не остается времени для полумер, и железная дисциплина... должна быть установлена во что бы то ни стало». Он выразил надежду, что Керенский, наконец, «вырвет с корнем» большевизм. Глава Временного правительства, сообщает Бьюкенен, «признал справедливость» этого мнения[81].

Бывший русский офицер связи при английском морском штабе Г. Шульц в своих «Записках» подробно рассказывает о том, что командование британским флотом, располагая большими возможностями для помощи русскому флоту в Моонзундском сражении, решительно уклонилось от этого. Британские адмиралы, отмечает мемуарист, руководствовались исключительно политическими соображениями[82].

Большевистская газета «Рабочий путь» в обзоре иностранной прессы указывала, что во время Моонзундского сражения английская буржуазная печать злобно клеветала на революционных моряков Балтики и не скрывала того, что желает поражения русского флота. Английская буржуазия надеялась, что это «поможет матросам избавиться от большевистских настроений»[83]. В тон английской печати французская газета «Figaro» писала, что «высадка германцев для России будет иметь характер счастливого поражения»[84]. В эти дни кадетская «Речь» и другие органы контрреволюционной печати в России также подняли очередную кампанию клеветнических измышлений против революционных матросов и солдат. Керенский поддержал эту кампанию своей телеграммой главнокомандующему Северным фронтом, подхваченной всей черносотенно-кадетской прессой. В телеграмме облыжно утверждалось о небоеспособности Балтийского флота и говорилось о том, что, дескать, пора матросам «перестать вольно и невольно играть в руку врага». Это была подлая попытка свалить на матросов вину в том случае, если бы осуществился злодейский план корниловцев сдать флот и Петроград. В многочисленных резолюциях матросы заклеймили позором контрреволюционных клеветников, называя Керенского «иудой», «предателем» и «авантюристом».

Героические революционные моряки Балтики сорвали план врагов. Большевистские организации флота раскрыли перед матросами политическую подоплеку военных событий при Моонзунде и организовали достойный отпор империалистам. В пламенном воззвании II съезда моряков Балтфлота говорилось: «Братья... Мы обязались твердо держать фронт и оберегать доступы к Петрограду... Мы идем в бой не во имя

---

[79] Там же, стр. 120.

[80] Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 236—237, 239—240, 244—246, 249—250, 252—253, 256, 258 и др.

[81] Там же, стр. 261—262.

[82] «Морской сборник», 1929, № 8—9, стр. 220—221.

[83] «Рабочий путь», 11 октября 1917 года.

[84] «Новая жизнь», 13 октября 1917 года.

исполнения договоров наших правителей с союзниками, опутывающих цепями руки русской свободы... Мы идем к смерти с именем великой революции на недрожащих устах и в горячем сердце борцов...» [85].

Немцам ценой огромных потерь [86] удалось захватить острова Моонзундского архипелага, но они приостановили дальнейшее продвижение к Петрограду ввиду возросшего сопротивления русского флота. Революционные матросы, преградив врагу путь к столице, тем самым нанесли «второй корниловщине» сокрушительный удар.

Однако контрреволюция не отказалась от своих черных замыслов. Вот почему и после Моонзундского сражения В. И. Ленин писал: «Керенский сдаст Питер немцам, вот что яснее ясного теперь; никакие заверения в обратном не устранят нашей полной уверенности в этом, вытекающей из всего хода событий и из всей политики Керенского» [87]. То, насколько был прав Владимир Ильич в своей тревоге за революционный Питер, показывает секретный протокол Совета флагманов Балтийского флота от 18 октября, представленный Временному правительству и главнокомандующему Северным фронтом. Накануне совещания флагманов были получены агентурные сведения о подготовке германским флотом новых операций в Балтийском море [88]. В протоколе говорилось: «...Всякая задуманная неприятелем операция, направленная к овладению любой частью Балтийского театра и проводимая планомерно и решительно, будет успешна. При создавшейся обстановке задачей Балтийского флота может явиться только нанесение противнику наибольшего вреда ценою хотя бы собственной гибели... Судьба Финляндии и подступов к столице преимущественно зависит от воли противника...» [89]. Пораженческий, контрреволюционный характер этого документа полнее раскрывается в сопоставлении его с дневником участника совещания флагманов Ренгартена. Последний сообщает, что «основная мысль» протокола состояла в следующем: «Приказать флоту, чтобы при появлении флота немецкого наш бросался ему навстречу, не думая о себе и стремясь лишь нанести врагу максимум вреда ценою хотя бы собственной гибели... после чего флот наш перестанет существовать и весь Балтийский театр будет для немцев открыт» [90]. При окончательной редакции протокола решено было по возможности замаскировать эту «основную мысль» из опасения, что документ станет известен матросам [91]. Во время обсуждения протокола на вопрос о цели его представления правительству командующий Балтфлотом контр-адмирал Развозов ответил: «Это документ, устанавливающий существующее настроение у нас, и мы просим, чтобы нам ответило Временное правительство, учитывает ли оно это?» Далее он откровенно заявил: «Может быть, надо еще отступить, отдать, может быть, еще 500 верст...» [92]. Начальник штаба командующего флотом Черкасский, ссылаясь на свои «впечатления о разговорах с Временным правительством», заверил, что «настроение» флагманов встретит у правительства понимание [93]. Препроводительное письмо к протоколу ясно формулировало политические цели флагманов флота. В письме говорилось, что «создание действительно сильной центральной государственной власти»

---

[85] «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 238—239.

[86] В Моонзундском сражении было уничтожено 26 немецких кораблей и 25 повреждено. См. А. С. Пухов. Указ. соч., стр. 91.

[87] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 158.

[88] «Красный Архив». Т. 25. 1927, стр. 40.

[89] «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 248.

[90] «Красный Архив». Т. 25. 1927, стр. 38.

[91] Там же, стр. 43—44.

[92] Там же, стр. 40.

[93] Там же.

(то есть военной диктатуры) — единственное средство подавления революции [94].

Эти документы убедительно изобличают в контрреволюционном пораженчестве не только корниловцев из числа высших командиров Балтфлота, но и Временное правительство. Ясно, конечно, что никакое командование не решилось бы безнаказанно изложить правительству план преднамеренной сдачи врагу столицы государства и стоящего на ее страже флота, не рассчитывая при этом на единомыслие и полную поддержку со стороны такого правительства. Вместе с тем это доказывает, сколь велика была опасность «второй корниловщины», как глубоко были правы В. И. Ленин, партия большевиков, поднимая массы в сентябре—октябре 1917 г. на немедленное свержение власти Временного правительства — правительства контрреволюции и национальной измены.

О том же стремлении корниловцев добиться во что бы то ни стало разгрома питерского пролетариата и революционных солдат с помощью немцев или собственных «надежных» войск свидетельствовали новые попытки вывести из столицы революционный гарнизон. По распоряжению Керенского 9 октября был опубликован приказ штаба Петроградского военного округа о переформировании и отправке на фронт частей гарнизона под предлогом охраны подступов к столице. Эсеры и меньшевики одобрили этот приказ, но солдаты по призыву большевиков отказались его выполнять. В резолюциях митингов Измайловского, Преображенского, Егерского, 180-го, 2-го стрелкового и многих других полков гарнизона разоблачались контрреволюционные цели приказа [95]. Большевистский Петроградский Совет, выражая волю масс, отклонил приказ командования и постановил создать Революционный комитет обороны, передав в его ведение организацию защиты столицы [96]. Этим органом стал знаменитый Петроградский Военно-революционный комитет (ВРК) — орган подготовки восстания.

«Вторая корниловщина», как и первая, характеризовалась отчаянными попытками контрреволюции подчинить себе армию и использовать ее для подавления революции. После принятия Керенским поста главковерха военным министром был назначен бывший командующий Московского военного округа полковник Верховский. Но Верховский оказался малоподходящей фигурой для откровенных сделок с контрреволюцией, о чем свидетельствовало его последующее устранение с поста министра [97].

Предложенный Верховским план реорганизации армии, сводившийся в основном к ее сокращению на 3—4 млн. человек за счет ликвидации части тыловых учреждений и запасных полков, был формально одобрен Временным правительством. Но ставка, взявшая в свои руки выполнение этого плана, повернула все по-своему. Ставку интересовал не роспуск по домам миллионов солдат, что еще более усилило бы массовое революционное движение в тылу, а создание фактически новой армии — опоры контрреволюции. Для этого в 85 местах, не считая прифронтовой полосы, проводилось лихорадочное формирование батальонов ударников и георгиевских кавалеров. С этой же целью земствами, городскими думами, различными буржуазными организациями создавались добровольческие части. Кроме того, из общевойскового подчинения изымались казачьи части, всемерно усиливались украинские, эстонские, латышские и другие национальные воинские формирования, а также польский и чехословацкий корпуса. О размахе военных приготовлений корниловцев можно судить уже по одному тому, что к октябрю 1917 г. они создали

---

[94] Там же, стр. 44.

[95] «Большевизация Петроградского гарнизона». Сборник материалов и документов. Л. 1932, стр. 299—305.

[96] «Рабочий путь», 10 октября 1917 года.

[97] А. И. Верховский в 1919 г. вступил в Красную Армию, а затем был профессором Военной академии РККА.

свыше 40 ударных батальонов силой до 50 тыс. штыков [98]. Наряду с буржуазией в создании «белой гвардии» активное участие принимали эсеры и меньшевики. Руководимые ими «комитеты спасения родины и революции» превратились в местные штабы вербовки корниловских войск второго призыва. Эту же задачу выполнял контрреволюционный союз офицеров армии и флота.

Верховный комиссар армии Станкевич сообщает, что ставка предполагала довести численность ударных боевых сил контрреволюции «до 15—20 корпусов избранного состава, наполовину состоящих из офицеров, прекрасно снабженных и вооруженных» [99]. Предполагалось, что эта армия контрреволюции после ее создания отступит с линии фронта приблизительно на 200 километров [100]. Тем самым немцам была бы сдана обширная прифронтовая полоса, где располагались многочисленные гарнизоны и базы формирования пополнений для фронта с сотнями тысяч революционно настроенных солдат.

16 октября проект реорганизации армии, окончательно разработанный ставкой при участии корниловца генерала Алексеева, был представлен начальником штаба при главковерхе генералом Духониным Временному правительству. В тот же день проект был утвержден [101]. Этот план и принятое правительством новое «Положение о воинских организациях» в основных чертах повторяли доклад Корнилова, Савинкова и Филоненко, представленный Временному правительству 10 августа 1917 года [102]. В армии устанавливалась неограниченная власть офицеров. Солдатские комитеты хотя и сохранялись, но превращались в безвольный придаток командования. Офицерам предоставлялось право привлечения членов комитетов к уголовной ответственности и даже право роспуска самих комитетов в тех случаях, когда их действия «ущемляли» власть начальников [103]. Утвердив проект реорганизации армии, Временное правительство тем самым санкционировало уже осуществлявшееся ставкой формирование новой, контрреволюционной армии. Генерал М. Д. Бонч-Бруевич, непосредственно наблюдавший деятельность ставки в предоктябрьские дни, писал: «Из органа оперативного управления войсками штаб верховного главнокомандующего все явственнее превращался в некий политический центр, подготавливавший контрреволюционный переворот...» [104].

Далеко не последнюю роль среди корниловского генералитета, готовившего новый заговор, играли так называемые «быховские узники», то есть генералы Корнилов, Деникин, Марков, Романовский и др. Различные привилегии, установленные для арестованных контрреволюционеров, служили еще одним доказательством неразрывной связи правительства Керенского со злейшими врагами революции. «Заключенные» находились под охраной преданного Корнилову Текинского полка и пользовались полной свободой общения с кем угодно и когда угодно [105]. Деникин сообщает в своих мемуарах, что «быховские узники» решили «продолжать дело» и отказаться от побега, который не представлял трудностей [106]. Они установили тесную связь со ставкой, используя ее аппарат для подготовки заговора. В Быхове, сообщает Деникин, была разработана «дислока-

---

[98] А. И. Верховский. На трудном перевале. М. 1959, стр. 373. По данным Г. И. Журавлева, к концу сентября 1917 г. на фронте было сформировано около 70 ударных батальонов и отдельных полков («Исторические записки». Т. 56. 1956, стр. 281).

[99] В. Б. Станкевич. Воспоминания 1914—1919 гг. Л. 1926, стр. 128.

[100] Там же.

[101] Л. С. Гапоненко. Указ. соч., стр. 101, 103.

[102] Материалы ЦГАОР и СС.

[103] Л. С. Гапоненко. Указ. соч., стр. 102.

[104] М. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 186.

[105] Материалы ЦГАОР и СС.

[106] А. И. Деникин. Указ. соч. Т. 2, стр. 97.

ция казачьих частей для занятия важнейших железнодорожных узлов»[107]. Корнилов вел непрерывную переписку с генералами Алексеевым и Калединым. Под предлогом привлечения свидетелей по ходу следствия он вызывал в Быхов членов контрреволюционных организаций и давал им задания. У Корнилова побывали представители крупной буржуазии и финансисты, заверившие его в полной политической и и материальной поддержке нового заговора[108]. Генерал Духонин вербовал помощников Корнилову[109].

Особенно большие надежды корниловские заговорщики возлагали на казаков. ЦК партии кадетов и другие центры контрреволюции находились в непрерывных сношениях с советом союза казачьих войск. Реакционная печать наперебой восхваляла казаков как «опору порядка». Бьюкенен заявил посетившей его казачьей делегации, что Англия очень высоко ценит заслуги казаков. «New York Times» писала: «Каледин — вот человек момента»[110]. Посол США в России Френсис по указанию госдепартамента накануне Октябрьской революции вступил в тайные сношения с Калединым, результатом которых было секретное решение правительства США о предоставлении Каледину займа[111]. Казачий атаман старался не обмануть возлагавшихся на него надежд. Рассчитывая использовать казачьи районы в качестве военного плацдарма контрреволюции, он лихорадочно сколачивал так называемый Юго-Восточный союз казаков Донского, Кубанского, Терского, Астраханского войска и горцев Кавказа. С помощью ставки Каледин стягивал на Дон и Кубань казачьи части с фронта, накапливал здесь оружие и боеприпасы. Оголяя фронт, контрреволюция подтягивала казачьи и кавалерийские части к революционным центрам. К Москве направлялись кавалерийская дивизия, казачьи бригада и полк, к Минску — казачья и кавалерийская дивизия, в Донбасс — кавалерийская дивизия, к Киеву — казачья бригада, к Смоленску — казачий полк и т. п. В конце октября по указанию Керенского должен был состояться фронтовой казачий съезд. Цель его заключалась в следующем: натравить казаков на большевиков, революционных рабочих, солдат, крестьян[112]. Ту же цель преследовал и созванный 21 октября в Киеве всеукраинский войсковой съезд.

Корниловцы надеялись также наряду с казаками использовать и менее революционные пехотные части, особенно с отдаленных Румынского и Юго-Западного фронтов. Для удара по Петрограду и Москве ставка готовила пять армейских корпусов и несколько отдельных дивизий[113]. Местами их сосредоточения были узловые станции: Орша, Витебск, Невель, Великие Луки, Новосокольники, Полоцк. Они были удобны для последующей переброски войск в петроградском и московском направлениях.

Но нарастание революции опережало приготовления корниловцев. Корпуса и дивизии, казавшиеся вчера «надежными», «внезапно» выходили из повиновения. Партия большевиков, следуя указаниям В. И. Ленина, тщательно изучала состояние и распределение «корниловских войск второго призыва», направляла в эти войска своих лучших агитаторов. Уполномоченные ЦК РСДРП(б), представители Петроградского ВРК, а также местных большевистских Советов и других организаций устанавливали связи с низовыми солдатскими комитетами. Они раскрывали перед ними палаческие цели врагов народа и революции, помогали

---

[107] Там же, стр. 101.
[108] Там же, стр. 88, 102; М. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 191.
[109] М. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 187.
[110] «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 255.
[111] М. Сайерс и А. Кан. Тайная война против Советской России. М. 1947, стр. 20—21.
[112] М. И. Капустин. Указ. соч., стр. 200.
[113] Г. И. Журавлев. Указ. соч., стр. 286.

им склонить солдат к отказу от исполнения преступных приказов корниловского командования. Железнодорожники по призыву большевиков срывали перевозки войск к революционным центрам страны. Умело используя стремительное нарастание революции, партия большевиков своей самоотверженной, неустанной работой в массах сорвала попытки корниловцев создать крупную вооруженную опору контрреволюции. Анализируя распределение голосов между партиями во время выборов Учредительного собрания, В. И. Ленин писал: «Армия была, следовательно, уже к октябрю — ноябрю 1917 года наполовину большевистской. Без этого мы не могли бы победить» [114]. На ближайших к столице Северном и Западном фронтах большевики имели подавляющий перевес. Балтийский флот сплошь шел за большевиками. Военная подготовка «второй корниловщины» оказалась несостоятельной так же, как и ее политическая подготовка.

Таким образом, изучение «второй корниловщины» показывает, что это был крупный и всесторонне подготовлявшийся заговор против назревавшей социалистической революции в России. Он объединил силы зарубежной и внутренней империалистической реакции. Участие правых эсеров и меньшевиков явилось одним из решающих условий подготовки этого заговора.

«Вторая корниловщина» была ярким показателем углубления кризиса «верхов» в канун Октябрьской революции. Попытка буржуазии выйти из этого кризиса путем установления в стране генеральско-кадетской военной диктатуры имела в сентябре — октябре еще меньше шансов на успех, чем в августе 1917 года. В это время перевес сил революции над силами реакции стал подавляющим.

Под руководством партии большевиков в единый революционный поток слились борьба пролетариата за социалистический переворот, общедемократическое движение масс за мир, борьба крестьянства за землю и национально-освободительное движение народов. Все это сделало фронт революции непобедимым. Резкое обострение общенационального кризиса осенью 1917 г. создало все объективные условия для победы социалистической революции.

Следуя указаниям В. И. Ленина, партия большевиков целеустремленно, с величайшей энергией вела подготовку к социалистической революции, непрестанно напоминая массам о грозной опасности новых корниловских приготовлений контрреволюции. Чем глубже уясняли массы эту опасность, тем теснее сплачивались они под большевистским лозунгом «Вся власть Советам!».

Изучение «второй корниловщины» позволяет еще глубже раскрыть великую мудрость исторических решений Центрального Комитета партии большевиков о восстании в октябре 1917 года. В конкретной обстановке тех дней только немедленное вооруженное восстание могло спасти страну от опасности установления кровавой генеральско-кадетской диктатуры.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции сорвала планы врагов. Советский народ под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным разгромил силы контрреволюции. Пролетариат России, взявший власть в свои руки, первый в истории человечества проложил путь к светлому будущему — к социализму и коммунизму.

---

[114] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 238.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА БАВАРИИ
(конец 1917 — начало 1918 г.)

И. С. Кремер

Проблемы, связанные с влиянием Великого Октября на германское рабочее движение, за последние годы привлекли внимание многих советских исследователей [1]. Этим вопросам посвящены специальные документы ЦК СЕПГ, труды В. Пика, В. Ульбрихта [2], сборники документов [3], воспоминания участников событий [4], сборники статей и докладов [5].

Среди работ немецких историков особое место занимают монографии К. Маммаха, Л. Штерна и В. Бартеля [6]. В этих исследованиях на основе большого архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, дается марксистская оценка влияния социалистической революции в России на немецкий рабочий класс, выявляется соотношение важнейших внутригерманских факторов и такого могучего внешнего фактора, как Октябрьская революция, воздействовавших на ход событий в Германии.

---

[1] См. В. Г. Брюнин. Первые отклики рабочего класса Германии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ленинский декрет о мире (ноябрь — декабрь 1917 г.). Сборник «Из истории Германии нового и новейшего времени». М. 1958; Ф. Ф. Головачев. «Спартак» и Брестский мир. Там же; К. Г. Газизов. Великая Октябрьская социалистическая революция в России и антивоенное революционное движение в Германии в ноябре 1917 — январе 1918 года. «Ученые записки» Кировского педагогического института имени В. И. Ленина. Вып. 11, 1957; В. А. Козюченко. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение Германии в конце 1917 и начале 1918 г. «Ученые записки» Сталинградского педагогического института. Вып. 8. 1957, и др.

[2] «Thesen der KPSSU und der SED zum 40 Jahrestag der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution». Berlin. 1957; В. Пик. Великая Октябрьская социалистическая революция и германское рабочее движение. М. 1957; В. Ульбрихт. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на германское рабочее движение. «Новая и новейшая история». 1957, № 5.

[3] «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» (далее: «Dokumente und Materialien...»). Reihe II, Bd. 2. Berlin. 1957.

[4] «Roter Oktober 1917. Wie deutsche Arbeiter und Soldaten das Sturmjahr der Weltwende erlebten». Berlin. 1957.

[5] «Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Oktoberrevolution». Berlin. 1957; «Die Oktoberrevolution und Deutschland. Protokoll der wissenschaftlichen Tagung der Komission der Historiker der DDR und der UdSSR in Leipzig von 25. bis 30. November 1957». Berlin. 1958. (Русский перевод: «Октябрьская революция и Германия. Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 года». М. 1960).

[6] K. Mammach. Der Einfluss der russischen Februarrevolution und der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse. Berlin. 1955. (Русский перевод: К. Маммах. Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии. М. 1957); Leo Stern. Der Einfluss der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung. Berlin. 1958. (Русский перевод: Лео Штерн. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию и германское рабочее движение. М. 1960); W. Bartel. Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin. 1958. (Русский перевод: В. Бартель. Левые в германской социал-демократии против милитаризма и войны. М. 1959).

Особенно полно изучено советскими историками и историками Германской Демократической Республики развитие революционной борьбы рабочих в Берлине, в Саксонии, в Силезии. В работах советских и германских историков раскрываются различные стороны проблемы, но внимание исследователей приковано в основном к центру и востоку страны. Это объясняется, по-видимому, скудостью источников по истории рабочего движения в Западной Германии, в частности в Баварии.

Между тем история рабочего движения в Баварии на рубеже 1917—1918 гг. представляет особый интерес, ибо события этого времени явились преддверием революционных бурь конца 1918 г. и весны 1919 г., когда баварский рабочий класс создал пролетарскую республику.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы, недавно ставшие доступными историку, позволяют более детально, чем то было сделано до сих пор, исследовать вопрос о революционной антивоенной борьбе баварского рабочего класса зимой 1917—1918 годов. Наиболее ценным источником являются неопубликованные архивные материалы — следственные дела германского суда и прокуратуры об активных участниках рабочего движения[7]. В этих материалах имеются показания арестованных революционеров и рабочих-активистов, полицейские донесения о нелегальной деятельности спартаковцев и леворадикалов, показания свидетелей, листовки, письма, вырезки из местных газет и т. д.

★

Во время войны мутные волны буржуазного национализма и шовинизма затопили социалистические партии Западной Европы. Рабочий класс Германии, равно как и других западноевропейских стран, преданный правыми социал-демократическими лидерами, был дезориентирован. Победоносная социалистическая революция в России открыла ясные перспективы перед пролетариатом всех стран. Русская революция сразу же серьезно изменила международное положение и оказала воздействие на все слои общества, на все партии и политические группы в воюющих и нейтральных странах.

В Германии идеи Октябрьской революции попадали на особенно благоприятную почву, ибо в стране назревал революционный кризис. Еще апрельская массовая стачка 1917 г., когда впервые на немецкой земле возникли Советы рабочих депутатов, а также восстание военных моряков летом 1917 г. показали, что терпение народа истощилось[8]. Другим проявлением обострения политической обстановки в тот период явилось быстрое размежевание социалистического движения: в апреле 1917 г. из социал-демократической партии Германии выделилась центристская по составу руководства, но левая по настроениям своей основной членской массы Независимая социал-демократическая партия. Спартаковцы, обусловив себе известную автономию, вошли в НСДПГ. То, что революционный авангард немецкого рабочего движения не создал в течение всей войны самостоятельную политическую партию нового типа, не разорвал организационно с независимцами, было крупной ошибкой, признанной позднее руководителями «Спартака»[9]. Но тот факт, что более 100 тыс. рабочих почти сразу же покинули партию «правительственных социалистов» и вступили в НСДПГ, свидетельствовал о колоссальных сдвигах в настроении масс. К осени 1917 г. обострился и кризис

---

[7] Deutsches Zentralarchiv. Potsdam. Akten des königliches Bajerischen Landesgericht. München I. Untersuchung wegen Landesverrat Eisner Kurt und Genossen. Bd. I—V (далее: DZA Potsdam).

[8] О революционных событиях в Германии в 1917 г. см. З. К. Эггерт. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М. 1957.

[9] См. письмо Ф. Меринга, опубликованное в «Правде» 13 июня 1918 года.

«верхов», что проявилось, в частности, в политической борьбе между буржуазными партиями по вопросу о мире.

Требования мира к осени 1917 г. охватывали самые широкие слои населения Германии. Измученный войной, голодом, каторжным трудом, немецкий народ горячо стремился к миру.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России дала толчок мощному подъему антивоенного и революционного движения в Германии. Немецкий рабочий класс, несмотря на лживую буржуазную пропаганду, сумел разобраться в существе событий, в массе своей принял и приветствовал революцию в России.

В ноябре — декабре 1917 г. по стране прокатилась волна собраний и демонстраций солидарности с русской революцией, за мир. 18 ноября в Берлине состоялись манифестации, разогнанные полицией с помощью оружия [10]. Во время демонстрации 25 ноября дело также дошло до открытой схватки с полицией [11]. В эти месяцы впервые после апреля 1917 г. возобновились стачки, носившие политический характер.

На Восточном фронте поднялась новая волна массового братания. Военные действия прекратились почти на всем фронте еще до 2 декабря, когда было подписано частичное перемирие.

Все три течения в германском рабочем движении должны были определить свое отношение к русской революции и к предложению Советского государства о мире.

Правое руководство СДПГ встретило Октябрьскую революцию резко враждебно, и эта враждебность возрастала из месяца в месяц. Правые лидеры социал-демократов стремились доказать, что Октябрьская революция — явление «чисто русское», продукт совершенно особых, русских условий, что она не может быть образцом для немецкого рабочего класса. Больше всего «правительственных социал-демократов» беспокоил вопрос о том, в какой мере русская революция подорвет военные силы Германии. В этом смысле не было различия в оценке событий в России между правыми руководителями социал-демократии и деятелями буржуазии.

Правые лидеры СДПГ стремились использовать события в России в своих интересах. Многие из них, выступая в ноябре — декабре 1917 г. на собраниях рабочих, скрывали свое истинное отношение к Октябрьской революции, выражали на словах симпатии к русскому революционному народу, к социалистической революции в России. В пропагандистских маневрах такого рода и заключалась одна из причин сохранения влияния СДПГ на широкие слои германского рабочего класса.

Центристы, штабом которых было правление Независимой социал-демократической партии и фракция этой партии в рейхстаге, в своих воззваниях приветствовали русскую революцию; они подхватили ее лозунг «Мир без аннексий и контрибуций!». Но независимцы ограничивались призывами к протестам против захватнической политики правительства и не только не поднимали народ на борьбу за революционный выход из войны, но, наоборот, отвлекали значительную часть рабочего класса от революционной борьбы.

Спартаковцы и леворадикальные группы в Бремене, Дрездене и Гамбурге звали рабочий класс на борьбу за мир и в поддержку русской революции [12]. Руководители «Спартака» К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, Л. Иогихес, В. Пик с первых

---

[10] «Dokumente und Materialien...». Bd. 2. November 1917 — Dezember 1918, S. 23—24.

[11] Архив Института истории АН СССР. ф. V, д. 7/82, л. 23.

[12] О позиции германских левых по отношению к социалистической революции в России см. W. Bartel. Указ. соч.; «Октябрьская революция и Германия», стр. 250—265, 274—276 (выступления К. Дрекслера и В. Брюнина); «Vorwärts und nicht vergessen». Berlin. 1958, S. 233—245.

дней пролетарской революции стали ее лучшими друзьями и пропагандистами ее идей среди германского рабочего класса. Спартаковцы разъясняли смысл событий в России, постоянно подчеркивали связь между судьбами русской революции и германским рабочим движением, историческую ответственность германского рабочего класса за характер и условия будущего мирного договора с пролетарским государством. Они убеждали германский рабочий класс, что дело русских рабочих есть дело всего международного пролетариата [13]. В своих листовках, изданных в конце 1917 г., спартаковцы призывали немецкий рабочий класс к борьбе за превращение сепаратного мира, к которому стремилось германское правительство, во всеобщий мир [14]. Историческая заслуга спартаковцев состоит в том, что они первыми в Германии вместе с леворадикалами Бремена показали, что революция является единственным путем к заключению справедливого, демократического мира, и вели идеологическую подготовку революции в стране.

К концу 1917 г. спартаковцы имели нелегальный аппарат, располагавший тайными типографиями, явками, сложной системой фиктивных адресов для переписки; они печатали свои издания большими тиражами. И каждый листок, полный горячих призывов к борьбе, составленный лаконично, ясно, был настоящим лучом света в темном царстве осадного положения, репрессий, предательства правых лидеров и теоретической неразберихи в рядах центристов.

Группа «Спартак» сыграла решающую роль в организации массового выступления германских рабочих в январе 1918 года. На совещании партийного руководства независимцев в начале января представитель спартаковцев предложил в связи с открывшимися 22 декабря 1917 г. переговорами в Брест-Литовске начать массовые действия в пользу мира. Боясь потерять влияние на революционно настроенные массы, руководство НСДПГ приняло решение призвать немецкий рабочий класс к трехдневной стачке с целью изъявления своей воли к миру. Когда было подготовлено обращение к рабочим, фракция НСДПГ в рейхстаге потребовала изъять из текста призыв к стачке. Бессодержательность такого документа была очевидной, и спартаковцы настаивали на внесении в него исправлений. Однако соглашение не было достигнуто, и листовка «Мужчины и женщины трудового народа!» была издана в том виде, какого добивались депутаты-независимцы [15].

За несколько дней до начала стачки была распространена листовка спартаковцев «В понедельник, 28 января, начинается массовая стачка!», послужившая сигналом к выступлению [16]. Спартаковцы призывали продолжать стачку до тех пор, «пока не будут полностью осуществлены наши минимальные требования: отмена осадного положения, цензуры, всех ограничений свободы коалиций, стачек, союзов и собраний, освобождение всех политических заключенных», с тем, чтобы, добившись от правительства выполнения этих требований, «свободно развернуть борьбу

---

[13] См. «Spartakusbriefe». Bd. 2. Berlin. 1921, S. 105.

[14] См. «Спартак» во время войны». М. 1933, стр. 179—182.

[15] Интересно отметить, что перепечатанная в газете независимцев в г. Гота, эта листовка не вызвала возражений цензуры («Dokumente und Materialien...» Bd. 2, S. 132). В Дрездене прокурор прекратил дело против одного из жителей города, обвинявшегося в распространении листовки «Мужчины и женщины трудового народа!», так как «содержание листовки само по себе не наказуемо». (См. К. Маммах. Указ. соч.).

[16] «Спартак» во время войны», стр. 182—185. Всего в связи с подготовкой стачки спартаковцы отпечатали и распространили 8 листовок тиражом от 25 тыс. до 100 тыс. экз. («Dokumente und Materialien...». Bd. 2, S. 136). Во всех этих документах, помимо определения непосредственных ближайших целей забастовки (воздействие на позицию германского правительства в Брест-Литовске, демократизация государственного устройства и т. д.), содержались решительные призывы к свержению правительства и к действиям «по-русски».

за власть, за народную республику в Германии и за немедленный всеобщий мир». Листовка призывала создать местные Советы рабочих депутатов, а на каждом предприятии — руководящий комитет. Всеобщая забастовка рассматривалась как первый шаг в этой борьбе [17].

В результате энергичной повседневной пропагандистской деятельности спартаковцев рабочие столицы были в большинстве своем подготовлены к объединенным массовым действиям. Январско-февральская всеобщая стачка — самое грандиозное выступление рабочих Западной Европы в годы войны (до Ноябрьской революции) — началась 28 января 1918 г. забастовкой крупнейших заводов в Берлине. В стачку включились 400 тыс. рабочих [18] (в последующие дни число стачечников в столице возросло до 600 тыс. человек). Вечером в Доме профсоюзов открылась конференция представителей бастующих предприятий. Делегаты конференции объявили себя Советом рабочих представителей и сформулировали требования рабочих Берлина: 1) немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций на основе права на самоопределение, то есть на условиях, выдвинутых русскими уполномоченными в Брест-Литовске; 2) привлечение рабочих всех стран к участию в мирных переговорах; 3) эффективное обеспечение продовольствием, равномерное снабжение всех слоев населения; 4) немедленная отмена осадного положения, полное восстановление прав профсоюзов, закона об охране работниц и молодежи; запрещение вмешательства военных властей в деятельность профсоюзов; 5) отмена милитаризации предприятий; 6) немедленное освобождение всех арестованных и осужденных по политическим мотивам; 7) решительная демократизация всего государственного устройства в Германии и прежде всего введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права в прусский ландтаг для всех мужчин и женщин старше 20 лет [19].

Документы конференции представителей бастующих позволяют судить об огромном влиянии русской революции на сознание рабочих, включавшихся в стачку. Первый пункт «7 требований» особо провозгласил поддержку предложений русской делегации в Брест-Литовске, второй — почти дословно повторил требование, неоднократно выдвигавшееся Советским правительством в ноябре — декабре 1917 года. Германский рабочий класс вел борьбу за прекращение войны на всех фронтах и за всеобщий мир, в поддержку «русских условий» мира, выдвинутых в Брест-Литовске.

Движение, начатое металлистами Берлина, быстро распространялось по всей стране. Стачечная борьба охватила заводы, фабрики, верфи в городах Билефельд, Бремен, Вильгельмсгафен, Галле, Гамбург, Дортмунд, Дрезден, Иена, Киль, Кельн, Лейпциг, Магдебург, Эссен и др.— всего примерно в 40 городах. В разгар стачки число бастующих достигло 2 млн. человек [20].

Одним из самых крупных очагов всеобщей стачки стала Бавария.

Несмотря на то, что с 1871 г. Бавария была составной частью Германской империи и в течение десятков лет втягивалась в общеимперские рыночные связи, к концу первой мировой войны она сохраняла некото-

---

[17] См. листовку спартаковцев «Да здравствует всеобщая забастовка! На борьбу!». «Спартак» во время войны», стр. 186—188.

[18] DZA Potsdam. Гектографированный листок «Für Information», рассылавшийся руководителями стачки в Берлине местным организациям стачечников (имеется в ряде следственных дел).

[19] «Vorwärts», 29 января 1918 года.

[20] W. Pieck. Reden und Aufsätze. Bd. II. Berlin. 1951. S. 116.

рые остатки хозяйственной замкнутости[21]. В промышленности и ремесле за несколько лет до войны здесь было занято немногим более 1 млн. чел., что составляло 27,6% всего самодеятельного населения Баварии[22]. В течение четырех лет войны происходили важные изменения в составе рабочего класса Баварии. Число рабочих все время уменьшалось в связи с мобилизациями и переводом рабочих в индустриальные районы страны. Однако качественный состав пролетариата не ухудшался, ибо взамен покинувших Баварию рабочих в Мюнхен и Нюрнберг в связи со строительством филиалов оружейных заводов Круппа и расширением ряда других заводов были направлены с запада рабочие Рура, закаленные в борьбе пролетарии.

Сравнительно слабая концентрация производства в Баварии, распыленного в главных отраслях между 34 тыс. предприятий (в среднем — 16 рабочих на предприятие), создавала серьезные трудности для организации и борьбы рабочего класса. В то же время распыленность производства свидетельствовала о слабости собственно баварской буржуазии, о низкой степени концентрации капитала. Мелкая и отчасти средняя буржуазия Баварии, страдавшая от конкуренции индустриальных центров Северной и Западной Германии, сохраняла сепаратистские настроения, считая войну результатом политики Пруссии[23].

Важнейшее значение для развития и успеха борьбы рабочего класса Баварии имела позиция крестьянства, составлявшего более $^2/_5$ всего населения. Некоторые авторы, касавшиеся этого вопроса, писали об индифферентности крестьянства в политической борьбе или о его неизбежной контрреволюционности[24]. Так ли это? Статистические данные, приведенные в книгах В. Маттеса и Г. Бейера[25], позволяют сделать вывод, что около $^1/_5$ всех занятых в сельском хозяйстве во время войны составляли батраки. Но, кроме 300 тыс. батраков и поденщиков, 240 тыс. крестьянских семей владели мельчайшими хозяйствами (до 2 га) и 172 тыс.— мелкими (от 2 до 5 га). Эти две категории составляли примерно 62% всех хозяйств Баварии. Дифференциация в баварской деревне была очень сильна, имел место земельный голод, и вопрос о земле был важной проблемой для крестьянства Верхней и Нижней Баварии, Швабии, Верхнего Пфальца и Франконии. Все это очень далеко от картины «благоденствующего крестьянства», которую рисует П. Вернер[26]. В Баварии имелась серьезная экономическая база для острой классовой борьбы в деревне.

Во время войны деревня платила государству большой «налог кровью». К концу 1916 г. около $^1/_3$ мужского населения Баварии было призвано на военную службу. Принудительное регулирование экономики, в частности принудительные закупочные цены на продукты сельского хозяйства, также способствовало росту антиправительственных и антивоенных настроений среди крестьян.

Революционные возможности были заложены, следовательно, и в баварском крестьянстве. Но вопрос заключался в том, кто сумеет повести за собой сельский пролетариат, бедное и беднейшее (а частично и среднее) крестьянство — рабочий класс или буржуазия.

Созданные буржуазией в союзе с кулачеством крестьянские организации (Баварское крестьянское общество и Сельскохозяйственное обще-

---

[21] Краткую социально-экономическую характеристику Баварии в рассматриваемый период см. в работах: Н. Е. Застенкер. Баварская Советская республика. М. 1935; М. А. Полтавский. Баварская Советская республика. М. 1959.

[22] См. F. Zahn. Bayern und die Reichseinheit. München. 1925, S. 12.

[23] См. В. Будих-Дитрих. Мюнхенские коммунары. М. 1929, стр. 10.

[24] См. П. Вернер. Баварская Советская республика. М. 1924.

[25] W. Mattes. Die bayerischen Bauernräte. Stuttgart und Berlin. 1921, S. 24; H. Beyer. Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München. Berlin. 1957.

[26] П. Вернер. Указ. соч., стр. 13.

ство), насчитывавшие в 1918 г. 280 тыс. членов, вели в деревне систематическую работу, пропагандировали шовинистические идеи, издавали газеты. Опорой властей в деревне была католическая церковь.

Сельскохозяйственные рабочие Баварии до самой революции не имели самостоятельной организации. Свободный профсоюз сельскохозяйственных рабочих насчитывал в 1918 г. лишь 200 членов [27].

В период войны, особенно на ее заключительном этапе, имелась возможность сплотить бо́льшую часть баварского крестьянства вокруг общедемократического лозунга борьбы за прекращение войны; рабочий класс мог бы повести за собой широкие слои крестьянства, если бы его партия выдвинула лозунги по аграрному вопросу, соответствующие социальным интересам сельского пролетариата, беднейшего и части среднего крестьянства Однако это не могло быть сделано социал-демократией большинства, не помышлявшей о революционном выходе из войны и потому не искавшей союзников для борьбы с буржуазией. Это не было сделано и независимцами, виднейшие руководители которых принесли с собой в новую партию весь идейный арсенал центризма и в том числе пренебрежение к крестьянскому вопросу. Такого рода пренебрежение было свойственно и германским левым, на что неоднократно указывали большевики еще в довоенный период. Конечно, выдвигавшиеся левыми лозунги прекращения войны путем свержения существующего строя были обращены и к крестьянству. Но в деревне левые не вели сколько-нибудь серьезной организационной работы, которая позволила бы доводить эти лозунги до сознания крестьян и сплачивать последних.

К осени 1917 г. в Баварии имелось сильное радикальное течение в рабочем классе. Политическими и организационными центрами революционно настроенных рабочих был комитет НСДП Мюнхена и кружки на заводах Мюнхена, Нюрнберга, Аугсбурга и Фюрта, руководимые спартаковцами и левыми независимцами.

Еще весной 1917 г. комитет независимцев Мюнхена во главе со столяром Альбертом Винтером объединил вокруг себя 35 человек, затем число рабочих, покинувших «правительственную» СДПГ и перешедших в НСДПГ, увеличилось до 250 и продолжало расти [28]. Инструментальщик завода «Байерише моторен-верке» (BMW) сторонник спартаковцев Лоренц Винклер создал кружок из 15 человек, «с помощью которых он в полной тайне обрабатывал коллектив»,— как сообщал в полицию один из директоров завода [29]. Группа молодых рабочих и солдат создала в Мюнхене левую молодежную организацию. Инициаторами выступили Альберт Винтер (младший), Бетти и Эмилия Ландауэр, Карл Крёпелин и другие. Они активно участвовали в подготовке всеобщей стачки в Баварии.

В полицейских донесениях подчеркивается связь рабочих организаций Баварии с русскими военнопленными, значительное число которых находилось в районе Мюнхена. Военнопленные и некоторые русские революционеры-эмигранты, оказавшиеся в Мюнхене к началу войны, принимали активное участие в политической жизни Баварии в 1917—1919 годах.

В подготовке стачки в Баварии большую роль сыграли массовые собрания, проведенные левыми независимцами и спартаковцами 27—30 января. О настроениях, царивших на этих собраниях, можно

---

[27] См. W. Mattes. Указ. соч., стр. 36.

[28] DZA Potsdam. Bd. V, S. 230. Самостоятельная группа «Союза Спартака» образовалась в Мюнхене лишь 11 декабря 1918 г., а организация КПГ — в начале января 1919 года. Но спартаковцы имели в этом районе большое влияние в течение всего 1918 года. В. Пик относил Баварию к числу сильнейших округов, поддерживавших спартаковское движение (см. журнал «Пролетарская революция», 1928, № 11—12 (82—83), стр. 170).

[29] DZA Potsdam. Bd. I, S. 220 f.

судить по городскому собранию членов НСДПГ, состоявшемуся в Мюнхене 27 января. Курт Эйснер[30] выступил с докладом на тему «Мирные переговоры в Брест-Литовске и ожидания народа». Эйснер зачитал призывы из спартаковской листовки «В понедельник, 28 января, начинается массовая стачка!»: «Долой войну! Долой правительство! Да здравствует забастовка!» Оратор потребовал освобождения Карла Либкнехта из тюрьмы. Когда Эйснер сообщил о начавшемся в Берлине движении, зал встретил слова докладчика аплодисментами и возгласами: «И здесь должно начаться! С нас довольно! Мы больше не хотим!»[31].

Рабочие Мюнхена, Нюрнберга, Фюрта на протяжении всех дней стачки (и дней, непосредственно предшествовавших ей) проявили замечательное чувство солидарности со всеми пролетариями Германии. Баварцы считали своим долгом поддержать берлинских товарищей. Одна из арестованных участниц событий показала во время следствия, что рабочие Мюнхена «лишь ожидали сигнала из Берлина, чтобы вступить в стачку». Архивные материалы позволяют проследить и организационную связь стачечников Баварии и столицы. Во время обысков у руководителей мюнхенских рабочих полицией были изъяты гектографированные листки с информацией о ходе берлинской стачки, присланные из Берлина, телеграммы о посылке денег из Берлина для организационных и пропагандистских нужд независимцев. С энтузиазмом встречали мюнхенские рабочие на собраниях известия о стойкости берлинского пролетариата в борьбе, и сообщения о событиях в Берлине оказывали воздействие на колеблющихся.

Баварские социал-демократы открыто выступали против стачки, против поддержки бастующего пролетариата Берлина. Они были надежной опорой самого правого, шейдемановского крыла в рабочем движении Германии. Лидер баварских социал-демократов Эрхард Ауэр (1874—1945 гг.) был одной из самых «ярких» фигур в галерее предателей германского рабочего класса периода первой мировой войны. Партийное руководство послало его в Мюнхен с заданием организовать поддержку рабочими военной политики правительства и «привести к успокоению членов партии, выступающих против войны»[32].

В напряженные дни конца января — начала февраля 1918 г. на помощь правительству выступил весь ареопаг баварских социал-демократов большинства: депутаты рейхстага и ландтага Эрхард Ауэр и Франц Шмитт, депутаты ландтага Иоганн Тимм и Иозеф Курт (председатель и секретарь Свободных профсоюзов Баварии). Шовинистическая позиция руководителей баварской социал-демократии была отчетливо выражена Ауэром в беседе с руководителем баварской партии центра Пиклером в конце января 1918 года. «Я борюсь против стачки,—говорил Ауэр,—из-за нее мы проиграем войну»[33].

28—30 января лидеры социал-демократов еще надеялись свернуть

---

[30] Курт Эйснер (1867—1919 гг.), писатель, в 1898—1905 гг.— один из редакторов «Vorwärts»; был выведен из состава редакции за поддержку ревизионизма. До первой мировой войны работал в баварской социал-демократической прессе. В начале войны стоял на позициях «защиты отечества», но уже в 1915 г. выступил против руководства СДПГ и поддержал решения Циммервальдской конференции. К концу войны Эйснер, как об этом свидетельствуют архивные документы, выступал за революционный выход из войны. Он был одним из организаторов политической стачки в январе 1918 года. Однако путаные и противоречивые теоретические воззрения Эйснера помешали ему стать последовательным пролетарским революционером. Эйснер не понимал характера Октябрьской революции и политики большевиков. Во время Ноябрьской революции Эйснер возглавил первое республиканское правительство Баварии; в феврале 1919 г. он был убит монархистом.

[31] DZA Potsdam. Bd. IV, S. 76—78.

[32] См. H. Beyer. Указ. соч., стр. 3. После революции Ауэр возглавил травлю К. Эйснера, завершившуюся убийством вождя баварских независимцев.

[33] A. Winter. Kritische Flugschriften der USPD-Opposition. München (O. J.); H. Beyer. Указ. соч., стр. 2.

движение, используя своих сторонников из числа руководителей заводских рабочих организаций. На собрании рабочих завода Круппа 28 января социал-демократы пытались отвлечь их внимание от политических вопросов, выдвигая на обсуждение, по существу, нежизненные для того времени проблемы «переходного (от войны к миру) хозяйства». Докладчик Ф. Шмитт не только предостерегал рабочих от участия в стачке, но и запугивал их большими трудностями на рынке труда в случае заключения мира и проведения демобилизации. Только тогда, говорил Шмитт, когда выяснится, что переговоры в Брест-Литовске прерваны определенно по вине германского правительства, настанет момент для действий рабочих [34].

Но, несмотря на старания лидеров социал-демократии затормозить движение баварских рабочих, оно развернулось с большой силой. 31 января — первый день всеобщей забастовки в Мюнхене. В борьбу вступили, по внутренним полицейским сообщениям, около 3 200 человек.

В секретных полицейских сводках событий за этот день упоминаются 11 собраний мюнхенских рабочих в крупнейших залах города и под открытым небом. «Мы больше не имеем доверия к руководству вождей (правых социал-демократов.— *И. К.*), пусть движением руководят сами рабочие»,— говорил председатель рабочего комитета завода Круппа социал-демократ Рэк рабочим, собравшимся утром 31 января у заводских ворот. Это выступление свидетельствовало о полевении части рабочих — социал-демократов, начинавших разбираться в поведении своих лидеров. Рабочий Поппаль высказался еще более резко о правых профсоюзных лидерах: «Вожди профсоюзов — предатели; и для них придет час расплаты» [35]. Было предложено избрать Комитет действия, но не вводить в него правых социал-демократов.

Собрание рабочих завода Круппа 31 января знаменательно также тем, что левые поставили на нем вопрос о привлечении армии на сторону рабочих. Солдат, говорили ораторы, в последние дни снова убеждают, что они должны стрелять не только во врагов, но и в отцов и матерей. «Необходимо привлекать их на свою сторону. При этом, в случае нужды, необходимо устранять офицеров» [36].

На этом собрании с огромной силой проявился дух пролетарского интернационализма. Германские рабочие приняли обращение к рабочим России, Англии, Франции, Италии, Бельгии и США, которое свидетельствовало о росте классового самосознания рабочих Мюнхена, сумевших преодолеть узконационалистические настроения в условиях войны, бешеного разгула шовинизма. «Бастующие рабочие Мюнхена,— говорилось в резолюции,— передают свой братский привет бельгийским, французским, английским, итальянским, русским и американским рабочим. Мы чувствуем себя едиными с вами в решении положить конец войне. Мы не хотим давать себя убивать. Мы хотим сообща добиться такого всеобщего мира, который обеспечит всем людям свободу и счастье. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [37].

Рабочие мюнхенского завода Круппа вступили в борьбу. Было решено на работу не выходить, а днем организовать демонстрацию к заводам «Маффей» и BMW и призвать рабочих этих заводов присоединиться к стачке. Для боевого настроения рабочих характерно, что было решено в случае запрета шествия демонстрацию не отменять и, «невзирая на жертвы, добиваться своего».

На собрании рабочих BMW 31 января произошли резкие столкновения рабочих и левых независимцев с вождями социал-демократической

---

[34] DZA Potsdam. Bd. V, S. 239.

[35] Там же, стр. 110.

[36] Следует также отметить, что левосоциалистическая молодежная организация вела пропаганду в мюнхенских казармах. См. там же. Т. IV, стр. 5—6.

[37] Там же, стр. 91—92; см. также Н. Е. Застенкер. Указ. соч., стр. 55—56.

партии. Здесь первым против стачки выступил Ауэр. Во время речи Ауэра в зал вошли около 100 рабочих (в большинстве своем с завода Круппа) во главе с К. Эйснером. Взяв слово, Эйснер предостерег рабочих против лидеров социал-демократической партии и профсоюзов. «Вожди социал-демократов все время ждут революции в других странах, вожди социал-демократов вражеских стран ждут революции в Германии; так это дело вертится по кругу, и ничего не получается»,— говорил Эйснер.

Эйснер призвал рабочих к стачке. К началу собрания лишь около 1/3 рабочих BMW примкнули к бастующим, остальные колебались. «Собрание началось спокойно»,— показывал в прокуратуре Тимм. Но постепенно атмосфера накалялась. «Не будьте трусами!» — раздавалось в зале. Когда Ауэр и Тимм пытались снова взять слово, рабочие криками и свистом не дали им говорить [38]. Социал-демократических вождей фактически изгнали с собрания. Рабочие избрали новый рабочий комитет и приняли решение вступить в стачку 1 февраля. На 8 час. утра была назначена демонстрация рабочих завода по улицам Мюнхена.

Решение об участии в стачке с 1 февраля единодушно приняло также собрание рабочих авиастроительного завода. Этот завод дал наибольшее число стачечников — 3 300 человек. Вся рабочая Бавария активно включилась во всеобщую политическую стачку, начатую металлистами Берлина. В Нюрнберге бастовало 50 тыс. рабочих, в Фюрте — 3 тысячи. В промышленном городе Швейнфурте остановились все предприятия.

Политический характер событий нашел отражение в требованиях стачечного движения, выдвинутых на собраниях, митингах, во время демонстраций в Мюнхене, Нюрнберге, Фюрте. Эти требования позволяют сделать вывод, что влияние спартаковцев в Баварии было значительным и их лозунги были широко распространены среди баварских рабочих. Рабочие подчеркивали, что на этот раз речь шла не о зарплате, а о политическом давлении на правительство. Политические требования на всех без исключения предприятиях оттеснили на задний план требования экономические. Член рабочего комитета завода Круппа слесарь Генрих Балтус показал на следствии после стачки, что, хотя введение воскресной работы и недостаток средств существования тоже сыграли свою роль в событиях, «настоящим основанием для стачечного движения явился образ действий правительства в политической области» [39].

Распространявшаяся в январе в Мюнхене листовка «Призыв к германскому народу!» звала рабочих принудить правительство к отставке, или, «если ничего другого не останется, свергнуть его». В полицейских донесениях указывается, что ораторы «прямо призывали к революции» [40].

Баварских рабочих, так же как и рабочих всей Германии, волновали вопросы войны и мира. Участник событий К. Крёпелин говорил на следствии, что рабочие рассчитывали с помощью стачки повлиять на ход переговоров в Брест-Литовске, с тем, чтобы они развивались «в духе русских требований», то есть добиться немедленного заключения всеобщего мира без аннексий и контрибуций [41].

В Нюрнберге антивоенные настроения нашли свое отражение в грандиозных демонстрациях забастовщиков 28 и 29 января. Рабочие «проходят по улицам с плакатами, на которых написано: «Мир!» — сообщала правительственная газета [42]. В демонстрации нюрнбергских рабочих 29 января, одной из самых крупных демонстраций в Германии за все годы войны, участвовало до 25—30 тыс. человек. Ораторы выступали «против капитализма», «против политики правительства и особенно про-

[38] DZA Potsdam. Bd. V, S. 77, 102.
[39] Там же. Т. I, стр. 272.
[40] Там же. Т. III, стр. 105.
[41] Там же. Т. IV, стр. 16; т. V, стр. 268.
[42] «Bayerische Staatszeitung», 30 января 1918 года.

тив поведения генерала Гофмана во время мирных переговоров»[43]. Требование мира на Западе и Востоке и прямая поддержка позиции Советской России на переговорах в Брест-Литовске были наиболее распространенными требованиями стачечников в Баварии.

Политический характер стачки ярко проявился и в выражениях симпатии рабочих к русской революции, в призывах к солидарности с рабочим классом России, совершившим пролетарскую революцию. Полицейские донесения сообщали о «прославлении русской революции» на рабочих собраниях в Мюнхене[44].

Вечером 31 января Курт Эйснер был арестован. В тот же день и в первые дни февраля были арестованы и многие другие руководители стачечного движения. Но рабочие продолжали бастовать. Оставшиеся на свободе активисты распространяли среди рабочих листовку, отпечатанную на гектографе, с призывом продолжать борьбу и требовать освобождения арестованных.

В содержании этой листовки отразилась огромная популярность среди немецких рабочих ленинской программы мира. Первый пункт листовки гласил: «Германское правительство должно немедленно предложить мир всем воюющим странам на основе отказа от каких-либо открытых или скрытых аннексий, от контрибуций, при соблюдении права на самоопределение народов»[45].

1 февраля в стачку вступили новые предприятия. Полностью включились в забастовку рабочие авиазавода; к бастующим присоединились 1 100 рабочих заводов «Отто-верке», 600 человек с завода точных приборов, около 300 рабочих папиросной фабрики[46]. 2 и 3 февраля в городе состоялись крупные демонстрации бастующих. Стачечники сомкнутыми рядами прошли через центр города.

В эти дни власти и их союзники из руководства социал-демократической партии Баварии и правых профсоюзов полностью объединили свои усилия в борьбе против стачки. Штрейкбрехеров доставляли на заводы под военной охраной. Некоторые приемы, к которым прибегла баварская буржуазия при поддержке социал-демократов в борьбе со стачкой, являются продуктом «коллективного опыта» капиталистов и социал-предателей всех стран. Для воздействия на сознание политически незрелых рабочих была пущена в ход версия о связях организаторов стачки с определенными кругами за пределами Германии, заинтересованными в подрыве германской мощи. Правительственная «Bayerische Staatszeitung» еще за несколько дней до стачки, 21 января 1918 г., писала, что центр по организации беспорядков в Германии создан в Цюрихе. В разгар стачки, 3 февраля, «Münchener Neuste Nachrichten» дала обзор английской прессы, составленный таким образом, что читатель должен был сделать вывод о связях стачечников с руководящими кругами Антанты и даже с самим Ллойд-Джорджем.

Наконец, баварские социал-демократические руководители по примеру своих собратьев в столице решились на маневр, воплощенный в истории социал-предательства в формуле «возглавить, чтобы обезглавить». Как показал позднее Ауэр в прокуратуре (он был вызван в качестве свидетеля по делу Эйснера), 31 января лидеры социал-демократической партии и профсоюзов считали «наиболее целесообразным вызвать среди самих рабочих движение против стачки»[47]. Но эти попытки не имели успеха. Тогда 1 февраля баварское правление социал-демократической партии единогласно приняло решение включиться в стачечное движение

---

[43] DZA Potsdam. Bd. II, S. 77. Из донесения полицейского агента.
[44] Там же. Т. V, стр. 106.
[45] Там же. Т. III, стр. 12.
[46] Там же. Т. I, стр. 191.
[47] Там же. Т. V, стр. 131.

и взять руководство им в свои руки с тем, чтобы 4 февраля была возобновлена работа на предприятиях[48]. Неожиданно для стачечников правление партии объявило, что оно признает требования рабочих справедливыми и будет их защищать. Об этом было сообщено 2 февраля в «Münchener Post».

После принятия решения «об участии в стачке» лидеры социал-демократов направили все свои усилия на ее срыв. 2 февраля Ф. Шмитт собрал доверенных от предприятий и заявил, что движение не может продолжаться без определенного руководства и что необходимо избрать городской стачечный комитет[49]. К этому времени все наиболее популярные руководители стачки были уже арестованы. В Берлине движение было дезорганизовано шейдемановцами и жестоко подавлено. В этих условиях мюнхенским рабочим — участникам стачки не были ясны дальнейшие перспективы движения. Продолжавшаяся с большой энергией «обработка» рабочих со стороны социал-демократов начала приносить плоды.

В избранном 2 февраля городском стачечном комитете преобладали социал-демократы большинства. На заседании, проходившем в тот же вечер при участии Ф. Шмитта, решение руководства социал-демократов (включая и пункт о возобновлении работы 4 февраля) было одобрено. Постановили также избрать депутацию к правительству, чтобы «защищать требования стачечников»[50]. На тех предприятиях, где вопрос о вступлении в стачку еще решался и где массы колебались, социал-демократы выступили с демагогическим лозунгом — провести однодневную демонстративную стачку (тоже с возобновлением работы 4 февраля).

Наиболее сознательные рабочие понимали маневры лидеров социал-демократии. Молодая работница завода точных приборов Мария Гейльмайер говорила на допросе в прокуратуре в марте 1918 г., что предложение об однодневной стачке Ауэр сделал «явно лишь для того, чтобы успокоить умы»[51].

Помимо юнкерско-буржуазного государства, социал-демократов и их профсоюзов, была еще одна сила, очень серьезная в условиях Баварии, которая боролась за срыв стачки,— католические рабочие организации, так называемые христианские профсоюзы. Руководитель христианского союза металлистов Мюнхена Босбах еще 28 января 1918 г. на собрании рабочих Круппа выступил против стачки[52]. 31 января городской комитет христианских профсоюзов опубликовал в правительственной «Bayerische Staatszeitung» заявление против забастовки. Секретарь христианских профсоюзов Мюнхена Казехаге по телефону информировал полицейского комиссара о ходе рабочих собраний. Настойчивая пропаганда правых социал-демократических и профсоюзных лидеров, опиравшихся на «рабочую аристократию» баварских заводов, оказывала определенное влияние на часть мюнхенских рабочих. Два мюнхенских завода — «Маффей» и паровозостроительный — почти полностью не участвовали в стачке под влиянием «христианских» и социал-демократических лидеров[53].

Предатели интересов рабочего класса сделали свое черное дело. 4 февраля работа на баварских предприятиях была возобновлена.

---

[48] Там же, стр. 29.
[49] Там же.
[50] «Münchener Post», 3 февраля 1918 года.
[51] DZA Potsdam. Bd. V, S. 36.
[52] Там же, стр. 239.
[53] Последовавшие затем месяцы напряженной борьбы в Баварии привели и рабочих завода «Маффей», в массе своей коренных баварцев, в ряды передовых борцов. Сотни из них с оружием в руках отстаивали рабочую власть в Мюнхене в апреле 1919 года.

С помощью террора и при самом активном участии правых лидеров социал-демократии и профсоюзов крупнейшее выступление германского пролетариата — январская всеобщая политическая стачка — было сорвано в Баварии, так же как в Берлине и по всей стране. Власти ставили заводы под военный контроль, распускали рабочие Советы, арестовывали и предавали суду активистов. До 50 тыс. рабочих Берлина — участников стачки — были призваны в армию. Особая секретная инструкция предлагала по возможности скорее посылать на поле боя солдат с пометкой «Berlin 1918» на военных документах (что было условным обозначением для активного участника стачки) [54].

За поражение рабочего класса Германии в январе — феврале 1918 г. ответственность несут и центристские руководители Независимой социал-демократической партии, дезорганизовавшие своей нерешительной, оппортунистической тактикой все движение. Спартаковец — автор сообщения, известного под названием «Neukölln er Bericht» [55],— писал, что берлинский Комитет действия во главе с независимцами — депутатами рейхстага «не искал объединения с революционной энергией масс... главным образом в связи с недостатком доверия к массам и не в последнюю очередь потому, что независимцы с самого начала представляли себе стачку не иначе как демонстративную. Комитет под влиянием депутатов (рейхстага) ограничил себя организацией переговоров с правительством вместо того, чтобы с самого начала отказаться от всяких переговоров и развязать энергию масс в самых различных формах».

Несколько месяцев, прошедших после пролетарской революции в России, были очень важным периодом в истории германского революционного движения. Группа «Спартак» завоевала в это время авторитет и симпатии среди наиболее сознательной части рабочего класса; это подтверждается тем фактом, что, как с полным основанием пишет В. Бартель, «борющиеся массы переняли лозунги группы «Спартак» и создавали себе в рабочих Советах органы борьбы, которые пропагандировались только группой «Спартак» [56]. Спартаковцы стремились поднять германский пролетариат на помощь русской революции.

Рабочие Советы, зародышевые формы которых появились в Германии уже в апреле 1917 г., во время январской стачки получили широкое распространение. Там, где Советы противились стачке, рабочие, как мы видели на примере Баварии, переизбирали их. Новые Советы имели уже иное содержание: борющийся рабочий класс создавал органы революционного руководства.

После поражения январского выступления рабочих Германии только спартаковцы сумели поставить перед ними ясные цели, конкретные боевые задачи. В марте 1918 г. спартаковцы издали листовку с призывом к повсеместному созданию Советов рабочих и солдатских депутатов, к вооружению рабочих и захвату власти. В листовке намечались и первые мероприятия рабочей власти [57].

Во время революционной борьбы в конце 1917 г.— начале 1918 г. с огромной силой проявилось значение пролетарской солидарности, братского интернационализма в борьбе за освобождение рабочего класса всех стран. Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала мощный подъем рабочего движения в Германии. Германский же рабо-

---

[54] W. Bartel. Указ. соч., стр. 506.

[55] «Dokumente und Materialien...». Bd. 2. Dok. № 55. S. 131—136. Редакторы сборника высказывают обоснованное предположение, что автором этого документа является Л. Иогихес.

[56] См. сборник статей «Revolutionäre Ereignisse und Probleme...», S. 159.

[57] «Dokumente und Materialien...». Bd. 2, Dok. № 56, S. 137—138.

чий класс выступил в поддержку Октябрьской революции и своей борьбой в определенной мере связал руки юнкерско-империалистической верхушке Германии.

Советское правительство и Коммунистическая партия внимательно следили за развитием событий в Германии. В. И. Ленин в своих выступлениях в декабре 1917 г.— марте 1918 г. неоднократно анализировал положение в Германии, состояние классовой борьбы в этой стране; он высоко оценивал революционную борьбу немецких рабочих в этот период и прежде всего январскую всеобщую стачку. «Обаяние русской революции,— говорил Ленин,— выразилось в первом грандиознейшем за все время войны выступлении германских рабочих, которые на брестские переговоры реагировали колоссальной забастовкой в Берлине и других промышленных центрах Это выступление пролетариата в стране, одурманенной угаром национализма и опьяненной ядом шовинизма, есть факт первостепенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата»[58].

Когда в Петрограде были получены сообщения о всеобщей стачке в Германии, Советское правительство обратилось со специальным воззванием «Всем!»[59]. Этот документ, проникнутый волнующим пафосом революционной эпохи, показывает, как воспринимались в революционной России январско-февральские события в Германии, какие надежды возлагал русский рабочий класс на братскую поддержку немецкого пролетариата, поднявшегося на политическую борьбу большого масштаба. Союз и дружба рабочего класса двух стран необходимы в интересах мира и социализма — вот один из самых важных выводов из событий 1917—1918 гг., который был сделан лучшими представителями немецкого рабочего класса — спартаковцами, а позднее коммунистами, отдававшими все свои силы делу укрепления этой дружбы.

На основании уроков 1917—1918 гг. революционные силы Германии сделали и другой важный вывод. Верный классовый инстинкт, так ярко проявившийся во время всеобщей стачки, не мог заменить руководства партии, которая умела бы не только политически правильно оценить обстановку и поставить правильные задачи, но и организационно объединить рабочий класс и повести его к победе. В январе—феврале 1918 г. с большой силой сказалось отсутствие такой партии. Германские левые пришли к убеждению, что необходимо создать самостоятельную, до конца революционную партию рабочего класса.

События ноября 1917 г.—февраля 1918 г. и прежде всего всеобщая стачка, были, по существу, прологом Ноябрьской революции: они показали силу рабочих, многому научили их, ускорили их политическое воспитание. Борьба баварских рабочих и рабочих других областей Германии за мир, за революционный выход из войны, в поддержку Советской России в период 1917—1918 гг. была и остается одной из самых славных страниц в истории германского рабочего движения.

---

[58] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 505.
[59] «Dokumente und Materialien...», Bd. 2, S. 107—110.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В БРАЗИЛИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Б. И. Коваль

История классовых боев пролетариата Бразилии является одной из наиболее ярких страниц борьбы бразильского народа за свое социальное и национальное освобождение и составляет неотъемлемую часть великой истории международного пролетарского движения. В связи с этим изучение истории борьбы рабочего класса в Бразилии представляет большой научный и политический интерес. Однако многие важные проблемы рабочего движения в Бразилии до сих пор почти не рассматривались. Крупные бразильские исследователи, такие, как Роберто Симонсен, Педро Калмон, Роша Помба, Ж. Пандиа Каложерас, У. Бастос, Ж. Брандон и др.[1], в своих трудах, по существу, не уделяют внимания истории революционной борьбы бразильского пролетариата. Буржуазные американские и английские историки нередко грубо фальсифицируют историю классовой и национально-освободительной борьбы в Латинской Америке. Примером подобной фальсификации могут служить «труды» реакционного американского историка Р. Алекзандера[2].

В прогрессивной и марксистской латиноамериканской историографии рабочее движение в Бразилии (до 1918 г.) освещено в немногих статьях и книгах[3]. В советской исторической литературе проблемы развития рабочего движения в Бразилии специально не рассматривались[4].

В настоящей статье предпринята попытка осветить некоторые вопросы формирования пролетариата и дать общую характеристику рабочего движения в Бразилии со времени его зарождения до 1918 года.

---

[1] Roberto S. Simonsen. Brasil's Industrial Evolution. São Paulo. 1939; Pedro Calmon. História do Brasil. Vol. 1—5. São Paulo. 1956; Rosha Pomba. História do Brasil. Vol. 1—12. Rio de Janeiro: J. Pandia Calógeras. Formação Histórica do Brasil. São Paulo. 1957; Humberto Bastos. A Marcha do Capitalismo no Brasil. São Paulo. 1944; Geraldo Brandão. História do Brasil. São Paulo. 1955.

[2] R. Alexander. Communism in Latin America. Rutgers University Press. New Brunswich. New Jersey. 1957.

[3] Abguar Bastos. Prestes e a Revolução Social. Rio de Janeiro. 1946; Miguel Alves. A Primeira Revolução Russa e a Nossa Luta. «Problemas», nov.-dez. de 1955, № 71; Astrogildo Pereira. Lutas Operárias que Antecederam a Fundação do Partido Comunista do Brasil. «Problemas», março-abril de 1952, № 39; Everardo Dias. Lutas Operárias no Estado de São Paulo. «Revista Brasiliense», 1955, № 1; его же. O Socialismo no Brasil. «Revista Brasiliense», 1955—1957, №№ 2—13; его же. Organização Trabalhista e Lutas Sindicais no Brasil. «Revista Brasiliense», 1959, №№ 18, 20, 22—24; Herminio Linhares. Contribuição à História das Lutas Operárias no Brasil. Rio de Janeiro. 1955; его же. As Greves Operárias no Brasil durante o Primeiro Quartel do Século XX. «Estudos Sociais», julho—agosto de 1958, № 2.

[4] Можно назвать лишь несколько статей общего характера, в которых содержится некоторый материал, относящийся к Бразилии: Генрих Я—н (Якобсон). Революционный подъем и рабочее движение в странах Латинской Америки в первые послевоенные годы. «Историк-марксист», 1932, №№ 4—5; В. И. Ермолаев. Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америки (1870—1900 гг.). «Вопросы истории», 1959, № 1.

★

Бразилия вступила на путь капиталистического развития значительно позже многих стран мира. Это объяснялось прежде всего тем, что в течение трех с лишним столетий (1500—1822 гг.) она являлась колонией феодальной Португалии, а после завоевания государственной самостоятельности попала в экономическую и политическую зависимость от могущественной в то время английской буржуазии [5]. Иностранный капитал тормозил экономическое развитие страны, предпочитая сохранять ее в качестве своей аграрно-сырьевой базы. Английская буржуазия, подчинившая своим интересам деятельность плантационного хозяйства в Бразилии, всеми силами старалась сохранить рабство, которое являлось серьезным препятствием для возникновения и упрочения национального капитала. В середине прошлого века рабы составляли около трети населения страны [6]. Однако, несмотря на все препятствия, здесь шел процесс зарождения капиталистических отношений. В стране в середине XIX в. появились первые капиталистические промышленные предприятия, но, как констатировалось в докладе императорской комиссии (1853 г.), «большинство предприятий по-прежнему широко использовало труд рабов» [7]. По официальным данным переписи 1912 г., в Бразилии до 1849 г. возникло всего 67 промышленных предприятий, а за период с 1850 по 1890 г.— 559. Число промышленных рабочих возросло с 5—7 тыс. до 60—70 тыс. человек [8]. За это же время количество рабов, занятых в основном в сельском хозяйстве, сократилось с 2,5 млн. до 723 тыс. человек, а их доля в общем составе населения уменьшилась с 31% до 5% [9]. Эти изменения свидетельствовали о сужении сферы докапиталистических отношений. В середине XIX в. в Бразилии начинается строительство железных дорог, финансируемое главным образом английским капиталом. Накануне отмены рабства в эксплуатации находилось 9,5 тыс. км железных дорог [10].

Развитие производительных сил в промышленности настоятельно требовало отмены рабства. Ряд сбуржуазившихся плантаторов наряду с трудом рабов постепенно начал прибегать к найму батраков, используя последних на наиболее ответственных работах. Под воздействием глубинных экономических процессов, а также под влиянием аболиционистского движения в мае 1888 г. рабство было официально запрещено. Вслед за отменой рабства пала монархия (ноябрь 1889 г.).

Период примерно с середины XIX в. до отмены рабства и установле-

---

[5] В прошлом столетии около половины национального дохода Бразилии ежегодно перекачивалось в сейфы лондонских торговцев и банкиров. Внешний государственный долг к 1880 г. достиг 32,5 млн. ф. ст. по сравнению с 1,3 млн. ф. ст. в 1822 году. «Foreign Capital in Latin America». United Nations. New York. 1954, p. 49; «Brasil. Bureau of the American Republics». Washington U.S.A. Bulletin № 7, June, 1891, p. 87.

[6] Наиболее важные статистические данные о социально-экономическом развитии Бразилии содержатся в правительственной переписи 1920 г. «Recenseamento do Brasil, realisado em I de Setembro de 1920 (4° Genso Geral da Polulação e 1° da Agricultura e das Industrias)». Vol 1. Rio de Janeiro. 1927, pp. 339, 404—409.

[7] Цит. по St. J. Stein. The Brazilian Cotton Manufacture. Textile Enterprise in an Undeveloped Area, 1850—1950. Harvard University Press. Camridge. Massachusetts. 1957, p. 5.

[8] «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 5, 1 parte, p. LXIX. По данным правительственной переписи 1872 г., из 5,7 млн. человек самодеятельного населения (в Бразилии в то время насчитывалось 9,9 млн. жителей) около 410 тыс. человек либо временно, либо постоянно работали по найму. Однако бразильская статистика в группу «лиц наемного труда» (pessôas assalariados) включала не только «поденщиков» (jornaleiros), но и прислугу (criados) (см. «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 4, 5 parte. Tomo I, pp. VII—IX).

[9] «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 1, pp. 404—409.

[10] По официальным данным, в 1872 г. число рабочих и служащих, занятых на транспорте, достигало 21,7 тыс., а к 1900 г. выросло до 71,9 тыс. человек. «Anuário Estatistico do Brasil», I Ano (1908—1912). Vol. II. Rio de Janeiro. 1917, pp. XXIV, 31; «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 4, 5 parte, pp. IV—IX.

ния республики можно в общем охарактеризовать как время зарождения капитализма в недрах старого строя. В те годы в Бразилии еще не было необходимых социально-экономических условий для развития широкого рабочего движения. Но это отнюдь не означает, что рабочие вступили в борьбу с эксплуататорами лишь после отмены рабства [11].

Из доступных нам источников известно, что наемные рабочие Бразилии начали бороться за свои экономические интересы еще в 50-х годах XIX века. В декабре 1853 г. было создано общество взаимопомощи рабочих типографий Рио-де-Жанейро («Imperial Associação Tipografica Fluminense»), которое выдвинуло ряд экономических требований. В 1856 г. печатники столицы вторично потребовали повышения заработной платы. В следующем году их примеру последовали рабочие газовой компании, принадлежавшей английским капиталистам. В январе 1858 г. рабочие типографий столичных газет вновь выступили с требованием сократить рабочий день и повысить заработную плату. 10 января они выпустили первую рабочую газету в Бразилии — «Jornal dos Tipògrafos» («Газета печатника»), которая требовала «покончить с угнетением всех слоев общества» и призвала народ бороться всеми легальными методами против эксплуатации человека человеком.

В 1863 г. имело место крупное движение рабочих железной дороги в Барра до Пираи, принадлежавшей английскому капиталу; в 1866 г. в борьбу включились столяры, грузчики, каменщики, строители Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло, Сокорро и других городов [12]. В 70—80-х годах XIX в. в Бразилии произошло более 50 рабочих выступлений. Особенно активно борьба развертывалась на относительно крупных промышленных предприятиях, принадлежавших, как правило, иностранным капиталистам.

В то время рабочие вели стихийную борьбу, их бунты носили разрозненный характер слепых актов мести угнетенных, не понимавших, отчего их положение так тяжело. Нередко рабочие избивали особо ненавистных им надсмотрщиков, разрушали орудия производства.

Первые бои рабочих привлекли к себе внимание прогрессивной буржуазной интеллигенции, которая наряду с другими демократическими требованиями провозглашала лозунги в защиту прав трудящихся. В борьбе против рабства и монархии демократически настроенная интеллигенция исповедовала идеи утопического социализма, находившие также отклики и среди рабочих. Особой популярностью пользовались в 50—70-х годах XIX в. утопические идеи Шарля Фурье [13].

Во второй половине XIX в. пропаганду идей утопического социализма вело несколько мелкобуржуазных газет: «O Operário» («Рабочий»), «O Travalho» («Труд»), «O Povo» («Народ»), «Liberdade» («Свобода») и др. [14].

В 80-х годах прошлого века в Бразилии распространялись самые разнородные революционные идеи. Журналист и философ Кловис Бевилакуа (1859—1944) опубликовал в 1886 г. книгу «Проблема нищеты», в которой резко осуждал нигилизм Бакунина, Ницше и выражал свое

---

[11] Подобная точка зрения довольно распространена и нашла свое отражение также в советской литературе, посвященной проблемам Латинской Америки. Так, в книге М. В. Данилевич «Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки» (М. 1953) утверждается, что «в Бразилии начало рабочего движения и возникновение первых рабочих организаций относится к 1889 г., к периоду свержения монархии и установления республиканского строя» (стр. 174). См. также: БСЭ. Изд. 1-е. Т. 7, стр. 307; изд. 2-е, т. 6, стр. 34; «Страны Латинской Америки». М. 1949, стр. 327, 333.

[12] Хронику первых выступлений рабочих см.: H. Linhares. Contribuição à História das Lutas Operárias no Brasil. Rio de Janeiro. 1955, pp. 30—35; A. Pereira. Lutas Operárias..., p. 76; E. Dias. Organização Trabalhista..., pp. 119—120; A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, pp. 65—69.

[13] Rodrigo Duque Estrada. Primeiras Idéias Socialistas no Brasil. «Revista Brasiliense», 1958, № 20, p. 94; H. Linhares. Contribuição..., pp. 28—31.

[14] A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, pp. 70—71.

искреннее восхищение учением К. Маркса. К. Бевилакуа писал о необходимости политической организации рабочих[15]. Революционную пропаганду в Бразилии вели также европейские рабочие-иммигранты и особенно группа парижских коммунаров, вынужденных после 1871 г. покинуть Францию[16]. На первых порах эта пропаганда охватывала узкий круг прогрессивной интеллигенции и студенчества. И лишь постепенно революционные идеи стали проникать в среду передовых рабочих, что подготовило «в начале 70-х годов почву для создания первых тайных рабочих организаций, идейно примыкавших к I Интернационалу»[17]. Борьба пролетариата развивалась как органическая составная часть общедемократического революционного движения, направленного против рабства, монархии и паразитического засилья английского торгово-ростовщического капитала. Руководство же этим движением находилось всецело в руках буржуазных элементов. Уничтожение рабства открыло путь для развития самостоятельного рабочего движения.

В течение первых 25 лет после отмены рабства (1889—1913 гг.) Бразилия сделала значительный шаг вперед по пути капиталистического развития. В эти годы в стране были основаны тысячи предприятий, сумма капиталовложений возросла вдвое, мощность механических двигателей увеличилась с 66,4 тыс. до 93,1 тыс. л. с. В этот период было произведено промышленной продукции (по стоимости) в четыре раза больше, чем за весь период монархии[18].

Развитие бразильской экономики проходило в конце XIX — начале XX в. в условиях, когда в передовых странах мира капитализм вступал в империалистическую стадию, порождая новые противоречия между капиталистическими странами. Особенно ожесточенная конкурентная борьба разгорелась в Бразилии между английскими и североамериканскими монополистами. Вплоть до первой мировой войны США в основном осуществляли в Бразилии торговую экспансию: в 1913 г. объем бразило-американской торговли составлял 152 млн. долл., или 24% всего внешнеторгового оборота Бразилии. Доля Англии и Германии, каждой в отдельности, не превышала 18% (120 млн. долл.). Однако, уступая в торговле, Англия в десятки раз превосходила США по сумме капиталовложений: английские инвестиции оценивались на 1913 г. в 1 161 млн. долл., в то время как американские — лишь в 50 млн. долларов[19]. Для Бразилии это означало тяжелую, двухстороннюю зависимость — от империализма Англии и от империализма США. Большинство промышленных предприятий страны находилось под контролем иностранцев, а внешний государственный долг Бразилии достиг к 1915 г. огромной суммы — 162,9 млн. ф. стерлингов[20].

Зависимость Бразилии от иностранного капитала препятствовала развитию ее экономики, опутанной к тому же многочисленными остатками докапиталистических производственных отношений. Политическая власть сохранялась в руках крупных плантаторов-землевладельцев. Экономическое наследие эпохи рабства и монархии, с одной стороны, и

---

[15] См. Rodrigo Duque Estrada. Primeiras Idélas Socialistas no Brasil, p. 95.

[16] См. E. Dias. Organização Trabalhista..., p. 119; его же. O Socialismo no Brasil. «Revista Brasiliense», № 5, p. 54.

[17] Цит. по В. И. Ермолаев. Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америки (1870—1900 гг.). «Вопросы истории», 1959, № 1, стр. 93.

[18] Подробнее о промышленном развитии Бразилии в этот период см. «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 5, 1 parte, pp. XLII—LXIX.

[19] Max Winkler. Investments of United States Capital in Latin America. Boston 1928, pp. 274—285; Alan K. Manchester. The British Preeminence in Brazil. Its Rise and Decline. A Study in European Expansion. The University of North Carolina Press. 1933, p. 327; «The Agricultural and Economic Development of Brazil». International Institute of Agriculture. Rome. 1921, pp. 13—16.

[20] «Foreign Capital in Latin America». New York. 1955, p. 49.

гнет иностранного капитала — с другой, мешали свободному росту капитализма в Бразилии, деформировали национальную экономику. Под воздействием этих сил, а также в связи с различием некоторых природных условий становление капиталистических отношений в разных районах страны шло неравномерно. В штатах Сан-Пауло, Рио-де-Жанейро, Минас-Жераис, Рио-Гранде-до-Сул был достигнут наиболее высокий уровень капиталистического развития: по данным переписи 1907 г., здесь находилось большинство промышленных предприятий (1 934 из 2 988) и концентрировалось более 73% всего промышленного пролетариата Бразилии [21]. По числу рабочих на первом месте в то время стоял Федеральный округ и г. Рио-де-Жанейро (47,1 тыс.), затем шел штат Сан-Пауло (22,3 тыс.), который вскоре, однако, далеко обогнал все остальные районы страны и превратился в главный промышленный центр Бразилии. В 1912 г. в Сан-Пауло насчитывалось 42,8 тыс. промышленных рабочих, а к 1920 г. их число возросло до 83,9 тыс. человек, что составляло более 30% всего пролетариата страны [22]. Не случайно поэтому именно штат Сан-Пауло всегда занимал ведущее место по размаху и организованности рабочего движения. Другие районы страны (95% всей территории) оставались экономически отсталыми. Несмотря на значительный рост промышленности в целом, Бразилия накануне первой мировой войны оставалась слаборазвитой, аграрной страной. Она не имела своей тяжелой индустрии, структура промышленности носила полуколониальный характер: по стоимости продукции основное место занимали предприятия пищевой (40,2%), текстильной (27,6%), швейной (8,2%) и других отраслей легкой промышленности. Отсталость бразильской промышленности проявлялась также и в том, что более 90% предприятий были мелкими, кустарными мастерскими с числом рабочих менее 10 человек. По данным переписи 1912 г., в стране имелось всего 163 предприятия с количеством рабочих и служащих свыше 200 человек [23]. Преобладание ремесленников-кустарей и малочисленность фабрично-заводского пролетариата сказались на характере самого рабочего движения, определили слабую организованность рабочих, живучесть в рабочем движении мелкобуржуазной идеологии. Известное воздействие на рабочее движение оказала европейская иммиграция, за счет которой в конце XIX — начале XX в. в значительной степени пополнялись ряды бразильского пролетариата. За период с 1884 по 1914 г. в страну въехало около 3 млн. человек (из Италии — 1,2 млн., Португалии — 700 тыс., Испании — 400 тыс., России — 90 тыс.). Наиболее сильный приток иммигрантов наблюдался накануне первой мировой войны: за 10 лет (с 1904 по 1914 г.) в Бразилию прибыло более 1 млн. человек [24]. Основная часть приезжих вливалась в сельское хозяйство, другие либо сразу, либо спустя некоторое время включались в ряды пролетариата, некоторые становились мелкими торговцами, ремесленниками. К 1920 г. иностранцы составляли около $^1/_5$ всех лиц, занятых в промышленном производстве [25]. Иммигранты были зачастую наиболее революционной, грамотной и организованной частью бразильского пролетариата. Многие из

---

[21] Подсчитано по данным «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 5, 1 parte, pp. VIII—XI. В названных районах в 1907 г. концентрировалось 74 тыс. рабочих из 136,4 тыс., в 1912 г.— 87 тыс. из 144,5 тыс., в 1920 г.— 200 тыс. из 275,5 тыс. рабочих, в 1940 г.— 577 тыс. из 781 тыс., в 1950 г.— 950 тыс. из 1,2 млн. промышленных рабочих. См. «Anuário Estatistico do Brasil — 1958». Ano XIX. Rio de Janeiro. 1958, p. 82.

[22] В 1940 г. в штате Сан-Пауло насчитывалось около 273 тыс. рабочих, занятых в промышленности, в 1950 г. их число возросло до 488,6 тыс. человек. См. там же.

[23] «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 5, 1 parte, pp. XXIV, XLVIII—XLIX.

[24] Подробные данные об иммиграции приведены в «Anuário Estatistico do Brasil — 1958». Ano XIX. Rio de Janeiro. 1958, p. 38.

[25] Подсчитано по данным «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 5, 1 parte, p. LXX.

них участвовали в революционном движении в Европе, имели опыт классовой борьбы.

Основной причиной обострения классовой борьбы в Бразилии после отмены рабства явилось тяжелое экономическое положение трудящихся, которые фактически не получили никакого реального облегчения. Рабочие по-прежнему не имели политических прав. Заработная плата оставалась нищенской, рабочий день не нормировался и продолжался до 14—16 часов в сутки, хозяева нередко прибегали к самому грубому произволу — телесным наказаниям, штрафам и т. д. Пролетариат Бразилии активно боролся за свои экономические и политические интересы, против остатков старых, докапиталистических форм эксплуатации. Выступления рабочих, носившие по-прежнему стихийный характер, жестоко подавлялись властями. Рабочим пришлось вести длительную и упорную борьбу за признание своих прав на забастовку.

В 1891 г., когда в правительстве обсуждался вопрос о внесении в конституцию статьи, запрещающей забастовочные выступления, в столице Бразилии рабочие создали руководящий центр («Centro das Classes Operárias»), который возглавил кампанию в защиту прав пролетариата [26]. К этому времени относится сравнительно крупная забастовка железнодорожных рабочих, поддержавших восстание во флоте против диктатуры Деодоро да Фонсека [27]. В защиту экономических и политических прав пролетариата выступили прогрессивные газеты и журналы, в которых сотрудничали представители революционно настроенной мелкобуржуазной интеллигенции и передовые рабочие, особенно иммигранты [28]. В начале 90-х годов среди рабочих-иммигрантов возникли планы создания партии по типу европейской социал-демократии. По свидетельству бразильского историка Пинто до Кармо, эта идея впервые была выдвинута еще в 1888 году. В 1890 г. ее активно пропагандировала газета «Vos do Povo» («Голос народа»), которая призывала «всех грамотных рабочих и трудящихся» объединиться в борьбе за более человеческие условия труда и жизни и выдвинуть на предстоящих выборах в конгресс «таких кандидатов, которые смогли бы выразить наши интересы» [29]. В 1890 г., за 8 дней до выборов, такая организация под названием «Partido Operário» («Рабочая партия») была создана. Вскоре, однако, эта небольшая группа, состоявшая преимущественно из представителей революционно настроенной интеллигенции и рабочих-иммигрантов, прекратила свое существование.

Новая попытка создать партию была предпринята в 1892 году. В г. Порто-Алегро (столица штата Рио-Гранде-до-Сул) был создан «Союз труда» («União do Trabalho»), в Рио-де-Жанейро в это же время собралась группа социалистов, которые в своей резолюции подчеркнули, что они также поднимают «знамя социализма, чтобы противопоставить себя деспотизму молодой бразильской республики». На этом совещании, или, как его тогда называли, первом конгрессе социалистов Бразилии, вновь встал вопрос «о создании политической рабочей партии» [30]. В то

---

[26] См. А. Канеллас. Рабочее движение в Бразилии. «Красный Интернационал профсоюзов», 1924, № 10(21), стр. 818; H. Linhares. Contribuição..., p. 37.

[27] См. A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, p. 84; H. Linhares. Contribuição..., p. 38.

[28] Наиболее активно выступали газеты «O Amigo do Povo» («Друг народа», названная так в честь газеты Марата), «O Operário» («Рабочий», орган рабочих Сан-Пауло). «O Primeiro de Maio» («1-е Мая»), «O Jornal Operário» («Газета рабочего»), «O Trabalho» («Труд») и ряд других. См. подробнее A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, pp. 71—73; H. Linhares. Contribuição..., pp. 36—41.

[29] J. A. Pinto do Carmo. Diretrizes Partidarias. Rio de Janeiro. 1948, p. 17.

[30] A. Pereira. Lutas Operárias..., p. 75; «Relatorio da Confederação Operária Brasileira apresentada ao Segundo Congresso», III parte, p. 45; Генрих Я—н. Революционный подъем и рабочее движение в странах Латинской Америки в первые послевоенные годы. «Историк-марксист», 1932, № 4—5, стр. 310—311.

время бразильские социалисты (многие из них были выходцами из Европы) идейно примыкали ко II Интернационалу, они вели большую пропагандистскую работу, устраивали диспуты и обсуждения социально-экономических вопросов, изучали «Капитал», «Манифест Коммунистической партии» и другие работы основоположников марксизма. 15 апреля 1894 г. в г. Сан-Пауло состоялась вторая конференция бразильских сторонников II Интернационала с целью выработки плана проведения празднования 1 Мая в соответствии с постановлением I конгресса Интернационала. Участники совещания не смогли реализовать свой план, так как по приказу губернатора полиция разогнала конференцию, арестовав нескольких ее делегатов[31].

Несмотря на все препоны, в 1895 г. в штате Сан-Пауло (г. Сантос) был создан Социалистический центр («O Centro Socialista»), который и возглавил движение за образование рабочей партии. Социалистический центр в 1896 г. стал издавать свою газету «O Socialista» («Социалист») под лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Один — за всех, все — за одного!». Газета «Социалист» выступала с критикой буржуазных порядков[32]. В 1895 г. Социалистическим центром впервые в истории Бразилии была организована первомайская демонстрация рабочих. Центр имел свою библиотеку, в которой была разнообразная литература о социализме, в том числе труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Следует подчеркнуть, что в работе Социалистического центра и его печатном органе принимали активное участие рабочие различных национальностей: бразильцы, итальянцы, португальцы, испанцы, немцы и др. Социалистический центр сыграл важную роль в распространении среди рабочих и интеллигенции революционных идей. В то время большинство передовых рабочих и демократов-интеллигентов нередко смешивали идеи утопического социализма, мелкобуржуазного анархизма и марксизма и не имели четкого классового мировоззрения, не понимали всемирно-исторической миссии пролетариата. О грубом смешении самых различных взглядов и идей наглядно свидетельствует конгломерат названий отдельных групп и организаций, возникших в стране: «социалисты-коммунисты», «анархисты-коммунисты», «коллективисты-социалисты», «социалисты-синдикалисты» и т. п. Это объяснялось в первую очередь теми объективными социально-экономическими условиями, в которых находилась Бразилия. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности»[33]. Именно такое положение наблюдалось в то время в отсталой Бразилии. Об этом свидетельствуют и конкретные исторические факты.

В 1896 г. в Рио-де-Жанейро была создана Социалистическая рабочая партия («O Partido Socialista Operário»), на учредительном съезде которой присутствовало более 400 делегатов, но она просуществовала недолго. В некоторых городах Бразилии были организованы самостоятельные социалистические клубы и ячейки. Так, в г. Сан-Жозе ду Рио Пардо (штат Сан-Пауло) в сентябре 1900 г. рабочие и демократы-интеллигенты самых различных национальностей основали «Интернациональный клуб сыновей труда» («Clube Internacional dos Filhos do Trabalho»).

---

[31] Everardo Dias. Organização Trabalhista..., p. 119.

[32] См. A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, pp. 71—72; H. Linhares. Contribuição..., p. 39.

[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 318.

Одним из создателей клуба являлся известный бразильский писатель-революционер Эуклидес да Кунья (1866—1909). По поручению организации Э. да Кунья написал учредительный манифест клуба, официальное открытие которого было приурочено к 1 Мая 1901 года. В манифесте, в частности, говорилось: «1-е Мая — праздник исключительно народный, ставящий целью борьбу за самые благородные и плодотворные человеческие стремления: предоставление пролетариату демократических прав, справедливое распределение, высшая формула которого — каждому воздать по его заслугам, отмена всех привилегий...» [34]. После оглашения манифеста последовала церемония официального учреждения клуба, в ходе которой состоялось «торжественное открытие» портрета Карла Маркса. Члены «Интернационального клуба сыновей труда» не имели, однако, четкой классовой программы: в манифесте указывалось на необходимость «решительной защиты свободы и социального равенства... и борьбы против монархистов и реакционеров», и в то же время печатный орган клуба, газета «O Proletario» («Пролетарий») видела решение своих задач в «социальной реформе на базе гуманизма и коллективной собственности» [35]. Подобные социалистические группы (Рабочая прогрессивная партия, группа «Протест», Центр социалистов Ферри), в программах которых смешивались самые противоречивые взгляды и идеи, были созданы и в некоторых других городах. Политический эклектизм отразился на программе Социалистической рабочей партии. На II съезде социалистической партии 28 мая 1902 г., как указывает А. Перейра, была принята «программа реформистского типа» [36]. Основные ее требования сводились к защите прав человека, социалистической агитации и пропаганде, изданию специальных законов о труде, сокращению рабочего дня до 8 часов и др. Съезд выступил против «эксплуатации бедных богатыми», за борьбу с помощью стачек и манифестаций как наиболее «выразительных средств сопротивления капиталу» [37]. Однако на нем ничего не говорилось о политической борьбе, революции, исторической миссии пролетариата. Главная беда бразильских социалистов состояла в том, что они не смогли разобраться в социально-экономических условиях Бразилии, недооценивали роль национально-освободительной борьбы, не понимали специфики бразильской действительности. Их деятельность в основном ограничилась сферой абстрактных споров и дискуссий и была далека от реальной жизни и подлинной революционной борьбы.

Пассивность социалистов, их тяга к реформизму способствовали тому, что постепенно среди рабочих все большее распространение стали получать различные анархистские течения (бакунизм, прудонизм). На первых порах эти тенденции были особенно характерны для рабочих-иммигрантов, стремившихся к активной борьбе с капиталом, но не умевших найти правильные методы и формы этой борьбы.

В конце XIX и начале XX в. под влиянием европейской иммиграции в Бразилии стали появляться первые анархистские организации — Лига сопротивления («Liga de Resistência»), Демократическая лига («Liga Democratica»), Студенческая ассоциация и др. Лига сопротивления, объ-

---

[34] Для достижения этого, писал Э. да Кунья, необходима «солидарность всех угнетенных, составляющих абсолютное большинство населения, но находящихся под гнетом огромной несправедливости государства и социальных предрассудков современности. Они должны быть уничтожены для того, чтобы воцарились мир и счастье между цивилизованными народами». Цит. по Clovis Moura. Euclides da Gunha e a Realidade Brasileira. «Fundamentos». São Paulo. 1955, № 38, pp. 28—29; Rodrigo Duque Estrada. Primeiras Idéias Socialistas no Brasil, p. 100; H. Linhares. Contribuição..., pp. 43—44.

[35] Цит. по A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, pp. 76, 77.

[36] На съезде присутствовали делегаты ряда штатов — Сан-Пауло, Пара, Пернамбуко, Параиба, Минас-Жераис, Парана, Рио-Гранде-до-Сул, Рио-де-Жанейро. A. Pereira. Lutas Operárias..., p. 75.

[37] H. Linhares. Contribuição..., pp. 48—50.

единившая ряд синдикалистских организаций, выступала за «улучшение морального и материального положения рабочих», призывала рабочих к «самозащите против злоупотреблений и несправедливостей класса хозяев» [38]. Эта организация насчитывала в разных городах и штатах страны 314 ячеек, но анархисты не имели единого политического центра. Назвать анархистов политической партией, как отмечал В. И. Ленин, «было бы слишком рискованно» [39]. Бразильские анархисты и анархо-синдикалисты отвергали политическую борьбу рабочего класса, выступали против создания самостоятельной партии, ограничивая движение пролетариата только экономической борьбой. Вместе с тем наиболее революционные слои рабочих гораздо практичнее, чем мелкобуржуазные интеллигенты, приспособили анархизм к профсоюзному движению, придали ему наступательный характер, создав новое течение — революционный синдикализм. «Однако новое течение,— пишет У. Фостер,— повлекло за собой значительный отход от первоначальных принципов анархизма, ибо профсоюзная дисциплина даже в автономных анархо-синдикалистских профсоюзах находится в противоречии с анархистскими концепциями индивидуализма, а анархо-синдикалистские представления о будущем обществе, фактически основанном на профсоюзах, также прямо противоречат анархистским концепциям об уничтожении государства» [40].

Под влиянием анархистов в 1903—1905 гг. в Бразилии возникло несколько профсоюзных организаций: в г. Сан-Пауло в 1903 г. были созданы синдикаты печатников, обувщиков, металлургов, шляпников, ткачей, каменщиков; в соседнем городе Пиракикаба в декабре 1904 г. рабочие-ткачи организовали свой цеховой профсоюз; в штате Амазонас (г. Паринтинс) в 1905 г. был создан союз «борьбы за права класса»; ряд профсоюзов возник в Рио-де-Жанейро и других городах страны. «Зачинателями профсоюзного движения на огромной территории Латинской Америки,— указывает У. Фостер,— были анархисты и анархо-синдикалисты» [41]. Деятельное участие в профсоюзах принимали рабочие-иммигранты. В авангарде рабочего движения шли пролетарии главных промышленных центров — Сан-Пауло, Рио-де-Жанейро, Ресифи, Порто-Алегро и других городов. Они нередко организовывали стачки и забастовки, устраивали демонстрации, протестовали против каторжных условий труда и т. д. Не случайно в сентябре 1903 г. конгресс по предложению предпринимателей, пытаясь расколоть рабочее движение, принял архиреакционный закон об изгнании из страны всех иностранцев, «нарушающих национальную безопасность и общественное спокойствие» [42]. Рабочие-синдикалисты выступили против этого реакционного закона. В начале XX в. в Бразилии наблюдается оживление рабочего движения. В 1900 г. были организованы стачки портовых грузчиков Рио-де-Жанейро, сапожников, каменщиков, кучеров Федерального округа. 1 Мая 1901 г. в ряде городов рабочие выступили с требованиями признания их прав на собрания и стачки, издания законов о защите женского и детского труда, установления максимума рабочего времени и минимума заработной платы, организации страховых фондов и т. п. Во время стачки на табачных фабриках в Сан-Пауло рабочие требовали покончить с нерегулярной выплатой жалованья, уменьшить штрафы и вычеты [43].

---

[38] Цит. по A. Pereira. Lutos Operárias..., p. 78.

[39] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 199.

[40] Уильям З. Фостер. История трех Интернационалов. М. 1959, стр. 114—165.

[41] У. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения. М. 1956, стр. 187—188, 234.

[42] См. E. Dias. Lutas Operárias..., p. 68; его же. Organização Trabalhista..., pp. 121—125; H. Linhares. As Greves Operárias no Brasil durante o Primeiro Quartel do Século XX. «Estudos Sociais», 1958, № 2, pp. 215—217.

[43] Газета «O Amigo do Povo» («Друг народа»), орган социалистической партии, отмечала «высокую организацию и солидарность», проявившиеся в этой стачке, в ре-

В 1901—1903 гг. бастовали рабочие фабрик итальянских капиталистов Серичио, Матано и Диодато Лемме, Матараззо в Сан-Пауло, в Рио-де-Жанейро на борьбу поднялись каменщики, рабочие крупнейшей английской компании «Ллойд Бразилейро», обувщики, кучера, портовые рабочие; в штате Сан-Пауло бастовали печатники, сапожники, ткачи; в г. Натал (штат Рио-Гранде-до-Норте) наиболее решительно боролись моряки и портовые рабочие [44].

Самым крупным и ярким выступлением рабочего класса в этот период была всеобщая стачка текстильщиков столицы, начатая по инициативе Федерации текстильщиков Рио-де-Жанейро в августе 1903 года. Забастовщики требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня с 15—16 до 9—10 часов. 13 сентября 1903 г. газета «O Amigo do Povo» сообщала: «Закончилась поражением стачка текстильщиков Рио, одна из наиболее крупных стачек, когда-либо имевших место в истории Бразилии, особенно по числу забастовщиков. Стачка продолжалась 20 дней. Она навсегда сохранится в истории рабочего движения. Через восемь дней после ее начала в стачке участвовало уже 25 тыс. забастовщиков (вскоре число участников возросло до 40 тыс. человек.— *Б. К.*). Когда победа была уже близка, рабочие были преданы и обмануты своими руководителями, давшими сигнал к капитуляции, в результате чего стачка была прекращена. Полиция использовала все средства тирании и обмана» [45]. Несмотря на подавление этой стачки, на ряде фабрик заработная плата была несколько повышена, рабочие добились частичных уступок со стороны предпринимателей.

В 1904 г. в Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло прошла целая серия забастовок за 8-часовой рабочий день. В августе 1904 г. в Сан-Пауло состоялся митинг ряда социалистических групп и профсоюзов, на котором присутствовало более 5 тыс. человек. В ноябре 1904 г. рабочие Рио-де-Жанейро выступили с оружием в руках и в течение четырех дней боролись против полиции. Бедняцкий квартал Санди за его упорное и героическое сопротивление сами рабочие назвали Порт-Артуром. Для подавления этой забастовки правительство стянуло к столице воинские части и военные суда. Широкие массы бразильских рабочих в ряде городов организовали демонстрации протеста против полицейских зверств, обрушившихся на трудящихся столицы и ее пригородов.

В 1905 г. бастовали ткачи, печатники, строители Сан-Пауло, докеры Сантоса, ткачи г. Сорокаба (близ Сан-Пауло), моряки Рио-де-Жанейро и т. д. Всеобщую забастовку организовали и железнодорожники «паулистской» дороги, принадлежавшей английскому капиталу. Рабочие-железнодорожники выступили одновременно в нескольких пунктах — Жундиаи, Рио Кларо, Кампинас, Сорокаба и др. В знак солидарности с железнодорожниками забастовали ткачи, металлурги Сан-Пауло, трамвайщики столицы. Для подавления этой стачки правительство президента Алвеса было вынуждено послать не только полицию, но и регулярные войска [46]. Известие о кровавом воскресенье и революции 1905—1907 гг. в России докатилось и до Бразилии. Ее влияние сказалось на рабочем движе-

---

зультате чего она, по словам газеты, приняла «грандиозный размах». «Эта стачка,— писала газета,— началась энергично, но закончилась неудачей из-за недостаточно решительных действий наших товарищей-табачников и отсутствия связи между рабочими. Стачка еще раз показала рабочим все вероломство и нечестность хозяев...». Цит. по H. Linhares. As Greves Operárias..., p. 215.

[44] См. подробнее A. Bastos. Prestes e a Revolução Social..., pp. 78—79, 84; E. Dias. Organização Trabalhista..., pp. 119—122; H. Linhares. As Greves Operárias..., pp. 216—217; его же. Contribuição..., pp. 49—53.

[45] «O Amigo do Povo», 13 сентября 1903 г. Цит. по H. Linhares. As Greves Operárias..., p. 216; его же. Contribuição..., p. 51.

[46] E. Dias. Organização Trabalhista..., pp. 123—125; A. Pereira. Lutas Operárias..., p. 76; H. Linhares. As Greves Operárias..., pp. 219—220; A. Bastos. Prestes e a Revolução Social..., pp. 85—89.

нии страны. В феврале 1906 г. в Сан-Пауло состоялся митинг протеста против зверств русского царизма. Демонстранты прошли по центральным улицам города с красным знаменем. В демонстрации приняло участие свыше 23 организаций, в том числе Рабочая федерация Сан-Пауло, Социалистический клуб г. Сорокаба, Социалистический клуб имени 1-го Мая (г. Браз), Социалистический клуб имени Льва Толстого, Союз печатников, Группа гарибальдийцев и др. Демонстранты, как писала газета «Pensador Livre» («Вольнодумец»), «энергично выразили свой гневный протест против варварского деспотизма русского самодержавия» [47]. Выступления рабочих имели место также в Рио-де-Жанейро, Ресифи, в штате Минас-Жераис, на северо-востоке и в других районах страны. И хотя рабочее движение в этот период продолжало развиваться в основном стихийно, оно существенно отличалось от борьбы пролетариата в 50—80-х годах XIX века. Стачки 900-х годов по сравнению с выступлениями пролетариата в предыдущий период наглядно свидетельствовали о том большом шаге вперед, который сделало рабочее движение за это короткое время. «Когда рабочие поодиночке имеют дело с хозяевами,— писал В. И. Ленин,— они остаются настоящими рабами, вечно работая из куска хлеба на чужого человека, вечно оставаясь покорным и бессловесным наймитом. Но, когда рабочие сообща заявляют свои требования и отказываются подчиняться тому, у кого толстая мошна, тогда рабочие перестают быть рабами, они становятся людьми, они начинают требовать, чтобы их труд не шел только на обогащение кучки тунеядцев, а давал возможность работающим жить по-человечески» [48]. Эта перемена в характере рабочего движения стала чувствоваться уже в самые последние годы XIX в., но особенно ощутимый перелом обозначился в период подъема рабочего движения в 1903—1906 годах.

С 1906 по 1918 г. в рабочем движении Бразилии господствовала мелкобуржуазная идеология революционного синдикализма. Это объяснялось рядом причин. Прежде всего следует сказать об общей экономической отсталости страны, неразвитости здесь капитализма, а также связанном с этим численном преобладании мелкобуржуазных слоев населения, включая кустарей и другие им подобные группы. Поскольку именно из данных групп рекрутировались новые отряды пролетариата, эти слои с их частнособственнической мелкобуржуазной идеологией очень легко воспринимали всякого рода анархистские идеи, оказывая сильное воздействие на идеологию рабочего класса. Кроме того, большая часть рабочих в то время была занята в мелких кустарно-ремесленных мануфактурных мастерских [49], где, как указывал В. И. Ленин, зачастую вообще трудно четко отличить хозяина от рабочего, ибо капиталистические отношения здесь неразвиты. Мировоззрение рабочих этой группы поэтому не было подлинно пролетарским, почва для распространения среди них мелкобуржуазных взглядов оказалась весьма благоприятной.

Следует подчернуть и то, что распространение идей анархизма и анархо-синдикализма с их призывом к «прямым действиям» было отчасти вызвано однообразной тактикой самой бразильской буржуазии, которая пользовалась в основном методом грубого насилия и непримиримого отрицания каких-либо уступок и реформ. Односторонним отзвуком подобной тактики буржуазии, как правило, и являлось распространение анархо-синдикализма. Когда же буржуазия совершает поворот к «уступкам», это обычно оказывается, как указывал В. И. Ленин, «еще более опасным для рабо-

---

[47] E. Dias. Organização Trabalhista..., p. 124.

[48] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 290.

[49] Перепись 1912 г. сообщает, что из 9 475 промышленных заведений, уплачивавших налоги, лишь 775 имели какие-либо механические двигатели, хотя и здесь нередко попрежнему господствовал ручной труд; на 8 391 предприятии число рабочих и служащих не превышало 10 человек. См. «Recenseamento do Brasil.... de 1920». Vol 5, I parte, pp. XLVII—XLIX.

чего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизм в рабочем движении»[50]. Распространению синдикализма способствовала также его воинствующая антирелигиозная деятельность, направленная против реакционного господства католической церкви и политической коррупции.

Синдикалисты провели серию всеобщих забастовок, основным требованием которых было установление 8-часового рабочего дня, организовали движение солидарности с русскими рабочими. 15 апреля 1906 г. по инициативе Рабочей федерации столицы открылся I национальный рабочий конгресс (O Primeiro Congresso Operário do Brasil), выразивший в специальной резолюции от имени всего бразильского пролетариата «свой восторг и солидарность с русскими рабочими, героически начавшими революцию»[51]. В работе конгресса принимали участие 40 рабочих организаций. Наиболее широко были представлены основные промышленные центры страны — Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. Рабочие Сан-Пауло, идущие в авангарде рабочего движения, послали на I национальный рабочий конгресс делегатов от 22 крупнейших профсоюзов — печатников, металлургов, каменщиков, текстильщиков и др. Характерно, что не только город Сан-Пауло, но и ряд других городов одноименного штата — Кампинас, Жундиаи, Сантос (3 синдиката) — имели своих представителей. От пролетариата Рио-де-Жанейро в работе конгресса принимали участие представители 9 профсоюзов[52]. Участники I рабочего конгресса приняли важное решение об организации Национальной конфедерации труда и всемерной активизации борьбы пролетариата за 8-часовой рабочий день. Впервые было принято развернутое решение об организации массового антивоенного движения. Однако роль I рабочего конгресса не следует переоценивать. В своих постановлениях конгресс советовал рабочим «организоваться в общества экономического сопротивления, как основной формы организации»[53]. Иначе говоря, признавалась, по сути дела, лишь традиционная экономическая борьба и не принималась во внимание необходимость самостоятельной политической борьбы.

После конгресса в стране развернулось массовое движение за 8-часовой рабочий день. 1 Мая 1906 г. в Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло, Ресифи, Кампинас, Жундиаи и других городах состоялись демонстрации и митинги, на которых рабочие выдвинули требование законодательного введения 8-часового рабочего дня в промышленности. В поддержку этого требования 15 мая началась всеобщая забастовка железнодорожных рабочих сан-паульской дороги. Через два дня в знак солидарности в борьбу включились ткачи, каменщики, металлурги Сан-Пауло. 30 мая к ним присоединились студенты. Полиция и регулярные воинские части не смогли подавить эту крупную забастовку. После нескольких недель упорной борьбы бастовавшие добились частичной победы: рабочий день был сокращен[54]. Правительство, напуганное размахом рабочего движения, пошло на некоторые уступки. 3 января 1907 г. был издан декрет о признании «профессиональных синдикатов и кооперативных обществ» рабочих. Однако в 8-й статье этого декрета указывалось, что для официального признания синдиката необходимо подчинение всех его действий «духу гармонии между предпринимателями и рабочими»[55]. Тем самым правительство

---

[50] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 321.

[51] Цит. по Miguel Alves. A Primeira Revolução Russa..., p. 62.

[52] Полный перечень организаций, представленных на I национальном рабочем конгрессе, приводится в книге H. Linhares. Contribuição à História das Lutas Operárias no Brasil. Rio de Janeiro. 1955, pp. 55—56.

[53] «Resoluçoes do Primeiro Congresso Operário Brasileiro. Tema 1, sobre Orientação». Цит. по Генрих Я—н. Указ. соч., стр. 311.

[54] E. Dias. Organização Trabalhista..., pp. 127—131.

[55] H. W. Spiegel. The Brazilian Economy. Chronic Inflation and Sporadic Industrialization. Philadelphia. Toronto. 1949, p. 103.

пыталось лишить профессиональные объединения рабочих их революционной классовой сущности, подчинить профсоюзы своему влиянию.

В соответствии с решением I рабочего конгресса в 1908 г. была создана Рабочая конфедерация Бразилии («Confederação Operária Brasileira»). Эта первая профсоюзная организация общенационального масштаба, руководимая революционными синдикалистами, объединяла более 50 синдикатов (14 — от столицы, 12 — г. Сан-Пауло, 3 — г. Сантоса, 3 — штата Баии и др.), несколько рабочих лиг и клубов[56]. Состав конфедерации в известной мере отражал степень активности рабочего движения в различных районах страны.

Прогрессивные рабочие организации горячо откликались на политические события в стране, внимательно следили за развитием общедемократического массового движения. Например, в 1910 г., когда вспыхнуло восстание моряков бразильского флота, ряд рабочих организаций выступил в поддержку требований восставших о немедленной отмене телесных наказаний в армии. В 1910—1913 гг. крупные забастовки прошли в штатах Сан-Пауло, Матто-Гроссо, Гойяс, Рио-де-Жанейро, Пернамбуко и других районах страны. Как и раньше, основным лозунгом было требование 8-часового рабочего дня. Более пяти месяцев (январь — июнь 1912 г.) продолжалась героическая забастовка обувщиков столицы, к которым примкнули слесари, каменщики, ткачи, печатники. Рабочие одержали победу. 1 Мая 1912 г. в Сан-Пауло была организована мощная манифестация под лозунгами: «8-часовой рабочий день!», «Признание профсоюзных организаций!», «Против дороговизны жизни!». День 1 Мая отметили также рабочие городов Рио-Прето, Сорокаба, Сантос, Рио-де-Жанейро и др. В мае — июле того же года была проведена 35-дневная стачка печатников Рио-де-Жанейро, в сентябре в штате Минас-Жераис вспыхнула всеобщая стачка за 8-часовой рабочий день[57].

Революционные синдикалисты в начале XX в. активизировали стачечную борьбу рабочих. Но следует отметить, что в то же самое время они сеяли среди рабочих мелкобуржуазные иллюзии и тем самым затрудняли организацию политической партии рабочего класса, развитие его классового самосознания. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал особый идеологический вред идей анархизма для рабочего класса, ибо, «...как миросозерцание, анархизм есть выверпутая наизнанку буржуазность»[58]. С 1912 г. значительно усиливается в рабочем движении Бразилии реформистская («правая») тенденция. Реформисты, видя сравнительно быстрый рост капитализма в Бразилии, переоценивали силу национальной буржуазии и ее революционность. Поэтому они настаивали исключительно на парламентских формах борьбы, упорно отрицали значение стачек.

7 ноября 1912 г. в Рио-де-Жанейро собрался II национальный рабочий конгресс. В его работе приняли участие 187 делегатов, представлявших более 70 рабочих организаций, в том числе самые крупные профсоюзы, рабочие клубы, социалистические лиги и общества, отдельные рабочие партии, созданные в различных штатах (например, Рабочая партия штата Параиба, Социалистическая рабочая партия г. Кампоса, Республиканская рабочая партия Рио-де-Жанейро и др.). Главную роль в работе II конгресса играла Рабочая конфедерация Бразилии, созданная еще в 1908 году. На конгрессе она была переименована в Бразильскую конфедерацию труда («O Confederação Brasileira do Trabalho»). Бразильская конфедерация труда ставила своей целью «способствовать всеми силами, постоянно и

---

[56] J. A. Pinto do Carmo. Diretrizes Partidarias, pp. 300—301; H. Linhares. Contribuição..., pp. 58—59.

[57] Сведения о стачечном движении в 1908—1912 гг. почерпнуты из E. Dias. Organização Trabalhista..., pp. 134—135; H. Linhares. As Greves Operárias..., pp. 220—223; A. Bastos. Prestes e a Revolução Social, pp. 79, 85; A. Pereira. Lutas Operárias..., p. 77.

[58] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 30.

неуклонно улучшению экономических, социальных, а также интеллектуальных и моральных условий жизни пролетариата»[59].

Реформисты резко выступили даже против этой умеренной программы. Еще раньше они заявили о своем выходе из конфедерации. Реформисты, поддерживаемые президентом Бразилии Эрмесом, предоставившим в их распоряжение типографию и роскошный дворец, создали с помощью правительства свою конфедерацию, которая существовала до 1914 г., являясь верной прислужницей буржуазии[60]. В стране образовались две рабочие конфедерации: «левая», во главе которой стояли синдикалисты, и «правая» — реформистская. Обе конфедерации претендовали на руководящее положение, соперничали между собой, что наносило большой вред рабочему движению.

★

Война 1914—1918 гг. оказала существенное воздействие на Бразилию. Произошли серьезные изменения в расстановке сил между империалистическими державами: германский капитал, усиленно прокладывавший до войны путь в Бразилию, потерял свои позиции; в значительной мере ослабло влияние и других европейских государств, в том числе и Англии. США, наоборот, окончательно упрочили свое торговое преимущество; началось усиленное проникновение в Бразилию американского финансового капитала, в результате чего за пять лет войны объем североамериканских инвестиций удвоился. В эти годы ускорилось и капиталистическое развитие Бразилии. За пять лет в стране возникло почти в четыре раза больше промышленных предприятий, чем за весь XIX век. Ряды рабочего класса, занятого в обрабатывающей промышленности, увеличились на 64 тыс. и составили к 1919 г. 275 тыс. чел. (из них 92,8 тыс. женщин и 24 тыс. детей до 14 лет)[61]. Если учесть также рабочих, занятых на транспорте, в торговле, строительстве и т. д., то общая численность пролетариата Бразилии (не считая сельскохозяйственных рабочих) в 1919 г. равнялась приблизительно 450—500 тыс. человек[62]. В период первой мировой войны в стране было построено несколько десятков крупных капиталистических фабрик и заводов, значительно возросла концентрация промышленного пролетариата. По данным промышленной переписи 1920 г., на предприятиях с числом рабочих более 200 чел. трудилось 134,2 тыс. рабочих, что составляло 48,7% всего пролетариата Бразилии, занятого в обрабатывающей промышленности. В 1919 г. в стране насчитывался 31 завод, на каждом из которых одновременно работало более тысячи человек. Общее количество рабочих этих самых крупнейших капиталистических предприятий равнялось 46,7 тыс. чел., что составляло 16,9% численности пролетариата[63]. Изменения в структуре пролетариата Бразилии содействовали дальнейшему развитию организованности и росту классового самосознания рабочих.

В период войны широкий размах получило антивоенное, антиимпериалистическое движение, в сознании рабочих произошел заметный сдвиг

---

[59] Цит. по E. Dias. Organização Trabalhista..., pp. 172—175. Программа конфедерации выдвигала следующие требования: создание национальной рабочей партии, усиление борьбы за 8-часовой рабочий день, строительство жилищ для рабочих, свободное участие пролетариев на выборах, введение налога на крупную собственность, создание специальных комиссий по труду и заработной плате, защита прав работающих женщин и подростков, введение коллективных договоров и т. д.

[60] H. Linhares. Contribuição..., p. 67.

[61] Подсчитано по данным «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 5, 1 parte, pp. LXIX, LXXII. Большинство рабочих (91.2%) имело производственный стаж более 9 месяцев, 6,4% — 5—8 месяцев и только 2,3% рабочих — менее 4 месяцев.

[62] Там же, стр. V—XX.

[63] На долю крупных капиталистических предприятий (с числом рабочих более 200 чел.) приходилось 42,2% стоимости производимой ежегодно продукции. См. там же, стр. XXXIV.

влево. Еще I рабочий конгресс от лица всего пролетариата заявил, что «война является огромным злом для трудящихся, которые вынуждены отдавать ей свой труд, зарплату и кровь». Конгресс выступил с предложением развернуть среди рабочих активную пропаганду против войны [64]. На II съезде Конфедерации труда (сентябрь 1913 г.) присутствовало 100 делегатов от всех штатов страны. На этом съезде была принята важная резолюция, в которой подчеркивалось, что война не соответствует интересам трудящихся, что она выгодна только империалистам и вообще всем эксплуататорам. Конфедерация призвала «пролетариат Бразилии в случае возникновения внешней войны объявить всеобщую революционную стачку» [65]. Этот призыв свидетельствовал о том, что бразильские синдикалисты не понимали сути вопроса, которая состояла вовсе не в том, «чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии» [66].

Антивоенная, антиимпериалистическая борьба народных масс и пролетариата Бразилии в конце 1914 г. и особенно в 1915—1916 гг. приняла, по определению А. Перейры, «характер национального организованного движения» [67]. 2 августа 1914 г. во многих городах Бразилии, особенно в штате Сан-Пауло, прошли массовые антивоенные демонстрации под лозунгами: «Долой войну!», «Долой кровопролитие, провоцируемое капитализмом!», «Мир — для нас, война — империалистам!» [68].

В марте 1915 г. в Рио-де-Жанейро состоялась антивоенная конференция, в которой приняли участие многие крупные рабочие синдикаты, федерации и газеты. На конференции была создана Народная комиссия антивоенной агитации («Comissão Popular de Agitação contra a Guerra») [69]. В Сан-Пауло примерно в то же время и с той же целью была организована Интернациональная антивоенная комиссия («Comissão Internacionalista contra a Guerra»), в работе которой активно участвовали социалисты-эмигранты из Германии, ряд бразильских профсоюзов, федерация рабочих-испанцев, студенты, сотрудники некоторых социалистических газет и пр. 8 апреля 1915 г. эта комиссия опубликовала манифест, который призвал всех трудящихся Бразилии принять самое активное участие в антивоенных митингах и демонстрациях 1 Мая. «Это будет наше первое крупное выступление за мир. Долой войну! Да здравствует интернациональная солидарность всех трудящихся!» [70]. 1 Мая 1915 г. по всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций против войны и империализма.

В сентябре Бразильская конфедерация труда обратилась к социалистам-синдикалистам и рабочим организациям всего мира с предложением созвать в Рио-де-Жанейро международный конгресс борьбы за мир. 14—16 октября Конфедерация труда провела всебразильский конгресс мира, на котором присутствовали представители от рабочих организаций почти всех штатов страны, а также делегаты из Аргентины, Португалии и Испании. В апреле 1917 г., когда в войну вступили США, в столице Бразилии состоялась новая конференция борьбы за мир. Участники конференции послали президенту республики Брасу петицию, в которой требовали во что бы то ни стало удержать Бразилию от вступления в войну. Подъем

---

[64] См. A. Pereira. Lutas Operárias..., p. 79.
[65] H. Linhares. Contribuição..., pp. 69—70.
[66] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 64.
[67] A. Pereira. Lutas Operárias..., p. 80.
[68] Цит. по E. Dias. Organização Trabalhista..., p. 179.
[69] Народная комиссия антивоенной агитации в своем манифесте призывала народ «выразить публично свой протест против преступных действий европейской буржуазии», провозглашала «свою солидарность с международным пролетариатом и всемирным движением против войны», звала пролетариат на усиление борьбы за мир, против войн и империализма. См. H. Linhares. Contribuição..., p. 72.
[70] Цит. по H. Linhares. Contribuição..., p. 73.

антивоенного, антиимпериалистического движения, возглавлявшегося пролетариатом, несомненно, способствовал тому, что помещичье-буржуазное правительство Браса до октября 1917 г. придерживалось политики нейтралитета.

К этому времени бразильские рабочие уже накопили богатый опыт экономической и политической борьбы и возмужали в ожесточенных классовых боях с капиталом. Правда, в годы первой мировой войны число стачек было несколько меньшим, но они носили более организованный и массовый характер. В октябре 1914 г., например, вспыхнула всеобщая забастовка в г. Сорокаба (штат Сан-Пауло), охватившая рабочих многих отраслей промышленности. В марте 1915 г. бастовали рабочие северо-восточной железной дороги. В феврале 1916 г. началась всеобщая стачка в Рибейрао-Прето (штат Сан-Пауло), которую полиция потопила в крови. Крупным и организованным выступлением бразильского пролетариата явилась всеобщая забастовка рабочих штата Сан-Пауло в июне — июле 1917 года. Она охватила почти все крупные города этого важного промышленного штата, рабочих всех отраслей производства: торговля была полностью прекращена, фабрики закрыты, транспорт бездействовал. Солдаты, посланные для усмирения забастовщиков, отказывались повиноваться и братались с рабочими. Правительство штата и предприниматели были вынуждены пойти на уступки и удовлетворить основные требования рабочих: заработная плата была повышена, рабочий день сокращен, арестованные забастовщики выпущены из тюрем, был издан ряд законов и указов по труду [71].

Всеобщая стачка 1917 г. в Сан-Пауло и мощное антивоенное, антиимпериалистическое движение вскрыли неистощимые потенциальные силы, таящиеся в бразильском пролетариате, свидетельствовали о значительном росте классового самосознания и солидарности рабочих [72].

Развитие рабочего движения достигло такого момента, когда с особой силой встал вопрос о необходимости создания самостоятельной рабочей партии нового типа, способной возглавить классовую борьбу бразильского пролетариата. Эта историческая задача была успешно решена в период нового мощного подъема рабочего движения, который наступил в 1918—1922 гг. под непосредственным влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[71] См. E. Dias. Organização Trabalhista..., pp. 177—182; H. Linhares. As Greves Operárias..., p. 224.

[72] Пример одной этой всеобщей забастовки служит неопровержимым разоблачением оппортунизма нынешних ревизионистов, которые упорно защищают антимарксистскую «теорию» о том, что якобы в «специфических условиях» Бразилии пролетариат никогда не выступал и неспособен выступить вполне самостоятельно, а может в лучшем случае играть лишь роль некой «вспомогательной силы» национальной буржуазии. (О ревизионизме см. подробнее И. Данилевич. Борьба с ревизионистскими элементами в коммунистическом движении стран Латинской Америки. Сборник «Реформизм, ревизионизм и проблемы современного капитализма». М. 1959, стр. 453—471.) Всеобщая стачка 1917 г. в Сан-Пауло и другие выступления рабочих доказали, что в Бразилии не буржуазия, а именно рабочий класс, крестьянство и революционно настроенные слои мелкой буржуазии были той силой, которая наиболее активно боролась и продолжает бороться против империализма и феодальных пережитков внутри страны.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 20-ЛЕТИЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПРИБАЛТИКЕ

В этом году трудящиеся прибалтийских советских республик — Латвии, Эстонии и Литвы — отметили знаменательную дату — 20-летие восстановления Советской власти.

История революционной борьбы литовского, латышского и эстонского народов имеет много общего. Они активно участвовали в борьбе против царизма, вместе с другими народами России шли на штурм буржуазной власти в период Октября, боролись за торжество великих ленинских идей на многочисленных фронтах гражданской войны. Летом 1940 г. в результате происшедших в Латвии, Литве и Эстонии социалистических революций господство буржуазии было свергнуто и власть перешла в руки трудового народа во главе с рабочим классом. Нападение фашистской Германии на СССР прервало созидательный труд народов Прибалтики на пути строительства социализма. Большой вклад в дело победы над фашистской Германией внесли трудящиеся Прибалтики. В послевоенный период народы прибалтийских советских республик добились выдающихся успехов в развитии своей экономики и культуры. Так, в 1959 г. по сравнению с 1940 г. валовая продукция промышленности возросла в Литве в 9,1 раза, в Латвии — в 9,7 раза, в Эстонии — в 10 раз. Мощное хозяйственное и культурное строительство — результат мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Вдохновителями и организаторами побед народов Прибалтики выступают коммунистические партии Латвии, Эстонии и Литвы, являющиеся составными и неотъемлемыми частями КПСС. Народы Прибалтики выросли идейно и политически.

Успехи прибалтийских советских республик вызывают яростную злобу среди буржуазно-националистической эмиграции, находящейся на службе у международного империализма. Главари эмиграции при поддержке американских и английских империалистов усиливают свою реакционную пропаганду, направленную против Советского Союза, в частности против советских республик Прибалтики. «Теоретики» из лагеря эмиграции всячески фальсифицируют исторические события, в особенности события, связанные с подготовкой и ходом социалистических революций 1940 г. в Латвии, Литве и Эстонии.

В последнее время в это грязное дело активно включились и официальные лица США. В прошлом году президент Д. Эйзенхауэр объявил пресловутую «неделю порабощенных народов». В числе «порабощенных» народов им было названо население Латвии, Эстонии, Литвы. В начале этого года в связи с 42-й годовщиной со дня объявления так называемой «Декларации независимости» буржуазных Латвии, Литвы и Эстонии с антисоветским заявлением выступил государственный секретарь США К. Гертер. Его заявление полно искажений исторических фактов и содержит враждебные выпады против прибалтийских народов. Против фальсификации истории решительно выступают трудящиеся Прибалтики. Группа рабочих и служащих рижского завода «ВЭФ», отвечая американскому министру — фальсификатору истории, писала: «...огромные достижения латышского народа как в хозяйственном, так и культурном развитии ясно доказывают, что свободно выбранный нами путь — единственно правильный» [1].

---

[1] «Советская Латвия», 28 февраля 1960 года.

20—22 июня 1960 г. в Риге состоялась научная сессия, посвященная 20-летию восстановления Советской власти в Прибалтике. Ее организовали научный совет Отделения исторических наук Академии наук СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и Институт истории Академии наук Латвийской ССР. В работе сессии приняли участие ученые Москвы, Прибалтики и ряда других республик Советского Союза.

На сессии были заслушаны два доклада и 10 сообщений по темам: «Пролетарский интернационализм и дружба народов на фронтах гражданской войны» и «Восстановление Советской власти в Прибалтике». Сессия вызвала интерес научной общественности Прибалтики и всей страны. Она сыграла большую роль в разоблачении фальсификаторов истории прибалтийских народов.

С докладом «Значение Великой Октябрьской социалистической революции для исторических судеб народов Прибалтики» выступил академик АН Латвийской ССР К. Страздинь. Он отметил, что братское сотрудничество русского, латышского, литовского, эстонского и других народов нашей страны ярко проявилось во время Великой Октябрьской социалистической революции, а также в годы гражданской войны. В 1917—1919 гг. трудящиеся Прибалтики шли рука об руку с трудящимися других народов Советской России, получая от них большую помощь — политическую, хозяйственную, идейную, организационную.

Латышские стрелковые полки, эстонские и литовские воинские части активно боролись в рядах Красной Армии против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов на многих важнейших фронтах.

Докладчик подчеркнул, что идеи Великого Октября воодушевляли трудящихся прибалтийских стран в 1920—1940 гг. на борьбу против господства националистической буржуазии. Эта борьба увенчалась успехом. Громадную положительную роль в ней сыграли влияние Октябрьской революции, революционный опыт, приобретенный трудящимися Латвии, Литвы и Эстонии в 1917—1919 годах. Идеи Великой Октябрьской социалистической революции служили путеводной звездой в борьбе народных масс за восстановление Советской власти. Важнейшим итогом социалистических революций в Прибалтике летом 1940 г. было то, что народы Латвии, Литвы и Эстонии воссоединились с братскими народами Советского Союза, приобщились к системе социализма. Это послужило основой всех побед и достижений народов Прибалтики, одержанных в строительстве социалистического общества.

Кандидат военно-морских наук Р. Н. Мордвинов (Институт истории АН СССР) посвятил свое сообщение участию моряков Балтийского флота в 1918 — начале 1919 г. в борьбе за Советскую власть в Прибалтике. На обширном, в значительной мере новом фактическом материале выступавший показал помощь, которую оказали балтийские моряки трудящимся Прибалтики в борьбе с германскими интервентами и белогвардейцами. Значительный интерес представляют новые сведения о формировании и боевых действиях флотилии Советской Латвии в начале 1919 года.

Участию эстонских красных полков в гражданской войне (1918—1920 гг.) было посвящено выступление кандидата исторических наук Ю. Тайгро (Институт истории АН Эстонской ССР). Он рассказал, как из небольших красногвардейских отрядов Эстонии, которые приняли на себя в феврале 1918 г. первые удары немецких войск, в ходе гражданской войны выросли грозные для врага воинские части. Ю. Тайгро сообщил много интересных данных о действиях эстонской дивизии совместно с другими частями Красной Армии на Южном фронте в 1919 году. К 5 октября 1919 г. в составе дивизии (кроме кавалерийского полка и тяжелой батареи, находившихся на Западном фронте) было 5 390 человек [2]. В октябре эта дивизия вместе с другими соединениями Красной Армии освободила город Орел.

В. И. Ленин высоко оценил эти и другие успехи Красной Армии на Южном фронте. «Победа под Орлом и Воронежем, где преследование неприятеля продолжается,— говорил он,— показала, что и здесь, как и под Петроградом, перелом наступил» [3].

---

[2] Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 2027, оп. 2, д. 22, л. 440.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 62.

Эстонская дивизия участвовала также в победоносных боях за Курск. После разгрома противника в районе Курска она вместе с другими частями продолжала наступление. Свой боевой путь дивизия завершила боями под Перекопом против врангелевских белогвардейских войск.

Тысячи эстонцев воевали за Советскую власть в других частях Красной Армии и в составе военно-морского флота. Многие из них, находясь на руководящих армейских постах, все силы отдавали строительству и укреплению вооруженных сил страны. Так, в дни Великого Октября в Петрограде П. Лазимир был первым председателем Военно-революционного комитета, позднее — членом Всероссийской коллегии по организации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, членом Военного совета Южного фронта, начальником снабжения вооруженных сил Украины. А. Корк командовал 15-й и 6-й армиями, находившимися под общим руководством М. В. Фрунзе, участвовал в составлении плана прорыва перекопских укреплений [4], был командующим Туркестанским фронтом, а впоследствии — командующим Белорусским, Ленинградским и Московским военными округами.

Эти и сотни других имен лучших представителей эстонского народа никогда не забудут советские люди.

Академик АН Латвийской ССР Я. П. Крастынь (Институт истории АН Латвийской ССР) сделал сообщение об участии латышских стрелков в орловско-кромских боях, положивших, как известно, начало разгрому деникинских войск. Латышские стрелки внесли большой вклад в дело борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией в годы гражданской войны. Их революционные подвиги не раз отмечались Советским правительством, В. И. Лениным. При мобилизации сил на борьбу против Деникина В. И. Ленин указывал на необходимость в числе других соединений Красной Армии направить на Южный фронт также и Латышскую советскую дивизию.

В тесном взаимодействии с другими частями Красной Армии латышские стрелки в упорных боях под Орлом и Кромами добились больших успехов. Командующий Южным фронтом А. Егоров писал о боях в районе Орла: «Удар латышских стрелков под Орлом является для Страны Советов и завоеваний Октябрьской революции одним из наиболее героических подвигов, занимавших одну из первых страниц в истории Красной Армии» [5]. В результате героических действий соединений Красной Армии, в которых участвовала Латышская дивизия, блестящих рейдов конницы Примакова и Буденного белогвардейская армия Деникина была отброшена назад. Наступил перелом на Южном фронте. При выполнении боевых заданий военачальники Латышской дивизии проявили много находчивости и воинского мастерства.

Латышская стрелковая дивизия является гордостью латышского и других народов нашей страны, которые свято чтят память героев, боровшихся за победу пролетарской революции и Советской власти.

Выступая 11 июня 1959 г. на митинге дружбы по случаю пребывания в Риге партийно-правительственной делегации Германской Демократической Республики, Н. С. Хрущев говорил: «Известно, какие славные революционные традиции имеет рабочий класс Латвии, как мужественно сражались многие сыны латышского народа в рядах Красной Армии в годы гражданской войны. Вспоминается такой эпизод. Когда войска Деникина, заняв Орел, продвигались к Туле, на один из участков фронта была направлена дивизия латышских стрелков. Дивизия разбила белогвардейцев на своем участке и сыграла большую роль в разгроме деникинских банд на этом направлении. В годы Великой Отечественной войны латышский народ вместе с другими братскими народами Советского Союза самоотверженно сражался против фашистских захватчиков, за свою родную землю, за Советскую власть. Теперь в братской семье народов нашей страны трудящиеся Латвии самоотверженно трудятся над осуществлением задач коммунистического строительства» [6].

С сообщением об участии литовских советских воинских формирований на фронтах гражданской войны выступила кандидат исторических наук А. Гайгалайте

---

[4] А. Корк. Взятие Перекопских — Юшунских позиций войсками 6-й армии в ноябре 1920 г. Журнал «Революционная армия» (Екатеринослав), № 1, 25 декабря 1921 г., стр. 17—31.

[5] «Latvju revolucionāris strēlnieks», I. Maskavā. 1934, p. 322.

[6] «Правда», 12 июня 1959 года.

(Институт истории АН Литовской ССР). Она отметила, что литовцы активно участвовали в боях Красной Армии с контрреволюционными силами в Сибири и на Дальнем Востоке. Рота литовцев-коммунистов действовала под Читой и на границе с Маньчжурией. Многие бойцы этой роты погибли в боях с чехословацкими контрреволюционными мятежниками и при разгроме банд Семенова. Тысячи литовских красноармейцев выступали против внутренней и внешней контрреволюции в 1919 и 1920 годах. В боях против деникинцев на Южном фронте действовала Можейкяйская рота 464-го полка. Она же участвовала и в разгроме белопольских интервентов. За форсирование Днепра 464-й полк был награжден Красным знаменем. В ночь на 8 ноября 1920 г. этот полк вместе с другими красноармейскими частями форсировал Сиваш и занял Литовский полуостров. Литовские красноармейцы сражались и за Каховский плацдарм, имевший большое значение для успешного наступления Красной Армии против Врангеля.

Среди героев гражданской войны следует отметить славных сынов литовского народа Витаутаса Путна, занимавшего высокие командные посты в Красной Армии и награжденного тремя орденами Красного Знамени; Йаронимаса Убаревичюса (Уборевич), командовавшего 9-й, 13-й и 14-й армиями в боях против Деникина и Врангеля.

Член-корреспондент АН Украинской ССР Н. И. Супруненко (Институт истории АН УССР) в своем сообщении привел много интересных данных об участии представителей латышского народа в борьбе за Советскую власть на Украине [7]. Так, большую роль в установлении Советской власти на Украине сыграли латышские рабочие, эвакуированные в Харьков. Среди них было немало большевиков с богатым опытом подпольной работы: С. Покко, К. Киркиж, К. Стиглиц, К. Пинне, А. Люль и др. Организованный в 1917 г. на эвакуированном из Риги заводе «Унион» Всеобщей компании электричества (ныне Харьковский электромеханический завод) отряд Красной гвардии был самым крупным в городе.

В напряженных, кровопролитных боях Красная Армия разгромила белогвардейскую армию Деникина и освободила Украину. В этом принимали участие красные латышские стрелки, эстонские воины. Украинский народ помнит, что в разгроме Красной Армией деникинцев под Харьковом участвовали и латышские стрелки. 12 декабря 1919 г. в Харьков вступил 5-й полк Латышской дивизии, радостно встреченный трудящимися. За проявленные героизм и мужество в боях за освобождение Харькова многие воины были награждены боевым орденом Красного Знамени. Среди них были латыши: командир 46-й дивизии Р. Эйдеман, командир 1-й латышской бригады Р. Вайнян, командир 2-й латышской бригады А. Фрейберг и много других.

Украинский народ помнит и то, что эстонские воины, находившиеся в составе Красной Армии, помогли освободить Донбасс. В связи с успешным наступлением советских войск Южного фронта Латышская дивизия была выведена в армейский резерв и передислоцирована в Екатеринославскую губернию. Находясь на Екатеринославщине, бойцы Латышской дивизии оказывали огромную помощь местным органам Советской власти и трудящемуся населению.

Как известно, политорганы Красной Армии в годы гражданской войны проводили большую работу по созданию в освобожденных районах местных органов Советской власти и улучшению их деятельности.

Активное участие в этом принимали и воины Латышской дивизии. Политотдел дивизии, возглавлявшийся Р. Кисисом, в августе 1920 г. провел обследование пяти волостных и десяти сельских революционных комитетов на правом берегу Днепра и семи ревкомов на левом берегу, оказал большую помощь в практической работе местным органам Советской власти. Воины-латыши проявляли исключительную заботу об украинских детях-сиротах, помогали крестьянской бедноте, семьям красноармейцев в период посевной кампании, при уборке хлеба. Так, 14 августа 1920 г. красноармейцы ружейно-пулеметного парка устроили субботник и убрали 28 десятин ячменя. Субботники в сентябре приобрели массовый характер. Воины Латышской дивизии участвовали также в восстановлении большого железнодорожного моста через Днепр. На эти работы ежедневно выходило не менее 100 красноармейцев.

---

[7] В период мировой войны из Риги в промышленные центры Украины эвакуировалось много рабочих.

Между латышами-воинами и местным украинским населением установились самые тесные дружественные отношения. Дивизионная газета «Голос борьбы» 23 августа 1920 г. сообщала, как отзывались местные крестьяне о латышах: «Латыш — хороший парень». В этих простых и бесхитростных словах отразилось глубокое уважение украинских трудящихся к латышским воинам.

Доктор исторических наук З. Ибрагимов (Институт истории АН Азербайджанской ССР) выступил с сообщением об участии латышей в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. Он отметил, что вместе с рабочими и крестьянами — русскими, азербайджанцами, армянами, грузинами, дагестанцами и др. многие славные сыны латышского народа боролись за свободу и счастье азербайджанского народа, за победу Советской власти в Азербайджане и во всем Закавказье.

К концу XIX в. в Баку, где быстро развивалась крупная капиталистическая нефтяная промышленность, работало немало латышей. Многие из них, гонимые нуждой, покидали родные места и приезжали в Баку в поисках заработка. Некоторые были сосланы сюда царскими властями за революционную деятельность. Они активно участвовали в боевых выступлениях бакинского пролетариата против господства помещиков и буржуазии, за победу социалистической революции.

С провозглашением Советской власти в Баку (31 октября 1917 г.) большевики — латыши и литовцы отдавали все свои силы укреплению молодой Советской власти в Азербайджане. Они участвовали в большой работе по осуществлению социалистических мероприятий Бакинского Совнаркома, по организации революционной обороны Баку, на который наступали иностранные интервенты и контрреволюционные банды.

Большие заслуги перед Советской властью и азербайджанским народом имеет славный сын латышского народа Эйжен Берг. Приехав в Баку из Петрограда летом 1918 г. по направлению военно-морской коллегии, Э. Берг вскоре вошел в состав Военно-революционного комитета Кавказской армии и был назначен начальником связи армии. Организаторские способности и неистощимая энергия Э. Берга быстро завоевали ему большой авторитет среди красноармейцев и командиров. Он помог наладить бесперебойную связь с фронтом, непосредственно участвовал в бою с турецкими оккупантами и мусаватистами под селением Маразы, Шемахинского уезда. Эйжен Берг отдал свою жизнь в числе славных 26 бакинских комиссаров за свободу азербайджанского народа, за торжество коммунизма.

По второй теме — «Восстановление Советской власти в Прибалтике» — с сообщением о борьбе трудящихся-литовцев под руководством Коммунистической партии за восстановление Советской власти в Литве выступил академик АН Литовской ССР Ю. И. Жюгжда (Институт истории АН Литовской ССР). Он подчеркнул, что провозглашение Литовской Советской Социалистической Республики и вхождение Советской Литвы в состав Союза ССР в качестве равноправной, суверенной союзной республики, победа социализма являются закономерным результатом исторического развития Литвы, социально-экономических отношений в ней. Истоки этого следует искать в победе Великой Октябрьской социалистической революции в России, в борьбе литовского народа за Советскую власть в 1918—1919 годах.

Ю. И. Жюгжда привел много новых документов и фактов, почерпнутых из архивов и документальных публикаций. Они показывают полное банкротство правящей буржуазно-националистической клики Литвы в последние годы ее господства. Докладчик подробно осветил противоречия в лагере литовской буржуазии, часть которой ориентировалась на гитлеровскую Германию, а другая — на англо-американских империалистов. Окончательно запутавшись в проведении внутренней и внешней политики, фашистская клика завела страну в тупик, из которого можно было выйти только революционным путем. Используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, литовский трудовой народ под руководством Коммунистической партии летом 1940 г. сверг фашистскую клику и провозгласил Советскую власть в Литве.

Кандидат исторических наук В. Маамяги (Институт истории АН Эстонской ССР) остановился на некоторых особенностях и характерных чертах перехода к строительству социализма в Эстонской ССР в 1940—1941 годах. Эстонская ССР приступила к социалистическим преобразованиям в таких условиях, когда в других советских

республиках социализм был уже в основном построен. Поэтому Эстония в период перехода от капитализма к социализму находилась в значительно более выгодном положении, нежели другие советские республики в первые годы своего существования. Эстонская ССР смогла опереться на гигантский опыт страны победившего социализма, на помощь всех народов СССР. Эстонский народ смог воспользоваться результатами победы социализма в СССР. Это значительно ускорило и облегчило эстонскому народу осуществление социалистических преобразований.

Благоприятная обстановка позволила эстонскому народу в 1940 г. избежать гражданской войны. В силу этого сразу же после провозглашения Советской власти вся энергия трудящихся масс, руководимых Коммунистической партией Эстонии, была направлена на слом старой государственной машины, на создание нового, советского государственного аппарата, на проведение национализации промышленности, транспорта, банков, на проведение земельной реформы, другими словами — на обеспечение победы социализма.

В. Маамяги отметил некоторые особенности государственного и хозяйственного строительства в Эстонии в 1940—1941 годах.

Конституция ЭССР, как и конституции Латвийской и Литовской советских республик, не ограничивала бывших и еще сохранившихся тогда эксплуататорских элементов в политических правах. Им были предоставлены такие же избирательные права, как и трудящимся. Это было обусловлено тем, что в условиях, когда вопрос «кто кого» в других советских республиках был окончательно решен в пользу социализма, эксплуататорское меньшинство в прибалтийских советских республиках уже не могло угрожать судьбам социализма в целом.

Вопрос о лишении буржуазии избирательного права решался в зависимости от конкретной исторической обстановки. В. И. Ленин еще в 1918 г. отмечал, что ограничение избирательного права для буржуазии «не входит необходимым условием в историческое и классовое понятие диктатуры» [8]. В молодых прибалтийских республиках, вошедших в состав СССР накануне второй мировой войны, это ленинское указание было подтверждено практикой.

Особые черты имела и индустриализация. Эстонский народ, начав индустриализацию республики, не испытывал особых материальных трудностей. Необходимые капитальные вложения, оборудование для эстонских заводов, фабрик и шахт были предоставлены Эстонии братскими республиками.

С сообщением о характере социалистической революции 1940 г. в Латвии выступил член-корреспондент АН Латвийской ССР А. А. Дризул (Институт истории АН Латвийской ССР). Основное внимание докладчик уделил вопросу о возможности мирного пути развития социалистической революции в отдельных странах.

История борьбы латышского и других народов за социализм подтвердила возможность в известных исторических условиях мирного перехода власти в руки пролетариата. Благоприятно сложившаяся для латышского рабочего класса внутренняя и внешняя обстановка, помощь Советского Союза дали возможность рабочим Латвии, объединившим вокруг себя трудовое крестьянство и все патриотические силы народа, летом 1940 г. мирным путем решить вопрос перехода к социализму.

Докладчик подробно остановился на условиях победы революции в Латвии. Одним из них являлся исторический опыт революционной борьбы рабочих и крестьян Латвии вместе со всеми трудящимися России против царизма и буржуазии. Латвийский пролетариат дважды, в 1917 и 1919 гг., устанавливал свою власть в Латвии. Только в результате вмешательства иностранных империалистов тогда была подавлена Советская власть в Латвии и установлено господство националистической буржуазии. Идея Советской власти всегда жила в сознании латышского рабочего класса и трудящегося крестьянства. Опыт предшествовавшей революционной борьбы обусловил и то, что в 1940 г. диктатура пролетариата в Латвии была установлена в форме Советской власти.

Трудящиеся Латвии наряду с желанием провозгласить Советскую власть выдвинули требование вхождения Латвии в состав Советского Союза на правах союзной советской социалистической республики. Это требование вытекало из исторически сло-

---

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 235.

жившихся экономических, политических и культурных связей латышского народа с другими народами СССР.

Член-корреспондент АН БССР Н. В. Каменская (Институт истории АН БССР) посвятила свое выступление белорусско-прибалтийским связям. Особенно ярко проявилась дружба белорусского народа с литовским, латышским и эстонским народами в годы Великой Отечественной войны. Н. В. Каменская привела много интересных примеров совместной героической борьбы белорусского народа и народов Прибалтики против гитлеровских оккупантов. В Латвии, Литве, Эстонии, на Украине, в Белоруссии, в оккупированных районах РСФСР с первых дней оккупации начали создаваться подпольные партийные и комсомольские организации, партизанские группы и отряды, которые превратились в грозную силу для врага. Они поддерживали между собой тесную связь, координировали свои действия и, верные принципам пролетарского интернационализма, выступали единым фронтом против фашистских захватчиков, против изменников и предателей своей Родины — буржуазных националистов. Развертыванию вооруженной борьбы литовского и латышского народов против немецко-фашистских захватчиков немало способствовало то обстоятельство, что Литва и Латвия находились по соседству с русскими и белорусскими партизанскими зонами, от которых партизаны этих республик получали помощь.

В период «рельсовой войны» в районах Восточной Литвы боевые дела литовских партизан были согласованы с действиями белорусских партизан. Вместе действовали белорусские бригады «Спартак» (комбриг А. Н. Пономарев, комиссар М. К. Игнатьев), бригада имени Гастелло (комбриг Манохин, комиссар Тубелис) и соединения литовских партизан «Жальгерне», «Вильнюс», отряд имени Костаса Калинаускаса на железнодорожных линиях Вильнюс — Даугавпилс, Вильнюс — Минск, Даугавпилс — Кенигсберг и Вильнюс — Гродно.

В партизанских отрядах Белоруссии сражалось также много эстонцев. Эстонский партизанский отряд Л. Мятинга после выхода из Ленинградской области действовал совместно с белорусскими партизанами.

На заключительном заседании сессии с докладом «О международном значении Великой Октябрьской социалистической революции» выступил академик И. И. Минц (Институт истории АН СССР). Он подчеркнул, что народы Прибалтики активно участвовали в Октябрьской революции, помогали строить первое в мире социалистическое государство, день рождения которого открыл новую эру в истории человечества. Великий Октябрь оказал могучее влияние на ход революционных событий во всем мире. Октябрьская революция развязала инициативу рабочего класса во всем мире. Нельзя назвать ни одной страны, в которой бы не чувствовалось воздействие, не чувствовалось бы дыхание нашей Великой Октябрьской социалистической революции.

Второе направление, по которому шло и продолжает идти влияние Октябрьской революции, сводится к тому, что социалистическая революция резко повысила организованность рабочего класса во всем мире.

Третье направление, по которому шло влияние Октябрьской революции,— это ее воздействие на все закабаленные народы Африки, Азии и Латинской Америки. Весь колониальный мир как бы проснулся и начал вести борьбу за свое освобождение, и эта борьба дала и дает прекрасные результаты. Колониальная система разваливается на наших глазах.

Наконец, значение воздействия Октябрьской революции на развитие других стран состоит в том, что она произвела коренной переворот в сознании трудящихся масс.

После окончания сессии было проведено заседание научного совета по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», где обсуждался проспект и организация работы над обобщающим трудом «Социалистическая революция в прибалтийских республиках».

А. Дризул, В. Савченко

Обзоры и рецензии

НАУЧНЫЙ ТРУД О ПРОИСХОЖДЕНИИ И НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Прошло пятнадцать лет после окончания второй мировой войны, стоившей человечеству огромных жертв, принесшей колоссальные разрушения материальных и культурных ценностей. Трудящиеся всего мира, испытавшие ее трудности, кровно заинтересованы в том, чтобы навсегда избавить себя, своих детей и грядущие поколения от новых войн, установить на земле прочный мир. Естественным поэтому является их стремление уяснить уроки последней войны с тем, чтобы не допустить возникновения третьей мировой войны, подготовляемой империалистическими кругами США и их сообщниками.

Чтобы ввести в заблуждение народы всех стран и тем самым облегчить вовлечение их в новую мировую войну, буржуазные историки, политические и военные деятели прибегают к любым средствам фальсификации истории второй мировой войны, скрывают истинные причины ее возникновения, маскируют те общественные силы, которые подготовили и развязали войну.

В этих условиях создание научного труда, основанного на глубоком марксистско-ленинском анализе экономических и социально-политических условий, при которых возникла вторая мировая война, представляет собой задачу первостепенной важности. Именно такой работой является вышедший в свет первый том капитального шеститомного труда по истории Великой Отечественной войны Советского Союза, издание которого предпринято по решению ЦК КПСС.

Первый том состоит из трех частей: «СССР и капиталистический мир накануне второй мировой войны», «СССР и капиталистический мир в первый период второй мировой войны», «Подготовка фашистской Германией нападения на СССР. Состояние обороны Советского Союза». Книге предпослано введение, излагающее основные проблемы многотомного издания «Истории Великой Отечественной войны». В томе имеются указатели важнейших дат, имен, географических названий и предметный. Книга хорошо иллюстрирована и снабжена картами.

Авторы исследовали широкий круг документальных материалов, хранящихся в центральных, ведомственных и местных архивах СССР, в архивах стран народной демократии, использовали уже опубликованные официальные документы СССР и других стран.

Они широко использовали труды по истории международных отношений, внутренней и внешней политике различных государств. Большое значение для успешного решения авторами тома ряда теоретических проблем имели научные дискуссии советских ученых, проведенные под руководством редакционной комиссии.

В первом томе центральное место занимает исследование происхождения второй мировой войны, экономической, политической, дипломатической и идеологической подготовки к ней империалистических держав. Авторы подчеркивают, что вторая мировая война, как и первая, была порождена империалистической системой. Она возникла как прямое продолжение политики империалистических держав, их борьбы за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала, за мировое господство.

Наиболее решительно и агрессивно в этой борьбе, как и перед первой мировой войной, выступала Германия. Авторы указывают,

---

* *«История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945».* Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отдел истории Великой Отечественной войны. Редакционная комиссия: Поспелов П. Н. (председатель), Андреев В. А., Антонов А. И., Баграмян И. Х., Белов П. А., Болтин Е. А. (заместитель председателя), Брагин М. Г., Голиков Ф. И., Гречко А. А., Елисеев И. Д., Желтов А. С., Жилин П. А., Жуков Е. М., Журавлев Н. А., Земсков И. Н., Ильичев Л. Ф., Кукин Д. М., Курасов В. В., Кучкин А. П., Минц И. И., Московский В. П., (заместитель председателя), Обичкин Г. Д., Осипов З. С., Полевой Б. Н., Руденко С. И., Сидоров А. Л., Соколовский В. Д., Тельпуховский Б. С., Тимофеевский А. А., Хвостов В. М., Шатагин Н. И.

Авторский коллектив и редакция первого тома: Деборин Г. А. (руководитель), Заставенко Г. Ф., Лекомцев Г. З., Семенов Н. А. (литературный редактор), Тамонов Ф. И., Шуктомов П. И., Экштейн А. Э. М. 1960. 536 стр. Тираж 125 000. Цена 30 руб.

что Германия, экономически ослабленная после первой мировой войны, уже к 1929 г. по основным экономическим показателям снова опередила Англию и Францию.

При новом соотношении сил, сложившемся в капиталистическом мире, германские империалисты все настойчивее требовали передела колоний и сфер влияния в свою пользу. Наряду с Германией за передел мира вели борьбу Италия, территориальные притязания которой после первой мировой войны были удовлетворены лишь частично, и Япония, утратившая ряд своих позиций в бассейне Тихого океана в результате Вашингтонской конференции 1921—1922 годов.

Однако старые колониальные державы Англия и Франция, увеличившие свои владения в результате первой мировой войны, и такой империалистический хищник, как США, разбогатевший на крови и разорении миллионов людей, вовлеченных в первую мировую войну, не собирались потесниться. Напротив, они сами стремились к новым территориальным захватам, к мировому господству, к вытеснению Германии, Японии и Италии с внешних рынков.

Громадную роль в возникновении войны сыграло стремление империалистических держав восстановить былое единство и безраздельное господство капитализма во всем мире путем уничтожения СССР. «Существование и быстрый рост первой в мире страны социализма — Советского Союза,— пишут авторы,— были тем новым и решающим фактором, который резко отличал обстановку и условия подготовки второй мировой войны от первой. Теперь наряду с противоречиями, разделявшими империалистов, существовало и объединявшее их начало: коренное противоречие между двумя социально-экономическими системами — капитализмом и социализмом. Понятно, что лидеры американо-английского империализма стремились сплотить все силы капиталистического лагеря под флагом борьбы против ненавистного им социалистического государства» (стр. XVI—XVII).

Авторы раскрывают весь сложный механизм подготовки второй мировой войны. Экономический кризис 1929—1933 гг., поразивший капиталистический мир, крайне обострил противоречия между империалистическими странами. Империалисты, не надеясь сохранить в условиях кризиса власть методами буржуазной демократии, стали искать спасения в установлении кровавой фашистской диктатуры внутри своих стран и в развертывании экономической и политической экспансии вне их. В результате нападения Японии на Северо-Восточный Китай в 1931 г. на Дальнем Востоке возник очаг новой мировой войны. Западные державы не только не выступили против японской агрессии, но сделали все возможное для ее успешного завершения, полагая, что Япония потопит в крови освободительное движение китайского народа и начнет войну с Советским Союзом.

В 1933 г. в Германии власть захватили фашисты. С этого момента германские империалисты стали открыто готовиться к войне за мировое господство, за уничтожение Советского Союза. Германия превратилась в главный очаг войны.

Авторы показывают, что фашистская диктатура была установлена усилиями не только германского монополистического капитала, но и международной реакции, которая рассчитывала руками гитлеровцев сокрушить Советский Союз. Именно поэтому правящие круги США, Англии, Франции и других государств оказывали фашистской Германии огромную финансовую, экономическую и военно-техническую помощь. Опираясь на эту помощь, германские империалисты в широких масштабах развернули подготовку к войне. В специальном разделе «Экономическая и политическая поддержка германского фашизма правящими кругами США, Англии и Франции» дается подробное описание связей германских монополий с американскими, английскими и французскими монополиями, способствовавшими вооружению фашистской Германии и расширению ее военно-промышленного потенциала. В 1939 г. военное производство Германии в 12,5 раза превысило уровень 1933 года.

Авторы подчеркивают, что «правящие круги США и Англии вполне отдавали себе отчет в том, для чего они способствовали вооружению Германии. Они хорошо знали, что речь идет о новой мировой войне. Но они верили германским руководителям, что эта война будет направлена только против СССР, что Германия будто бы не собирается воевать на Западе» (стр. 37). Жизнь показала несостоятельность этих расчетов. Те, кто вскормил и вспоил фашистского зверя, думая, что он кинется на страну социализма, сами оказались его жертвой. Но, видимо, уроки недалекого прошлого мало чему учат современных покровителей недобитых гитлеровцев — боннских реваншистов.

Быстрый рост военно-экономического потенциала Германии, ее военные приготовления усиливали неравномерность экономиче-

ского и политического развития капиталистической системы. Это неизбежно вело к расколу капиталистического мира на враждебные группировки и военному конфликту между ними. Образование в 1936—1937 гг. агрессивной коалиции Германии, Японии и Италии явилось прямым шагом ко второй мировой войне. В противоположность блоку фашистских агрессоров постепенно стала складываться коалиция Англии, Франции и США. Мир был поставлен перед величайшей опасностью: назревала вторая мировая война.

Можно ли было избежать ее? Имелись ли в мире силы, которые были способны преградить путь фашизму и войне? Авторы убедительно показали, что такие силы имелись. Нужно было лишь консолидировать их и привести в действие. В самом деле, Советский Союз и страны буржуазной демократии (США, Англия, Франция, Чехословакия и др.) имели превосходство над фашистским блоком в экономическом и военном отношении. Они обладали огромным военно-промышленным потенциалом и людскими резервами. Необходимо было только в интересах сохранения всеобщего мира создать надежную систему коллективной безопасности, способную пресечь действия фашистских агрессоров.

В обстановке нараставшей опасности войны Коммунистическая партия и Советское правительство развернули активную деятельность по созданию системы коллективной безопасности. 12 декабря 1933 г. ЦК ВКП(б) принял специальное решение о развертывании борьбы за коллективную безопасность. Постановление предусматривало возможность вступления СССР в Лигу Наций и заключение регионального соглашения с участием широкого круга государств о взаимной защите от агрессии.

Авторы показывают основные этапы борьбы Советского Союза за коллективную безопасность. Еще до принятия упомянутого решения ЦК ВКП(б) Советское правительство в феврале 1933 г. выступило на Международной конференции по разоружению с предложением заключить конвенцию об определении агрессии и представило на рассмотрение конференции проект конвенции, содержащий научное определение агрессии. В мае 1934 г. Советский Союз предложил преобразовать зашедшую в тупик Международную конференцию по разоружению в постоянно действующую конференцию по поддержанию мира. Но оба эти предложения были отвергнуты представителями западных держав. В сентябре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций и повел решительную борьбу за ее превращение в эффективное средство защиты мира, в орган коллективного отпора фашистским агрессорам. Советские представители широко использовали трибуну Лиги Наций для разоблачения агрессивных устремлений гитлеровской Германии и ее союзников, призывали народы преградить путь войне.

Еще в декабре 1933 г. Советское правительство выступило с дипломатической акцией большой политической важности. Оно предложило заключить договор о взаимной безопасности с участием СССР, Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и прибалтийских стран. На основе этого предложения в 1934 г. велись переговоры о заключении восточноевропейского пакта безопасности.

Из-за противодействия правительств Англии и Германии, а также под влиянием позиции, занятой правительством США, идея заключения восточноевропейского пакта не удалась, хотя она получила широкую поддержку прогрессивной общественности. Тогда Советское правительство начало добиваться заключения франко-советского договора о взаимной помощи. Французское правительство под давлением народных масс вынуждено было подписать договор. Такой же шаг пришлось сделать правительству Чехословакии. Заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимной помощи было большим успехом миролюбивой внешней политики СССР. «Можно с полной уверенностью сказать,— подчеркивают авторы,— что договоры СССР с Францией и Чехословакией могли служить надежным фундаментом общеевропейской системы коллективной безопасности. Честное выполнение этих договоров всеми их участниками, поддержка политики коллективной безопасности другими европейскими государствами закрыли бы путь для немецко-фашистской агрессии, и народы Европы были бы избавлены от бедствий второй мировой войны» (стр. 89).

Но беда состояла в том, что правящие круги Франции и Чехословакии на деле не желали основывать свою политику на тесном сотрудничестве с Советским Союзом. Более того, они поддались требованиям гитлеровской Германии, настаивавшей на расторжении договоров с СССР, на проведении всеми капиталистическими странами политики изоляции СССР. В результате

Франция и Чехословакия оказались жертвами немецко-фашистской агрессии.

Продиктованный жгучей ненавистью к СССР отказ правящих реакционных кругов западных держав от принятия советских предложений об организации коллективной безопасности, желание сокрушить страну социализма руками гитлеровцев помешали объединению сил Советского Союза и стран буржуазной демократии для борьбы с фашистской агрессией. Империалисты и их правосоциалистические прислужники делали все возможное, чтобы помешать объединению трудящихся для борьбы с фашизмом и опасностью войны. Авторы подчеркивают, что рабочий класс являлся решающей силой в борьбе за мир. Однако он не мог помешать международной империалистической реакции развязать войну, так как был расколот предательской политикой правых лидеров социал-демократии. Коммунистические и рабочие партии капиталистических стран не были еще подлинно массовыми партиями, не избавились от сектантства, которое мешало успешной борьбе за единый рабочий и антифашистский Народный фронт.

Империалисты США, Англии и Франции прилагали все усилия к тому, чтобы отвести от себя готовившийся фашистской коалицией удар и направить его против СССР. Именно эту цель преследовала позорная политика «умиротворения» агрессоров, ставшая стержнем всей предвоенной внешней политики США, Англии и Франции. Политика «умиротворения» фашистских агрессоров нашла наиболее полное выражение в санкционировании правительствами США, Англии и Франции захвата Германией Австрии, в мюнхенском предательстве Чехословакии, в одобрении ее расчленения в марте 1939 г., развязывании фашистской агрессии против Польши и в попытках сговора с Германией против СССР.

В книге нарисована картина, показывающая, как империалистические хищники так называемых «демократических» стран, облаченные в дипломатические фраки, распоряжались судьбами народов в угоду фашистским извергам, лицемерно прикрывая эти преступные действия фарисейскими фразами о сохранении мира.

В томе обстоятельно освещена история англо-франко-советских переговоров 1939 г. и заключения советско-германского договора о ненападении.

Авторский коллектив большое внимание уделил выяснению вопроса о характере второй мировой войны, что имеет важное теоретическое и политическое значение. Известно, что в советской исторической литературе не было ясности и точности в этом вопросе. Заслугой авторов является то, что они, опираясь на глубокий анализ фактов, важнейшие документы Коминтерна и отдельных коммунистических партий, дали научное определение характера второй мировой войны. При решении этого вопроса авторы исходили из ленинского положения, что война есть продолжение политики другими (насильственными) средствами, что «такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время» [1].

Обе империалистические коалиции, вступая в смертельную схватку, преследовали свои империалистические цели — установление мирового господства. Следовательно, вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г., по своему происхождению и характеру была войной империалистической, несправедливой.

Для фашистского блока война до конца сохраняла империалистический, несправедливый характер. Гитлеровцы и их союзники в процессе грабительской войны, пытаясь сломить сопротивление народных масс, действовали с невиданной жестокостью. Фашистские державы поставили своей целью истребить миллионы людей, установить в оккупированных странах так называемый «новый порядок», означавший режим самой оголтелой реакции и тирании. «Такая угроза,— указывают авторы,— создавала потенциальную возможность превращения войны против фашистских государств в справедливую и освободительную» (стр. XX).

Народная борьба против фашистских агрессоров, справедливая и освободительная по своему характеру, началась с первых дней войны. На Востоке против японских империалистов ее вел героический китайский народ, в Европе знамя освободительной борьбы, поднятое испанскими республиканцами, подхватили патриоты оккупированных агрессорами стран. «Борьба трудящихся против фашистского порабощения и уничтожения цивилизации в условиях существования СССР,— говорится в книге,— закономерно вела к превращению войны с Германией, Италией и Японией в освободительную и антифашистскую» (стр. XXI).

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 195.

Однако война Англии и Франции против Германии в 1939—1940 гг. («странная война») сохраняла империалистический характер. «Защита» Польши, которая, по существу, не шла дальше формальных деклараций, служила им лишь поводом для объявления войны Германии. Истинной же причиной вступления в войну Англии и Франции было стремление защитить свои колониальные империи от покушения со стороны гитлеровской Германии. В период «странной войны» правящие круги этих стран продолжали проводить, по существу, старую, предвоенную мюнхенскую политику. Политические цели стратегии «странной войны» состояли в том, чтобы столкнуть Советский Союз с Германией и уничтожить или ослабить СССР в кровопролитной борьбе с блоком фашистских агрессоров. Империалистический характер войны со стороны Англии и Франции проистекал и из внутренней политики правящих кругов этих стран, организовавших широкий поход против демократических сил французского и английского народов.

По мере того, как агрессоры захватывали одну страну за другой, возрастала сила народного сопротивления фашистским поработителям. В оккупированных странах (Франция, Польша, Югославия, Греция, Албания, Норвегия, Болгария) под руководством коммунистических партий развернулось мощное движение сопротивления фашистским агрессорам. В Англии и США также возрастала решимость народных масс дать отпор гитлеровской Германии и ее сообщникам. Оказавшись перед угрозой потери национальной независимости и государственной самостоятельности, правящие круги США и Англии, несмотря на сопротивление профашистских сил, особенно влиятельных в США, вынуждены были пересмотреть обанкротившуюся антинациональную политику и вступить на путь борьбы с агрессорами.

Со второй половины 1940 и особенно в начале 1941 г. усилился процесс превращения второй мировой войны из империалистической в антифашистскую со стороны стран, воевавших против Германии и ее союзников. Однако решающим фактором в этом отношении явилось вынужденное вступление Советского Союза в войну ввиду вероломного нападения на него фашистской Германии, что завершило процесс превращения ее из империалистической в освободительную. Героическая борьба советского народа за свободу и независимость придала народам Западной Европы новые силы в борьбе с фашистскими агрессорами и поставила буржуазные страны, воевавшие с гитлеровской Германией и ее союзниками, перед необходимостью вступить в коалицию с СССР.

В результате исследования этого вопроса авторы пришли к следующему выводу: «Война, к которой империалисты прибегали как к средству разрешения своих противоречий, в условиях существования хотя и одной, изолированной, но могучей и жизнеспособной страны социализма превратилась в справедливую и, по существу, народную войну против фашистских государств...» (стр. XXIII).

Буржуазные фальсификаторы истории, не желая признавать историческую закономерность победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, пытаются объяснить поражение фашистской Германии «ошибками» Гитлера или же случайными неудачами немецко-фашистской армии. Политический смысл подобных утверждений состоит в том, что фальсификаторы стремятся снять ответственность с недобитых гитлеровских генералов за поражение в войне, спасти престиж фашистской армии, разгромленной Советскими Вооруженными Силами, и внушить боннским реваншистам мысль, что не все еще потеряно, что в новой мировой войне они могут «исправить ошибки», допущенные гитлеровцами.

В книге приводится богатейший материал, опровергающий эти лженаучные утверждения и показывающий, что победа Советского Союза не была случайной, а явилась закономерным результатом построения социализма в СССР, роста экономического, политического и военного могущества Советского Союза, следствием преимущества социализма перед капитализмом.

Авторы дают глубокий научный анализ развития СССР в предвоенные годы и в первый период второй мировой войны, раскрывают всемирно-исторические успехи советского народа. Успешное осуществление ленинского плана социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции привело к коренным экономическим, политическим и культурным преобразованиям в стране. Главным итогом героического труда советского народа под руководством Коммунистической партии явилась победа социализма в СССР. Советский Союз вступил в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

В книге говорится, что победа социализ-

ма в нашей стране в тот период еще не была окончательной. СССР, будучи единственным в мире социалистическим государством, не мог считать себя гарантированным от военной интервенции и опасности реставрации капитализма силами международной реакции. Опасность военной интервенции, пишут авторы, определяла необходимость всемерного укрепления обороны Советского Союза. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли большое внимание усилению военной мощи СССР. Об этом свидетельствуют, в частности, темпы роста оборонной промышленности в 30-е годы. Только за годы второй пятилетки объем ее продукции увеличился на 286%. Начавшаяся вторая мировая война и опасность нападения империалистических агрессоров на СССР настоятельно требовали всемерного развития экономики страны, укрепления ее оборонной мощи, расширения военно-промышленного потенциала. В специальном разделе «Военно-экономические возможности СССР» приводятся обширные статистические данные о состоянии экономической и военной мощи страны накануне нападения фашистской Германии, рассказывается о мероприятиях партии и правительства по усилению обороноспособности. На основе тщательного изучения этих данных авторы приходят к выводу, правильность которого подтверждена самой жизнью, что созданный усилиями советских людей огромный экономический потенциал давал необходимые возможности для отражения немецко-фашистской агрессии (стр. 424).

Вместе с тем авторы отмечают, что в организации обороны имелись пробелы и упущения, которые отрицательно сказались на ходе военных операций в начальный период войны. Однако, несмотря на эти недостатки, в целом Советские Вооруженные Силы были в состоянии дать отпор агрессору.

Огромную роль в укреплении могущества социалистического государства сыграли морально-политическое единство советского народа и его сплоченность вокруг Коммунистической партии. Авторы обстоятельно осветили деятельность Коммунистической партии по идеологическому воспитанию масс, вскрыли значение этого фактора для победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В создании предпосылок исторической победы советского народа над фашистской Германией огромное значение имела правильная, научно обоснованная внешняя политика Советского правительства, проводившаяся в предвоенные годы и в первый период второй мировой войны. В рецензируемом труде этим вопросам уделено большое внимание.

Выше уже говорилось о некоторых проблемах внешней политики Советского государства в связи с разбором вопроса о причинах возникновения второй мировой войны и ее характере.

СССР всегда последовательно проводил ленинскую миролюбивую внешнюю политику, вытекавшую из социалистической природы Советского государства. В обстановке начавшейся войны и угрозы нападения на СССР партия и правительство стремились обеспечить безопасность границ Советского Союза, создать благоприятные внешнеполитические условия для разгрома фашистских агрессоров, если они совершат нападение на СССР. Авторы подробно рассказывают об освободительном походе Советской Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, о воссоединении населения этих территорий с народами Украинской и Белорусской ССР. Авторы подчеркивают, что выдвижение границ Советского Союза на запад являлось значительным вкладом не только в укрепление безопасности СССР, но и в общее дело всех миролюбивых народов, боровшихся против гитлеровской агрессии. В книге широко освещается вопрос об укреплении безопасности границ Советского Союза в районе Прибалтики, Ленинграда, Карелии и Мурманска, разоблачается политика империалистических держав, стремившихся использовать советско-финский военный конфликт для нападения на Советский Союз с севера и юга, рассказывается о мирном разрешении бессарабского вопроса.

Авторы уделили внимание анализу советско-турецких отношений. Они подчеркивают, что в обстановке германских военных успехов на Западе Турция все более стала склоняться к политике прямого пособничества фашистской Германии. В этих условиях Советское правительство должно было позаботиться о проведении ряда мероприятий по укреплению своих южных границ.

Советский Союз вместе с этим вел упорную борьбу за сохранение национальной независимости и государственной самостоятельности тех европейских стран, над которыми нависла угроза фашистской агрессии. В рецензируемом труде содержится богатый материал, характеризующий эту сторону внешней политики СССР.

В апреле 1940 г. в связи с захватом Германией Дании и Норвегии нависла угроза

вторжения немецко-фашистских полчищ в Швецию. Советское правительство приняло меры к защите национальной независимости Швеции, несмотря на то, что Швеция в период советско-финской войны вела себя нелояльно по отношению к СССР. Ссылаясь на документы, авторы отмечают следующий факт. 13 апреля 1940 г. Советское правительство заявило германскому послу в Москве, что оно «весьма заинтересовано в сохранении шведского нейтралитета» и «выражает пожелание, чтобы шведский нейтралитет не был нарушен» (стр. 396). Демарш Советского правительства был воспринят гитлеровцами как серьезное предупреждение, и они вынуждены были отказаться от своих замыслов захватить Швецию.

Советское правительство не раз заявляло Германии, что ее экспансия в Болгарию, Румынию и другие балканские страны представляет серьезную угрозу безопасности СССР. Одновременно Советский Союз дважды предлагал болгарскому правительству подписать договор о дружбе и взаимной помощи. Эти предложения, с энтузиазмом воспринятые болгарским народом, были, однако, отклонены болгарскими профашистскими кругами. И если СССР не удалось предотвратить захват Болгарии Германией, то в этом повинны только болгарские правящие круги, добровольно впустившие германские войска в Болгарию.

5 апреля 1941 г., перед самым нападением гитлеровской Германии на Югославию, был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении, ставший моральной опорой трудящихся Югославии в борьбе с фашистскими оккупантами.

Непосредственно перед началом Великой Отечественной войны одной из важнейших задач советской внешней политики было предотвращение возможности нападения на СССР Турции и Японии. Советскому правительству удалось заключить с Японией 13 апреля 1941 г. договор о нейтралитете и обменяться с Турцией заявлениями о нейтралитете в случае нападения какой-либо державы на одну из сторон.

Благодаря усилиям Советского Союза начали постепенно складываться объективные условия для образования будущей антифашистской коалиции. Огромная роль в этом принадлежит советской внешней политике, расстроившей планы империалистических кругов США, Англии и Франции дипломатически изолировать СССР и осуществить против него «крестовый поход» объединенного фронта империалистических государств.

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» убедительно показана упорная борьба Советского Союза за сохранение мира, раскрыто его стремление избежать военного столкновения с фашистской Германией. Авторы пишут, что Гитлер был взбешен тем, что германское посольство в Москве не выполнило его задания подобрать «факты» для обвинения Советского правительства в подготовке нападения на Германию. Посольство не могло выполнить этого поручения, потому что таких фактов не было и не могло быть. Вплоть до момента нападения Германии на СССР Советское правительство пыталось предотвратить войну.

Большой заслугой коллектива авторов рецензируемого тома является то, что они сумели широко показать роль международного коммунистического и рабочего движения в предотвращении агрессии в предвоенные годы. В книге содержится обширный материал, характеризующий борьбу рабочего класса под руководством коммунистических партий против фашизма и войны, а также развитие рабочего движения в отдельных странах как перед войной, так и в ее первый период.

Содержащийся в книге анализ политических событий, экономического развития государств и состояния их вооруженных сил, а также сделанные авторами выводы и обобщения основаны на документальных источниках, неопровержимых исторических фактах. Некоторые главы и параграфы тома полностью или в большей своей части написаны по впервые использованным архивным материалам. Все это придает рецензируемой книге большую научную ценность. Особое значение этого исследования состоит в том, что оно помогает глубоко понять события минувшей войны, а также критически оценить многие стороны политики империалистических держав в наши дни.

Следует отметить, что в книге ряд вопросов освещен недостаточно полно, а в некоторых случаях даже схематично. Сказанное относится прежде всего к обоснованию на конкретном материале важнейшей теоретической проблемы — изменения характера второй мировой войны в процессе ее развития.

Авторы правильно подчеркивают, что в результате мощного подъема народного сопротивления фашистским агрессорам в оккупированных государствах и в странах, над которыми нависла угроза установления гитлеровского «нового порядка», стал менять-

ся характер войны, начался процесс ее превращения из империалистической в антифашистскую. Однако они недостаточно подкрепляют этот тезис конкретными данными о роли народных масс в этом процессе. Говоря об изменении характера войны со стороны Англии, авторы ограничились лишь общим заключением: «Простые люди Англии категорически выступали против всяких сделок с Германией и требовали от своего правительства мобилизации всех сил Британской империи для отпора врагу» (стр. 292). Не указывая, в чем конкретно выразилось данное категорическое выступление народных масс, авторы пишут, что под влиянием этого решающего фактора правящие круги Англии «встали на путь упорной борьбы против немецко-фашистских претендентов на мировое господство» (стр. 293). Более отчетливо этот недостаток выступает при рассмотрении позиции Соединенных Штатов Америки в связи с начавшейся войной в Европе. В разделе «США и война в Европе» (стр. 329—338) ни слова не сказано о роли американского народа в борьбе за изменение политики правящих кругов в сторону активной борьбы с фашистскими агрессорами.

Имеются пробелы в освещении англо-франко-советских переговоров в 1939 году Несмотря на всю важность данного вопроса, в книге по непонятным мотивам обойден вопрос о косвенной агрессии, занимавшей, как известно, немаловажное место в ходе переговоров. Слишком скупо говорится о секретных англо-германских переговорах, проходивших параллельно с переговорами в Москве. Не раскрыты с достаточной полнотой дипломатические акции Советского правительства, направленные на защиту Чехословакии в период подготовки и заключения правящими кругами Англии и Франции мюнхенской сделки с гитлеровской Германией.

В книге имеются различные неточности фактического характера, допущенные при ее техническом редактировании.

Однако нет сомнения, что в целом первый том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» будет хорошим подспорьем в руках тех, кто борется за мир, против новой мировой войны, подготовляемой империалистами США и их союзниками.

И. А. Кирилин

БОРЬБА МОЛОДОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЗА МИР И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ III ТОМА «ДОКУМЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР») *

Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР подготовила, а Госполитиздат издал к настоящему времени уже четыре тома «Документов внешней политики СССР».

Вышедшие в свет тома охватывают период с ноября 1917 г. по январь 1922 года. По количеству документов данная публикация является наиболее полной по сравнению с аналогичными изданиями в нашей стране и за рубежом. Такой полной и всесторонней документации, освещающей внешнюю политику государства, не в состоянии обнародовать ни одно министерство иностранных дел капиталистических стран, поскольку они боятся раскрыть антинародную и империалистическую сущность политики своих правительств.

Примерно половина документов опубликована впервые. Тома снабжены обширным справочным аппаратом. Ценность примечаний, содержащихся в них, заключается в том, что они строго документированы. Ряд советских документов снабжен отсылками к тексту соответствующих иностранных документов (официальные ноты, письма и т. д.). Это позволяет видеть как позицию Советского правительства, так и позицию других государств.

Публикация документов в строго хронологическом порядке, а не по отдельным странам или проблемам позволяет после-

---

* *«Документы внешней политики СССР».* Тт. I—IV. Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР. Госполитиздат. 1959—1960. Цена 15 руб.

довательно проследить развитие событий и лучше понять их тесную взаимосвязь.

III том «Документов внешней политики СССР» охватывает период с 1 июля 1920 г. по 18 марта 1921 года. В нем 352 советских документа, из которых 199, или 59%, публикуются впервые по архивным источникам. Кроме того, в комментариях приводится текст 106 иностранных документов. Примечания к документам тома составлены сотрудниками МИД СССР и научными работниками Института истории АН СССР под руководством проф. А. Ф. Миллера.

Документы III тома во многом расширяют источниковедческую базу исследований по истории внешней политики СССР.

Среди многих вопросов, которые получают освещение в III томе, на первый план выступает проблема мира и мирного сосуществования. Известно, что империалисты и их прислужники в борьбе против растущего движения в защиту мира и дружбы между народами выдвигают фальсификаторский тезис, будто борьба за мир и мирное сосуществование государств с различными социальными системами отвечает интересам только Советского Союза и является с его стороны лишь тактическим приемом.

На несостоятельность и злонамеренность подобных утверждений не раз указывали руководящие деятели Советского государства. Они подчеркивали, что идея мирного сосуществования была впервые выдвинута В. И. Лениным, что она получила законодательное закрепление в самом начале существования Советского государства. С тех пор она лежит в основе советской внешней политики. Особенно ярко это обстоятельство было раскрыто в речи Н. С. Хрущева 2 апреля этого года по парижскому телевидению, в которой он указал на постоянную и последовательную борьбу Советского государства за мир и мирное сосуществование [1].

Третий том «Документов внешней политики СССР» служит новым и неоспоримым свидетельством того, что борьба за мир и мирное сосуществование с капиталистическими государствами была всегда генеральной линией молодого Советского государства.

В рассматриваемый период (то есть с 1 июля 1920 г. по 18 марта 1921 г.) борьба Советской республики за мирное сосуществование с капиталистическими странами велась в трудных условиях. Войска Врангеля и белопольских интервентов, опиравшиеся на поддержку держав Антанты, стремились уничтожить Советское государство.

В ноябре 1920 г. Красная Армия нанесла сокрушительное поражение армии Врангеля. Но советские республики были вынуждены еще несколько месяцев продолжать вооруженную борьбу против белопольских интервентов.

Затяжной характер белопольской интервенции, как видно из ряда новых или малоизвестных документов III тома (№№ 15, 16, 39, 40, 49, 63), был обусловлен чрезвычайно активной поддержкой, оказываемой ей со стороны США, Англии и Франции. В обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР к рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины от 20 июля 1920 г. говорилось: «Все члены Лиги Наций, и особенно Франция, Англия и Америка, связаны круговой порукой в деле провокации войны Польши с Украиной и Россией. Самые могущественные члены Лиги Наций помогали и помогают Польше чем могут» [2].

В результате вмешательства держав Антанты буржуазно-помещичье правительство Польши неоднократно отвергало справедливые мирные предложения Советского правительства.

Только после ряда военных поражений польское правительство решило отказаться от продолжения безнадежной для него войны с Советской Россией и пойти на подписание 18 марта 1921 г. мирного договора с Россией и Украиной. В мирном договоре с Польшей (док. № 350) нашли отражение миролюбивые и гуманные принципы советской внешней политики.

Еще до окончания польско-советского конфликта правящие буржуазные круги прибалтийских стран, видя бесперспективность борьбы против Советской России, приняли советские предложения о заключении мира. 12 июля 1920 г. был подписан мирный договор Советской республики с Эстонией и Литвой, 11 августа 1920 г.— с Латвией, 14 октября 1920 г.— с Финляндией. Во всех указанных мирных договорах предусматривались обязательства о ненападении, взаимном отказе от возмещения военных расходов, о взаимном погашении государственных долгов. Договорами пред-

[1] См. «Правда», 3 апреля 1960 года.

[2] «Документы внешней политики СССР». Т. III. М. 1959, док. № 16, стр. 56.

усматривалось также установление дипломатических отношений и развитие торговли. К концу 1920 г. Советская Россия установила дипломатические отношения со всеми граничившими с ней прибалтийскими странами [3].

Для нашей страны наступил период мирного социалистического строительства [4].

Крах трехлетней военной иностранной интервенции и укрепление международного положения Советской республики заставили правящие круги западноевропейских стран более реалистически оценить создавшуюся обстановку и сделать некоторые шаги к компромиссу с новым общественным строем.

Одними из первых пошли на соглашение с Советской республикой правящие круги Великобритании. Еще весной 1920 г. английское правительство вступило в переговоры с приглашенной в Лондон советской торговой делегацией. Однако в правительстве Великобритании имели место разногласия и колебания по вопросу об отношении к Советской России, что привело к затягиванию переговоров. Только тогда, когда рухнули надежды наиболее реакционных элементов на успех поддерживавшейся ими белопольской интервенции против РСФСР, английское правительство решилось наконец подписать англо-советское торговое соглашение (док. № 344). Последнее означало, в сущности, признание Советской России де-факто.

Интерес представляет не самый договор, содержание которого давно известно, а борьба вокруг статей этого договора, которая отражена в целом ряде впервые публикуемых документов (док. №№ 123, 196, 229, 231 и др.). Из них видно, что английское правительство долгое время саботировало торговые переговоры, оказывало сильное давление на РСФСР и пыталось включить в торговое соглашение односторонние политические пункты, направленные на ущемление суверенитета РСФСР. На эту тенденцию английских правящих кругов указывал, в частности, народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин. Он отмечал, что Англия предлагает Советской республике взять на себя политическое обязательство, которое можно предъявить лишь побежденному, а не победителю, каковым вправе считать себя Советская страна (см. док. № 229).

Советское правительство отвергло односторонние кабальные условия соглашения с Англией и добилось равноправных условий. Соглашение предусматривало, чтобы «каждая сторона воздерживалась от враждебных действий или мероприятий против другой стороны», в том числе от блокады друг друга в любой форме (док. № 334, стр. 608). Обе стороны должны были назначить одного или нескольких официальных агентов «для пребывания и осуществления своих функций на территории другой стороны» (там же, стр. 610—611).

Внешняя политика молодой Советской республики, направленная на обеспечение мира и мирного сосуществования, успешно выдержала в 1920—1921 гг. трудные испытания. Она способствовала крушению организованной империалистами экономической блокады. Вслед за Великобританией торговые соглашения с Советской республикой подписали: 6 мая 1921 г.— Германия, 2 сентября 1921 г.— Норвегия, 7 декабря 1921 г.— Австрия, 26 декабря 1921 г.— Италия, а за ними и другие страны.

Хотя это были договоры экономического характера, они означали в то же время признание Советского правительства де-факто.

Поворот политики капиталистических стран от агрессии и блокады против Советской республики к миру и деловым отношениям с ней свидетельствовал о победе ленинской политики мира и мирного сосуществования.

В основе выводов В. И. Ленина о неизбежности мирного сосуществования лежало убеждение в неодолимости растущих сил социализма и настоятельной необходимости экономического сотрудничества как для социалистических, так и для капиталистических стран. Ленин подчеркивал, что «есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» [5].

Вместе с тем В. И. Ленин призывал советских людей к бдительности, он указывал на возможность того, что мир и мир-

---

[3] «Десять лет советской дипломатии». М. 1927, стр. 61.

[4] В 1921—1922 гг. вооруженная борьба велась лишь на Дальнем Востоке, где продолжали орудовать японские интервенты и белогвардейские банды.

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 129.

ное сосуществование могут быть нарушены империалистами. В. И. Ленин предупреждал империалистические правительства, что «всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получат в результате и после войны» [6].

Документы III тома свидетельствуют о том, что Советская республика успешно противопоставляла империалистической политике насилия и подчинения чужих стран и народов свою политику мира и дружбы между народами, устанавливая новые принципы отношений между странами.

Гуманные и справедливые принципы советской внешней политики проявились особенно ярко в ее взаимоотношениях с восточными соседями. Материалы тома показывают, что 1921 год был годом установления новых, подлинно равноправных отношений Страны Советов с ее восточными соседями, основанных на признании их национального суверенитета и невмешательстве в их внутренние дела.

В III томе опубликовано 32 советских документа, относящихся к установлению равноправных, дружественных отношений Советской страны с Персией (Ираном), Афганистаном и Турцией в указанный период. 26 из них публикуются впервые. По инициативе Советского правительства осенью 1920 г. в Москве были начаты советско-персидские переговоры. Они вызвали резкое недовольство английских правящих кругов, усмотревших в налаживании связей между фактически подчиненной им Персией и «страной большевизма» угрозу их колониальному господству на всем Среднем Востоке и в Азии. Но, несмотря на организованную ими кампанию лжи и клеветы против Советской республики, а также на осуществленный 21 февраля 1921 г. в Тегеране переворот, обеспечивший приход к власти английского агента Сеид-Зия Эд Дина, советско-персидские переговоры были успешно завершены. 26 февраля 1921 г. в Москве состоялось подписание советско-персидского договора, первого равноправного договора Персии с иностранной державой. В нем нашли отражение все указанные программные принципы внешней политики Советской республики (док. № 305). Советское правительство заявило о «бесповоротном отказе России от насильнической в отношении Персии политики империалистических правительств России...» (док. № 305).

Договор 1921 г. с Персией, по которому великая держава — РСФСР — отказалась в пользу малой соседней страны от прав и привилегий, вырванных насильственно царским самодержавием у Персии, свидетельствовал о том, что Советское государство решительно выступило против захватнических традиций политики царского правительства. Этот договор нанес сильнейший удар по позициям колониальных держав. Он оказал моральную поддержку персидскому народу в его национально-освободительной борьбе против сил империализма. О силе влияния советско-персидского договора на дальнейшие судьбы Персии можно судить хотя бы по тому факту, что персидское правительство, несмотря на всяческое давление со стороны английских правящих кругов и проанглийскую позицию части руководящих деятелей Персии, было вынуждено под давлением своего народа расторгнуть в день подписания договора с РСФСР кабальный англо-персидский договор 1919 г., в результате чего англичанам пришлось вывести из Персии свои колониальные войска.

28 февраля 1921 г. был подписан дружественный договор Советской России с Афганистаном. Как указывалось в преамбуле, договор заключался в целях «упрочения дружественных отношений между Россией и Афганистаном и ограждения действительной независимости Афганистана...» (док. № 309, стр. 550). Он предусматривал признание независимости и равенства прав обоих государств и отказ от участия во враждебных друг другу соглашениях с третьими державами. Советское правительство предоставило Афганистану право свободного и беспошлинного транзита грузов через территорию Советской республики. Оба государства согласились вступить в нормальные дипломатические отношения (стр. 551—552).

Этот договор сыграл исключительно важную роль в истории Афганистана, в частности он способствовал ликвидации там английского колониального господства. Великобритания, проводившая в Афганистане политику военного насилия и подчинения, оказалась вынужденной признать суверенитет Афганистана и 26 октяб-

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 459.

ря 1921 г. подписала с ним соответствующее соглашение.

Английские правящие круги пускали в ход самые различные средства, чтобы сорвать подписание советско-афганского договора и помешать укреплению дружественных отношений между Афганистаном и РСФСР, но справедливая миролюбивая политика Советской республики восторжествовала. Так было положено начало новым, равноправным и дружественным отношениям между РСФСР и Афганистаном.

Столь же острая борьба на международной арене разгорелась в связи с установлением договорных отношений между Советской республикой и Турцией, отстаивавшей свою целостность и независимость от посягательств стран Антанты.

Еще 26 апреля 1920 г. Великое национальное собрание Турции обратилось к правительству РСФСР с предложением установить дипломатические отношения. Оно также просило оказать Турции помощь в ее борьбе за независимость. Советское правительство положительно отнеслось к этому обращению. В результате состоявшихся летом 1920 г. в Москве переговоров была достигнута договоренность об оказании помощи Турции, а 24 августа 1920 г. был парафирован проект согласованных статей советско-турецкого договора, который был положен в основу договора о дружбе и братстве между Россией и Турцией, подписанного в марте 1921 года.

Советское правительство, несмотря на свои ограниченные возможности, приняло решение о немедленном оказании помощи Турции в ее справедливой освободительной борьбе.

При заключении в Москве 16 марта 1921 г. советско-турецкого договора было достигнуто соглашение об оказании Турции безвозмездной финансовой и некоторых других видов помощи. В соответствии с этим соглашением Турции было передано 13 млн. рублей золотом. Помощь РСФСР Турции продолжалась и в 1922 г. (стр. 675). Она во многом содействовала справедливой национально-освободительной борьбе турецкого народа против империалистической агрессии.

Правящие кемалистские круги отдавали себе отчет в том, что Советская Россия с ее справедливой и дружественной внешней политикой является единственным и надежным союзником Турции в ее борьбе против общего противника — империалистических держав Антанты. Это и побудило кемалистов подписать 16 марта 1921 г. договор с РСФСР. В договоре говорилось о солидарности обеих стран в борьбе против империализма и о желании установить «постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон» (док. № 342, стр. 597).

Договор предусматривал самое тесное и дружественное сотрудничество обеих стран, предусматривал взаимный отказ от участия в таких международных договорах или актах, которые не признавались другой стороной. Советское правительство объявило потерявшими силу все царские договоры с Турцией. Оно отказалось от режима капитуляций в Турции. Обе стороны обязались не допускать на своей территории существования организаций или групп, имеющих враждебные цели против другой страны. Договором были урегулированы вопросы о границе. По инициативе Советского правительства было записано, что обе стороны признают за народами Востока право на свободу, независимость и на избрание формы правления согласно их желаниям (стр. 598—604).

В специальных нотах от 16 марта того же года оба правительства сообщили о принятии на себя обязательства немедленно, без задержек и во всех подробностях информировать друг друга о всех заявлениях или предложениях со стороны всякой державы, ведущей в Азии политику, отличную от политики Турции и России, по вопросу о сближении или соглашении этой державы с той или другой договаривающейся стороной, а также не заключать каких-либо договоров, могущих касаться интересов договаривающихся сторон, без уведомления ими друг друга (док. № 343, стр. 606—607).

Как видно из документов III тома, Советское правительство стремилось установить также равноправные и дружественные отношения с Китайской республикой и хотело развивать с ней торговлю. Следует отметить, что из 13 советских документов, относящихся к установлению отношений РСФСР с Китаем, 10 документов публикуются впервые. Советское правительство использовало любую возможность, чтобы довести до сведения китайского правительства свое предложение об установлении с Китаем дружественных отношений и рас-

считывало на получение от него положительного ответа.

Однако реакционное центральное правительство Китая уклонялось в тот период от установления дипломатических отношений с Советской республикой. Высказывая на словах свое удовлетворение дружественными советскими предложениями, оно на деле оттягивало признание РСФСР и налаживание с ним деловых контактов. Здесь, бесспорно, сказалось давление главных империалистических держав, не желавших сближения Китая с РСФСР.

Добровольный отказ Советской республики от всех экономических преимуществ и привилегий, достигнутых царской Россией в странах Ближнего и Среднего Востока в результате колонизаторской политики, и установление с этими странами дружественных отношений шли вразрез с традиционной дипломатией империалистических держав и знаменовали новую эру в истории международных отношений.

Эти договоры поднимали чувство национальной гордости угнетенных народов Востока и побуждали их к борьбе за свободу и независимость, за полную ликвидацию колониального господства империалистов. Эти документы, пронизанные горячим стремлением Советского правительства к установлению искренней и бескорыстной дружбы с угнетенными народами, обеспечивали им защиту от новых происков колонизаторов.

Документы III тома подтверждают, что Советское правительство неустанно стремилось к установлению нормальных отношений со всеми капиталистическими странами, и в частности с Соединенными Штатами Америки (док. №№ 8, 90, 275). На это еще 5 октября 1919 г. указывал В. И. Ленин, отвечая на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News» [7].

Но правительство США относилось тогда враждебно ко всем обращениям и мирным шагам Советской республики и отвергало не только признание ее де-юре, но и де-факто и стремилось сохранить ее блокаду со стороны капиталистических стран.

Задавая антисоветский тон другим странам, американское правительство пошло в декабре 1920 г. на грубый провокационный акт — высылку из США представителя РСФСР Л. К. Мартенса, через посредство которого Советское правительство пыталось установить дружественные отношения с США (док. № 235).

В телеграмме народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина на имя Л. К. Мартенса от 23 декабря 1920 г. по этому поводу указывалось: «В настоящий момент мы стоим перед голым фактом, что Америка, которая неоднократно заявляла о своем доброжелательном отношении к русскому народу и с которой Россия по многим причинам горячо желала установить широкое и выгодное для обеих сторон сотрудничество на экономической почве, делает такое сотрудничество невозможным. И это делается в такое время, когда большинство других наций мира, даже те, которые открыто вели войну с нами, не тратят времени на сентиментальные заверения в дружбе и вступают в экономические сношения с Россией. Мы должны примириться с тем фактом, что временно, вследствие враждебной позиции нынешнего американского правительства, России придется обойтись без такого сотрудничества» (док. № 235).

Нельзя не отметить, что нынешняя позиция американских правящих кругов во многом напоминает их старую обанкротившуюся позицию двадцатых годов.

Документами III тома решительно опровергаются клеветнические измышления империалистов о внешней политике Советского государства. Ни интервенция империалистических сил, ни враждебное капиталистическое окружение, ни экономическое давление на Советское государство не смогли поколебать линию Советского правительства и заставить его отступить от раз и навсегда взятого им курса на мир и дружбу между народами. Благодаря своей мудрой ленинской внешней политике Советская республика за короткий, восьмимесячный период заключила 10 договоров и соглашений с другими государствами по важным политическим и военным вопросам, 3 договора по экономическим вопросам и 3 — по правовым [8].

Опубликованные в III томе документы полностью опровергают клеветнические утверждения агентов империализма о якобы проводившемся Советской республикой «экспорте революции». Большой интерес

[7] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 32.

[8] Здесь имеются в виду только те основные договоры и соглашения, которые приводятся в рецензируемом томе.

в этой связи представляют инструктивные указания народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина советским полномочным представителям за границей, отражающие принципиальную позицию Советского государства. «Советское правительство,— отмечалось в этом документе,— достаточно ясно сознает, что революционное движение трудящихся масс в каждой стране является их собственным делом и составляет их собственную задачу, чтобы неуклонно держаться того взгляда, что коммунистический строй не может быть навязываем силой другому народу и что борьба за него должна происходить усилиями самих трудящихся масс каждой страны» (док. № 90, стр. 176).

Советское правительство решительно осуждало всякое вмешательство извне во внутренние дела других стран.

Об этом, например, красноречиво говорит впервые публикуемая радиограмма Советского правительства от 8 декабря 1920 г. (док. № 209). Когда Советскому правительству стало известно, что правительства Англии, Франции и Италии направили греческому правительству ноты с угрозой применения репрессивных мер в случае реставрации власти изгнанного короля Константина, оно заявило по радио указанным трем правительствам: «Советское правительство... самым решительным образом протестует, исходя из принципа права любого народа на самоопределение и на свободное избрание своего правительства, против этого грубого акта вмешательства во внутренние дела греческого народа, совершаемого в настоящее время союзными правительствами» (док. № 209, стр. 371).

В III томе имеются и другие документы, говорящие о защите Советским правительством суверенных прав малых стран от посягательств держав Антанты.

Документы тома свидетельствуют о непрерывном усилении Советского государства и росте его влияния на международной арене. Этому способствовали успешный разгром интервентов и внутренней контрреволюции и установление нормальных отношений с ближайшими западными соседями и дружественных отношений со странами Востока, провал экономической блокады Антанты против Советской республики.

Документы говорят также об укреплении дружбы между РСФСР и другими советскими республиками, о постоянной заботе и защите Советским правительством интересов всех советских республик.

Наконец, документы тома показывают неуклонное стремление нашей страны к развитию широких экономических связей со всеми без исключения странами, готовыми пойти на честные соглашения с Советским государством, без ущемления его национального суверенитета. Рассматривая экономические связи своей страны со странами капиталистического мира как неизбежные и закономерные, Советское правительство использовало их в интересах социализма и мира.

Таким образом, уже в первые годы существования молодой Советской республики ее политика вдохновлялась идеей мира и мирного сосуществования двух систем, которую четко сформулировал великий Ленин и которая теперь, в условиях существования могучего и быстро развивающегося социалистического лагеря, приобрела новую силу и стала знаменем борьбы за мир большинства человечества.

Л. П. Лавров

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Я. М. СВЕРДЛОВА *

В 1959 г. Госполитиздат завершил трехтомное издание избранных произведений Я. М. Свердлова, виднейшего деятеля Коммунистической партии и Советского государства, секретаря ЦК РКП(б), первого председателя ВЦИК.

Выход в свет произведений одного из ближайших соратников В. И. Ленина, несгибаемого революционера, талантливого организатора масс, имеет важное политическое, научное и воспитательное значение.

В трехтомнике публикуется более 160 новых документов и материалов. Среди них «Очерки по истории международного рабочего движения», «Из выступления на заседании ВЦИК. 21 февраля 1918 года» (о позиции Советской республики в период пе-

* Я. М. Свердлов. *Избранные произведения.* Тт. I—III. М. 1957—1959. 396 стр. (т. I), 330 стр. (т. II), 274 стр. (т. III). Тираж 75 000. Цена I тома 6 руб. 80 коп., II — 6 руб., III — 5 руб. 50 коп.

реговоров с немцами), «Доклад о VII съезде партии на собрании актива Нижегородской организации РКП(б)», «Выступления на заседании комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по выработке Конституции РСФСР», «О дезорганизаторских действиях «левых коммунистов»», выступления на заседаниях комиссии по объединению контрольных органов (о создании Народного комиссариата государственного контроля), речь на заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 23 февраля 1919 года (о состоянии Красной Армии и роли петроградских и московских рабочих в ее укреплении).

Первый том содержит материалы и документы, написанные Я. М. Свердловым в период с 1904 по январь 1917 года. Он состоит из двух частей. Первая часть включает 11 статей, 10 речей (хронологически относящихся главным образом к событиям первой русской революции) и 3 документа. Во вторую часть вошли 80 писем, адресованных к товарищам по партии, родным и знакомым. Оба раздела, дополняя друг друга, дают читателю представление о Я. М. Свердлове как виднейшем руководителе партии, беззаветно преданном делу Ленина.

Том открывается работой «Что такое рабочая партия?» (предполагается, что она была написана в 1905 г.). В 1906 г. она была опубликована как брошюра. Но тираж ее был конфискован и уничтожен царской полицией. Уцелело лишь несколько экземпляров. В этой работе, написанной в доступной для понимания каждого рабочего форме, изложены важнейшие теоретические положения марксизма-ленинизма об устройстве буржуазного общества, о классах и классовой борьбе, охарактеризованы задачи большевистской партии в условиях первой русской революции, показана роль пролетариата в революционном движении, определены пути борьбы и победы трудящихся над самодержавием, помещиками и капиталистами. Эта работа служит примером научно-популярного изложения проблем марксистской теории, образцом пропаганды ленинского учения среди широких слоев трудящихся.

В первый том включена работа «Статья графа Л. Н. Толстого в «Русской мысли». Впервые она была опубликована в газете «Волжский листок» за 25 августа 1905 года. Из этой работы видно, что уже в ту пору молодой Свердлов твердо стоял на марксистских позициях (ему тогда было всего 20 лет). Автор критикует идеалистические воззрения Л. Н. Толстого, который говорил о необходимости «нравственного совершенствования» людей, не ставя при этом вопроса об изменении общественного бытия. Я. М. Свердлов по этому поводу писал: «У нас всегда перед глазами следующее положение: «Общественное бытие определяет сознание людей» — и в соответствии с этой материалистической посылкой делал вывод: «Отсюда и наше стремление действовать не на отдельные убеждения людей, а на общественные отношения, ибо только с изменением их изменится и психология людей» (т. I, стр. 14).

Важное научно-познавательное значение имеют речи, опубликованные в первой части тома. Они свидетельствуют о том, что Я. М. Свердлов был последовательным учеником В. И. Ленина и твердо проводил линию большевистской партии в первой русской революции. Так, в своем выступлении 6 ноября 1905 г. он отстаивал ленинскую тактику активного бойкота булыгинской думы (см. стр. 15—16). На митинге 13 ноября Я. М. Свердлов, дав большевистскую оценку царского манифеста 17 октября 1905 г., призывал рабочих не обольщаться посулами правительства, а бороться и дальше за демократические права (см. стр. 22). В воззвании Екатеринбургского комитета РСДРП, написанном Я. М. Свердловым 16—17 ноября 1905 г., содержится призыв к пролетариям Урала следовать примеру петербургских рабочих и организовать Совет рабочих депутатов (см. стр. 21). На митингах 17 и 19 ноября, выполняя решение III съезда РСДРП, Я. М. Свердлов разъяснял рабочим необходимость созыва революционным путем Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Исходя из ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, Свердлов отмечал, что установление демократической республики — «лишь этап на пути осуществления конечных целей социал-демократии — замены капиталистических производственных отношений социалистическими» (стр. 25). В выступлениях на митингах 26 ноября он говорил о необходимости борьбы за армию и за переход большинства солдатских масс на сторону борющегося народа (см. стр. 26). Во всех своих выступлениях Я. М. Свердлов проводил мысль о решающем значении гегемонии пролетариата в революционном движении, подчерки-

вал роль партии как главной организующей силы в освободительной борьбе.

Один из документов и пять писем, опубликованных в первом томе, относятся к годам реакции. Анализируя действительность, Свердлов приходил к выводу о неизбежности и близости нового революционного подъема. В письме к члену Московского комитета большевиков Б. И. Перельман, датированном 31 октября 1910 г., он писал: «Все эти факты наряду с ростом стачечного движения показывают ясно, что перелом в сторону «подъемного» настроения — не миф, не фантазия, а самая наиреальнейшая действительность» (стр. 156—157).

Оценка обстановки этого периода дана также в «Прокламации по поводу смерти Л. Н. Толстого», написанной Я. М. Свердловым в ноябре 1910 года. Эта прокламация, трактовавшая сущность студенческих выступлений в связи с кончиной великого русского писателя как начало нового политического оживления в стране, отвечала ленинской оценке событий того времени. В статье «Революционный подъем» В. И. Ленин писал: «...с конца 1910-го года начинается заметный поворот. Демонстрации в связи с смертью либерала Муромцева и Льва Толстого, а также студенческое движение, ясно указывают, что повеяло иным ветром, наступил известный поворот в настроении демократических масс»[1]. Я. М. Свердлов указывал, что главные задачи пролетариата в сложившейся обстановке — это повышение революционной организованности, выдержка и готовность выступить в нужный момент на решительную борьбу с деспотизмом. «Знайте, товарищи,— говорилось в прокламации,— лишь железом и сталью творятся великие завоевания, а наша сталь — в нашей организованности» (стр. 32).

К периоду нового революционного подъема (1910—1914 гг.) относятся 44 письма, включенные в первый том.

В декабре 1912 г. в Петербурге (после удачного побега из ссылки) Я. М. Свердлов приступил к большой партийной работе. Как член ЦК РСДРП(б), он организовал борьбу против меньшевиков-ликвидаторов. В письме от 31 января 1913 г. О. А. Дилевской, видному работнику Московской партийной организации, он сообщал о поражениях ликвидаторов. «Ликвидаторы лопаются от досады и мобилизуют свои силы — не пролетарские, их нет, а литераторские. В борьбе с ними есть теперь и моя капля меду» (стр. 220). В письме Г. И. Петровскому от 4 декабря 1913 г. Я. М. Свердлов писал, что целиком одобряет решение депутатов-большевиков о создании самостоятельной большевистской фракции и полном разрыве с меньшевистской «семеркой», о проведении в жизнь решений Поронинского партийного совещания (см. стр. 241).

К периоду первой мировой империалистической войны и второй революции в России (1914 г.— февраль 1917 г.) относятся 25 писем, 1 документ и 9 статей. Большое историко-партийное значение имеет «Резолюция о процессе 5 рабочих — депутатов фракции РСДРП и их сопроцессников», написанная Я. М. Свердловым совместно с С. С. Спандаряном. Резолюция была принята на собрании ссыльных большевиков в с. Монастырском в июле 1915 г. и послана В. И. Ленину, а также разослана местным партийным организациям. В ней давалась правильная оценка поведения думской большевистской «пятерки» на суде, организованном царским правительством, по обвинению большевиков-депутатов в государственной измене за выступления против империалистической войны (см. стр. 34—36).

В томе опубликованы статьи, отражающие исследовательскую деятельность Я. М. Свердлова. По содержанию их можно разделить на четыре самостоятельные темы. Первая — о ссылке. К ней относятся статьи «Туруханский бунт», «Массовая ссылка», «Разрешение ссыльным участвовать в кооперативе». Вторая — география Туруханского края. Эта тема раскрыта в статьях «Туруханский край», «Очерки Туруханского края», «На телеграфной линии». Третья — очерки по истории международного рабочего движения. Она представлена статьей с таким же названием. Четвертая — положение нацменьшинств Туруханского края. Сюда относится статья «Купцы и инородцы».

В статье «Массовая ссылка» автор дает обстоятельную историю ссылки, описывает районы ссылки и приводит характеристику состава ссыльных, рассказывает об условиях их жизни, о борьбе и побегах, о взаимоотношениях с администрацией и т. д. На конкретных фактах он показывает, что ссылка стала массовой формой репрессий в дни столыпинской реакции. В статье «Туруханский бунт» дана яркая характеристика временных попутчиков революции, примкнувших к ней в период подъема. «Иссста-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 86.

ри так повелось,— пишет Я. М. Свердлов,— что в моменты сильного общественного подъема к его искренним, идейным творцам присоединялись элементы ему чуждые, одушевляемые лишь своекорыстными интересами. Сильное общественное движение, подобно вешнему потоку, захватывает, вбирает в себя и всякую человеческую муть. И, пока не начнут спадать волны подъема, это не обнаруживается. Она как бы временно растворяется. Когда же движение клонится к упадку, она осаждается, приобретает свою определенную физиономию» (стр. 37).

Рассказывая о географии Туруханского края, автор описывает его границы, занятия и условия жизни местного населения, пути сообщения, состояние связи, климат, флору и фауну, естественные богатства и т. д.

В томе помещены две работы, посвященные вопросам международного рабочего движения. Одна из них — «Раскол в германской социал-демократии». При изучении этой статьи следует иметь в виду, что хотя она была написана в 1916 г. (то есть уже после появления ленинской работы «О лозунге Соединенных Штатов Европы»), автор ее придерживался старого марксистского положения о возможности социального переворота лишь в интернациональном масштабе (см. стр. 107). Находясь в ссылке, Я. М. Свердлов, по-видимому, не мог своевременно ознакомиться с новыми трудами В. И. Ленина (и прежде всего с работой «Империализм, как высшая стадия капитализма»), чем и объясняются неточности сделанного им анализа империализма, а также оценки работы Гильфердинга «Финансовый капитал» (см. стр. 98). В целом же статья дана в ленинском теоретическом плане, и отдельные ее положения не утратили своего значения до сегодняшнего дня. Автор показывает, что переход оппортунистов в лице правых во главе с Бернштейном и центра во главе с Каутским в германской социал-демократической партии на позиции социал-шовинизма, на позиции прямого предательства интересов пролетариата не является случайностью. «Голосование за военные кредиты,— подчеркивал Я. М. Свердлов,— поддержка государства в его военных авантюрах и пр.— все это было заложено задолго до войны в практике партии» (стр. 100). Бурное промышленное развитие, делал вывод Я. М. Свердлов, а в связи с этим и получение огромных барышей предпринимателями, создавало благоприятную почву для подкупа капиталистами части рабочих. В этих условиях и на этой почве появилась и начала шириться оппортунистическая идеология.

В этой же статье Я. М. Свердлов прослеживал возникновение левых групп внутри германской социал-демократии. Оценивая все более возраставшее влияние их в рабочем классе, он делал вывод, что «только они правильно предвосхищают процесс общественного развития. И будущее пролетарского движения принадлежит только левым» (стр. 109).

Другая работа — «Очерки по истории международного рабочего движения» (рукопись ее хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) — написана Я. М. Свердловым в конце 1916 — начале 1917 года. Она состоит из двух разделов. В первом изложена история возникновения «Союза коммунистов», прослежены его цели и деятельность. Во втором дана оценка периода от момента прекращения деятельности «Союза коммунистов» до возникновения I Интернационала, охарактеризована деятельность его секций, освещены решения Женевского конгресса, конгресса в Лозанне и др. В конце «Очерков» приведены два варианта плана задуманной автором большой работы по истории рабочего движения — от I Интернационала до начала первой мировой войны. Осуществить эту работу Я. М. Свердлову не удалось.

В своих письмах, относящихся к начальному периоду первой мировой войны, Я. М. Свердлов давал большевистскую оценку этой империалистической бойне. При определении отношения к войне, писал он, «необходимо исходить из перспектив международного рабочего движения» (стр. 290). Я. М. Свердлов выступал с резкой критикой оборончества меньшевиков, а также позиции руководства немецкой социал-демократической партии, вотировавшей кредиты на войну. Свои рассуждения он резюмировал следующим образом: «...Приходится сказать, что трудно желать победы какой бы то ни было из воюющих сторон» (стр. 292).

Приходившие в ссылку вести о нарастании в широких массах недовольства войной радовали Я. М. Свердлова. В письме от 24 февраля 1915 г. он писал: «А много бодрого дают последние вести из России. Растет недовольство войной, критическое отношение к ней развивается не по дням, а по часам» (стр. 317). В ответ на телеграмму,

присланную ему из Красноярска от имени солдат 14-го Сибирского стрелкового полка, с сообщением о победе Февральской буржуазно-демократической революции Я. М. Свердлов писал: «Братья воины! Звук вашего могучего голоса громовым эхом докатился до нас. Всей душой мы с вами» (стр. 350).

Таково в основном содержание первого тома избранных произведений Я. М. Свердлова.

Второй том содержит документы и материалы, относящиеся к периоду с апреля 1917 по август 1918 г., то есть ко времени подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за упрочение Советской власти.

В марте 1917 г. Я. М. Свердлов возвратился из ссылки в Петроград и сразу же включился в активную партийную работу. 25 апреля он выступил на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) с докладом о работе Уральской областной партийной организации. В докладе были приведены данные о состоянии, росте и влиянии партийных организаций на Урале. Конференция избрала Я. М. Свердлова членом Центрального Комитета большевистской партии. С мая 1917 г. Свердлов руководил работой Секретариата ЦК и возглавлял организационное бюро по созыву VI съезда партии. В письме Кавказскому комитету РСДРП(б) от 1 июля 1917 г. он говорил о необходимости «немедленно же на местах приступить к самой энергичной работе по подготовке к съезду» (стр. 15). От имени Центрального Комитета Свердлов выступил на II Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) с докладом о созыве партийного съезда. Сообщая решение ЦК о норме представительства, о порядке дня съезда, Я. М. Свердлов обращал внимание партийных организаций на необходимость широкого предсъездовского обсуждения вопроса об изменении программы партии в связи с включением этого вопроса в повестку работы VI съезда РСДРП(б) (см. стр. 17—19).

В целях правильной информации местных партийных организаций о событиях в Петрограде 3—5 июля 1917 г. Центральный Комитет РСДРП(б) разослал на места циркулярное письмо, написанное Я. М. Свердловым. Письмо проникнуто духом бодрости и веры в силы большевистской организации. Партийный съезд, подчеркивалось в нем, в связи с происшедшими событиями не откладывается (см. стр. 24—25). Всю техническую организационную работу по подготовке съезда провел Секретариат ЦК и Организационное бюро под руководством Я. М. Свердлова.

VI съезд партии, как известно, положил в основу своих решений установки и указания, изложенные Владимиром Ильичем в таких работах, как «К лозунгам», «Политическое положение», «Уроки революции» и др. На съезде Я. М. Свердлов выступил с организационным отчетом ЦК. Он сообщил данные о росте партии после Апрельской конференции. Рост числа партийных организаций за три месяца (с 25 апреля по 25 июля) с 78 до 162 и членов партии с 80 тыс. до 240 тыс. ярко свидетельствовал об усилении влияния большевиков в массах и в первую очередь среди рабочих.

Осенью 1917 г. Я. М. Свердлов под руководством В. И. Ленина активно участвовал в подготовке вооруженного восстания. По поручению ЦК он осуществлял общее руководство военной организацией, вместе с другими соратниками В. И. Ленина проводил большую работу по мобилизации военных сил и подготовке их к восстанию. В письме Центрального Комитета РСДРП(б) областному комитету партии Юго-Западного края от 7 октября 1917 г. Я. М. Свердлов писал: «Мы вполне согласны с указаниями, касающимися важности работы на фронте. Особенно важна работа там в настоящее время, когда мы стоим на пороге крупных событий» (стр. 65).

Историческое заседание ЦК 10 октября 1917 г., принявшее по предложению В. И. Ленина решение о вооруженном восстании, проходило под председательством Я. М. Свердлова. Он выступил с сообщением о положении на Румынском и Северном фронтах. Характеризуя настроение солдатских масс Северного фронта, ближайшего к Петрограду, Свердлов делал вывод: «На фронте же настроение за большевиков, пойдут (имеются в виду солдатские массы этого фронта.— *Рец.*) за ними против Керенского» (стр. 66—67).

На расширенном заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г. Я. М. Свердлов выступил с докладом о положении дел на местах. Он привел данные о росте влияния большевистской партии в Советах, в армии, на флоте. Свердлов целиком поддержал резолюцию В. И. Ленина о вооруженном восстании. Решительно выступив против капитулянтской линии Каменева и Зиновьева, он предложил развернуть более

энергичную подготовку к вооруженному восстанию, исходя из того, что «соотношение сил в нашу пользу» (стр. 75). Как известно, на этом заседании Я. М. Свердлов был введен в состав Военно-революционного центра, вошедшего затем в ВРК в качестве его руководящего ядра.

Обращение Военно-революционного комитета от 25 октября 1917 г., автором которого был Я. М. Свердлов, извещало народные массы, что «в Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета... Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (стр. 79).

После Октябрьской революции Я. М. Свердлов, работая под руководством В. И. Ленина, твердо и последовательно проводил ленинскую линию, занимаясь разносторонней практической деятельностью по строительству и укреплению партийного и советского государственного аппарата, строительству советских вооруженных сил и организации защиты Советского государства от внутренней и внешней контрреволюции. Так, он решительно поддержал В. И. Ленина в борьбе с антисоветскими действиями эсеро-меньшевистского «Викжеля», с капитулянтами Каменевым, Зиновьевым и их сторонниками. Об этом свидетельствуют его выступление на заседании Центрального Комитета партии 1 ноября 1917 г., резолюция, принятая на этом же заседании, автором которой был Я. М. Свердлов, его ответ на ультиматум «Викжеля», а также вся его практическая работа в этот и последующие периоды (стр. 82, 83, 87 и др.).

В целях упрочения союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и укрепления Советской власти необходимо было создать единый Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, объединив ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов крестьянских депутатов. В организации слияния этих двух органов исключительно важную роль сыграл Я. М. Свердлов.

На III Всероссийском съезде Советов Я. М. Свердлов, открывая съезд, выступил с речью. Он сделал доклад о деятельности ВЦИК, внес предложение о новом наименовании верховной государственной власти в России. По его предложению съезд решил снять ранее делавшуюся при издании важнейших законов оговорку, что они вводятся действием «впредь до окончательного утверждения их Учредительным собранием». Съезд решил также изменить название «Временное рабочее и крестьянское правительство» на название «Рабочее и крестьянское правительство Российской Советской Республики» (стр. 105—106).

Вместе с В. И. Лениным и под его руководством Я. М. Свердлов вел активную борьбу за выход Советской России из войны. В сборнике впервые публикуется выступление Я. М. Свердлова на заседании ВЦИК 21 февраля 1918 г., где подробно обоснована необходимость посылки радиограммы Совнаркома германскому правительству с протестом против начатого немецкой армией наступления и предложением подписать мир. Эта мера имела целью не только получить крайне необходимую для Советской страны передышку, но и вместе с тем определить степень противоречий внутри империалистического лагеря. Известно, что возможность получения передышки для Советской республики определялась именно последним обстоятельством. «Для всех нас было ясно,— подчеркивал Я. М. Свердлов,— что если действительно международные империалисты еще не объединились, то возможно будет заключить сепаратный мир, то возможно будет воспользоваться тем, что международный капитал продолжает оставаться разъединенным» (стр. 118).

Твердо и последовательно борясь против войны, отстаивая мир между народами, Центральный Комитет партии и Советское правительство вместе с тем принимали все меры к обеспечению обороны страны. В сборнике публикуется документ (он печатается впервые), датированный февралем 1918 г., о создании Комитета революционной обороны страны в составе 5 человек, на который возлагалось «руководство всеми военными операциями, формированием и обучением новых отрядов революционных армий, снабжением и снаряжением их» (стр. 129).

На VII съезде РКП(б) Я. М. Свердлов последовательно отстаивал ленинскую позицию в вопросе о мире, резко критиковал оппортунистическую линию «левых» коммунистов, осужденную съездом (см. стр. 135—140). Во втором томе впервые публикуется доклад Я. М. Свердлова о VII съезде партии, сделанный на собрании актива Нижегородской организации РКП(б) в марте 1918 года. Проводя линию ЦК, Я. М. Свердлов решительно выступал против настроений местничества среди некоторых партийных и советских работников. Этому посвящен его доклад на объединен-

ном заседании Нижегородского губкома партии, также публикуемый впервые. Характеризуя ведущую, руководящую роль Центрального Комитета партии в жизни страны, Я. М. Свердлов говорил: «И не было ни одного случая, чтобы те или иные решения ЦК оспаривались каким-нибудь комиссариатом. ...Постановление ЦК партии было безапелляционным законом. Все принципиальные декреты проходят через ЦК. Политика всех ведомств является политикой ЦК» (стр. 157).

В томе содержатся многочисленные документы, показывающие роль Я. М. Свердлова в разработке первой Конституции РСФСР, в подготовке исторического V съезда Советов. Эти документы являются ценнейшим материалом для исследователей истории советской государственности. Небольшая часть второго тома посвящена вопросу о создании и укреплении вооруженных сил молодого социалистического государства в связи с развертывавшейся гражданской войной и иностранной интервенцией.

В третий том входят документы и материалы, относящиеся к периоду с августа 1918 по март 1919 года.

В это тяжелое для страны время Я. М. Свердлов проводил огромную работу по укреплению обороны страны. Коммунистическая партия, руководимая В. И. Лениным, поставила задачу — мобилизовать все силы тыла на помощь фронту, превратить страну в единый боевой лагерь. С этой целью был образован Совет рабочей и крестьянской обороны. В выступлении Я. М. Свердлова на заседании ВЦИК 30 ноября 1918 г. показаны цели создания Совета, охарактеризованы его взаимоотношения с высшими советскими и хозяйственными органами (см. стр. 69—70). Я. М. Свердлов разъяснял массам сущность политики партии в деле укрепления обороны страны и задачи трудящихся в организации разгрома сил контрреволюции. Выступая с речью на Первом Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и сельскохозяйственных коммун, он говорил: «На одном из заседаний ЦИК было вынесено решение о превращении нашей страны в военный лагерь. Что значит превратить страну в военный лагерь? Это значит, что каждый из вас, в любой момент, должен быть готов отдать все свои силы и все свои способности на помощь Красной Армии, на усиление ее мощи и на организацию отпора империалистам» (стр. 80).

10 декабря 1918 г. под председательством Я. М. Свердлова состоялось совещание по вопросу распределения политических работников в десяти вновь формировавшихся дивизиях (см. стр. 75). «Политическое воспитание Красной Армии, выработка сознательных коммунистов-командиров армии — дело первостепенной важности»,— говорилось в письме Центрального Комитета всем партийным организациям (стр. 149). В этом письме, автором которого был Я. М. Свердлов, ЦК предлагал уделять особое внимание постановке партийной и воспитательной работы на командных курсах.

В томе приводятся приветственные телеграммы от имени ВЦИК за подписью Я. М. Свердлова соединениям и частям, отличившимся в боях. Такие телеграммы укрепляли боевой дух личного состава Красной Армии. Этой же цели служило решение ВЦИК, принятое по предложению Я. М. Свердлова, о поощрении частей, подразделений, отдельных лиц, отличившихся на фронте.

В цементировании частей Красной Армии, преимущественно крестьянской по своему составу, в укреплении дисциплины и повышении ее боевого духа исключительную роль играли рабочие, и прежде всего пролетарии Петрограда и Москвы. Это неоднократно подчеркивал Я. М. Свердлов. Выступая 22 октября 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, представителей фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, он говорил: «Силами, брошенными из Питера и Москвы, мы сумели сохранить наш фронт на востоке. Теперь мы бросаем новые силы на юг, где опасность еще более велика и грозна» (стр. 48).

В третьем томе опубликовано много интересных документов, характеризующих политику партии в деревне. Упрочение союза рабочего класса с трудящимся крестьянством стояло в центре внимания партии и правительства. Осенью 1918 г. в связи с начавшимся поворотом середняка в сторону Советской власти встала задача перехода от политики нейтрализации середняка к политике прочного союза с ним. Вопрос об отношении к среднему крестьянству в условиях гражданской войны приобрел очень большое военно-политическое значение. Среднее крестьянство становилось центральной фигурой в деревне. Оно составляло основную массу личного состава Красной Армии. От настроения и позиции крестьянства зависел в значительной степени исход гражданской войны. Укрепление союза ра-

бочего класса со средним крестьянством могло быть обеспечено прежде всего сплочением и организацией бедноты в деревне. Ведущую роль в этом сплочении должны были сыграть сельские партийные организации. В обращении ЦК РКП(б) ко всем членам партии об организации партийной работы в деревне, написанном Я. М. Свердловым, говорилось: «При настоящих условиях партийная работа в деревне имеет колоссальное значение. От той или иной постановки этой работы зависит в значительной степени разрешение как продовольственного вопроса, так и успех намечающейся мобилизации» (стр. 22). ЦК предложил всем партийным комитетам выделить коммунистов для работы в деревне, усилить организацию бедноты, закрепить влияние партии в самых широких ее кругах. «Необходимо помнить,— указывалось в другом письме ЦК РКП(б), автором которого также был Я. М. Свердлов,— что правильное разрешение основных вопросов нашей государственной жизни тесно связано с настроениями широких масс деревенской бедноты и среднего слоя деревни. Формирование Красной Армии, дело продовольствия разрешить без самого широкого участия деревенских масс невозможно» (стр. 156). ЦК ставил перед коммунистами задачу добиться, чтобы в самой глухой деревушке была создана партийная ячейка. «Организация деревенской бедноты, вырывание средних слоев крестьян из-под влияния кулацких элементов, подчинение их влиянию бедноты, вовлечение их в борьбу с кулаками, привлечение бедноты и идущих за ней середняков к творческой работе — таковы задачи партийных организаций»,— говорилось в письме Центрального Комитета партии (там же).

В трудных условиях гражданской войны партия выдвигала очередной задачей в деревне переход к социалистическому земледелию. В томе впервые публикуются выступления Я. М. Свердлова на заседании ВЦИК 10 февраля 1919 г., а также написанный им проект резолюции, в котором ставилась задача планомерной коллективизации сельского хозяйства (стр. 160—161).

Материалы и документы, опубликованные в трех томах избранных произведений Я. М. Свердлова, раскрывают решающую роль Коммунистической партии, возглавленной В. И. Лениным, в революционном переустройстве России. Выступая на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов, Я. М. Свердлов подвел итог первой годовщине Октябрьской революции. «Само собой разумеется,— говорил он,— что каждый из нас, когда начинает оглядываться назад, начинает смотреть, как прошел этот год; перед каждым прежде всего вырисовывается одна характерная, яркая фигура. Каждому из вас понятно, что все мы, кем бы мы ни были, связываем всю нашу революцию и нашу революционную борьбу с именем нашего вождя товарища Ленина» (т. III. стр. 53—54).

В письме ЦК РКП(б) всем организациям и членам партии от 8 февраля 1919 г., написанном Я. М. Свердловым, сказано: «Тяжелую ношу взвалили трудящиеся массы на Российскую коммунистическую партию. Лишь при полном напряжении всех своих сил, при самой энергичной работе, при сплоченной стройной организации, при господстве твердой дисциплины, при ясном понимании каждым задач, стоящих перед партией, мы сможем выполнить великую работу, порученную нашей партии всем рабочим классом» (т. III, стр. 154).

Коммунистическая партия с честью справилась с этой задачей, оправдала доверие масс. И этому способствовала кипучая деятельность ее славного сына — Я. М. Свердлова.

Госполитиздат и коллектив составителей, подготовивший к изданию три тома избранных произведений Я. М. Свердлова (М. М. Вассер, Л. В. Иванова, А. Н. Соколова, З. В. Василивицкая), успешно справились с работой. Читатель впервые получил подробную и детально составленную хронику жизни и деятельности Я. М. Свердлова (с 1885 г. по день его смерти — 16 марта 1919 г.). Книга снабжена научным аппаратом и хорошо оформлена.

Трехтомник имеет большое значение. Он способствует воспитанию советских людей, молодежи в духе традиций ленинской гвардии, блестящим представителем которой являлся Я. М. Свердлов. Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» обязывает партийные организации шире развернуть работу по воспитанию высоких морально-политических качеств у советских людей, и в первую очередь социалистического патриотизма и интернационализма, коммунистического отношения к труду, честности, скромности, нетерпимости к недостаткам. В этом большую помощь могут оказать документы и мате-

риалы о жизни и деятельности Я. М. Свердлова.

Имеющиеся в сборнике мелкие погрешности: не всегда, например, даются ссылки на источники (т. I, стр. V, VI, прим. 84; т. II, прим. 79), не указаны названия книг Киплинга и Эберса (т. I, стр. 172), не ясно, о какой статье Ракитина, Рудянского и�тресова идет речь (т. I, стр. 254 и 255), не указано, где была помещена статья Цыперовича «Спорт» (т. I, стр. 260), отсутствует перевод немецкой фразы (т. I, стр. 108),— надо надеяться, будут устранены при последующем издании.

С. Ф. Найда, Н. М. Чикин

«История международного рабочего и национально-освободительного движения». Ч. 1-я. 60—80-е годы XVIII в.—1917 г. Учебное пособие. Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС. М. 1959. 548 стр. Тираж 45 000. Цена 11 руб.

Изучение исторического опыта борьбы рабочего класса зарубежных стран, а также национально-освободительного движения угнетенных народов имеет исключительно большое теоретическое значение. Центральный Комитет КПСС неоднократно обращал на это внимание историков, призывая их изучать и обобщать вопросы мирового коммунистического и демократического движения. Исследования по истории рабочего движения имеют и важное воспитательное значение, помогая идейно-политической подготовке партийных и профсоюзных кадров.

До недавнего времени у нас отсутствовал учебник, который охватывал бы процесс развития классовой борьбы пролетариата зарубежных стран и национально-освободительного движения угнетенных народов. Опубликованные за последние годы многочисленные популярные и научно-исследовательские работы советских и прогрессивных зарубежных авторов освещали отдельные проблемы истории рабочего движения и не могли быть использованы в качестве учебного пособия в сети партийного просвещения.

Вот почему следует приветствовать выход в свет учебного пособия «История международного рабочего и национально-освободительного движения» (ч. 1).

Рецензируемое пособие освещает историю рабочего движения основных стран мира (за исключением СССР) со времени его возникновения и до Великой Октябрьской социалистической революции. Следовало бы отметить, что наименование курса нуждается в уточнении. Можно ли назвать его «Историей международного рабочего и национально-освободительного движения», когда в этом учебном пособии не рассматривается история рабочего движения в России? На наш взгляд, правильным было бы название «История рабочего и национально-освободительного движения зарубежных стран».

Книге предпослано обстоятельное «Введение», в котором определены задачи курса и показано его значение в системе марксистско-ленинской подготовки партийных работников. Во «Введении» характеризуются основные черты рабочего движения в эпоху, когда только происходило формирование промышленного пролетариата и совершался его переход к самостоятельной классовой борьбе. Авторы подчеркивают, что важнейшим событием в развитии мирового пролетарского движения было возникновение в 40-х годах XIX в. марксизма: с его появлением, отмечается в пособии, «начинается история международного коммунистического движения» (стр. 6). Далее характеризуются особенности рабочего движения, развивавшегося «в условиях в основном закончившихся промышленных революций, расцвета промышленного капитализма, постепенного перехода его в империалистическую стадию развития в конце XIX века, утверждения господства империализма в начале XX века и создания предпосылок для победы первой в истории человечества социалистической революции» (стр. 8).

В первом разделе книги говорится о начале борьбы рабочего класса за свое освобождение начиная с 60-х годов XVIII в. и до Парижской коммуны. Здесь хорошо показан переход английских, французских,

немецких рабочих от ранних, стихийных выступлений к массовому революционному движению. Авторы подробно рассказывают о наиболее выдающихся событиях борьбы пролетариата первой половины XIX века.

Особый параграф посвящен чартизму — первому в истории самостоятельному массовому пролетарскому движению. Ярко охарактеризованы знаменитые лионские восстания 1831 и 1834 гг., обстоятельно изложен вопрос об участии французских пролетариев в тайных революционных организациях 30—40-х годов. Содержательны главы, в которых повествуется о событиях, ознаменовавших начало массового рабочего движения в Германии, прежде всего восстание силезских ткачей (1844 г.).

Одной из центральных глав первого раздела является третья — «Возникновение марксизма. Борьба Маркса и Энгельса за создание революционной пролетарской партии». Она дает читателю представление об исторических предпосылках марксизма, ставшего знаменем революционного пролетариата. В книге на конкретном материале прослежен процесс становления и развития марксистской идеологии, освещена практическая революционная деятельность великих пролетарских вождей — К. Маркса и Ф. Энгельса.

Думается, что авторы поступили правильно, посвятив специальную главу европейским революциям 1848—1849 гг., в которых рабочий класс принял активнейшее участие.

В целом хорошее впечатление оставляет и завершающая первый раздел пособия глава о Международном товариществе рабочих. В ней изложена предыстория и история I Интернационала, причем дается этот материал на широком фоне классовой борьбы пролетариата 50—60-х годов. Авторы показывают ту огромную и разностороннюю работу, которую проводил I Интернационал под руководством К. Маркса и Ф. Энгельса, сплачивая международный пролетариат на борьбу против реакции, указывая ему путь к освобождению от капиталистического рабства.

Второй раздел учебника характеризует важнейшие события в истории борьбы рабочего класса в последней трети XIX—начале XX в. (до первой мировой войны). Большое внимание уделяется здесь процессу создания и деятельности пролетарских, социалистических партий, а также (в меньшей мере) развитию профсоюзного движения.

Авторы справедливо отмечают то огромное воздействие на международное рабочее движение, какое оказала русская революция 1905—1907 годов. В книге показывается всемирно-историческое значение борьбы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина против оппортунизма в рабочем движении.

Выделив вопросы рабочего и национально-освободительного движения всех рассматриваемых в книге стран в годы первой мировой войны в отдельную главу, авторы отошли от ранее принятого ими принципа изложения, при котором фактический материал, относящийся ко времени до 1914 г., как правило, был расположен по отдельным странам и группам стран. Такой отход, на наш взгляд, вполне обоснован, ибо в годы первой мировой войны коренным образом изменились задачи рабочего движения. На первый план был поставлен вопрос об отношении пролетариата и его организаций к войне. Именно с этой точки зрения в главе рассматривается деятельность партий II Интернационала, лидеры которого предали дело революции, скатившись к социал-шовинизму.

В главе обстоятельно освещается отношение В. И. Ленина и большевиков к первой мировой войне, а также их деятельность, направленная на превращение империалистической войны в войну гражданскую и на создание боевого революционного объединения международного пролетариата — III Интернационала.

Авторы отмечают, что рабочее движение в период первой мировой войны неуклонно развивалось. Однако, определяя степень организованности рабочего класса в эти годы, они не совсем удачно сопоставляют численность профсоюзов в 1914 и 1918 годах. Вряд ли сопоставление цифр именно этих лет может служить доказательством успехов рабочего движения в период войны.

Следует заметить, что в учебнике рассматривается не только история рабочего движения главных капиталистических государств Западной Европы и США, но и целого ряда таких стран, которые до сих пор обычно не включались в общие курсы (многие страны Востока, славянские страны и др.). Однако вопросы рабочего движения в скандинавских странах, Канаде, Австралии, Бельгии и некоторых других не нашли, к сожалению, отражения в рецензируемом пособии.

Несомненный интерес представляет описание истории рабочего движения славянских народов, которое в систематизированном

виде появилось в советской учебной литературе впервые.

Национально-освободительное движение тех славянских народов, которые находились под австро-венгерским игом, дано в книге в тесной связи с борьбой рабочего класса. В рецензируемом труде показаны процесс возникновения и развития массового рабочего движения в Австро-Венгрии, предпосылки, ход и результаты национальной борьбы славянских и других угнетенных народов этой страны в период 1871—1914 годов. Приводимый материал убедительно опровергает измышления буржуазных фальсификаторов истории, которые старались принизить роль славян в рабочем и национально-освободительном движении в Австро-Венгерской империи.

Существенное место в книге занимают очерки рабочего движения в странах Востока; широко освещена сравнительно малоизвестная история классовой борьбы пролетариата стран Латинской Америки.

Из пособия читатель извлечет также необходимые сведения по истории завоевания государственной самостоятельности латиноамериканскими странами в начале XIX в.; он найдет здесь вместе с тем и яркие картины, рисующие первые шаги освободительной борьбы народов Китая (тайпинское восстание 1851—1864 гг.) и Индии (народное восстание 1857—1859 гг.).

Достоинством рассматриваемого пособия является то, что его авторы ведут непримиримую борьбу против различных проявлений буржуазной идеологии в рабочем движении. В частности, представляет интерес освещение вопроса, хотя и весьма краткое, о реакционной деятельности католической церкви в рабочем движении Италии.

Рецензируемый труд — ценное учебное пособие по истории рабочего и национально-освободительного движения. Но нам кажется недостаточным ограничиться одним только общим положительным суждением об этой книге, а следует указать и на ее недочеты с тем, чтобы устранить их при повторном издании.

Учебное пособие имеет довольно существенные пробелы. Так, в главе первой рассматриваются процесс формирования промышленного пролетариата и первые самостоятельные выступления рабочих Англии, Франции и Германии. По другим странам этот вопрос или вообще не исследуется, или освещается очень кратко. В частности, в пособии не получила должного освещения проблема формирования рабочего класса в США, где этот процесс имел много специфических особенностей. Эта тема не нашла отражения и в главах, посвященных странам Латинской Америки, азиатского континента. Даже в тех немногих случаях, когда вопрос о формировании пролетариата выделяется в самостоятельный раздел, он не получает полного раскрытия. Так, в параграфе, посвященном Англии (глава первая), авторы указывают источники формирования пролетариата в этой стране (стр. 15—16), но не вскрывают своеобразия этого процесса; читатель не найдет здесь указаний о степени концентрации рабочих и т. д.

Что касается истории образования пролетариата во Франции и в Германии, то этот вопрос почти совсем не прослежен. Параграф «Франция» (первая глава) начинается с характеристики возникновения рабочего движения и его начальных форм (стр. 28 и сл.). О складывании пролетариата говорится лишь на стр. 32, и то авторы ограничиваются одной фразой, из которой читатель узнает, что во Франции медленнее, чем в Англии, «проходил процесс формирования рабочего класса, выделение его из мелкобуржуазных слоев города и деревни». Разве такое определение может вскрыть особенности формирования французского пролетариата? К тому же такие вопросы, как численность рабочего класса, его состав, преобладание тех или других категорий рабочих, совершенно не затронуты авторами. Подобные недостатки присущи и параграфу по Германии. Правда, на стр. 40 приводятся цифры, характеризующие численность рабочих в Пруссии на 1846 г., даже говорится о преобладании ремесла и домашней промышленности в стране (стр. 41). Однако, во-первых, читателю трудно оценить действительное значение этих цифр, поскольку он не может сопоставить численность немецких рабочих с численностью английского или французского пролетариата, а во-вторых, несколько общих фраз, сказанных по поводу отсталости германского пролетариата, не дают общего представления о его формировании. Следовало, на наш взгляд, отметить по крайней мере такой факт, как наличие в стране двойного гнета (феодального и капиталистического), в условиях которого складывался пролетариат в Германии, показать, как это обстоятельство отражалось на формировании немецкого рабочего класса.

Отсутствие анализа проблемы формирования промышленного пролетариата, своеобразия этого процесса в каждой из главных капиталистических стран влечет за собой и ряд других недочетов.

Авторы чрезвычайно много места отводят материалу о различных течениях домарксова социализма и коммунизма в ущерб изложению истории массового рабочего движения. Уже в первой главе читатель найдет характеристику всевозможных утопических систем и оценку воззрений теоретиков утопического социализма и коммунизма. В то же время в пособии не уделено должного внимания вопросу об особенностях возникновения рабочего движения, не вскрыты закономерности, в результате которых первыми созданными западноевропейским и американским пролетариатом организациями были профессиональные союзы.

Рисуя картину рабочего движения конца XVIII — первой половины XIX в., авторы почти полностью упустили из виду самую массовую форму организации и борьбы пролетариата — профсоюзное движение. Встречаются отрывочные упоминания лишь о ранних профессиональных объединениях. Например, об английских тред-юнионах сказано всего две-три общих фразы (стр. 18, 20, 21). Что же представляли собой тред-юнионы первой половины XIX в., какова была их структура и методы борьбы, как они создавались и т. д.— подобные вопросы даже не ставятся в первой главе, призванной показать начальный этап рабочего движения. Читатель не найдет здесь ни слова о нелегальном и легальном тред-юнионизме, о первых попытках создания общеанглийских профсоюзных организаций и пр. (Справедливости ради следует сказать, что во втором разделе профсоюзное движение в Англии более позднего времени (глава XI) раскрыто значительно полнее.) Профсоюзы, эта, как назвал ее Энгельс, «подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом...» [1], остались вне поля зрения авторов, повествующих об английском тред-юнионизме, о союзах профессионального характера в Германии и Франции.

Встречаются и отдельные ошибочные утверждения при освещении этого вопроса. Так, на стр. 39 читаем, будто во Франции в 40-е годы «прежние профессиональные организации ремесленников и мануфактурных рабочих превращались гораздо быстрее, чем в первые годы Июльской монархии, в подлинно пролетарские профессиональные союзы». Это неправильно, ибо о подлинно пролетарских профсоюзах ни в 30-х, ни в 40-х годах XIX в. еще не могло быть и речи; французский пролетариат в это время состоял главным образом из рабочих мелких предприятий, полупролетариев — кустарей, надомников и т. д.

Нам представляется, что мало места отведено освещению истории рабочего движения в главных капиталистических странах в период между революциями 1848 г. и Парижской коммуной. Авторы сочли возможным ограничиться суммарным описанием лишь некоторых фактов, ознаменовавших развитие классовой борьбы пролетариата в 50—60-х годах, сделав это в седьмой главе, посвященной I Интернационалу, и в параграфах, касающихся предпосылок его образования.

Не дав картины развития классовой борьбы в отдельных странах в 50—60-х годах, авторы вынуждены были пойти на нарушение хронологической последовательности изложения материала в ряде других глав: так, о положении «Союза коммунистов» в начале 50-х годов и его ликвидации в 1852 г. говорится в конце главы, посвященной революциям 1848—1849 годов; о создании в конце 60-х годов гирш-дункеровских и лассальянских профсоюзов рассказывается в главе по рабочему движению в Германии в 1871—1914 гг. (стр. 217); анализ экономического развития Франции и классовой борьбы французского пролетариата в годы Второй империи дан в начале главы о Парижской коммуне (стр. 186—190), тогда как в соответствующих параграфах предшествующей, седьмой главы этому вопросу уделено лишь два небольших абзаца (стр. 166), и т. д.

Нам представляется, что в первом разделе пособия имеется материал, выходящий из рамок данной книги. Так, историю «революции Мэйдзи» в Японии вряд ли стоило включать в пособие (глава шестая). Тем более, что эта незавершенная буржуазная революция не принадлежит к числу тех, в которых пролетариат играл сколько-нибудь заметную роль.

Имеются отдельные погрешности и во втором разделе книги. Так, в главе «Рабочее движение в США в 1871—1914 годах», являющейся в целом содержательной, мало внимания уделено такой важной организации, как Индустриальные рабочие мира

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. 1947, стр. 295.

(ИРМ), не освещен вопрос о сущности сектантских ошибок ИРМ.

Следовало дать больше материала о положении рабочего класса в США. Изложение этого вопроса носит несколько односторонний характер. Авторы недостаточно учитывают дифференциацию американского пролетариата. Поэтому вряд ли убедительным является такое определение: «Жесточайшая эксплуатация и чрезвычайно тяжелое положение пролетариата были причиной резкого обострения классовых противоречий в Соединенных Штатах Америки в последнюю треть XIX века» (стр. 305). В то же время непропорционально много места отведено в главе описанию отдельных стачек и деятельности Де Леона.

Некоторая несоразмерность в распределении материала наблюдается и в других главах. Вызывает сомнение, следовало ли в данном пособии уделять столько внимания самураям (глава XVII), реформаторскому движению 90-х годов XIX в. в Китае и др. В то же время в пособии остались недостаточно раскрытыми условия возникновения рабочих организаций в странах Востока, особенности профсоюзов, их характер.

Нам представляется, что в пособии имеются отдельные проблемы, трактовка которых является спорной. Это относится, в частности, к периодизации истории национально-освободительного движения. Если для истории классовой борьбы пролетариата капиталистического мира Парижская коммуна действительно послужила великим водоразделом, то едва ли эта дата может служить рубежом для истории национально-освободительной борьбы народов Азии и Латинской Америки. Сами авторы во «Введении» отмечают, что «в первый период истории международного рабочего и национально-освободительного движения (то есть до 1871 г.—*Рец.*) еще не было непосредственной связи между освободительной борьбой на Востоке, где господствовали феодальные отношения, и революционной борьбой пролетариата в капиталистических странах» (стр. 8). Этот правильный тезис показывает, что нет достаточно объективных оснований ограничивать конечную дату первого периода развития национально-освободительной борьбы событиями Парижской коммуны.

Кажется также сомнительным, что история национально-освободительного движения в 1871—1917 гг. может быть подразделена на два этапа, которые прошло в своем развитии рабочее движение того времени. На стр. 212 авторы пишут: «Рабочее и национально-освободительное движение проходит два этапа — этап сравнительно «мирного» развития, собирания сил и распространения марксизма «вширь» (1871—1903 гг.) и этап обострения классовой борьбы» и т. д. Таким образом, получается, что в 1871—1903 гг. происходило некое собирание сил национально-освободительного движения и распространение в колониальных странах марксизма «вширь».

Вопрос о периодизации национально-освободительной борьбы — сложный вопрос, и его решению содействовала бы, по нашему мнению, соответствующая научная дискуссия. Несомненно, было бы полезным привлечь к обсуждению подобного рода пособий широкий круг советских научных работников: историков, экономистов, философов.

В заключение следует отметить, что выход в свет учебного пособия, безусловно, поможет делу улучшения марксистско-ленинской подготовки партийных и профсоюзных кадров, дальнейшему усилению научно-исследовательской работы в области истории рабочего и национально-освободительного движения.

В. А. Корольков,
М. А. Заборов,
М. И. Иляхин

Заметки о книгах

«Бастионы революции». Выпуск первый. Сборник материалов из истории ленинградских заводов в 1917 г. Составитель — Д. А. Левоневский. Л. 1957. Тираж 15 000. Цена 4 руб. Выпуск второй. Борьба за упрочение Советской власти и годы гражданской войны. Научный редактор — Н. Я. Иванов. Л. 1959. Тираж 10 000. Цена 6 руб. 10 коп. Выпуск третий. Рабочие города Ленина в борьбе за социалистическое строительство в деревне. Научный редактор — П. В. Соловьев. Л. 1960. Тираж 3 000. Цена 5 руб. 50 коп.

Одной из важнейших задач советской исторической науки является разработка истории рабочего класса СССР. В решении данной задачи большое место занимает изучение истории фабрик и заводов. До Великой Отечественной войны удалось выпустить несколько книг этой серии. Затем издание прекратилось. В послевоенное время при Лениздате была воссоздана редакция «Истории фабрик и заводов». Уже вышло в свет три выпуска очерков, освещающих прошлое некоторых ведущих предприятий города Ленина. Очерки носят общее название «Бастионы революции». Они рассказывают об участии одного из передовых отрядов рабочего класса СССР — пролетариев Петрограда — Ленинграда под руководством Коммунистической партии в борьбе за Советскую власть, за победу социализма и коммунизма. Первый выпуск посвящен участию питерских рабочих в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, второй — борьбе питерцев за упрочение Советской власти и их участию в гражданской войне, третий — самоотверженной деятельности ленинградских рабочих по развитию социалистической революции в деревне, осуществлению массовой коллективизации, организационно-хозяйственному укреплению колхозов, крутому подъему сельского хозяйства.

Таким образом, сборники «Бастионы революции» освещают чрезвычайно интересные вопросы из истории предприятий Ленинграда. Наиболее полно и последовательно отражена в них история Ленинградского металлического и Кировского заводов.

Главная идея сборников — неразрывное единство рабочего класса и Коммунистической партии. Авторы сумели на большом конкретном материале ярко показать многообразную деятельность Центрального Комитета Коммунистической партии и Ленинградской партийной организации по руководству рабочими массами Ленинграда, громадную любовь и доверие ленинградцев, всего народа к своей партии и своему правительству.

Большое внимание уделено раскрытию образа В. И. Ленина. Много страниц в очерках посвящено незабываемым встречам рабочих Петрограда с Ильичем. Особенно интересны в этом отношении очерки Н. Сергеева и А. Ситкова «Напутствие Ильича» (вып. II), А. Ситкова «Ленинский заказ» (вып. III), показывающие взаимоотношения Владимира Ильича с рабочими Выборгской стороны. В сборниках рассказывается о соратниках и учениках В. И. Ленина, о многих руководителях питерского пролетариата, проявивших беззаветную преданность делу революции, храбрость и стойкость (И. И. Газа, С. П. Восков, М. Е. Розенштейн и др.).

Ценно, что авторы ряда очерков привлекли для изложения неизвестные до сих пор материалы Ленинградского партийного архива городского и областного комитетов КПСС, государственных и заводских архивов. Нередко ими используется мемуарная литература, а также неопубликованные воспоминания рабочих — непосредственных участников освещаемых событий. Привлечены материалы периодической центральной, местной и заводской печати и, кроме того, некоторых уже забытых изданий. Ряд очерков — «Путиловцы в гражданской войне» (вып. II), «Под флагом РСФСР» (там же), «Алтайская коммуна» (вып. III), «Ленинский заказ» (там же), «Нерушимый союз» (там же) и др.— вносит новые детали в освещение событий.

В очерке «Путиловцы в гражданской войне» прежде всего следует отметить раздел, повествующий о самоотверженном труде путиловцев в 1918 г. для нужд обороны молодой Советской республики. Авторы обнаружили ряд интересных документов в ГАОР и СС Ленинградской области. Это сведения о работе по учету военных материалов и оружия в феврале 1918 г., материалы о годовом производственном плане, разработанном в апреле 1918 г., постановления общих и цеховых собраний об укреплении дисциплины и повышении производительности труда, отчеты о работе завода. По ним можно проследить, как у рабочего класса, воспитываемого большевист-

ской партией, зарождалось новое, коммунистическое отношение к труду. В очерке цитируются документы, сообщающие новые факты о героическом участии путиловцев в гражданской войне: о действиях Гатчинского боевого отряда, Путиловского зенитного дивизиона, знаменитых путиловских бронепоездов, Путиловского стального кавалерийского полка и других формирований, сражавшихся за Советскую власть.

В очерке М. Сонкина «Под флагом РСФСР» на основе документальных материалов впервые освещается история Петроградского торгового порта. Большой интерес представляют сведения, извлеченные из Государственного исторического архива Ленинградской области, о перестройке управления портом, в частности. о создании в январе 1918 г. специального Комитета по портовым делам и его первом заседании 25 января, в котором принимал участие Петроградский городской голова М. И. Калинин. В очерке широко использованы статистические документы.

В исследовании «Алтайская коммуна» рассказывается о создании рабочими Обуховского завода в 1918 г. на Алтае «Первого российского общества землеробов-коммунаров», о героическом участии коммунаров в борьбе с контрреволюцией. Интересен очерк «Ленинский заказ» — о замечательном почине рабочих Петроградского металлического завода, которыми был создан в тяжелых условиях гражданской войны первенец отечественной высокопроизводительной сельскохозяйственной техники — электроплуг.

Третий выпуск открывается очерком «Нерушимый союз». Он рассказывает об участии путиловских рабочих в великом «крестовом походе» против кулачества в 1918 году. Авторы сообщают ряд новых данных о петроградских продовольственных отрядах — Продовольственном отряде № 28 Путиловского завода и Верфи, III Сводном петроградском отряде и др. Рабочие массы показаны в действии. Рядовые рабочие, выполняя наказ Коммунистической партии, становились посланцами партии на селе. Среди них были С. И. Волынкин, А. С. Никифоров, И. В. Левин, М. С. Самороков, С. Л. Репинский и др.

Особенно много новых материалов в третьем выпуске, посвященном шефству рабочих Петрограда — Ленинграда над трудящимся крестьянством. Здесь содержатся сведения о создании первого рабочего Общества по оказанию помощи деревне в ее культурном развитии, о переписке крестьян с пионером советского тракторостроения — заводом «Красный путиловец», о двадцатипятитысячниках, о финансовой, технической, хозяйственной помощи ленинградцев деревне, становившейся на путь коллективизации. Заслуживает одобрения включение в выпуск очерков о самоотверженной борьбе ленинградских рабочих за бурное развитие сельского хозяйства в 1953—1958 годах. В очерке «На крутом подъеме» содержится большой интересный материал об участии ленинградских рабочих в освоении целинных и залежных земель, о помощи колхозам Ленинградской области, в очерке «Как был совершен подвиг» — о выполнении задания партии и правительства по производству сельскохозяйственных машин на заводе имени А. А. Жданова.

Таким образом, рецензируемые сборники представляют несомненный научный и познавательный интерес. Хотелось бы, чтобы ценное начинание Лениздата поддержали и продолжили другие издательства страны.

Отмечая положительные стороны сборников «Бастионы революции», следует вместе с тем остановиться и на некоторых их недостатках.

Многие авторы не сумели использовать всего богатства материалов, содержащихся в руководящих партийных и правительственных документах. Недостаточно использованы ими и научные работы советских историков (статьи и монографии) по исследуемым вопросам, а также периодическая печать, особенно фабрично-заводская.

В упрек многим авторам можно поставить и отсутствие (либо малочисленность) ссылок на источники. Нет, например, ссылок в очерках Б. Дымента и В. Кадникова, П. Губанова (вып. III). Мало ссылок в очерках М. Розанова, помещенных во всех трех сборниках. Например, в третьем выпуске к 30 страницам текста дано всего две ссылки. Подобная вещь недопустима в научных изданиях.

Иногда авторы позволяют себе вольное обращение с документами при цитировании. Например, во втором выпуске неточно цитируется телеграмма В. И. Ленина Антонову-Овсеенко (стр. 37).

Нередко в нарушение существующих правил хронологические даты, относящиеся ко времени до 1 февраля 1917 г., приводятся по новому стилю.

В очерках есть повторения. Так, во втором выпуске трижды рассказывается (в одном и том же плане) о митинге красно-

гвардейцев, состоявшемся 1 января 1918 г. в Михайловском манеже (стр. 127—129, 151, 313). Решительно надо возразить против включения в сборники фрагментов из художественных произведений (см. вып. II). Это нарушает их научно-исторический характер. Непонятно, почему во второй выпуск включен очерк М. Розанова «Орлы боевые», который по своему содержанию выходит за рамки истории предприятий.

Ряд революционных заслуг приписывается узкому кругу лиц. О других же активных участниках событий умалчивается. Особенно страдают этим недостатком очерки о путиловцах (вып. II и III).

Нужно отметить маловыразительность и плохое техническое воспроизведение помещенных в сборниках иллюстраций, особенно в первом и втором выпусках.

Оставляет желать лучшего научное оформление издания. Например, в первом выпуске отсутствует вводная статья. Двум последним выпускам вводные статьи предпосланы. Но введение ко второму выпуску, написанное Н. Я. Ивановым, носит слишком общий характер. В этом отношении выгодно отличается вводная статья к третьему выпуску. Автор ее, П. В. Соловьев, обобщил вопросы, раскрытые в сборнике, привел новые сводные данные о продотрядах, о шефстве рабочих Ленинграда над трудящимся крестьянством, о коллективизации, об участии ленинградцев-двадцатипятитысячников в колхозном строительстве, о борьбе за новый подъем сельского хозяйства после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.). Вообще следует подчеркнуть, что третий выпуск по качеству подготовки и научному оформлению значительно превосходит предыдущие.

На наш взгляд, лучше строить сборники тематически, а не хронологически. Это предотвратит дублирование материалов.

Надо полагать, что все замеченные недостатки будут в дальнейшем устранены.

Хочется надеяться, что читатели вскоре получат новые очерки, посвященные важнейшим историческим событиям в нашей стране и участию в этих событиях рабочих не только Ленинграда, но и других городов Советской отчизны. Для читателей представили бы несомненный интерес книги об участии рабочих отдельных предприятий в индустриализации страны, в оснащении промышленности новой техникой, работы о развитии интернациональных связей советского рабочего класса, о защите рабочими — представителями различных коллективов заводов и фабрик социалистической Родины в годы Великой Отечественной войны.

В. А. Ежов, И. А. Иванов

Ф. Ф. КОРОЛЕВ. *Советская школа в период социалистической индустриализации.* Под редакцией чл.-корр. АПН РСФСР В. З. Смирнова. Госучпедгиз. М. 1959. 320 стр. Тираж 6 000. Цена 7 руб. 50 коп.

В послевоенные годы, особенно после XX и XXI съездов КПСС, значительно возрос интерес советских исследователей к различным вопросам истории культурной революции в СССР. Всестороннее изучение и обобщение опыта культурного строительства помогает успешному претворению в жизнь мудрого предначертания XXI съезда Коммунистической партии — неуклонно развивать систему народного просвещения в условиях строительства коммунизма в нашей стране. Принятый Верховным Советом СССР закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе» ставят перед советскими исследователями ответственную задачу создания научных трудов, обобщающих закономерности культурного строительства.

Общее число монографических работ по различным вопросам становления и развития социалистической культуры (народное образование, наука, литература и искусство, печать, библиотечное дело и т. д.), опубликованных за послевоенный период в РСФСР и в других союзных республиках, достигает, по приблизительным подсчетам, внушительной цифры — 120. Кроме того, вышло в свет около 100 сборников статей, воспоминаний, документальных материалов и до 600 журнальных статей [1]. Советская наука обогатилась такими обобщающими трудами, посвященными истории культурной революции в СССР, как монографии М. П. Кима [2], Г. Г. Карпова [3],

[1] Подсчитано на основании библиографических сборников, издаваемых Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР.

[2] М. П. Ким. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М. 1955; его же. 40 лет советской культуры. М. 1957.

[3] Г. Г. Карпов. О советской культуре и культурной революции в СССР. М. 1954.

И. С. Смирнова[4], К. П. Абросенко[5]. И все же ряд важных проблем социалистической культуры до сих пор исследован недостаточно. К числу таких малоизученных проблем относится история развития народного образования в СССР.

Ценным вкладом в разработку этой темы является книга Ф. Ф. Королева «Советская школа в период социалистической индустриализации». Ее автор — известный специалист в области изучения истории народного образования. Несколько его работ были опубликованы еще в начале 30-х годов[6]. Перу Ф. Ф. Королева принадлежат также крупная монография «Очерки по истории советской школы и педагогики» (М. 1958) и ряд статей о развитии школы и педагогической науки в СССР[7].

Автор изучил и широко использовал труды В. И. Ленина, партийные документы по вопросам строительства советской школы, труды выдающихся деятелей Коммунистической партии в области народного просвещения — А. В. Луначарского и Н. К. Крупской, периодическую литературу, работы по отдельным вопросам педагогики и школьного строительства. Он ввел в научный оборот много новых документальных материалов, почерпнутых из Центрального архива Министерства просвещения и Научного архива Академии педагогических наук РСФСР.

Несомненной заслугой Ф. Ф. Королева является то, что он подверг обстоятельной критике антиленинские положения, которые выдвигались в свое время рядом специалистов в области педагогики (о путях развития советской педагогики, о месте политехнического образования и т. д.). Автор охарактеризовал крупнейший вклад, внесенный Н. К. Крупской в развитие школьного образования и в советскую педагогику. Пристальное внимание Ф. Ф. Королева привлекли вопросы программно-методического характера, повышения уровня и качества образования и воспитания. Автор является большим знатоком истории развития советской педагогической науки, о чем свидетельствует анализ содержания и методов учебно-воспитательной работы в школе, проделанный в III, V и VI главах его книги.

Важнейшим условием повышения качества учебно-воспитательной работы в школе в годы социалистической индустриализации являлось обеспечение ее квалифицированными учительскими кадрами. Этому вопросу посвящена специальная глава книги.

Педагогическое мастерство и общеобразовательный уровень учительских кадров, как отмечает автор, к 1926 г. не соответствовали требованиям, которые предъявлялись к ним в новых условиях. В целях расширения подготовки и переподготовки учителей были организованы очные и заочные курсы повышения квалификации. Было обращено серьезное внимание на организацию самообразовательной работы, методических конференций, практикумов при опытно-показательных учебных заведениях.

Пути улучшения работы педагогических учебных заведений были определены, как показывает Ф. Ф. Королев, в решении ЦК ВКП(б) от 8 марта 1929 г. «О подготовке преподавателей в педвузах и педтехникумах и переподготовке учителей» (стр. 113). С 1927 по 1930 г. сеть педагогических техникумов была расширена почти вдвое, более чем в два раза увеличилось количество учащихся в них. Большое внимание было обращено на подготовку учительских кадров в национальных республиках. В 1929/30 учебном году в РСФСР уже имелось 8 национальных высших педагогических учебных заведений и 24 национальных отделения в вузах, в которых обучалось до 4 тыс. будущих учителей, функционировало 9 высших педагогических курсов, существовали также многочисленные краткосрочные курсы (стр. 114, 116). Развернувшееся среди учителей движение за овладение современными знаниями, за расширение политического кругозора, подчеркивается в главе, еще больше сблизило этот отряд интеллигенции с рабочими и крестьянами, помогло улучшить качество учебной работы.

Ряд интересных вопросов поднимается

---

[4] И. С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры в первый период Советской власти (октябрь 1917 — лето 1918). М. 1952.

[5] К. П. Абросенко. Рост культуры советского общества. М. 1958.

[6] Ф. Ф. Королев, Л. Е. Раскин. Воспитательные задачи школы. М. 1930; Ф. Ф. Королев. Против антиленинской теории отмирания школы. М. 1932, и др.

[7] Ф. Ф. Королев. Из истории народного образования в Советской России (низшие и средние профессиональные школы и высшее образование в 1917—1920 гг.). «Известия» АПН РСФСР. Вып. 102. М. 1959; его же. Первые шаги Советской власти в области школьного строительства (1917—1918). «Советская педагогика», 1954, № 6; его же. Борьба за создание теоретических основ советской педагогики (1917—1918). «Советская педагогика», 1955, № 3, и др.

в главе, посвященной трудовому и политехническому обучению[8]. Необходимость трудового политехнического образования подчеркивалась на XIV съезде Советов РСФСР (15 мая 1929 г.). Задачи политехнического обучения неоднократно обсуждались местными партийными совещаниями по народному образованию, проходившими в 1928—1929 гг. во всех крупных промышленных центрах СССР (стр. 194). В главе приводятся данные о роли Ленинского комсомола в политехнизации школы. По его инициативе в стране были созданы новые типы школ — ФЗС (фабрично-заводская семилетка) и ШКМ (школа крестьянской молодежи). Стремясь привлечь широкую советскую общественность к обсуждению проблем политехнического образования, Народный комиссариат просвещения РСФСР и ЦК профсоюза работников просвещения в августе 1930 г. созвали I Всероссийский политехнический съезд с участием деятелей народного образования и представителей комсомольских, профсоюзных и хозяйственных организаций. Съезд принял ряд важных решений о дальнейшем развитии политехнического обучения (стр. 196). С 1930 г. в стране повсеместно начался массовый поход за овладение техническими и агрономическими знаниями.

Отмечая некоторые ошибки, имевшиеся в деятельности советской школы в 1926—1930 гг., автор вместе с тем подчеркивает, что в целом это был период больших творческих исканий, смелых экспериментов, заметных успехов (стр. 317).

Таковы в общих чертах содержание и положительные стороны монографии.

Книга, к сожалению, не свободна от некоторых недостатков и досадных упущений.

Ее название не совсем соответствует содержанию. Работа написана на материалах Российской Федерации, без привлечения (за редким исключением) общесоюзных данных. Крайне мало сведений из истории строительства советской национальной школы, если не считать отдельных примеров, приводимых в качестве иллюстративного материала.

Недоумение вызывают хронологические рамки исследования. Период социалистической индустриализации, безусловно, нельзя ограничивать 1930 годом. Бурное строительство индустрии, как известно, продолжалось и в последующие годы. Автору нужно было бы продолжить исследование по крайней мере до конца первой пятилетки, когда были подведены итоги как хозяйственного, так и культурного развития Советской страны, в том числе в осуществлении всеобщего обязательного начального обучения. Последнему вопросу Ф. Ф. Королев, на наш взгляд, уделил непростительно мало внимания. Во второй главе всего на 14 страницах (трудно назвать этот небольшой раздел монографии главой) бегло и сухо излагаются события и факты, без каких-либо выводов и обобщений. Автор не показал трудностей осуществления обязательного обучения детей (в том числе классовую борьбу вокруг введения всеобуча). Он лишь ограничился заявлением, что трудности были велики (стр. 48). Глава написана в описательном плане.

Неровна монография и в структурном отношении. Вряд ли оправдано дробление книги на мелкие разделы, очень близкие по своему содержанию (главы III, V, VI, VII).

Поверхностно затронуты в книге вопросы классовой борьбы, обострявшейся в связи с дальнейшим развитием школы (особенно в деревне). Правда, автор приводит несколько фактов о выступлениях кулачества против сельских учителей, однако он не показывает, какие меры принимались в ответ на преступные действия классового врага, как Советская власть защищала интересы учительства. В качестве примера можно было бы привести директиву НКЮ РСФСР (от 8 августа 1929 г.), в которой говорилось о суровом наказании лиц вплоть до применения расстрела, если было установлено, что их «преступления в своей основе имеют противодействие культурной, общественно-полезной деятельности учительства и учинены на почве классовой борьбы»[9].

К сожалению, автор не использовал выступлений и работ А. С. Бубнова, известного деятеля партии в области народного просвещения, а также документальные материалы ЦГАОР и СС (фонды ЦК Союза работников просвещения, Наркомпроса и др.).

Отметим несколько сухой язык ряда глав (I, II, III) и наличие опечаток (стр. 41, 110, 132 и др.). К сожалению, в книге отсутствует библиографический указатель.

Все это, однако, не может поколебать общей положительной оценки исследования Ф. Ф. Королева.

В. А. Куманев

---

[8] Эта глава написана в соавторстве с З. И. Равкиным.

[9] См. «ВКП(б), Советская власть, комсомол и профсоюзы о культурном строительстве». М. 1930, стр. 581.

«Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.». Сборник документов. Соцэкгиз. М. 1959. 750 стр. Тираж 5 000. Цена 13 руб.

Выявление, опубликование и изучение первоисточников по истории народных масс, непосредственных производителей материальных благ всегда было одной из главных задач, стоявших перед советскими историками. Однако до выхода в свет рассматриваемого сборника не было ни одного издания, посвященного публикации архивных документов по истории крестьян и крестьянского движения в России в 90-х годах XIX века. Между тем это чрезвычайно важный период в социально-экономической и политической истории страны, время кануна крупнейшего революционного подъема, переросшего уже в условиях империализма в первую русскую революцию. Именно в 90-е годы, когда происходило соединение социализма с рабочим движением и возникала Российская социал-демократическая рабочая партия, когда во всероссийское революционное движение вступил В. И. Ленин, особое значение приобрел вопрос о взаимодействии рабочего и крестьянского движения в России.

Восемь лет назад вышла в свет вторая часть третьего тома широко известной документальной публикации «Рабочее движение в России в XIX веке» под редакцией А. М. Панкратовой. Она дала исследователям и учащимся документы по истории рабочего движения первой половины 90-х годов. Рассматриваемый сборник содержит документы по истории крестьянского движения того же десятилетия. Наличие этих двух изданий обеспечивает широкие возможности для всестороннего исследования важнейшей проблемы взаимодействия рабочего и крестьянского движения, раннего этапа в истории складывания союза рабочего класса и крестьянства.

Издание публикаций по истории крестьянского движения в России является исключительно важным и нужным делом. Такие книги вместе со сборниками документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке» позволят существенно двинуть вперед изучение классовой борьбы пролетариата и крестьянства России. Сборники документов о крестьянском движении, несомненно, будут широко использованы исследователями, они найдут постоянное применение в работе студенческих семинаров, особенно на исторических факультетах, привлекут внимание читателей, интересующихся историей нашей страны. Следует лишь пожелать, чтобы Социально-экономическое издательство обеспечило возможно более быстрое издание всей многотомной документальной публикации «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века» (главный редактор — акад. Н. М. Дружинин).

Рассматриваемый сборник документов является составной частью этого серийного издания. Однако предисловие к книге ничего не сообщает о серии в целом, ее содержании, размерах, принятой в ней периодизации. Отсутствие такого введения в известной мере затрудняет оценку вышедшего тома. Соцэкгиз, взявший на себя давно ожидаемое нашей научной общественностью издание документов по истории крестьянского движения, должен, по нашему мнению, как можно скорее информировать читателей (путем выпуска отдельной брошюры или помещения специальной статьи в одном из центральных исторических журналов) о своем новом полезном и интересном начинании.

Основное содержание рассматриваемого сборника составляют 212 документов, выявленных в государственных исторических архивах Москвы и Ленинграда. При поисках материалов были подвергнуты систематическому просмотру фонды нескольких важнейших центральных учреждений России: Комитета министров, министерств юстиции и внутренних дел (департамента полиции, земского отдела, департамента общих дел). Большинство публикуемых документов было составлено царскими чиновниками и, естественно, требует к себе критического отношения.

Особую ценность представляет группа документов, исходивших непосредственно от крестьян,— приговоры, прошения, объявления (№№ 20, 50, 67, 68, 75, 95, 103—105, 190). Эти документы могли бы существенно дополнить и обогатить материалы о крестьянском движении, взятые из периодической печати 90-х годов, прежде всего из печати демократической, а также воспоминания современников. Крестьянское движение конца XIX в. нашло известное отражение и на страницах нелегальной прессы, в частности в выходивших за пределами царской России либерально-народнических и толстовских изданиях. К сожалению, эти материалы в сборнике почти полностью отсутствуют (за исключением двух документов — №№ 63 и 102) Возмож-

но, необходимость уложиться в определенный объем заставила составителей и редактора тома отказаться от включения в него такого рода материалов. Нужно надеяться, что в следующих сборниках серии материалам прессы будет отведено гораздо больше места. Включение их в публикацию поможет в какой-то степени преодолеть некоторую односторонность в освещении событий архивными документами, исходившими в большинстве случаев от правительственных учреждений царской России. В настоящем сборнике дан лишь сухой краткий обзор (почти библиографического характера) корреспонденций, заметок, отчетов о крестьянском движении, появившихся в нелегальной и подцензурной печати 90-х годов. Этот обзор, конечно, ни в коей мере не восполняет отсутствие в книге самих материалов.

Думается, что в сборник следовало бы включить и некоторые из тех, кстати очень немногих, ценных архивных документов о крестьянском движении 90-х годов, которые уже опубликованы в советской печати. В частности, не оправдано, на наш взгляд, то, что составители сборника оставили без внимания такой интереснейший сводный документ, как докладная записка департамента полиции «Сведения о крестьянских беспорядках на аграрной почве с 1890 по 1894 год», опубликованный в «Красном архиве» в 1938 году. Отсутствие в томе такого рода источников несколько затрудняет использование сборника, в частности на семинарских занятиях со студентами.

Публикуемые документы дают широкое представление о размахе крестьянского движения 90-х годов в России, они рассказывают о событиях, имевших место в 40 губерниях и одной области Европейской России. Заметим, кстати, что к сборнику нужно было бы приложить список этих губерний в алфавитном порядке с указанием общего числа и порядковых номеров документов, относящихся к отдельным губерниям.

Собранные в томе документы наглядно свидетельствуют о новых чертах крестьянского движения, которые выявились в последнее десятилетие прошлого века (усиливавшаяся тенденция к нарастанию крестьянских выступлений, все более яркое проявление преобладающего аграрного характера движения в целом, воздействие рабочего движения на борьбу крестьян). Наконец, ряд документов не только рассказывает об общекрестьянской борьбе за землю, против многочисленных пережитков крепостничества, и прежде всего против помещичьего землевладения, но и раскрывает обострявшиеся противоречия и борьбу между трудящимися крестьянами и деревенской буржуазией — кулаками, богатеями, владельцами лавок, мельниц, крупорушек и т. д. Особенно любопытно в этом отношении направленное в 1893 г. московскому генерал-губернатору кулаками с. Озеры, Коломенского уезда, Московской губернии, прошение об ограждении их владений от захватов со стороны местных крестьян.

Сборнику предпослано предисловие, написанное редактором тома А. В. Шапкариным. Оно дает довольно беглую характеристику содержания публикации и некоторых проблем истории крестьянского движения. При рассмотрении «ближайших причин крестьянских движений 90-х годов» (стр. 17—18) А. В. Шапкарин уделяет внимание четырем основным моментам (острое крестьянское малоземелье; непомерные повинности; тяжелое правовое положение; усилившееся классовое расслоение). Однако эти причины нет оснований считать присущими одним только 90-м годам. Вместе с тем, говоря о ближайших причинах движения именно этого времени, нельзя не указать на небывалый по величине неурожай и голод 1891—1892 гг., справедливо названный современниками «всероссийским разорением». Конечно, самой ближайшей, самой ранней (в пределах десятилетия, которому посвящен сборник) и одной из главных причин крестьянского движения 90-х годов и было это «всероссийское разорение».

Публикация сопровождается обширными примечаниями (хорошо составленными), весьма полной «Хроникой крестьянского движения в России (1890—1900 гг.)», указателями имен и географических названий и «Перечнем документов», помещенных в сборнике. Хроника представляет самостоятельный научный интерес. Она составлена не только на основании документов, вошедших в данный сборник. В ней нашли отражение также и факты крестьянского движения, известные по выявленным в архивах документам, которые по разным причинам не вошли в сборник, а также по иным публикациям. В связи с этим приходится сказать о серьезном упущении составителей тома: в указатели имен и географических названий включены только имена и названия, упоминаемые в публикуемых до-

кументах. Между тем богатые по своему содержанию и важные по значению материалы хроники, занимающей около полусотни страниц убористого шрифта (стр. 600—648), полны имен и географических названий. Из-за этого недостатка использование материалов хроники и сопоставление их с печатаемыми документами будет затруднительным.

Отмечая еще раз как положительное явление выход в свет рецензируемого сборника о крестьянском движении 90-х годов XIX в. в России, мы надеемся, что Социально-экономическое издательство не замедлит с выпуском следующих томов серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века».

С. С. Дмитриев

С. И. ВОЛКОВ. *Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30—70-е годы).* Изд-во АН СССР. М. 1959. 264 стр. Тираж 1 800. Цена 9 руб. 40 коп.

История дворцовых крестьян почти не изучена ни русскими дореволюционными, ни советскими исследователями. Можно назвать лишь две работы, затрагивающие эту тему: А. И. Заозерского «Царская вотчина в XVII в.» (М. 1937) и В. И. Семевского «Крестьяне при Екатерине II» (тт. I—II. Спб. 1888—1901). Понятен поэтому интерес к истории дворцового крестьянства.

В книге С. И. Волкова (ныне покойного) рассмотрена история дворцовых крестьян Подмосковья в 30—70-х годах XVIII века. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что материалов о подмосковных дворцовых вотчинах первой четверти XVIII в. почти не сохранилось. В результате нового административного деления, проведенного в последней четверти XVIII в., изменился состав губерний. Подмосковье превратилось в Московскую губернию. Областная реформа 1775 г., таким образом, составила конечную грань книги.

В основу работы С. И. Волкова положена переписка центральных дворцовых учреждений с управителями дворцовых волостей, хозяйственные распоряжения управителей и местных учреждений, переписи крестьянского населения, челобитные крестьян в дворцовые учреждения о своих нуждах, управительские инструкции, журналы Главной канцелярии и дворцовой конторы, а также другие материалы, составляющие фонд Дворцового архива, который хранится ныне в Центральном государственном архиве древних актов. Некоторый дополнительный материал извлечен из фондов Кабинета министров, Канцелярии Сената и б. Государственного архива, из экономических примечаний к Генеральному межеванию, также хранящихся в ЦГАДА. Наконец, в работе использованы фонды Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде), Городового магистрата и Московской губернской канцелярии (Московский государственный областной исторический архив), фонды И. Е. Забелина (Государственный исторический музей) и В. И. Семевского (Московское отделение Архива Академии наук СССР), некоторые материалы из фонда Воронцовых (Отдел рукописей Ленинградского отделения Института истории АН СССР).

Анализ этого материала на основе марксистско-ленинской методологии позволил автору прийти к научно обоснованным и хорошо аргументированным выводам, которые сводятся к следующему.

1. Недостаточное плодородие почвы, ограниченное количество скота, не позволявшее по-настоящему удобрять землю, небольшие размеры фактически используемой пахотной земли обусловили низкий уровень земледелия в Подмосковье. При таких обстоятельствах занятие сельским хозяйством не могло полностью обеспечивать существование подмосковных дворцовых крестьян.

2. В подмосковных дворцовых волостях значительную прослойку составили крестьяне, оторванные от сельского хозяйства и занимавшиеся промышленной деятельностью. Они претерпевали процесс расслоения: одни превращались в наемных людей на разного рода предприятиях, другие становились владельцами этих предприятий. У дворцовых крестьян Подмосковья была широко развита и торговля. Крестьяне теснейшим образом были связаны с Москвой— крупнейшим торгово-промышленным центром страны. Ближайшие к Москве торгово-промышленные села превращались в пригороды и сливались с Москвой. «Все это дает основание утверждать,— пишет автор,— что в XVIII в. в подмосковной дворцовой деревне в недрах феодального строя вызревали новые производительные силы, вступавшие в противоречие со старыми производственными отношениями» (стр. 86).

3. В середине XVIII в. постепенно исчезает продуктовая рента, уменьшается отработочная рента и неизмеримо возрастает

удельный вес денежной ренты, которая становится основным видом феодальной ренты.

4. К середине XVIII в. дворцовое барщинное хозяйство уже пережило пору своего расцвета и клонилось к упадку. Развитие товарно-денежных отношений в стране приводило к тому, что натуральные поставки продуктов во дворец теряли свое значение, а производство сельскохозяйственных продуктов на рынок требовало на недостаточно плодородных подмосковных почвах больших затрат, которые не оправдывались доходами.

5. Управление волостями носило бюрократический характер. Беззакония и взяточничество управителей были постоянным явлением и вызывали протест со стороны крестьян.

6. Классовая борьба подмосковных дворцовых крестьян принимала различные формы: массовые челобитья с жалобами на управителей, неуплата в срок оброка, плохая обработка десятинной пашни, отход крестьян в города, с документами и без них, бегство крестьян и, наконец, открытые выступления.

Достоинство книги С. И. Волкова состоит в том, что она помогает выяснению вопроса, который в настоящее время дебатируется целым рядом историков, а именно: когда началось социальное расслоение русского крестьянства, которое в конечном счете привело к разложению феодальных отношений и замене их капиталистическими. Одни исследователи, изучавшие главным образом историю черносошного (государственного) крестьянства, относят начало этого процесса к XVII в. (А. А. Преображенский, Н. В. Устюгов, К. Н. Щепетов, Ю. А. Тихонов, А. Ц. Мерзон и др.), другие, специалисты по истории крестьянства XIX в., не считают возможным говорить о наличии социального расслоения русского крестьянства ранее первой половины XIX в. (В. К. Яцунский). Исследователи, занимающиеся историей крестьянства XVIII в., датируют начало этого процесса либо первой, либо второй половиной XVIII столетия (П. К. Алефиренко, Н. Л. Рубинштейн, Е. И. Индова, Д. Д. Балуева, И. А. Булыгин, Ю. Р. Клокман и др.).

Разобраться во всем многообразии этих мнений можно только после того, как будет накоплен новый фактический материал и сделан его тщательный анализ. Факты, приведенные в книге С. И. Волкова, убедительно свидетельствуют о глубине социального расслоения в подмосковной дворцовой деревне середины XVIII века. Автор строг и осторожен в выводах. Он не делает широких обобщений, поскольку на это не дает права собранный им материал. Тем не менее нарисованная им яркая картина социального расслоения дворцовой деревни в середине XVIII в. неизбежно приводит читателя к выводу, что эти процессы начались раньше описываемого времени.

Работа С. И. Волкова имеет определенное значение для исследования спорного вопроса. Относительно рецензируемого труда можно сделать лишь несколько критических замечаний.

Первое касается повинностей подмосковных дворцовых крестьян. На стр. 96 автор указывает, что самой тяжелой из государственных повинностей, лежавших на дворцовых крестьянах, была подушная подать, составлявшая 70 копеек с души. Характеризуя другие государственные повинности — рекрутскую и поставку драгунских лошадей,— С. И. Волков приходит к выводу, что всего, в переводе на деньги, государственные повинности дворцовых крестьян составляли 1 рубль 80 копеек с души. 39% этой суммы, 70 копеек, приходилось на подушную подать, то есть менее половины, а 61% — на две другие повинности. Получается, что подушная подать была меньше, чем другие повинности. Подушная подать как отдельная повинность действительно являлась наиболее крупной, но она не превышала совокупности других повинностей. Суммы повинностей с Хатунской дворцовой волости в 30-х годах XVIII в., которые приводит автор (стр. 99), показывают, что подушная подать составляла 39% общей суммы платежей, рекрутская повинность—34% и сбор драгунских лошадей — 27%. Подушная подать, несмотря на ее размеры, все же не превышала суммы других повинностей.

Второе замечание касается круговой поруки. С. И. Волков пишет: «Тяжесть денежных и отработочных повинностей увеличивалась существовавшим порядком несения их — круговой порукой, когда мир нес ответственность за выполнение всех государственных и дворцовых сборов и работ. В условиях разорения и бегства части крестьянства на крестьян, способных выполнять повинности, ложились дополнительные сборы и работы» (стр. 105—106).

Действительно, круговая порука, предполагавшая, кроме того, и мирскую раскладку повинностей, иногда увеличивала тяжесть

сборов с отдельных тяглецов. Но ведь это только одна сторона вопроса. Важно учесть и другое. Мирская раскладка повинностей проводилась «по животом и по промыслом», то есть в зависимости от экономического положения отдельных плательщиков. При всех злоупотреблениях, какие наблюдались при этом, в основе ее лежало здоровое зерно. Когда речь идет о тяжести круговой поруки, нельзя не учитывать и положительного значения мирской раскладки повинностей.

Сделанные замечания касаются частных вопросов и ни в коей мере не колеблют глубоко положительного впечатления, какое оставляет рецензируемая книга.

Н. В. Устюгов

В. Я. КРИВОНОГОВ. *Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке.* Изд-во Уральского государственного университета. Свердловск. 1959. 176 стр. Тираж 500. Цена 5 руб. 50 коп.

Советские историки внесли огромный вклад в изучение социально-экономического развития России XVIII века. Но есть еще немало нерешенных проблем и спорных вопросов. В частности, до сих пор остается дискуссионным один из важнейших вопросов проблемы генезиса капитализма в России — о характере и удельном весе наемного труда в промышленности в XVIII веке. «В вопросе о развитии капитализма,— отмечал В. И. Ленин,— едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда» [1]. Поэтому нельзя обойти молчанием выход в свет монографии В. Я. Кривоногова, посвященной исследованию форм применения наемного труда в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Она вводит в научный оборот много новых данных о наемном труде, почерпнутых главным образом в фондах Государственного архива Свердловской области, а также в центральных архивах.

В книге имеется обстоятельный критический обзор источников и литературы, использованной автором, в ней показана несостоятельность ряда положений, бытующих в некоторых работах советских историков (например, М. А. Горловского). В. Я. Кривоногов прав, когда пишет, что горная статистика не дает точного представления о составе рабочей силы на заводах и особенно о степени распространения наемного труда в промышленности. Это обстоятельство отметил недавно Н. И. Павленко, который на примере ведомостей Берг-коллегии вскрыл недостатки горной статистики [2]. Вместе с тем Н. И. Павленко фактически не указал, какие же источники следует дополнительно привлечь при определении социального состава и численности заводских кадров Урала в XVIII веке [3]. Ответ на этот вопрос дает рецензируемая монография. В. Я. Кривоногов делает свои выводы не только на основе статистического материала, он анализирует самые разнообразные источники: описания уральских заводов, контракты, договоры и расчетные книги с наемными людьми, материалы горных ревизоров и книги регистрации о заявках и отводах рудников частным лицам, переписку известных деятелей горного дела с учреждениями горного ведомства, законодательные акты, а также печатные материалы и специальную литературу (в частности, работу французского историка Роже Порталя).

Хотя В. Я. Кривоногов изучил широкий круг источников, к сожалению, нельзя признать достаточным использование им, например, ценных наблюдений И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Н. П. Рычкова; выпали из поля зрения автора замечания А. Н. Радищева по изучаемому вопросу, наказы депутатам от некоторых приписных крестьян Урала (кунгурских, Исетской провинции и др.) в «Комиссию по выработке проекта Нового Уложения» 1767 г., «Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве» (1783 г.). Не оправдано также игнорирование некоторых специальных работ. Так, оценивая как источник «Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоявших» И. Ф. Германа (1808 г.), нельзя было проходить мимо работы Ю. Гессена. Ведь именно Ю. Гессен на основе изучения данных Германа высказал

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 509.

[2] Н. И. Павленко. Принудительный и наемный труд в металлургии России второй половины XVIII в. Сборник «Из истории рабочего класса и революционного движения». М. 1958. В. Я. Кривоногов не упоминает в своей книге работу П. А. Хромова «Очерки экономики феодализма в России». М. 1957, автор которой также пишет о недостатках горной статистики (стр. 179—180).

[3] «История СССР», 1959. № 4, стр. 163.

мнение, что в конце XVIII — начале XIX в. на 111 заводах Екатеринбургского горного управления (исключая Верх-Исетский и Сысертский заводы) вольнонаемный труд встречался редко, будучи лишь временным явлением[4].

По существу, такая же мысль проводилась и в работах Н. И. Павленко. Последний, опираясь в первую очередь на данные той же горной статистики, писал, что если в первые двадцать лет XVIII в. в горнозаводской промышленности применялся наемный труд, то уже в начале 20-х годов того же столетия число вольнонаемных на заводах уменьшилось, а затем они почти совсем исчезли[5]. Против этого утверждения вполне обоснованно выступает В. Я. Кривоногов. Да и сам Н. И. Павленко в упомянутой выше статье констатировал, что в заводских ведомостях имелись данные о проникновении наемного труда на ряд частных и казенных предприятий Урала, хотя в целом во второй половине XVIII в. расширялось применение принудительного труда. При этом подчеркивалось, что наемный труд приобретал все большее значение в первую очередь на внезаводских работах[6]. Этот вывод, сделанный Н. И. Павленко, совпадает с мнением В. Я. Кривоногова и подкрепляет точку зрения последнего, если учесть, что исследования того и другого автора были опубликованы почти одновременно.

В монографии В. Я. Кривоногова хорошо показано, как в условиях установления феодальных монополий шел процесс формирования рынка наемного труда, развивалась система работы на дому в горнозаводской промышленности Урала XVIII века. В книге в основном верно показано отношение царского правительства и ряда деятелей горного дела (В. Н. Татищева, В. И. Геннина, М. Ф. Соймонова и др.) к проблеме использования наемного труда в горной промышленности Урала. Правда, автор, на наш взгляд, недостаточно четко и полно характеризует позицию царского правительства по вопросу об оплате приписных в соответствии с манифестом 1779 года. В. Я. Кривоногов обратил внимание на то, что размеры оплаты приписных крестьян, согласно манифесту, были удвоены. Но он не показал, что положение данной категории населения все же не улучшилось, так как одновременно были повышены размеры подушной подати и таким образом «выигрыш» от увеличения оплаты труда был фактически сведен на нет.

Общая направленность царского законодательства в XVIII в. состояла в том, чтобы решить проблему обеспечения промышленности рабочей силой крепостническими методами — главным образом путем приписки государственных крестьян к заводам, а также покупки крепостных заводчиками, хотя в последнем случае политика правительства не была последовательной. Но широкий размах заводского строительства на Урале, как показывает В. Я. Кривоногов, заставлял прибегать к наемному труду, что приводило к складыванию в недрах феодального хозяйства такой системы отношений, которая основывалась на буржуазных началах.

Новым и ценным в рецензируемой монографии является вывод автора о том, что в горнодобывающей промышленности Урала в XVIII в. наемный труд применялся главным образом в двух формах: в кустарном промысле и путем подрядов. Интересны наблюдения, отдельные предположения и мысли автора о подрядах как форме найма рабочей силы в XVIII веке. Известно, что ряд заводов обеспечивал себя рудой и топливом через подрядчиков и частных рудопромышленников, выполнявших все подрядные работы руками наемных работников. Подряды, по мнению В. Я. Кривоногова, являлись важнейшим методом привлечения в горнозаводскую промышленность как наемного труда, так и предпринимателей. В книге, в частности, отмечается, что подрядчики не вели точного учета количества наемных работников, и эта огромная масса трудового люда до последнего времени оставалась вне поля зрения историков. Однако не все наблюдения автора могут быть приняты безоговорочно. Едва ли можно говорить, например, о свободе найма крепостных их владельцем Демидовым, основываясь лишь на словах из контракта, содержащегося в «Книге мемориальной» Г. Махотина, что нанимающиеся берут подряд «доброхотно, а не по принуждению». Это обычная для XVIII в. казуистическая формула, и она, на наш

---

[4] Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. I, М. 1926, стр. 143 и сл.

[5] Н. И. Павленко. К вопросу о рынке рабочей силы для металлургических мануфактур в 20—40-х годах XVIII века. «Вопросы истории», 1952, № 3.

[6] Н. И. Павленко. Принудительный и наемный труд..., стр. 111 и сл.

взгляд, свидетельствует именно о принудительном характере найма.

По подсчетам автора, в первой половине XVIII в. на Урале преимущественно вольнонаемным трудом пользовались только 7 заводов, к концу 60-х годов того же столетия таких заводов насчитывалось уже 29, из которых на 17 наемный труд применялся главным образом на основных заводских работах. На грани же XVIII—XIX вв. 82,3% всех заводов Урала работали, как правило, на принудительном труде и немногим более 30 заводов пользовались главным образом наемным трудом. Таким образом, наблюдалось возрастание удельного веса наемного труда в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. В монографии подчеркивается, что это происходило в тесной связи с общим процессом складывания капиталистического уклада в недрах феодально-крепостнической системы хозяйства, основы которой медленно, но неуклонно подтачивались. Таков основной, в общем верный вывод, сделанный В. Я. Кривоноговым.

Следует указать на ряд погрешностей, допущенных автором рецензируемой книги. Так, в список уральских заводов, пользовавшихся наемным трудом, им ошибочно включены Кажимский, Нювчимский, Нючпасский, Язагашский, Черепецкий, Корицкий, находившиеся за пределами Урала и в экономическом отношении не связанные тесно с уральским промышленным комплексом. При подсчетах соотношения общего числа заводов (145 в 60-х годах XVIII в., 176 в конце столетия) и заводов, применявших наемный труд, автором не учтено следующее важное обстоятельство. Приведенное общее число заводов не соответствует действительному их количеству. В 60-х годах из построенных до этого времени заводов на Урале действовало только 125, а в конце XVIII в.— и того менее. Такая оговорка, по нашему мнению, крайне необходима для того, чтобы удельный вес наемного труда был определен более точно. Следует сказать и о выдвинутом автором положении, что в манифестах Е. Пугачева нашли отражение не только требования трудящихся, но и нарождавшейся буржуазии. Это утверждение нуждается в веских доказательствах, а их в работе нет. Неубедительно звучит и то, что закрепление наемных рабочих за заводами навечно не меняло их прежнего экономического положения. Если согласиться с этим, то следует признать, что экономическое положение свободных и несвободных работников было одинаковым. Эти вопросы, как и ряд других, относящихся к проблеме использования наемного труда в промышленности Урала в дореформенный период, требуют дальнейшего изучения.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на имеющиеся недостатки, книга В. Я. Кривоногова, несомненно, является шагом вперед в исследовании роли и места наемного труда в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. и процесса складывания капиталистического уклада в экономике этого района России.

В. И. Калюжный,
Н. А. Финкельштейн.

«Ноябрьская революция в Германии». Сборник статей и материалов. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. 1960. 516 стр. Тираж 2 000. Цена 21 руб. 60 коп.

Ноябрьская революция в Германии относится к числу событий, которые постоянно привлекают внимание исследователей. На протяжении ряда лет в советских и немецких исторических журналах велась оживленная дискуссия по поводу характера, движущих сил, особенностей революции. Большой интерес вызвала и дискуссия, проведенная журналом «Вопросы истории» [1].

В. Пик, В. Ульбрихт и другие выдающиеся деятели немецкого рабочего движения в последние годы неоднократно возвращались к оценке Ноябрьской революции и ее уроков. Выступления В. Ульбрихта, в частности его речь в Комиссии по подготовке тезисов о Ноябрьской революции [2], а также его доклад на II пленуме ЦК СЕПГ [3], сыграли определяющую роль при окончательном уточнении характера Ноябрьской революции, которая рассматривается как революция буржуазно-демократическая, проведенная в известной мере пролетарскими средствами и методами [4].

[1] Оценку итогов дискуссии см., например, «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas». Berlin. 1959, S. 454—456.

[2] См. «Neues Deutschland», 18 июня 1958 года.

[3] См. «Einheit», 1958, № 10.

[4] См. «Тезисы ЦК СЕПГ к 40-й годовщине Ноябрьской революции 1918 г. в Германии». «Вопросы истории», 1959, № 11, стр. 3—23.

В рецензируемом сборнике детально исследуются отдельные вопросы истории указанного периода, не получившие еще достаточной разработки.

Статьи сборника можно условно разбить на две группы: 1 — посвященные советско-германским отношениям и сотрудничеству революционных сил России и Германии; 2 — освещающие отдельные события и процессы, происходившие в Германии накануне Ноябрьской революции и в ходе ее.

В первой группе наиболее близки друг другу по тематике статьи В. Г. Брюнина «Советско-германские отношения накануне Ноябрьской революции» и И. А. Росенко «Советско-германские отношения в период Ноябрьской революции». Материалы Германского центрального архива в Потсдаме позволили В. Г. Брюнину уточнить некоторые вопросы, связанные с планами германского империализма в отношении Советской России, в частности показать деятельность концерна Круппа, как и других монополий, ставивших целью колониальное закабаление молодого Советского государства (стр. 204—206). Интересные детали приводятся автором и в связи с советско-германским конфликтом, который возник после провокационного убийства левыми эсерами германского посла Мирбаха (стр. 213—214; 218—221). Некоторые новые материалы использованы при освещении переговоров о так называемом добавочном договоре и платежах. Автор убедительно показывает преднамеренно провокационный характер действий германских властей осенью 1918 г., приведших к разрыву Германией дипломатических отношений с Советской Россией (стр. 229—240). Работа И. А. Росенко написана по опубликованным материалам. Отсутствие архивных документов лишает автора возможности детализировать свои правильные положения, сделать изложение более полнокровным.

Статья К. Л. Селезнева «Большевистская агитация и революционное движение в германской армии на Восточном фронте в 1918 г.» освещает специфическую форму советско-германских отношений этого периода — непосредственное (через голову германского правительства) обращение революционных масс России к немецкому народу, в частности к немецким солдатам. Недостатком статьи является ее некоторая описательность и растянутость. Однако автор приводит богатый, в значительной мере новый материал, особенно в той части работы, где рассказывается о морально-политическом состоянии германских войск накануне Ноябрьской революции, о пропагандистской деятельности большевиков Латвии, Эстонии и Литвы среди германских солдат.

Малоизвестную сторону сотрудничества русских и немецких революционеров раскрывает И. М. Кривогуз в статье «Германские военнопленные-интернационалисты в России в 1917—1920 гг.». Несмотря на некоторую фрагментарность, статья, написанная на основе архивных документов и прессы германских военнопленных в Советской России, дает представление о масштабах деятельности германских интернационалистов в России с февраля 1917 по 1921 год.

Я. С. Драбкин в статье «В. И. Ленин и Ноябрьская революция в Германии» систематически излагает и анализирует важнейшие высказывания В. И. Ленина о Ноябрьской революции, освещает связи В. И. Ленина с германскими революционерами.

Из второй группы статей обратимся в первую очередь к работам, описывающим события кануна Ноябрьской революции. Статья Ф. Ф. Головачева «Группа «Спартак» и левое крыло Независимой социал-демократической партии Германии накануне Ноябрьской революции» — обстоятельный очерк деятельности левого крыла германского рабочего движения в преддверии революционного кризиса осени 1918 года. Основные факты, относящиеся к этой теме, более или менее известны. Однако автору удалось не только систематизировать публиковавшиеся в разное время данные, но и подтвердить их яркими архивными материалами. Это в первую очередь относится к описанию роста революционных настроений в Германии начиная с весны 1918 г. (например, недовольство правительством среди сельского населения), усиления влияния спартаковцев и рабочего крыла Независимой социал-демократической партии Германии.

Я. И. Цитович в статье «Провал заговора военщины накануне революции 1918 г. в Германии» рассматривает вторую сторону революционной ситуации, возникшей в стране,— кризис верхов. Автору удалось дать интересный очерк, раскрывающий содержание и смысл заговора реакционной германской военщины, направленного на то, чтобы предотвратить назревавший революционный взрыв. Опираясь на богатые фактические данные, Я. И. Цитович убедительно опровергает две легенды буржуазной историографии, связанные с приказом о вы-

воде германского военного флота в море. Этот приказ послужил непосредственным толчком для выступления матросов, которое стало сигналом к началу Ноябрьской революции. Первая из легенд, распространяемая наиболее реакционными германскими историками, сводится к утверждению, что приказ был оправдан с политической и военной точек зрения и что отказ матросов выполнить распоряжение являлся якобы прямой «изменой родине». Другая, исходящая из либеральных и социал-демократических кругов, сводит все дело к самочинным, не санкционированным правительством действиям группы руководителей военно-морского флота, к «мятежу адмиралов». Из статьи неопровержимо следует, что упомянутый эпизод следует рассматривать в неразрывной связи с борьбой между двумя группировками в правящих кругах Германии по вопросу о возможности продолжения войны и что приказ военному флоту выйти в море был последним отчаянным шагом военной партии (а не одних адмиралов), направленным на то, чтобы взять верх в этой борьбе. Автор указывает, что германское командование, отдавая приказ о выводе флота в море, рассчитывало подогреть в стране шовинистические настроения и создать тем самым условия, благоприятные для установления прямой и неограниченной военной диктатуры, подавления революционного движения и продолжения войны. Определенную роль, как подчеркивает он, сыграло и нежелание морского офицерского корпуса в случае капитуляции отдать флот противнику целым и невредимым. Нам, однако, кажется, что наряду с этим немалое значение имело и стремление, с одной стороны, изолировать матросскую массу от революционного влияния германского тыла, а с другой — расправиться с революционным авангардом матросов в условиях морского похода.

Статьи С. И. Ленчнер («Исполнительный комитет Берлинских рабочих и солдатских Советов»), В. И. Биллика («Выступления контрреволюции в Берлине в декабре 1918 г.») и В. Ф. Шелике («Начало мартовских боев 1919 г. в Берлине») освещают отдельные эпизоды Ноябрьской революции. С. И. Ленчнер дополнила и уточнила использовавшиеся ранее материалы путем сверки их с протоколами заседаний Исполнительного комитета Берлинских рабочих и солдатских Советов, а также пленумов рабочих и солдатских Советов Большого Берлина. Статья В. Ф. Шелике представляет собой попытку дать на основе как опубликованных, так и неизвестных ранее материалов новую трактовку содержания мартовских боев 1919 г. в Берлине. В. Ф. Шелике пересматривает принятую большинством историков-марксистов оценку мартовских боев как результата провокации со стороны реакционной германской военщины, искавшей новых предлогов для расправы с революционным рабочим классом. По ее мнению, мартовские бои в Берлине были прежде всего стихийным взрывом накопившегося у берлинских рабочих возмущения против контрреволюционной политики правительства Эберта, Шейдемана, Носке. Чтобы доказать свой тезис, автор приводит много интересных данных, касающихся вооруженных столкновений 3 и 4 марта в Берлине, социального состава групп, вступивших в борьбу против правительственных войск, и т. д. Не вдаваясь в подробности, отметим, однако, что эти данные, при всей их ценности, вовсе не доказывают, на наш взгляд, правильности тезиса, защищаемого В. Ф. Шелике, ибо оценка содержания мартовских боев определяется вовсе не степенью накала гнева рабочих (он был, безусловно, очень велик), не социальным составом отрядов, участвовавших в боях, а тем, кому в тот момент было выгодно развязать бои в Берлине, кто сознательно вел дело к этому. Материалы, имеющиеся в распоряжении историка, говорят, что инициатива исходила в тот момент от военщины, считавшей не без основания, что перевес сил на ее стороне.

Кроме статей, в рецензируемый сборник включен ряд интересных документов и материалов. Среди них следует особо упомянуть неопубликованное письмо Лео Иогихеса от 11 ноября 1918 г., представляющее ценность для историка с точки зрения характеристики позиции руководителей «Спартака» в первые дни Ноябрьской революции. С интересом познакомится читатель и с впервые публикуемыми на русском языке отдельными воспоминаниями участников революционных событий.

Весьма положительной оценки заслуживает приложенная к сборнику библиография, включающая литературу о Ноябрьской революции, вышедшую в СССР на русском и частично на украинском языках.

Говоря о сборнике, нельзя не отметить, что недостаточно продуманный подбор статей снижает его ценность. Сборник называется «Ноябрьская революция в Германии», однако самой революции посвящена

небольшая часть основного, статейного раздела. Не оправдано, например, отсутствие статей о создании КПГ и ее тактике в Ноябрьской революции, о тактике правящих классов Германии в периоды подъема и спада революции, о революционной борьбе в провинции и т. д. Помещение исследований на эти темы сделало бы книгу еще более полезной не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется проблемами Ноябрьской революции в Германии.

А. А. Галкин

А. Г. МАЗАЕВ. *Аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам.* М. 1959. 146 стр. Тираж 1 600. Цена 4 руб. 70 коп.

Книга посвящена малоизученному в нашей литературе вопросу — об аграрных преобразованиях в Демократической Республике Вьетнам. А. Г. Мазаев начинает свою работу с анализа земельных отношений в колониальном Вьетнаме. Автор отмечает, что аграрная политика французского империализма во Вьетнаме «была направлена главным образом на сохранение и расширение помещичьей собственности на землю, создание французского землевладения, обезземеливание трудового крестьянства» (стр. 10). Ничтожная горстка помещиков и колонизаторов владела 70% обрабатываемой земли, а на долю крестьян, составлявших около 90% населения, приходилось всего лишь 30% земли, причем, как правило, земли малоплодородной (стр. 13). Приводимые А. Г. Мазаевым цифры и факты убедительно опровергают миф о «благотворной» миссии европейских колонизаторов в странах Востока. Большой фактический материал о засилье феодальных пережитков во вьетнамской деревне, тяжелой жизни крестьянских масс под двойным гнетом местных помещиков и французских колонизаторов позволил автору убедительно показать настоятельную необходимость коренной ломки того общественного строя, который обеспечивал паразитическую жизнь кучке тунеядцев и обрекал на постепенное вымирание тысячи и тысячи безземельных и малоземельных крестьян.

Заслугой автора является показ аграрной политики Коммунистической партии Вьетнама на различных этапах национально-освободительного движения в стране.

Рассматривая аграрную политику вьетнамских коммунистов в период до Августовской революции 1945 г., а также в период освободительной войны, автор правильно указывает, что до создания во Вьетнаме в 1930 г. коммунистической партии крестьянское движение в стране не было «достаточно организованным и целеустремленным» (стр. 49). После создания коммунистической партии борьба крестьян за землю вступила в новую фазу, ибо в лице пролетариата и его партии крестьянство обрело верного союзника и надежного руководителя.

Уже в проекте программы партии, разработанной в 1930 г., были ясно поставлены две основные задачи: свержение империализма и уничтожение пережитков феодализма. Программа действий, выработанная временным ЦК Коммунистической партии Вьетнама, была нацелена тогда на ликвидацию кабальной аренды земли, отмену всех видов трудовой повинности, аннулирование всех долгов крестьян и запрещение конфисковать у крестьян землю за долги и невыплату налогов, на предоставление права самим крестьянам осуществлять передел общинных земель и т. д. (стр. 50—51). В 1930—1931 гг. в ряде уездов провинций Нге-ан и Ха-тинь были созданы Советы, которые приняли решение о проведении аграрной реформы и приступили при горячей поддержке крестьян к ее осуществлению. Так коммунисты на деле показали свою готовность претворить в жизнь лозунг «Каждому пахарю — свое поле». И хотя реакционерам удалось разгромить народную власть, но ее кратковременная деятельность не прошла бесследно; она сыграла большую и важную роль в истории борьбы вьетнамского народа за свое освобождение.

В 30-е годы вьетнамские коммунисты вели большую работу по завоеванию крестьянских масс, вовлекая их в освободительное движение.

В годы японской оккупации (1940—1945) коммунистическая партия, направляя свои усилия на консолидацию всех патриотических сил и расширение национального фронта, временно заменила лозунг «конфискации земли у помещиков» требованием «конфискации земли у помещиков-предателей». Такая тактика вызывалась условиями того времени, когда на первый план выдвигались задачи объединения всех национальных сил для борьбы с японскими оккупантами. Широкое развертывание партизанской войны против захватчиков было немыслимо без облегчения тяжелого бремени

крестьян, составлявших основную массу армии. Поэтому национальный фронт (Лига Вьет-минь), руководимый коммунистами, боролся в те годы за конфискацию имущества японских и французских империалистов, а также вьетнамских предателей, за перераспределение общинных земель, сокращение арендной платы, свободу обработки пустующей земли и т. д. (стр. 55). Эти лозунги способствовали тому, что крестьяне становились активными борцами за национальную независимость и демократию.

В период Августовской революции, подчеркивает автор, еще не ставился вопрос о конфискации всей помещичьей земли, но в результате победы этой революции крестьяне получили известные выгоды. На 25% была снижена арендная плата, аннулирована часть старых долгов (стр. 59).

Дальнейшему коренному разрешению аграрного вопроса помешала развязанная империалистами и затянувшаяся почти на десять лет война. Как отмечается в книге, «с 1945 г. вплоть до 1953 г. республика не выдвигала задачи коренной перестройки аграрных отношений» (стр. 57). Автор кратко излагает важнейшие мероприятия народной власти в эти годы, имевшие своей целью улучшение положения крестьянства и ограничивавшие феодальную и полуфеодальную эксплуатацию во вьетнамской деревне. К 1953 г. в руки крестьян перешло более половины земли, принадлежавшей ранее эксплуататорским классам. Владения колонизаторов сократились в пять раз, помещичьи — почти вдвое, общинные и полуобщинные (как правило, находившиеся в распоряжении помещиков) — в шесть раз (стр. 67). Вместе с тем в годы войны имела место известная недооценка антифеодальных задач революции. В книге приведены партийные документы, в которых отмечалось, что эта недооценка необходимости проведения аграрной реформы была порождена неправильным пониманием взаимосвязи антиимпериалистических и антифеодальных задач вьетнамской революции (стр. 70).

В январе 1953 г. 4-й пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама, указавший на неоправданную задержку аграрной реформы, определил первоочередные задачи и новый курс политики партии — полная ликвидация системы колониального и феодального землевладения в стране. На основе решений ЦК ПТВ правительство издало ряд декретов, направленных на реализацию новой аграрной политики. Эти декреты, как отмечает А. Г. Мазаев, «знаменовали собой новую веху на пути дальнейшего развертывания антифеодальной революции, подготавливали условия для полной ликвидации помещичьей собственности на землю и учреждения крестьянского землевладения» (стр. 73).

Автор указывает на ряд особенностей аграрной программы Партии трудящихся Вьетнама. Так, в программе выдвигалось требование не национализации земли (как это было в Советской России), а передачи ее в частную собственность крестьянству. Другой особенностью программы была политика в отношении кулака. Кулацкие хозяйства сохранялись, эксплуатация наемной силы не запрещалась. Кулакам были предоставлены гражданские права, они могли участвовать в политической жизни страны. Это было связано со стремлением сохранить кулака в рядах антиимпериалистического фронта.

С большим интересом читаются страницы книги, где описывается подготовка к проведению аграрной реформы и ее практическое осуществление. Раздел помещичьей земли происходил не сразу во всех деревнях Северного Вьетнама, а постепенно, по этапам, сначала в одной группе деревень, затем — в другой. После каждого этапа аграрной реформы обобщался ее опыт. Осуществлению реформы в широких масштабах предшествовало опытное проведение ее в одной или нескольких волостях.

Аграрные преобразования в каждой волости также проводились постепенно, по стадиям. На первой стадии кадровые работники (в проведении аграрной реформы участвовало 48 818 кадровых работников; стр. 88), устанавливали связи с крестьянами-бедняками, выясняли расстановку классовых сил в деревне, выявляли количество помещичьей земли и изучали условия, на которых участки сдавались в аренду. Одновременно шла работа по укреплению крестьянских союзов. По требованию крестьян наиболее жестоких помещиков арестовывали и предавали народному суду. Далее определялась классовая принадлежность каждого жителя деревни. Правильное определение классовой принадлежности подготовляло условия для третьей, решающей стадии аграрных преобразований — конфискации помещичьего имущества. Отобранное у помещиков имущество без всякого выкупа переходило в собственность крестьян. По неполным данным, у помещи-

ков в результате аграрной реформы было отчуждено: земли — 691 862,5 га, рабочего скота — 104 666 голов, сельскохозяйственного инвентаря — 1 138 478 орудий, продовольствия — 21 821 951 кг (стр. 93). Это имущество распределялось в первую очередь среди бедняков и батраков.

На четвертой стадии, после того, как раздел помещичьего имущества был закончен, проводились перевыборы местных органов власти и руководящих органов партийных ячеек и массовых организаций; новые собственники земли в торжественной обстановке получали свидетельство на право владения землей.

Аграрная реформа в деревнях Северного Вьетнама означала важный революционный процесс, коренную ломку старых порядков, обычаев и устоев.

Приходится отметить, что в нашей исторической литературе классовой борьбе во вьетнамской деревне в период аграрной реформы отведено неоправданно мало места, а этот вопрос представляет исключительный интерес. Автор прав, когда пишет, что «аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам, так же как и в других странах социалистического лагеря, проходила в условиях острой классовой борьбы» (стр. 97). Однако одной констатации этого недостаточно, следовало бы дать более развернутую картину классовой битвы за землю в деревнях Вьетнама.

В рецензируемой книге не нашли полного освещения такие основные направления работы коммунистов в деревне, как организация крестьянских союзов, мобилизация крестьянских масс на борьбу с помещиками, агитационно-массовая работа среди крестьян, воспитание в них понимания того, что раздел помещичьей земли — не результат чьей-то милости, не дар божий, а закономерный итог их борьбы.

Заключительная глава книги посвящена показу перемен, происшедших в деревнях Северного Вьетнама после завершения аграрной реформы. Раскрепощенное от феодальных пут сельское хозяйство страны уверенно пошло по пути неуклонного подъема. Но, как отмечает автор, аграрная реформа, облегчившая в значительной мере положение трудящихся крестьян, лишь частично решила проблему нищеты в деревне (стр. 134). Кардинальное решение этой проблемы может дать лишь перевод мелкокрестьянских хозяйств на рельсы крупного, коллективного ведения хозяйства. И автор рассказывает о том, как постепенно вьетнамские крестьяне начинают вступать на путь кооперирования.

Книга А. Г. Мазаева «Аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам», несмотря на отмеченные нами недостатки, в целом интересная и полезная.

Л. П. Делюсин

В. Г. ПОЛЯКОВ. *Англия и мюнхенский сговор (март — сентябрь 1938 г.).* М. 1960. 334 стр. Тираж 3 500. Цена 12 руб. 45 коп.

Появление книги В. Г. Полякова в высшей степени своевременно. Когда в 1945 г. ценою огромных жертв народов Европы, и прежде всего народов Советского Союза, была одержана победа над гитлеровской Германией, могло казаться, что с Мюнхеном и его последствиями покончено, что отныне он становится уже достоянием истории. Однако сегодня, через пятнадцать лет после окончания войны, Мюнхен опять замелькал на страницах газет. Причина в том, что реакционные и агрессивные силы Англии, Франции и США, ответственные за мюнхенский сговор с Гитлером в 1938 г., ныне идут на сговор с агрессивными силами германского империализма, средоточием которых в наше время стала Федеративная Республика Германии.

Накануне второй мировой войны в основе политики «невмешательства», политики «умиротворения» агрессивных фашистских держав — Германии, Италии и Японии,— которую упорно и последовательно проводили правящие круги Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки, лежал расчет на то, что западные державы смогут использовать агрессивные государства, и прежде всего гитлеровскую Германию, чтобы их руками, во-первых, нанести удар Советскому Союзу и если не уничтожить, то во всяком случае ослабить его, подорвать его влияние, во-вторых, разгромить революционное рабочее и демократическое движение в Европе и национально-освободительное движение в Азии. Именно этими мотивами руководствовались Чемберлен и Даладье, подписывая в сентябре 1938 г. в Мюнхене соглашение с Гитлером и Муссолини, отдававшее Чехословакию разбойничьей гитлеровской клике. К этой же цели было направлено подписанное послом Англии в Токио Крэйги и японским министром иностранных дел Арита соглашение в июле 1939 г., известное под названием «дальневосточного Мюнхена» и означавшее отказ

Англии от противодействия Японии в ее агрессивной войне против китайского народа.

Сегодня народы мира с возмущением и тревогой наблюдают за аналогичными действиями Англии, США и Франции, которые, пренебрегая суровыми уроками истории, вновь содействуют восстановлению германского милитаризма, заигрывают с недобитыми гитлеровцами в надежде использовать Западную Германию в качестве ударной силы в борьбе против Советского Союза и других стран социалистического лагеря, против международного революционного и демократического движения.

Об этом прямо пишет английская печать, близкая к правящим кругам. Газета «Times» в начале августа этого года опубликовала корреспонденцию Киркпатрика, бывшего высокопоставленного сотрудника министерства иностранных дел Англии, в которой указывается, что Англия должна идти на максимальные уступки Западной Германии с тем, чтобы ее вооруженную мощь Западный союз мог использовать против СССР. В этой статье предлагается разрешить ФРГ иметь ядерное оружие, ибо в противном случае боннские солдаты откажутся воевать за западные державы. «Необходимо признать,— пишет «Times»,— что немецкие войска должны располагать тем же оружием и снаряжением, каким располагают их союзники» [1]. Судя по делам английского правительства, его политика в отношении Западной Германии находится в полном соответствии с линией, сформулированной матерым мюнхенцем Киркпатриком. Только в этом плане можно понять визит в Бонн в августе 1960 г. английского премьер-министра Макмиллана и его переговоры с канцлером Аденауэром. «Объединение с Аденауэром... помощь ему в деле увеличения напряженности обстановки в Европе,— писала в этой связи английская газета «Daily Worker»,— означает не защиту интересов Англии, а увеличение опасности войны. Эта опасная политика должна встретить сильнейшее противодействие со стороны английского народа» [2]. Нынешняя английская политика содействия возрождению германского милитаризма перекликается с мюнхенской политикой английских правящих кругов, проводившейся в 30-х годах, и создает серьезную угрозу миру в Европе.

[1] «Times», August 3, 1960.
[2] «Daily Worker», August 13, 1960.

Все это делает весьма актуальной книгу В. Г. Полякова, в которой на основании многочисленных документов и фактов автор проанализировал внешнюю политику Англии накануне второй мировой войны и кульминационное событие этой политики — соглашение английского правительства с Гитлером в Мюнхене.

Автор начинает свою работу с рассмотрения экономических и политических позиций английского империализма после первой мировой войны, показывает ослабление этих позиций в результате кризиса, переживаемого английской капиталистической системой. На убедительном материале прослеживается обострение англо-германских противоречий в 30-х годах и показывается стремление английских правящих кругов разрешить эти противоречия за счет Советского Союза.

Достоинством книги является то, что автору удалось нарисовать, на наш взгляд, верную и подробную картину расстановки политических сил, проанализировать позиции партий в Англии по вопросам внешней политики. Автор показал, что в руководстве правящей партии консерваторов не было полного единства в вопросах внешней политики, что привело к отставке в феврале 1938 г. министра иностранных дел Идена и его заместителя Крэнборна. В отличие от некоторых авторов, склонных преувеличивать расхождения между Иденом и Чемберленом, В. Г. Поляков избежал этой ошибки. Он справедливо отмечает: «...безусловно, было бы неправильно преувеличивать серьезность разногласий между Чемберленом и Иденом, учитывая, в частности, что между ними не было расхождений в отношении принципиальных установок и конечных целей английской политики и что сам Иден на протяжении многих лет был активным проводником внешнеполитического курса британского империализма, направленного на «умиротворение» агрессоров» (стр. 86)

Со стороны либеральной партии внешнеполитический курс правительства не встречал серьезного противодействия. Правые лидеры лейбористской партии и тред-юнионов практически поддерживали внешнюю политику консервативных правительств. Вместе с тем ряд видных деятелей лейбористской партии, не входивших в состав ее руководства, такие, как С. Криппс, Э. Бивен, Д. Страусс, Д. Стречи и некоторые другие, занимал позицию, не совпадавшую с официальной внешнеполитической линией партии. Эта позиция отражала настроения

рядовых членов лейбористской партии. Последовательную борьбу против политики «умиротворения» фашистских агрессоров вела Компартия Англии, вокруг которой группировались прогрессивные силы страны.

Автор подразделяет деятельность английской дипломатии на протяжении германо-чехословацкого конфликта на четыре периода. Первый — с середины марта по конец апреля 1938 г.— период, непосредственно последовавший за захватом Германией Австрии, когда английское правительство считало, что пока нет непосредственной опасности для Чехословакии, ибо Германии требовалось время, чтобы «переварить» захват Австрии. Ко второму периоду — с конца апреля до середины июля — автор относит предъявление Генлейном так называемых карлсбадских требований и «майский кризис». Третий период — с 18 июля по 14 сентября — характерен прямым и грубым давлением английского правительства на Чехословакию с целью вынудить ее «разрешить» судетский вопрос в соответствии с желаниями Гитлера. Наконец, четвертый период — с 15 по 30 сентября — определялся тем, что английский премьер-министр Н. Чемберлен открыто выступал в роли прямого пособника немецко-фашистских агрессоров и в конце концов добился того, что в Мюнхене было подписано соглашение о расчленении Чехословакии в пользу Гитлера; здесь же Чемберлен подписал с Гитлером декларацию о ненападении.

В соответствии с этой, на наш взгляд, приемлемой, схемой и построена книга. В. Г. Поляков тщательно прослеживает ход дипломатических переговоров вокруг чехословацкого вопроса, переговоров, которые вели английские правящие круги с французским правительством, с гитлеровцами и с чехословацким правительством с целью выдачи в конечном итоге Чехословакии Гитлеру. При этом автор сообщает много интересных, ранее не приводившихся в изданиях на русском языке, уточняющих и помогающих более четко представить ход событий деталей. Это является результатом тщательного критического изучения и продуманного использования автором всех основных публикаций документов и монографических работ по исследуемой теме, появившихся в последние годы как в СССР, так и за рубежом.

Убедительно показана автором политика Советского Союза в период чехословацкого кризиса, его усилия, направленные на создание системы коллективной безопасности в Европе, которая могла бы обуздать разбойничий германский империализм и спасти Чехословацкое государство. Читатель видит, что Советский Союз в любое время на всем протяжении конфликта готов был оказать не только моральную и политическую, но и военную помощь Чехословакии.

Автор справедливо отмечает, что одной из причин трагедии Чехословакии в 1938—1939 гг. было предательство правящими кругами интересов страны, предательство, выразившееся, во-первых, в нежелании поднять и организовать народ Чехословакии на борьбу против фашистской угрозы, к чему призывала Компартия Чехословакии и чего хотели народные массы, и, во-вторых, в отказе принять предложенную Советским Союзом военную помощь. Однако автору, по нашему мнению, следовало бы больше уделить внимания анализу внутриполитической расстановки сил в Чехословакии в рассматриваемый период, подробнее проследить позиции политических партий, вскрыть силы, стоявшие за их спиной.

Автор, в общем, верно оценивает отношение США к Мюнхену. Однако хотелось бы прочесть в книге об англо-американской борьбе за «право» выступить главным организатором сделки с гитлеровской Германией. Только в этом свете можно правильно понять значение сделанного в начале января 1938 г. Соединенными Штатами предложения о созыве в Вашингтоне международной конференции по важнейшим политическим и экономическим проблемам и безусловно отрицательного отношения к этому предложению большинства английского правительства. Автору следовало бы показать, что США, симпатизируя мюнхенскому сговору и содействуя по антисоветским мотивам его налаживанию (это автор делает, хотя и недостаточно полно), одновременно весьма настороженно относились к англо-германской сделке, ибо усматривали в блокировании Англии и Германии определенную угрозу и своим интересам, прежде всего экономическим.

Более обстоятельного анализа требует декларация, подписанная 30 сентября Чемберленом и Гитлером. Автор верно определяет ее как пакт о ненападении между Англией и Германией. Об этом нужно говорить чаще и более твердо, ибо английская пропаганда и английская буржуазная историческая наука упорно стараются вытравить из памяти народов, что именно анг-

лийское правительство в 1938 г. отказалось принять предложение Советского Союза о создании системы коллективной безопасности для обуздания гитлеровской Германии и вместо этого пошло на соглашение с Гитлером. Следует всегда иметь в виду, что не только соглашение о расчленении Чехословакии должно было толкнуть гитлеровскую агрессию против СССР. К этой же цели была направлена и англо-германская декларация, ибо, как справедливо замечает газета «Daily Worker», «она давала Гитлеру свободу рук на Востоке, если бы он пожелал ею воспользоваться» [3].

Суровым приговором английской внешней политике 30-х годов звучит убедительно аргументированное положение автора о том, что, заключив с Гитлером сделку в Мюнхене, английское правительство тем самым помогло ему развязать вторую мировую войну. Такой исход событий не был фатально неизбежным. Если бы английское правительство приняло выдвинутое Советским правительством предложение о создании системы коллективной безопасности, Гитлера можно было бы обуздать.

Опыт 1939 г. и всех лет второй мировой войны привел английских буржуазных историков и публицистов к выводу о том, что в английской политике Мюнхен был «невероятной глупостью». Так его расценивала даже весьма близкая к консервативным лидерам газета «Daily Telegraph» [4]. Чего стоила народам эта «глупость», общеизвестно. Восстановление истории Мюнхена, который точнее было бы назвать не глупостью, а преступлением, крайне важно в наши дни, когда английские правящие круги, пренебрегая уроками недавней истории, вновь вступили на опасный путь сговора с наиболее агрессивными силами германского империализма. Работа В. Г. Полякова помогает понять эту историю, и в этом ее научное и политическое значение.

Книга носит исследовательский характер, она оснащена научным аппаратом, снабжена обзором и перечнем основных источников и литературы, написана четким, ясным языком и сравнительно невелика по размеру. Поэтому она доходчива, ее с интересом прочтут не только историки, но и все те, кто интересуется вопросами международной политики.

В. Г. Трухановский

[3] «Daily Worker», September 29, 1958.

[4] «Daily Telegraph and Morning Post». September 1, 1959.

КИМ БУСИК. *Самкук Саги (Исторические записи трех государств).* Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака. Изд-во восточной литературы. М. 1959, стр. 384, VI, 202, VII.

Труд М. Н. Пака вышел первой книгой в большой серии «Памятников литературы народов Востока». Публикация памятника «Самкук Саги» с переводом и комментариями является крупным вкладом в советскую и мировую литературу по востоковедению. М. Н. Пак отмечает в предисловии, что, за исключением переводов Иакинфа Бичурина и П. А. Дмитревского, в нашей корееведческой литературе не было опубликовано других памятников древней и средневековой истории Кореи. «Самкук Саги» не только один из важнейших памятников истории Кореи, но и старейший из сохранившихся до нашего времени письменных памятников этой страны. Отсюда его огромное значение.

Рецензируемое издание состоит из предисловия, дающего краткое описание источника, избранного для перевода, и вскрывающего значение этой летописи, вводной статьи «Летописи Силла и вопросы социально-экономической истории Кореи», перевода летописи Силла и комментариев к ней, приложений и фотокопий самого текста.

М. Н. Пак еще не закончил всей работы над летописью Ким Бусика, которая излагает не только историю государства Силла по годам, но и историю двух других государств Корейского полуострова (Когурё и Пэкче) [1]. Однако переведенная и обработанная часть летописи (летопись Силла) является самой важной и представляет самостоятельную научную ценность. Следует отметить также, что летопись Силла является не только главным источником для истории этого государства и соседних с ним корейских государств, но также источником для истории Китая (точнее его внешних связей) и особенно для истории Японии. В летописи Силла многократны упоминания о японских нападениях на эту

[1] Государство Силла в середине VII в. поглотило оба других корейских государства и объединило под своей властью почти весь Корейский полуостров, просуществовав под этим названием до начала X века. Историческую традицию, созданную в этом объединенном государстве Силла, в той или иной мере унаследовали и последующие правители Корейского государства.

страну, о различных аспектах отношений с Японией.

Помимо перевода и комментариев, о чем речь будет ниже, М. Н. Пак основное внимание в своих научных обобщениях обратил на разработку главных социально-экономических проблем истории Силла. Во вводной статье он подвергает исследованию вопросы о времени формирования и характере социально-экономического строя Силланского государства. В современной корейской историографии продолжаются споры о том, было ли это государство рабовладельческим или феодальным. Обоснование и выводы М. Н. Пака, что в Силла сложилось раннефеодальное государство, что рабский труд, хотя и существовал, но не был господствующим в производстве, кажутся нам убедительными.

Нам представляются также правильными и убедительными рассуждения автора о постепенном формировании государства на протяжении ряда веков. В летописи (часть 4, стр. 126 и сл.) весьма детально, хотя и примитивно, в соответствии со взглядами того времени, обрисовано, как с начала VI в. были созданы основы государственной организации (новое название страны, другой титул короля, административное деление страны и т. д.). М. Н. Пак, исходя из известных указаний Ф. Энгельса об отличительных особенностях государства в сравнении с родоплеменной организацией, относит именно к этому периоду решающий этап формирования Силланского государства.

Сложнее обстоит дело с государственной поземельной собственностью. В летописи Силла нет сколько-нибудь четких данных об установлении государственной собственности на землю, которая как раз в Корее оказалась более устойчивой формой феодальной собственности, чем в Японии и Китае.

В летописи Силла нет упоминаний о надельной системе, столь характерной для стран Азии, о размерах крестьянских наделов и земельных пожалованиях аристократии, о размерах и характере налогового обложения крестьян и т. д. О том, что такого рода обложение имело место, и о его характере, автор судит главным образом по тому, что силланские короли освобождали от случая к случаю население от налогов на тот или иной срок (введение, стр. 44—45). Но вряд ли это убедительно. Возможно и то, что это была дань с покоренного племени или что летописец вписывал эти акты королей, чтобы возвеличить их, показав, как они «заботились» о народе. Помимо этих многократных упоминаний об освобождении населения от налогов, все прочие упоминания о налогообложении, о наделах носят совершенно случайный характер, и строить только на их основе предположения о времени установления государственной собственности на землю и характере землепользования, с моей точки зрения, чрезвычайно трудно, если вообще это возможно.

В известной мере из-за отсутствия в летописи Силла всякого упоминания о законах и о надельной системе (а такие законы были и в Китае и в Японии) М. Н. Пак и корейские историки не ограничены в своих поисках истоков государственной феодальной собственности на землю. Судя по введению (стр. 43), начало возникновения этой собственности автор относит к III в. н. э. Серьезное сомнение вызывает то, что государственная собственность на землю возникла в период разложения первобытнообщинного строя, одновременно с началом формирования государственной власти. Для создания такой собственности требуется высокая степень совершенства механизма государственного аппарата. Эта власть должна была бы быть достаточно сильной для уничтожения веками существовавшей родоплеменной организации.

Государственная собственность на землю и ее неизбежный спутник в тех условиях — надельная система — требовали сложных расчетов, как и по скольку наделять крестьян землей, переписей земли и населения, определения норм обложений и т. д. Скорее всего в том случае (III в.), о котором пишет М. Н. Пак, мы имеем дело с обложением данью покоренных племен и наделением землей их вождей.

Хотя я разделяю взгляды М. Н. Пака на то, что в Силла не сложилась рабовладельческая формация, но отсутствие четких упоминаний о надельной системе и о системе налогообложения крестьянства скорее говорит в пользу крупной роли рабского труда, ибо для раба, конечно, фиксация обложения необязательна.

Возможно и другое предположение: что летописец из каких-либо соображений не счел нужным упоминать о законодательных актах, которые не дошли до нас.

При всей огромной важности поднятых М. Н. Паком во вводной статье вопросов все же трудно сказать, что автору удалось окончательно решить спорный вопрос о со-

циальном характере раннего государства Силла. Очевидно, летописи Силла еще не дают достаточного материала для этого.

Следует отметить, что критический анализ содержания летописи дан в предисловии чрезвычайно скупо (буквально на 1—2 страницах), нет также в предисловии попыток сопоставления этой летописи с китайскими и японскими письменными памятниками хотя бы по основным вопросам. Летопись Ким Бусика написана на основе более ранних письменных памятников, которые не дошли до нашего времени. Несомненно, Ким Бусик многое изменил в материалах, взятых из прежних летописей. М. Н. Пак упоминает об этом, но конкретный материал по этому важному вопросу разбросан по отдельным комментариям. Автор вскрывает многие позднейшие вставки, указывает на ряд противоречий (например, на стр. 300—302 — о делении Силла на области, которые в летописи отнесены вначале к I в., а затем к VI в., о рангах и должностях). Конечно, работа в этом отношении еще не завершена, в комментариях дано далеко не все. Так, судя по летописи, почти каждый корейский король (или скорее племенной вождь) начиная с I в. н. э., придя к власти, объявлял, как переводит М. Н. Пак, амнистию (термин несколько модернизирован), то есть освобождал из тюрем заключенных. Перевод, на мой взгляд, сделан правильно в соответствии с иероглифическим текстом. Однако самый факт существования тюрем, многочисленных заключенных и частые амнистии в период родового строя, даже разлагавшегося, вызывает сомнение и требует разъяснения, которого нет ни во введении, ни в комментариях. Скорее всего здесь сказывается стремление летописца приукрасить деятельность каждого правителя. Между тем во вводной статье автор совершенно не упоминает об этом странном факте, а в комментариях (стр. 304, примечание 87) пишет по поводу амнистии в начале II в., что общая амнистия объявлялась в связи с какими-либо торжествами. Тем самым М. Н. Пак придает этому событию действительное значение.

Нет в предисловии исторического обзора изучения летописей Ким Бусика в европейской и особенно в японской литературе. Лишь косвенно из нескольких слов в предисловии М. Н. Пака («Все крупнейшие памятники корейской историографии остаются недоступными для читателей исторической литературы на русском и других европейских языках», стр. 8) читатель может сделать вывод, что первый перевод летописи Ким Бусика на европейский язык осуществлен у нас. Полагаем, что М. Н. Пак как переводчик и комментатор в данном вопросе излишне скромен.

Конечно, одному ученому не под силу выполнить все то, о чем мы говорили выше. Еще многие советские и западные ученые будут заниматься подробным научным анализом летописи, ее критическим разбором, построением истории Силла в разных ее аспектах (политической, экономической, истории культуры) на основе летописи, сопоставлением ее с китайскими и японскими летописями. М Н. Паку как крупному специалисту, переводчику и комментатору летописи, давшему богатейший материал для дальнейшего изучения, следовало бы наметить во введении главные направления для последующих исследований.

Основу работы составляют перевод летописи и комментарии к ней. Летопись охватывает почти одиннадцать веков истории Силла и представляет собой описание событий этого огромного периода по годам с небольшими и редкими отступлениями автора ее, Ким Бусика.

Перевод выполнен отлично как с точки зрения точности и ясности изложения, так и его близости к оригиналу. У меня имеется лишь одно терминологического порядка замечание. В летописи Япония примерно до конца VII столетия именуется старым китайским, несколько уничижительным наименованием, которое по-корейски произносится Вэ (по-китайски — Во, по-японски — Ва). М. Н. Пак почти повсюду придерживается именно этого термина (войска Вэ, государство Вэ и т. д.), но иногда (стр. 87, 171), когда летописец сохраняет тот же термин, переводит его словами японцы, Япония. Для корейской истории эта терминология не имеет существенного значения, но для истории Японии, где еще тоже не установлено, с какого периода утвердилось наименование «Нихон», она важна. Летопись Силла дает в этом отношении дополнительный материал.

Комментарии к переводу, требующие огромного и кропотливого труда, больших знаний китайской, корейской и японской литературы, сделаны автором также чрезвычайно тщательно. Но, конечно, в области комментариев и исследования летописи (критический разбор текста, исторические обобщения) остается еще, как мы уже говорили, непочатый край работы.

Есть, конечно, и в комментариях отдельные неточности, неясности. Приведем лишь некоторые из них. На стр. 342 (примечание 17) автор пишет о человеке, правящем государством «позднее Пэкче»; что означает это «позднее», не объяснено. На стр. 346 (примечание 14) остается непонятным, почему для оправдания военных действий Силла против Пэкче надо принизить положение Силла. На стр. 345 (примечание 62) М. Н. Пак выступает против Ким Бусика, который видит причину гибели Силланского государства в распространении буддизма. Автор пишет, что рост монастырей был связан с общим развитием крупного землевладения. Это, может быть, и верно, но несомненно и то, что буддизм, сыгравший в V—VII вв. известную прогрессивную роль в формировании корейских государств, очень скоро стал силой, подточившей мощь этих государств в большей даже мере, чем крупное феодальное землевладение. Думаю, что Ким Бусик здесь ближе к истине, чем М. Н. Пак.

Большим недостатком издания, выполненного в целом хорошо, является отсутствие карты-схемы, на которой были бы помещены многочисленные племена и упоминаемые в тексте поселения. Читатель не может себе представить местонахождение того или иного пункта или племенного образования. Указатель географических наименований, правда, разъясняет, какому современному пункту соответствует упоминаемый в тексте, но карта-схема была бы нагляднее.

Фотокопия источника — китайско-корейского текста летописи — сделана хорошо. Любое место перевода легко найти в оригинале, поскольку цифрами помечено, какой лист фотокопии относится к данной части перевода. Лишь на некоторых листах фотокопии (32, 33, 38, 40, 46, 57) иероглифы трудно разбираются либо из-за несовершенства фотокопии, либо самого подлинника. Очень ценны исправления иероглифов, сделанные в специальных примечаниях к тексту летописи (стр. III—VI).

Я указывал выше, что летопись Силла имеет огромное значение не только для истории одного из государств Корейского полуострова. При всем различии исторической обстановки и процессов, происходивших в древние времена в Корее и Японии, все соседние с Китаем государства испытывали в той или иной мере влияние передовой китайской культуры. Как в Японии, так и в Корее решающему этапу в формировании государства предшествовало установление связей с Китаем, создание по китайскому образцу (с некоторыми коррективами) государственных учреждений, перенесение на корейскую и японскую почву ряда традиций китайской государственности (титулы правителей, эры правления и т. д.).

Огромную роль в насаждении государственности сыграл как в Японии, так и в Силла буддизм, пришедший из Индии через Китай и нанесший серьезный удар родовому культу. Борьба за и против иноземной религии приняла чрезвычайно острые формы как в Корее, так и в Японии. Конечно, многое из этого было ранее известно историкам Японии и Кореи. Однако в летописи Силла, переведенной М. Н. Паком, пути проникновения китайского влияния и воздействия буддизма показаны особенно рельефно и образно и многое дают для понимания аналогичных процессов в Японии и характера японо-корейских отношений того времени (особенно потому, что китайское влияние в Японию шло в значительной мере через Корею).

М. Н. Пак, несомненно, продолжит работу над переводом и исследованием «Самкук Саги» и по завершении ее даст историю изучения этого памятника в мировой литературе.

А. Л. Гальперин

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Ленин В. И. *О закономерностях возникновения и развития социализма и коммунизма.* Сборник. Предисл. М. Власовой и Ю. Никифорова. М. Госполитиздат. 1960. XXXII. 711 стр. 50 000 экз. 10 р. 50 к.

Аксенов Ю. С. *Ленские события 1912 года.* Положение и борьба ленского пролетариата. Пособие для учителя. М. Учпедгиз. 1960. 142 стр. 19 000 экз. 2 р. 65 к.

Александров Ф. *В годы нового революционного подъема.* М. «Моск. рабочий». 1960. 128 стр. 16 000 экз. 1 р. 60 к.

Андреев П. Г. *Ярославские ополченцы.* Из истории Отечественной войны 1812 г. Ярославль. Кн. изд. 1960. 64 стр. 2 000 экз. 75 коп.

Андриасов М. *Шесть дней.* М. Изд-во ДОСААФ. 1960. 110 стр. 60 000 экз. 1 р. 60 к. Документальная повесть о стрелковом батальоне Г. Мадояна, участвовавшем в освобождении Ростова в феврале 1943 года.

Антонов А. *Борьба СССР за разоружение.* Краткий историч. очерк. М. «Знание». 1960. 40 стр. 9 000 экз. 65 коп.

Антонов В. *Герман Лопатин.* Липецк. Кн. изд-во. 1960. 164 стр. 5 000 экз. 1 р. 90 к. Очерк жизни и деятельности русского революционера 70—80-х гг.

Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. В 3 томах. Т. 2. С середины XVII до XVIII века, до воссоединения с Россией. Сост. А. И. Азаров и др. Минск. Изд-во АН БССР. 1960. 560 стр. 2 200 экз. 10 р. 70 к.

Бережной И. *Записки разведчика.* Предисл. П. Вершигоры. Кн. 1. Горький. Кн. изд-во. 1960. 190 стр. 75 000 экз. 3 руб. Автор — командир специального отряда, действовавшего в тылу врага по заданию штаба Брянского фронта.

Беспалов В. и Дмитриев А. *Малоярославец.* Ист.-экон. очерк. Калуга. Кн. изд-во. 1960. 104 стр. 5 000 экз. 2 руб.

Бибиков Ю. и Москалев С. *Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти.* 1917—1959. М. Профиздат. 1960. 191 стр. 5 000 экз. 2 р. 25 к.

Васильев С. И. и Дикань А. П. *Гвардейцы Пятнадцатой.* Боевой путь Пятнадцатой гвардейской стрелковой дивизии. М. Воениздат. 1960. 160 стр. 3 р. 50 к.

В. И. Ленин о строительстве социалистической экономики. Сборн. научных работ кафедр политэкономии вузов г. Харькова. Вып. 3. Харьков. Изд. Харьк. ун-та. 1960. 216 стр. 1 000 экз. 11 р. 10 к.

Витте С. Ю. *Воспоминания.* Т. 2. 1894 — октябрь 1905. Царствование Николая II. М. Соцэкгиз. 1960. 639 стр. 75 000 экз. 9 р. 10 к.

Владивосток. Сборник исторических документов. 1860—1907 гг. Сост. Г. М. Воронкова и др. Предисл. А. И. Крушанова. Владивосток. Примор. кн. изд-во. 1960. 220 стр. 3 000 экз. 9 руб.

Воробьев Л. *Разбуженная Рамень.* Очерки истории, экономики и культуры Кологривского района, Костромской области. Кострома. Кн. изд-во. 1960. 172 стр. 3 000 экз. 2 р. 75 к.

Гертман Ю. Б. *Проблема союза рабочего класса и крестьянства в произведениях В. И. Ленина 90-х годов XIX века.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 61 стр. 10 000 экз. 2 руб.

Голобуцкий В. А. *Максим Железняк.* М. Соцэкгиз. 1960. 72 стр. 30 000 экз. 70 коп. Исторический очерк о руководителе крестьянского восстания «Колиивщины» на Правобережной Украине в 1768 году.

Гончарова А. и Хамцов А. *Стены и башни Кремля.* 2-е, доп. изд. М. «Моск. рабочий». 1960. 71 стр. 50 000 экз. 2 руб.

Дризул А. А. *Латвия под игом фашизма.* (1934—1940). Рига. Латгосиздат. 1960. 388 стр. 2 000 экз. 8 р. 40 к.

Душенькин В. *От солдата до маршала.* Жизнь и боевой путь маршала Советского Союза В. К. Блюхера. М. Госполитиздат. 1960. 135 стр. 150 000 экз. 1 р. 60 к.

Завьялов А. С. и Калядин Т. Е. *Восточно-Померанская наступательная операция советских войск.* Февраль — март 1945 г. Военно-историч. очерк. М. Воениздат. 1960. 234 стр. 11 р. 90 к.

Зайончковский П. А. *Отмена крепостного права в России.* Изд. 2-е, пересмотр. и доп. М. Учпедгиз. 1960. 367 стр. 15 000 экз. 6 р. 80 к.

Иванов С. А. *Большевики Псковской губернии в борьбе за победу Октябрьской революции. Псков.* «Псковская правда». 1960. 110 стр. 3 000 экз. 3 руб.

Ивановский комсомол в годы гражданской войны. 1917—1921 гг. Сборник документов и материалов. Под ред. В. А. Бабичева и Р. А. Лопаткина. Иваново. Кн. изд-во. 1960. 283 стр. 2 000 экз. 4 р. 50 к.

Ивашин И. Ф. *Борьба Советского Союза за всеобщее и полное разоружение.* М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 54 стр. 29 300 экз. 65 коп.

Из истории Татарской партийной организации. Сборник статей кафедры истории КПСС. Вып. 1. Казань. Изд-во Казанск. ун-та. 1960. 231 стр. 1 500 экз. 8 р. 70 к.

Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Под ред. и при участии А. М. Мирзоева и А. М. Болдырева. Предисл. А. Мирзоева. Т. 1. Сталинабад. Изд-во АН Таджикской ССР. 1960. 323 стр. 1 500 экз. 21 р. 50 к.

Клюкин В. И. *Юные коммунисты.* Историч. очерк о Кировской организации ВЛКСМ. 1918—1945 гг. Киров. Кн. изд-во. 1960. 216 стр. 7 000 экз. 5 р. 20 к.

Коляденко Г. и др. *Луганщина.* Справочник-путеводитель по знаменательным местам Луганской обл. Луганск. Обл. изд-во. 1960. 168 стр. 20 000 экз. 3 р. 20 к.

Конюховский В. Н. и Овсянников Н. М. *XXI съезд КПСС о политических задачах партии в период осуществления семилетнего плана.* М. «Знание». 1960. 40 стр. 48 300 экз. 60 коп.

Красовский С. А. *Жизнь в авиации.* М. Воениздат. 1960. 264 стр. 7 руб. Воспо-

минания маршала авиации охватывают период с 1916 г. до конца Великой Отечественной войны.

Крайнов Д. А. *Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 190 стр. 1 500 экз. 13 р. 55 к.

Крупнов Е. И. *Древняя история Северного Кавказа.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 520 стр. 2 500 экз. 29 руб.

Макашов А. *Первый съезд КП(б) Таджикистана.* Сталинабад. Таджикгосиздат. 1960. 48 стр. 3 000 экз. 45 коп.

Мансветов Н. В. *Николай Толмачев.* 1895—1919. Л. Лениздат. 1960. 139 стр. 7 000 экз. 1 р. 45 к. Историко-биографический очерк о большевике-подпольщике, участнике Октябрьской революции.

Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М. Изд-во АН СССР. 1960. 317 стр. 1 700 экз. 17 р. 90 к.

Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. Сост. Н. Ф. Демидовой. Под ред. и со вступит. статьей С. М. Васильева. М. Изд-во АН СССР. 1960. 783 стр. 1 500 экз. 40 р. 25 к.

Материалы XVI съезда Коммунистической партии Туркменистана. 16—17 февраля 1960 г. Ашхабад. Туркменгосиздат. 1960. 104 стр. 4 000 экз. 1 р. 15 к.

Мацияускас Й. *Родина зовет.* Сокр. пер. с литовск. М. Воениздат. 1960. 320 стр. 6 р. 45 к. Документальная книга об участии литовского народа в Великой Отечественной войне.

Менделеев Д. И. *Проблемы экономического развития России.* Вступит. статья В. Кириченко. М. Соцэкгиз. 1960. 615 стр. 5 000 экз. 18 р. 20 к.

М. И. Калинин в Оренбуржье. Докум. материалы. Сост. П. К. Десятерик и Я. К. Жуков. Под общ. ред. М. В. Кабанова. Оренбург. Кн. изд-во. 1960. 168 стр. 3 000 экз. 3 руб.

Моисеев П. И. *Город Плес.* Ист.-экон. очерк. Иваново. Кн. изд-во. 1960. 132 стр. 5 000 экз. 1 р. 10 к.

Мустафаев Б. *В братском единстве.* Помощь русского народа — решающий фактор в национальном возрождении народов Дагестана. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 169 стр. 2 000 экз. 3 р. 65 к.

Николаев П. А. *Кулебакские металлисты в революционном движении.* 1900—1917. Горький. Кн. изд-во. 1960. 93 стр. 3 000 экз. 1 р. 40 к. О борьбе рабочих Кулебакского горного завода против самодержавия и буржуазии.

Перелыгин Н. *За власть Советов.* Борьба трудящихся за установление и упрочение Советской власти на территории Липецкой обл. Липецк. Кн. изд-во. 1960. 96 стр. 3 000 экз. 1 р. 15 к.

Полесских М. *Памятники материальной культуры Пензенской области.* Пенза. Кн. изд-во. 1960. 55 стр. 3 000 экз. 80 к.

Полководцы гражданской войны. М. «Мол. гвардия». 1960. 351 стр. 90 000 экз. 6 р. 90 к.

Пономарев И. *Подвиг североморцев.* Мурманск. Кн. изд-во. 1960. 299 стр. 15 000 экз. 6 р. 35 к. Военно-исторический очерк о действиях моряков Северного флота в Заполярье в годы Великой Отечественной войны.

Пронин М. *Легендарный крейсер.* 2-е, доп. изд. Л. Лениздат. 1960. 203 стр. 10 000 экз. 2 р. 60 к. Очерк о крейсере «Аврора».

Профсоюзы Узбекистана в 1925 году. Сборник документов. Под ред. Л. В. Гентшке. Ташкент. Изд-во САГУ. 1960. 364 стр. 2 200 экз. 9 р. 40 к.

Раззаков И. Р. *Интеллигенция Советского Киргизстана в борьбе за осуществление решений XXI съезда КПСС.* Фрунзе. Киргизгосиздат. 1960. 49 стр. 5 000 экз. 60 коп.

Ратушнов Н. *В боевом походе.* Минск. Госиздат БССР. 1960. 233 стр. 30 000 экз. 4 р. 50 к. Записки о деятельности 208-го партизанского отряда на территории Белоруссии в 1941—1944 гг.

Рогачевская Л. С. *Рабочий класс СССР.* 1926—1929 гг. М. «Знание». 1960. 40 стр. 48 300 экз. 60 коп.

Савельев А. и Шкундов И. *Киров.* (Ист.-экон. очерк). Калуга. Кн. изд-во. 1960. 70 стр. 5 000 экз. 1 р. 35 к.

Салахутдинов Ф. З. *Комсомольцы Самаркандской области в годы Великой Отечественной войны.* Самарканд. Изд-во Самарк. ун-та. 1960. 80 стр. 5 000 экз. 3 руб.

Свирский С. *Революционное движение в царской армии в Туркестане в годы нового революционного подъема.* 1910—1914 гг. Ташкент. Объедин. изд. «Кзыл Узбекистон», «Правда Востока» и «Узбекистони сурх». 1960. 128 стр. 5 000 экз. 2 руб.

Соловьев С. М. *История России с древнейших времен.* В 15 книгах. Кн. 3. Тт. 5—6. М. Соцэкгиз. 1960. 815 стр. 45 000 экз. 17 руб.

Столяренко М. А. *Моряки в огне революции.* Участие военных моряков в борьбе за победу Советской власти и в разгроме интервентов на Севере в 1917—1920 гг. Л. Лениздат. 1960. 196 стр. 2 000 экз. 3 р. 30 коп.

Тюленев И. В. *Через три войны.* М. Воениздат. 1960. 256 стр. 5 р. 90 к. Автор — участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн.

Фетинин Д. Н. *Рассказ о легендарном начдиве.* Киров. Кн. изд-во. 1960. 56 стр. 5 000 экз. 85 коп. Биографический очерк о герое гражданской войны В. М. Азине.

Фучик Ю. *О Средней Азии* (Очерки). Пер. с чешск. и предисл. О. Малевича. Ташкент. Гослитиздат УзССР. 1960. 258 стр. 15 000 экз. 8 р. 85 к.

Цыганков В. П. *Героическая Москва.* Военно-организаторская деятельность Моск. городской парторганизации в период героической битвы под Москвой 1941—1942 гг. М. Воениздат. 1960. 184 стр. 4 р. 50 к.

Чугаев Д. А. *В. И. Ленин — основатель Советского многонационального государства.* М. «Знание». 1960. 40 стр. 48 100 экз. 60 коп.

Щеглов Д. *В ополчении.* М. Воениздат.

1960. 286 стр. 6 р. 35 к. Воспоминания участника обороны Ленинграда.

Шекотов Е. *Охотники за подводными лодками.* М. Воениздат. 1960. 127 стр. 3 р. 10 к. Автор рассказывает об истории развития противолодочных сил, о борьбе советских моряков с вражескими подводными лодками в годы Великой Отечественной войны.

Юность боевая. Сост. Е. П. Шейко. Новосибирск. Кн. изд-во. 1960. 231 стр. 15 000 экз. 4 р. 05 к. Сборник статей и материалов из истории Новосибирской организации комсомола.

Ярославль социалистический. Очерки по истории города. Октябрь 1917—1959. Под ред. Л. Б. Генкина. Ярославль. Кн. изд-во. 1960. 366 стр. 7 000 экз. 8 р. 60 к.

Всеобщая история

Видгоп Л. и Сухотин Я. *Дружба великая и трогательная.* Странички из жизни К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е, перераб. и доп. изд. М. «Мол. гвардия». 1960. 192 стр. 65 000 экз. 4 р. 95 к.

Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока. Сборник статей. (Под ред. Е. В. Паевской и И. М. Сырицына.) М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 172 стр. 1 500 экз. 10 руб.

Война за колючей проволокой. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Госполитиздат. 1960. 240 стр. 100 000 экз. 3 р. 90 к. Сборник воспоминаний бывших участников антифашистского подполья в концлагере Бухенвальд.

Дементьев Ю. П. *Политика Франции в Камбодже и Лаосе.* 1852—1907. М. Изд-во вост. лит. 1960. 71 стр. 1 500 экз. 2 р. 50 к.

Домнич М. Я. *Великая французская буржуазная революция и католическая церковь.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 196 стр. 8 000 экз. 3 руб.

Крылов С. Б. *История создания Организации Объединенных Наций.* Разработка текста Устава Организации Объединен. Наций (1944—1945). М. Изд-во ИМО. 1960. 343 стр. 5 000 экз. 13 р. 35 к.

Ноябрьская революция в Германии. Сборник статей и материалов. М. Изд-во АН СССР. 1960. 516 стр. 2 000 экз. 21 р. 60 к.

Очерки новой и новейшей истории США. В 2 томах. Под ред. Г. Н. Севостьянова и др. Т. 1. М. Изд-во АН СССР. 1960. 632 стр. 8 000 экз. 27 руб.

Против колониализма. (Сборник статей). М. Изд-во вост. лит. 1960. 172 стр. 2 200 экз. 6 р. 50 к.

Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120. Гос. музея изобразит. искусства им. А. С. Пушкина в Москве. Изд. текста и исследование М. А. Коростовцева. М. Изд-во вост. лит. 1960. 134 стр. 1 300 экз. 11 руб.

Редько И. Б. *Непал после второй мировой войны.* Антифеодальное и антиимпериалистическое движение 1945—1956. М. Изд-во вост. лит. 1960. 267 стр. 2 200 экз. 8 руб.

Соловьев Д. *Человек не становится на колени.* Ташкент. Гослитиздат УзССР. 1960. 160 стр. 60 000 экз. 3 р. 75 к. Воспоминания бывшего узника гитлеровского концлагеря.

Средние века. Сборник. Вып. 17. М. Изд-во АН СССР. 1960. 430 стр. 1 400 экз. 22 р. 80 к.

Фридман Ц. Л. *Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане.* Алма-Ата. Казгосиздат. 1960. 144 стр. 4 500 экз. 1 р. 80 к.

Янин А. А. *Чехословакия в период завершения строительства социализма.* М. 1960. 40 стр. 5 000 экз. 50 коп.

15 лет Демократической Республики Вьетнам. (Сборник статей). М. Изд-во ИМО. 1960. 147 стр. 5 р. 10 к.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Вопросы истории КПСС» № 4. «Новые документы В. И. Ленина» (письма к И. Арманд, Д. Вайнкопу и др.); Б. Н. Пономарев. Исторический опыт КПСС — на службу коммунистическому строительству; Г. Е. Глезерман. В. И. Ленин о развитии ростков коммунизма; В. Я. Ашанин. Политотделы МТС в годы Великой Отечественной войны (ноябрь 1941 — май 1943 г.); Ф. М. Ваганов. Разгром правого уклона в ВКП(б) (1928—1930 гг.); Ф. Г. Евграфов. Нижегородская парторганизация и строительство автозавода (1929—1932 гг.); Л. Н. Нежинский. Создание единой партии рабочего класса в Венгрии (1944—1948 гг.); Дж. Клугман. Образование Коммунистической партии Великобритании. К 40-летию партии; Ф. М. Суслова. Из истории борьбы В. И. Ленина с «экономизмом»; Л. Ф. Чиковани. Ранние переводы марксистской литературы на грузинский язык; «В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти (биографическая хроника)» (продолжение. Начало см. «Вопросы истории КПСС», 1960, №№ 2, 3).

«История СССР» № 4. Ч. Аморт. Из истории советско-чехословацкой дружбы (1938—1945 гг.); А. Я. Грунт, М. И. Хейфец. О некоторых вопросах истории социалистического города (к выходу в свет VI тома «Истории Москвы»); А. А. Мухин. Рабочее движение в Вятской губернии в 1859—1883 гг.; Л. И. Лескова. О статистике стачек рабочих Урала в 1910—1914 гг.; Ю. И. Кирьянов. Стачечная борьба рабочих Екатеринославской губер-

нии в годы I мировой войны (июль 1914—февраль 1917 г.); Н. Н. Воронин. Андрей Рублев и его время (к 600-летию со дня рождения художника); С. О. Шмидт. Соборы середины XVI в.; Ф. Ф. Усков. Участие народов СССР в восстановлении хозяйства районов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации; Ю. А. Мошков. Политика госзаготовок в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства (1930—1934 гг.); И. М. Никанорова. Из истории селькоровского движения в годы подготовки массовой коллективизации сельского хозяйства; В. Р. Герасимюк. Комбеды Российской Федерации в цифрах; Н. И. Голованов. О роли империалистов США и Антанты в июньском наступлении русской армии в 1917 г.; Ф. Е. Лось. К вопросу о периодизации истории советской исторической науки; С. К. Ибрагимов. Новые материалы по истории Казахстана XV—XVI вв.; Ю. С. Борисов, В. С. Васюков. Вопросы социально-экономических преобразований советской деревни в современной французской антимарксистской историографии.

«Новая и новейшая история» № 4. У. З. Фостер. Борьба за создание производственных профсоюзов в США; А. А. Губер, Н. М. Лавров. К 150-летию войны за независимость Латинской Америки; А. И. Штрахов. Освободительная борьба народа Ла-Платы в 1810—1816 гг.; Е. И. Рубинштейн. Из истории рабочего и социалистического движения в Австрии (Цислейтании) весной и летом 1917 г.; М. А. Барг. К вопросу о социальной идеологии диггеров; Л. Ю. Слезкин. О солидарности передовой русской общественности с патриотами Латинской Америки; Я. С. Драбкин, Б. Г. Тартаковский. Новые данные об антифашистском движении Сопротивления в годы II мировой войны; Й. Митев. Фашистский переворот в Болгарии в 1923 г. и западные державы; В. Марков, М. Коссок. О попытках реакционной историографии реабилитировать испанский колониализм в Америке; А. А. Трембицкая. Живая история французского коммунистического движения.

«Проблемы востоковедения» № 3. «Развитие гуманитарных наук в социалистических странах Востока» (передовая); Р. А. Ульяновский. Об особенностях развития и характере госкапитализма в независимой Индии; А. З. Арабаджян. Внешняя политика и экономическое развитие Ирана и Афганистана; С. Л. Тихвинский. Два различных подхода к вопросу о целях реформ в Китае в конце XIX в.; А. Д. Новичев. Крестьянское восстание в Турции в начале XV в.; М. И. Сладковский. Советско-китайское экономическое сотрудничество; А. И. Чехутов. Налоговое ограбление крестьянства в гоминдановском Китае (1927—1949 гг.); Т. Левицкий «Китаб ар Рауд алми'тар» Ибн'Абд ал-Мун'има ал-Химийари (XV в.) как источник сведений о Восточной, Центральной и Северной Европе; К. Петрачек. Братиславская коллекция арабских рукописей и ее значение для изучения культуры мусульман Боснии; Фэн Цзя-шэн, Э. Тенишев. Три новых уйгурских документа из Турфана.

«Военно-исторический журнал» № 8. В. Кулаков. Фальсификация истории второй мировой войны — средство идеологической подготовки агрессии; П. Сагайдак, А. Цыганок. Использование воздушных десантов в Великой Отечественной войне; А. Колгушкин, И. Бершадский. О начальном периоде минувшей войны; Р. Таубин. Н. Г. Чернышевский о некоторых вопросах военной истории; «Из служебного дневника начальника генштаба сухопутных войск фашистской Германии. (Выдержки за период с 1 по 19 августа 1941 года)» (публикация).

«Преподавание истории в школе» № 4. «Учитель истории — перед новым учебным годом» (передовая); В. Е. Невлер-Вилин. Джузеппе Гарибальди и передовые люди России; С. Е. Хозе, В. С. Грибов. Учителя истории и идеологическая работа в школе.

«Украинский исторический журнал» № 4 (на укр. яз.). Л. И. Берлин, Х. Т. Славутская. Движение коллективов и ударников коммунистического труда (На материалах партийной организации гор. Харькова); Н. М. Кубрушко. Меры Коммунистической партии Украины по подъему угольной промышленности Донбасса (1926—1929 гг.); С. М. Короливский. К вопросу о представительстве Украины на II Всероссийском съезде Советов; А. З. Барабой. Расслоение и начало разложения крестьянства на Правобережной Украине в первой половине XIX в.; Честмир Аморт. Помощь Советского Союза партизанскому движению в Чехии; И. Ф. Черников. Экономическое сотрудничество СССР и Турции (1923—1935 гг.); Петко Атанасов. Из прошлого болгаро-украинских связей; М. Д. Семенчук. В. Г. Григорович-Барский (украинский путешественник XVIII в.); Я. Д. Исаевич. Юрий из Дрогобыча; «Материалы о советско-китайской пролетарской солидарности в 1924—1925 гг.», подготовил Е. Н. Стуканов; И. Х. Сас. Освещение социалистического строительства в западных областях Украины (обзор литературы); М. Б. Морозов. Газета «Правда» как источник исследования процесса развития и укрепления дружбы народов СССР.

«Вестник Московского университета». Исторические науки № 4. О. И. Митяева. Н. К. Крупская и культурно-просветительная работа в первой пятилетке; Б. В. Носков. О политике правительства консерваторов по отношению к национализированным отраслям промышленности и транспорта Англии (1951—1957 гг.); Н. И. Филимонова. Экономический отдел «Прибавлений к Московским ведомостям» Н. И. Новикова (1783—1784 гг.); Ю. М. Сапрыкин. О причинах Ирландского восстания 1641 года.

«Труды Института этнографии АН СССР». Новая серия. Т. LIV. Проблемы истории первобытного общества. Д. М. Каров.

О развитии примитивных орудий; С. Н. Замятнин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита; Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе; А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории; Д. А. Ольдерогге. Система нкита (взаимоотношения родов у нкунду по данным конца XIX — начала XX в.); Ю. М. Лихтенберг. Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-ганованского типа); его же. Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и зависимость их от деления общества на группы; М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии.

«Материалы по этнографии Грузии Института истории АН Грузинской ССР», XI. И. В. Чкония. Семья и семейный быт колхозников Грузинской ССР; М. К. Гегешидзе. Народные способы орошения в Верхней Сванетии (груз. яз.); Г. С. Читая. Горное земледелие на Кавказе; А. И. Робакидзе. Форма поселения в Балкарии (груз. яз.); Р. Л. Харадзе. Сельская община в Балкарии (груз. яз.); Г. Ш. Бежанишвили. Материалы по свадебным обрядам удин (груз. яз.); В. В. Бардавелидзе. Один из древнейших этапов развития пантеона астральных божеств грузинских племен (груз. яз.).

«Ученые записки Азербайджанского гос. университета». Серия общественных наук. № 2. Ш. Ф. Мехтиев. Азербайджанскому гос. университету им. С. М. Кирова 40 лет; Г. А. Дадашев. Комитеты бедноты и развертывание социалистической революции в азербайджанской деревне; З. Ибрагимов. Коммунистическая партия — организатор победы Советской власти в Азербайджане.

«Ученые записки Вильнюсского гос. университета». Экономика. I (на лит. яз.). Д. Ведерайте. Экономические вопросы в трудах В. Мицкявичюса-Капсукаса в 1917—1934 гг.; С. Равинскас. Деятельность Совета народного хозяйства Литвы в 1919 г.; М. Идайте. Организация финансовой системы в Литве в 1918—1929 гг.; Е. Майминас. О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Литвы; А. Макарявичюс. Экономические теории в Вильнюсском университете в 1783—1832 гг.

«Ученые записки Казанского госуниверситета». Т. 120, кн. 1. Из истории татарской партийной организации. Сборник статей кафедры истории КПСС, вып. 1. М. А. Кибардин. Борьба крестьян Казанской губернии за землю в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; А. А. Шишкин. Об углублении Октябрьской социалистической революции в деревне; Ш. М. Еналеев. Татарская партийная организация в борьбе за осуществление национальной политики в годы первой пятилетки; А. Р. Шайдуллин. К вопросу о дружбе татарского и русского народов; А. Р. Шайдуллин, И. Н. Юдин. Борьба Татарской парторганизации за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1959 гг.).

«Ученые записки Томского гос. университета». Т. 35. Н. В. Блинов. О начальном периоде русской социал-демократии; Н. И. Седова. Из истории борьбы революционных социал-демократов России за становление пролетарского профессионального движения накануне 1905 г.; Н. И. Седова. Борьба большевиков за руководство пролетарскими профсоюзами в первой половине 1906 г.; Г. М. Марина. Военная работа омских большевиков в 1906—1907 гг.; Б. В. Иванов. Начало кооперативного строительства на Дальнем Востоке (конец 1922 г.); Е. П. Чечкина. Агитационно-массовая работа на промышленных предприятиях Новосибирска и Томска в годы Великой Отечественной войны; Г. М. Иванов. Современная буржуазная методология истории о специфике предмета исторического познания; Л. А. Ушакова. Грановский о роли народных масс и личности в истории.

«Ученые записки Туркменского гос. университета». Вып. XVII. А. М. Чиперис. Борьба народов юго-востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50—70-х гг. XV века.

«Труды Азербайджанского госпединститута». Т. 14. А. А. Смелов. Сорок лет Совнархоза Азербайджанской ССР — экономического органа диктатуры рабочего класса в республике.

«Ученые записки Каршинского госпединститута». Вып. IV, часть 2-я (Серия общественных наук). К. У. Ульджабаев. Развитие народного образования в Узбекистане в годы второй пятилетки (1933—1938 годы); Б. Музаффаров. Развитие общественного хозяйства колхозов Узбекистана в годы пятой пятилетки.

«Ученые записки Пермского госпединститута». Кафедра русского языка. Вып. 25. А. А. Горбунова. Соликамские грамоты.

«Материалы научной сессии Ярославского госпединститута, посвященной 90-летию со дня рождения В. И. Ленина». В. И. Андрианов, Ю. Н. Трыков. В. И. Ленин и Ярославский край; В. И. Андрианов. Из истории борьбы В. И. Ленина против буржуазной идеологии и ревизионизма в годы реакции (1907—1910).

«Труды Центрального госархива РСФСР Дальнего Востока». Т. 1. Томск. В. Г. Виноградова. Документальные материалы Центргосархива РСФСР Дальнего Востока; Б. В. Иванов. Документы Центргосархива РСФСР Дальнего Востока о борьбе большевиков за кооперацию в ДВР; С. С. Григорцевич. Из истории политической каторги и ссылки на Сахалине; С. Ш. Хаскина. Из истории борьбы за власть Советов в Приморье в 1917 г.; Д. А. Рогожников. Из истории борьбы за власть Советов в городе Зее и Зейском горном округе (1917—1920 гг.); Б. И. Мухачев. Установление народно-революционной власти на Камчатке в 1920 г.; В. С. Флеров. Первые мероприятия партийных и советских органов по восстановлению транспорта на

Дальнем Востоке (1922—1923 гг.); А. А. Чернова. Г. И. Невельской; В. В. Фаворская. Из истории партизанского движения в Амурской области; И. М. Разгон, В. С. Флеров. С. Ш. Хаскина. К истории боевого содружества с трудящимися корейцами в борьбе за Советскую власть на Дальнем Востоке (1919—1922 гг.).

«Сборник научных статей Якутского краеведческого музея». Вып. 3. Г. П. Башарин. Романовский вооруженный протест; С. Ф. Котиков. Из воспоминаний о якутской политической ссылке 1906—12 гг.; М. А. Кротов. Участники польского освободительного восстания 1863—64 гг. в якутской ссылке; П. В. Попов. Исторические и архитектурные памятники города Якутска; И. Д. Новгородов. Канталасское захоронение; С. И. Николаев. Примитивные способы добывания огня у оймяконцев до революции.

«Сборник научных работ кафедр политической экономии вузов города Харькова». Вып. I. И. В. Фолюшевский. Иностранный капитал в промышленности дореволюционной Украины; М. М. Гуревичов. О некоторых формах деятельности русских банков в годы первой мировой войны.

«Труды Ленинградского кораблестроительного института». Вып. 30. Общественные науки. А. И. Поляков. Нефтяные монополии России в свете ленинской теории империализма.

«Труды Николаевского кораблестроительного института». Вып. XX (кафедра марксизма-ленинизма). Н. А. Барабаш. Коммунистическая партия Украины в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.).

«Труды Пермского гос. сельскохозяйственного института». Т. XVIII. Ю. И. Кочетов. Выборы в Государственные думы в Пермской губернии.

«Труды Харьковского сельскохозяйственного института». Т. 25 (62). Н. Ф. Деревяшкин. Первые шаги совхозного строительства на Украине.

«Записки Уральского филиала Географического общества СССР». Вып. I. (3). Е. В. Ястребов. Гумбольдт об Урале (к столетию со дня смерти А. Гумбольдта).

Хроника научной жизни

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛОРУССИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СОВЕЩАНИЯ ИСТОРИКОВ БЕЛОРУССИИ 1—3 ИЮНЯ 1960 г.) *

Историческая наука в Белоруссии начала развиваться только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Важнейшими очагами ее явились открытый в 1921 г. Белорусский государственный университет, историческая и археографическая секции при Инбелкульте, преобразованные впоследствии в Институт истории АН БССР, а также Институт истории партии при ЦК КПБ. За годы Советской власти белорусские историки добились серьезных успехов. Эти успехи стали возможны прежде всего потому, что Коммунистическая партия, рассматривая историческую науку как один из важнейших участков идеологической работы, постоянно уделяет большое внимание ее развитию на подлинно научной, марксистско-ленинской методологической основе.

Наиболее крупные успехи были достигнуты в послевоенные годы. В этот период, особенно после 1953 г., расширился круг исследуемых вопросов. Только коллективом Института истории АН БССР за послевоенный период было опубликовано около 30 монографий, 6 сборников документов и материалов, свыше 120 журнальных статей[1]. В республике издано около 40 книг и брошюр, напечатано более 80 статей, освещающих деятельность Коммунистической партии Белоруссии на разных этапах.

Историческая наука в БССР обогатилась рядом монографических исследований по

* В подготовке информации принимали участие кандидаты исторических наук В. Р. Тарасенко, Е. М. Карпачев, К. И. Шабуня, Н. Е. Завалеев, М. И. Злотник, И. Е. Марченко, В. Ф. Романовский и другие сотрудники Института истории АН БССР.

[1] Подробнее о работе Института истории АН БССР см. статью И. С. Кравченко в журнале «Вопросы истории», 1960, № 7.

истории белорусского народа и Компартии Белоруссии в советский период. В них рассмотрены многие вопросы героической борьбы трудящихся и КПБ за победу социалистической революции, показан разгром интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны, раскрыт процесс социалистических преобразований в народном хозяйстве, рассказано о борьбе белорусских трудящихся против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны, показана помощь белорусскому народу со стороны ЦК КПСС, Советского правительства, русского и других народов нашей страны на разных этапах социалистического строительства.

Следует, однако, отметить, что наряду с крупными достижениями в научной разработке истории белорусского народа и истории КПБ имеются и существенные недостатки. Историческая литература как по качеству, так и по количеству должна полностью отвечать требованиям, которые предъявлены историкам решениями XX и XXI съездов КПСС и постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». В ряде работ (особенно тех, которые написаны до 1953 г.) не всегда правильно освещены исторические события и явления. На некоторых трудах лежит отпечаток последствий культа личности, результатом чего явилось принижение роли народных масс и руководящей роли коммунистической партии в социалистическом строительстве. В разработке ряда проблем имеют место начетничество и догматизм. Историки не раскрывают еще достаточно глубоко закономерностей развития общества, социально-экономических процессов, происходивших на разных этапах исторического развития белорусского народа. Тематика научных исследований как по истории белорусского народа, так и по истории КПБ не всегда актуальна и подчас не связана с практикой коммунистического строительства. В республике не уделяется должного внимания вопросам историографии и вспомогательным историческим дисциплинам (источниковедение, археография, палеография и др.).

Нельзя не отметить также слабое раскрытие исследователями внешнеполитических аспектов истории Белоруссии, исторических связей и сотрудничества белорусского народа с народами зарубежных стран. Слишком медленно развертывается работа по изучению истории фабрик и заводов, колхозов и совхозов. До настоящего времени не создана научная хроника важнейших событий по истории Белоруссии.

Белорусские историки должны больше внимания уделять разоблачению буржуазных фальсификаторов. Выступления реакционных буржуазных ученых по истории Белоруссии зачастую не получают должного отпора. В исследованиях все еще слабо используется иностранная литература, не привлекаются зарубежные архивные источники. В результате недостаточной координации научной деятельности между научно-исследовательскими учреждениями, кафедрами истории СССР и БССР и истории КПСС высших учебных заведений имеют место факты дублирования тем.

Чтобы подвести итоги работы, проделанной в послевоенные годы в области научных исследований по истории белорусского народа и Коммунистической партии Белоруссии, наметить дальнейшие задачи, Институт истории партии при ЦК КПБ и Институт истории АН БССР 1—3 июня с. г. в Минске созвали республиканское совещание историков. В нем приняли участие научные сотрудники Института истории партии при ЦК КПБ, Института истории АН БССР, преподаватели кафедр истории СССР и БССР и кафедр истории партии высших учебных заведений республики, работники партийных органов, министерств, музеев, архивов, преподаватели истории в техникумах и средних школах. На совещании присутствовали представители научно-исследовательских и архивных учреждений РСФСР, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии.

На совещании были заслушаны и обсуждены доклады директора Института истории АН БССР И. С. Кравченко «Задачи историков Белоруссии в свете решений XXI съезда КПСС и постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» и директора Института истории партии при ЦК КПБ Н. М. Мешкова «О научной разработке вопросов истории КПБ». Были заслушаны также сообщения начальника Архивного управления при Совете Министров БССР А. И. Азарова и заместителя директора Института истории партии при ЦК КПБ по партархиву С. З. Почанина об использовании архивных документальных материалов по истории Белоруссии и КПБ.

С рядом докладов выступили московские ученые: академик И. И. Минц —«О разработке проблем истории Великой Октябрьской социалистической революции»; кандидат исторических наук В. Е. Полетаев —

«О разработке проблем истории социалистического и коммунистического строительства в СССР»; заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Е. А. Болтин — «О разработке истории Великой Отечественной войны Советского Союза»; редактор «Военно-исторического журнала» Н. Г. Павленко — «Решающая роль СССР и его Вооруженных Сил в разгроме фашистской Германии во второй мировой войне».

В прениях по докладам и сообщениям выступило более 20 работников Института истории АН БССР и Института истории партии при ЦК КПБ, кафедр истории народов СССР и БССР и истории партии высших учебных заведений, а также ряд московских историков. После закрытия совещания состоялось заседание Научного совета, осуществляющего координацию исторических исследований в республиканском масштабе.

Как на республиканском совещании историков, так и на заседании Научного совета в центре внимания находились вопросы дальнейшего развития исторической науки в Белоруссии на 1960—1965 годы. Все выступавшие касались важнейших проблем истории белорусского народа, постановка которых определяется общесоюзными задачами, стоящими перед всей советской наукой. При этом имелись в виду следующие важные проблемы: Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Белоруссии; история социалистического строительства в республике; белорусский народ в Великой Отечественной войне; история Белоруссии в послевоенный период. В ходе обсуждения отмечалось, что указанные проблемы включают в себя большой круг вопросов, часть которых или совсем не разработана, или разработана недостаточно, в самом общем плане. Особенно необходима интенсивная разработка истории развернутого строительства коммунизма.

По досоветской истории Белоруссии выдвигались следующие проблемы: первобытнообщинный строй и ранний феодализм на территории Белоруссии; генезис и развитие феодализма; генезис и развитие капитализма. В области археологии к числу слабо изученных вопросов относятся: происхождение культур эпохи раннего железа и исторические судьбы племен — носителей этих культур, хронология поселений и могильников эпохи железа и этнический состав населения Белоруссии в то время, этногенез славян и зарождение классового общества на территории Белоруссии. Дальнейшего изучения требуют также вопросы палеолита и бронзы в этом районе.

Слабо исследована история древних городов. Продолжая изучение детинцев, необходимо больше внимания уделять исследованию ремесленно-торговых посадов, что позволит полнее раскрыть социально-экономическую природу городов. Широкое изучение раннефеодальной деревни и феодальных замков будет способствовать решению проблемы складывания и развития феодальных отношений на территории БССР. Надо определить размеры сельских округ, тяготевших к тому или иному городу, установить характер отношений между ними.

Важной задачей белорусских археологов в связи с проводимой по всему Советскому Союзу работой по учету и систематизации накопленных археологических материалов является составление археологической карты БССР. Намечаемое к концу семилетия преобразование сектора археологии Института истории АН БССР в самостоятельный институт откроет большие возможности для расширения масштабов археологического изучения территории Белоруссии.

Требуют дальнейшей разработки проблемы развития сельского хозяйства и аграрных отношений, городов, крестьянского движения, общественно-политической мысли и культуры Белоруссии в эпоху феодализма (до 1861 г.).

Состояние крестьянского хозяйства, положение различных категорий крестьянства, экономическое развитие королевских и частновладельческих городов и местечек, развитие внутреннего рынка, борьба народных масс против социального и национального гнета, международные связи Белоруссии и особенно русско-белорусские связи — все эти вопросы должны найти детальное освещение в трудах белорусских историков. Особое внимание необходимо уделить разработке периодизации истории Белоруссии феодальной формации и в связи с этим проблемам генезиса феодализма, разложения феодально-крепостнической системы и генезиса капитализма, до сих пор еще не ставшим предметом сколько-нибудь обстоятельного научного исследования.

Для успешной исследовательской работы по указанным проблемам надо расширить публикацию архивных документов. Следует гораздо больше внимания уделять разработке историографии и источниковедения как в специальных исследованиях, так и в трудах, посвященных отдельным историческим проблемам.

Подавляющее большинство исследований, намеченных на текущее семилетие по социально-экономической истории Белоруссии эпохи феодализма, представлено в плане Института истории АН БССР. Здесь запланированы монографии: Е. П. Шлоссберга «Аграрные отношения в Белоруссии во второй половине XVI—XVIII в.»; З. Ю. Копысского «Экономическое развитие городов Белоруссии в период складывания и развития фольварочно-барщинной системы (конец XV — первая половина XVII в.)»; А. М. Карпачева «Экономическое развитие городов Белоруссии в период упадка Речи Посполитой (вторая половина XVII—XVIII вв.)»; В. В. Чепко «Разложение феодально-крепостнической системы и зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX в.». Кроме того, институтом намечено издание сборников документов: «Белоруссия в эпоху феодализма» (тт. II и III), «Развитие ремесла и торговли в Белоруссии XVI — XVIII вв.», «Инвентари феодальных владений Белоруссии в XVII—XVIII вв.» (тт. I—IV). Публикация будет осуществлена на языке оригинала и в переводе на русский язык.

Ряд важных тем по истории Белоруссии в эпоху феодализма будет освещен в кандидатских диссертациях: В. И. Мелешко — «Социально-экономическое развитие Могилева в XVI — первой половине XVII в.; В. М. Горцев —«Воссоединение Белоруссии с Россией». Историю частновладельческого города в Белоруссии в феодальную эпоху (по материалам города Слуцка) исследует А. П. Грицкевич; В. С. Поссе изучает состояние просвещения в Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX века.

Несколько исследований по истории Белоруссии феодального периода предусмотрено семилетними планами исторических кафедр вузов республики: монография А. П. Пьянкова «Социально-экономическое развитие Белоруссии в XVII—XVIII вв.» (Минский пединститут) и монография Л. С. Абецедарского «Русско-белорусские культурные связи во второй половине XVI — первой половине XVII в.» (БГУ). Аграрным отношениям во владениях католической церкви и реакционной роли католического духовенства в социально-экономическом развитии Белоруссии в период феодализма будет посвящена монография Я. Н. Мараша «Очерки по истории католической церкви в Белоруссии». Предусматриваются специальные разделы по истории Белоруссии феодального периода в монографии И. Н. Малюковича «Исторические корни дружбы белорусского и литовского народов», в брошюре Я. Н. Мараша и Б. М. Фиха «История Слонима, Лиды, Волковыска и Новогрудка» (Гродненский пединститут), а также в коллективном труде «Могилевская область» (Могилевский пединститут).

История белорусского народа в период капитализма включает в себя следующие важнейшие проблемы: социально-экономическое развитие; история революционного рабочего и крестьянского движения; история национальной культуры и общественно-политической мысли.

Одним из наиболее актуальных является вопрос об экономике Белоруссии в период империализма. Очень важны также вопросы социально-экономического развития Белоруссии в пореформенный период и формирования рабочего класса. Но они фактически еще не подвергались научному изучению и в исторической литературе освещены слабо.

Требуют углубленной разработки такие существенные для понимания исторического процесса вопросы, как развитие внутреннего рынка и экономических связей Белоруссии с другими районами России и с зарубежными странами (особенно со славянскими), аграрные отношения в период капитализма. Институт истории АН БССР стремится восполнить эти пробелы. В настоящее время группа научных сотрудников института работает над монографией «Развитие капитализма в Белоруссии во второй половине XIX и начале XX в. (1861—1917 гг.)». Ведется также работа над монографией, посвященной рабочему движению в Белоруссии в 1910—1917 гг. (А. И. Воронова). Закончено исследование аграрных отношений в Белоруссии накануне буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов. Запланирована тема о положении крестьян и об аграрных отношениях в Белоруссии во второй половине XIX века.

История Белоруссии в период капитализма разрабатывается и в некоторых высших учебных заведениях. Так, в Минском педагогическом институте изучаются вопросы сервитутов и переселенческого движения крестьян.

Из сказанного следует, что многие актуальные вопросы социально-экономического развития Белоруссии в период капитализма должны стать предметом глубоких монографических исследований. Особенно это касается истории развития промышленности,

формирования рабочего класса и рабочего революционного движения, а также аграрных отношений и крестьянского движения в Белоруссии накануне Октябрьской революции.

Ждут своего исследователя многие другие вопросы истории революционного движения в Белоруссии в 1861—1917 годах. На основании возможно более широкого круга источников необходимо осветить восстание 1863 г., его характер, движущие силы, результаты, связь с восстанием в Польше и с русским революционно-демократическим движением и т. д.

Видное место в научной разработке истории Белоруссии занимает вопрос о национальной культуре и общественно-политической мысли в период капитализма. В последние годы этой тематике историки стали уделять больше внимания; появился ряд книг, брошюр, статей, в которых показана политика царизма в Белоруссии в отношении народного образования, национальной культуры. Но многое еще предстоит сделать в данной области. По-прежнему актуальным остается изучение истории просвещения во второй половине XIX — начале XX в., периодической печати в Белоруссии в 1860—1917 гг., общественно-политической мысли в 1900—1917 гг., формирования белорусской буржуазной нации.

В Институте истории запланировано исследование ряда проблем развития просвещения и культуры во второй половине XIX и начале XX века. Интересная работа по исследованию русско-белорусских культурных связей ведется на кафедре истории СССР БГУ. Вопросы формирования белорусской буржуазной нации изучаются в Институте истории АН БССР (Е. И. Корнейчик). Но в целом истории культуры и общественно-политической мысли в Белоруссии в период капитализма уделяется недостаточно внимания. Необходимо к решению этой проблемы привлечь больше исследователей.

Первостепенной задачей белорусских историков является всесторонняя научная разработка истории белорусского народа в советский период (1917—1960 гг.). Здесь можно выделить следующие крупные проблемы: история Октябрьской революции и гражданской войны в Белоруссии; история рабочего класса; история крестьянства и колхозного строительства; история национально-государственного строительства; история культурного строительства; белорусский народ в период Великой Отечественной войны; история Белоруссии в послевоенный период. По всем этим проблемам на 1960—1965 гг. намечено осуществить ряд исследований. В течение этого времени будут написаны обобщающие коллективные труды («История БССР» в восьми томах, из которых четыре посвящаются советскому периоду, «Очерки по истории КПБ», история ряда городов Белоруссии и др.). Будет подготовлен ряд монографий и документальных публикаций.

Одной из важных задач, имеющих огромное политическое и научно-познавательное значение, является всестороннее изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Белоруссии. Следует отметить, что до Великой Отечественной войны эта проблема почти не разрабатывалась. Количество работ, созданных к тому времени по истории социалистической революции в Белоруссии, было незначительно. Среди них не было ни одной монографии. Небольшое количество брошюр и статей в большинстве своем носило характер воспоминаний участников событий.

В послевоенные годы тема «Подготовка и проведение социалистической революции в Белоруссии» заняла одно из ведущих мест в научно-исследовательских планах Института истории партии при ЦК КПБ, Института истории АН БССР, ряда кафедр истории СССР и истории КПСС высших учебных заведений. В настоящее время по истории Октябрьской революции в Белоруссии издано 7 монографий и 12 брошюр, опубликовано более 100 журнальных статей, составивших известный вклад в историческую науку. В них на обширном фактическом материале освещены многие стороны борьбы белорусского народа под руководством КПСС за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, за установление и упрочение Советской власти, показана совместная борьба белорусского народа с братскими русским, украинским и другими народами России против царизма, помещиков и капиталистов.

Следует отметить, что этот важнейший период в жизни белорусского народа требует дальнейшего изучения. Еще мало капитальных трудов как по истории социалистической революции в Белоруссии в целом, так и по ее отдельным коренным вопросам. Некоторые вопросы подготовки и проведения Октябрьской революции в Белоруссии раскрыты в общем плане. Между тем они требуют глубокого науч-

ного исследования. Так, до сих пор не получили должной научной разработки вопросы создания и деятельности Советов, ревкомов, профсоюзов, Красной гвардии, братской помощи русского народа белорусскому народу в его борьбе за Советскую власть. Слабо показано в опубликованной литературе хозяйственное и культурное строительство в период триумфального шествия Советской власти.

В настоящее время в соответствии с семилетним планом научно-исследовательских работ расширяется изучение истории социалистической революции в Белоруссии[2]. Намечено создать обобщающий труд по этой проблеме, написать ряд монографий по отдельным важнейшим вопросам истории белорусского народа в период подготовки и проведения Великого Октября, обстоятельно показать в этих трудах общность революционной борьбы рабочих и крестьян Белоруссии с рабочими и крестьянами России, их взаимную помощь.

В республике проделана известная работа по изучению истории Белоруссии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Защищены одна докторская и несколько кандидатских диссертаций.

В Институте истории АН БССР создается обобщающий труд по истории гражданской войны в Белоруссии (один из томов многотомного издания «Истории БССР»); подготовлена к печати монография, начата работа по написанию монографий по некоторым другим вопросам истории белорусского народа в 1918—1920 гг. (история народного образования, вовлечение женщин в производственную и общественно-политическую жизнь и др.). Тематика по истории Белоруссии периода гражданской войны разрабатывается в настоящее время и в других научных учреждениях и высших учебных заведениях республики.

В научной разработке истории белорусского народа одно из ведущих мест должно принадлежать проблеме истории рабочего класса — составной части рабочего класса Советского Союза. В довоенные годы белорусские ученые этой теме уделяли мало внимания. Было опубликовано лишь несколько небольших популярных работ. В послевоенный период интерес исследователей к истории рабочего класса Белоруссии на разных этапах его развития значительно возрос. Появились книги, брошюры и статьи, в которых на новом, впервые вводимом в научное обращение материале освещаются различные стороны жизни и труда рабочих республики. Несколько оживилось исследование истории фабрик и заводов. Вышли небольшие работы по истории минского машиностроительного завода «Ударник», станкостроительного завода имени С. М. Кирова, кожгалантерейной фабрики имени В. В. Куйбышева, минской кондитерской фабрики «Коммунарка» и некоторых других предприятий.

В план Института истории АН БССР на 1960—1965 гг. включены такие важные темы, как «Рабочий класс Советской Белоруссии в восстановительный период (1921—1925 гг.)»; «Рабочий класс БССР в годы восстановления и развития народного хозяйства после Великой Отечественной войны» и некоторые другие. В связи с подготовкой многотомной «Истории БССР» еще больше места будет отведено освещению истории рабочего класса Советской Белоруссии в эпоху социализма, его вклада в дело построения социализма и коммунизма в нашей стране.

Усилился интерес к изучению истории рабочего класса в высших учебных заведениях республики. Так, в Витебском пединституте разрабатывается тема «Развитие социалистического соревнования в промышленности г. Витебска в годы первой пятилетки», в Минской высшей партийной школе — «Компартия Белоруссии в борьбе за дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства (1933—1937 гг.)». В Белорусском университете создается монография на тему «Профсоюзы Белоруссии в борьбе за выполнение довоенных пятилеток в области промышленности».

До сих пор нет ни одного тематического сборника документов по истории белорусского рабочего класса. Институт истории АН БССР и Архивное управление при Совете Министров БССР стремятся восполнить этот пробел. В настоящее время готовится публикация документов «БССР в восстановительный период» (в четырех томах). Один том посвящается вопросам промышленного развития и истории рабочего класса Белоруссии.

Чтобы шире развернуть работу по написанию истории фабрик и заводов, по инициативе партийных организаций на ряде предприятий Белоруссии образованы творческие группы. Такие группы имеются

[2] Подробнее см. «Вопросы истории», 1960, № 7, стр. 194.

на Минском тракторном и автомобильном заводах, станкостроительных заводах имени С. М. Кирова, имени К. Е. Ворошилова, витебской чулочно-трикотажной фабрике «КИМ», станкостроительном заводе «Коминтерн», «Гомсельмаше» и других предприятиях. В семилетнем плане научных исследований предусмотрено написание (совместно с рабочими и инженерно-техническими работниками) истории 10 ведущих предприятий Белоруссии: Минского тракторного и автомобильного заводов, Минского камвольного комбината, станкостроительных заводов Минска, Витебска, Гомеля и др.

Следует сказать, что исследователи истории фабрик и заводов нередко не получают необходимой поддержки со стороны научной общественности республики. Кафедры общественных наук не оказывают должной помощи коллективам предприятий, где проводится эта работа. Из 125 запланированных в высших учебных заведениях на 1959 г. тем по истории лишь три посвящены истории фабрик и заводов (в Гродненском пединституте «История Гродненского тонкосуконного комбината» и «История Гродненской табачной фабрики»: в Минской высшей партийной школе «История вагоноремонтного завода имени А. Ф. Мясникова»).

Подводя итоги изучению проблемы истории рабочего класса Советской Белоруссии, следует пожелать, чтобы оно велось еще более интенсивно. Особенно важно глубоко исследовать такие вопросы, как руководящая роль рабочего класса в государственной и общественной жизни республики, укрепление и развитие интернациональных связей рабочего класса, история рабочего класса в период завершения строительства социалистического общества, история профсоюзов Белоруссии, формирование нового духовного облика советского рабочего класса и др.

Одной из важнейших проблем является разработка истории крестьянства и колхозного строительства в Советской Белоруссии. Задача состоит в том, чтобы правильно освещать сложный процесс перехода мелкого, индивидуального крестьянского хозяйства Белоруссии на рельсы крупного, коллективного механизированного социалистического сельского хозяйства, являющегося единственно правильной и выгодной для государства и крестьян формой хозяйства в условиях диктатуры пролетариата. Важно выяснить также многие вопросы становления и упрочения колхозного строя и социалистических производственных отношений в белорусской деревне. Анализ процесса переустройства сельского хозяйства на социалистических началах, проходившего в нашей стране и проходящего ныне в странах народной демократии, свидетельствует о наличии общих закономерностей переходного периода от капитализма к социализму, подтверждает правильность марксистско-ленинских положений о вовлечении крестьянских масс в активное строительство социализма.

Изучение истории советского крестьянства и колхозного строительства в Белоруссии, начатое в довоенные годы, заметно усилилось в послевоенный период. Только за 1946—1955 гг. было опубликовано около 15 монографий, брошюр и статей, в которых наряду с другими вопросами исследуется и данная проблема.

Следует, однако, отметить, что в научном освещении проблемы истории крестьянства и колхозного строительства в Белоруссии имеются некоторые недостатки. Все еще не созданы монографические исследования по истории колхозного строительства в Белоруссии, социально-экономических изменений в деревне, классовой борьбы в период коллективизации, технического и культурного роста колхозных кадров, формирования сельской интеллигенции, роста материального благосостояния колхозников.

Институтом истории АН БССР на текущее семилетие запланирован ряд трудов по истории советского крестьянства и колхозного строительства. Эти темы будут широко освещены в V, VI и VIII томах «Истории БССР». Готовятся к печати монография «Классовая борьба в белорусской деревне в восстановительный период (1921—1925 гг.)», сборники документов по истории сельского хозяйства Белоруссии.

На кафедрах истории СССР и БССР, истории КПСС высших учебных заведений на 1960—1965 гг. запланированы 22 работы по истории крестьянства и колхозного строительства в Белоруссии.

В исторической литературе должно быть более обстоятельно отражено национально-государственное строительство в Советской Белоруссии. В довоенные годы было опубликовано всего лишь несколько брошюр и статей, касающихся этого вопроса. Более широко вопросы государственного строительства в БССР стали разрабатываться в послевоенный период. Было издано несколько монографий, защищен ряд канди-

датских диссертаций, напечатаны статьи в журналах. Но это только начало.

Чтобы восполнить пробел, Институтом истории АН БССР будут подготовлены монографии о роли местных Советов Белоруссии в борьбе за повышение материального и культурного уровня трудящихся в период построения фундамента социализма (1926—1932 гг.) и в период завершения реконструкции народного хозяйства и построения социализма (1933—1937 гг.). Будут написаны также исследования на темы «Местные Советы в борьбе за восстановление и развитие г. Минска (1946—1950 гг.)» и «Городские Советы БССР в борьбе за повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся (1951—1955 гг.)». Запланировано издание ряда сборников документов о советском строительстве в Белоруссии. В частности, предполагается, что Институт истории АН БССР, Архивное управление, Отдел правовых наук сообща подготовят в ближайшие три-четыре года сборник документов «Съезды Советов Белорусской ССР в документах (1919—1936 гг.)». Материалы съездов Советов позволят глубоко раскрыть и изучить процессы национально-государственного строительства в республике, показать тесную связь Советов с трудящимися массами.

В планы научно-исследовательских работ кафедр истории СССР и БССР, кафедр истории КПСС высших учебных заведений республики на 1960 г., к сожалению, не включены темы по национально-государственному и советскому строительству. Исключением является кафедра истории КПСС Института механизации и электрификации сельского хозяйства, где ведется работа над монографией «Коммунистическая партия Белоруссии в борьбе за перестройку работы Советов (1925—1934 гг.)».

Процесс социалистического строительства невозможно всесторонне и глубоко проанализировать без освещения культурного развития БССР. Эта тема привлекала внимание историков республики еще в довоенный период. В 1920—1941 гг. вышло в свет несколько популярных брошюр, статистических сборников и статей, которые явились известным вкладом в ее разработку.

В послевоенные годы интерес исследователей к истории культурного строительства значительно повысился. В Институте истории АН БССР, например, разрабатывается тема по культурному строительству в годы третьей пятилетки. В Минском пединституте изучаются темы: «КПБ в борьбе за подготовку кадров народного образования (1917—1941 гг.)», «Рост материального благосостояния и повышение культурного уровня трудящихся БССР в годы третьей пятилетки (1938—1941 гг.)»; «Культурное строительство в БССР в послевоенные годы»; «КПБ в борьбе за культурный подъем деревни (1956—1959 гг.)». В Минской высшей партийной школе исследуются две темы: «Идеологическая работа партийных организаций Белоруссии в период массового колхозного движения (1929—1933 гг.)» и «Идеологическая работа партийных организаций Белоруссии в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1959 гг.)». В политехническом институте ведется работа над темами «КПБ в борьбе за идейно-политическое воспитание трудящихся в годы четвертой пятилетки», «КПБ в борьбе за подготовку и воспитание советской интеллигенции» и «Партийно-советская печать Белоруссии в восстановительный период».

Однако не все кафедры истории СССР и КПСС уделяют должное внимание изучению истории культурного строительства республики. Создание глубоких исследований и обобщающих трудов по этой теме все еще остается важной задачей исторической науки в Белоруссии.

Особое место в истории БССР занимает борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. По данной проблеме напечатано немало монографий, статей, документов, сборников. Но обобщающего труда по истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны пока нет. Заслуживают более обстоятельного освещения такие важные вопросы, как участие белорусского народа в борьбе против немецко-фашистских захватчиков на фронтах Великой Отечественной войны, руководящая роль коммунистической партии в этой борьбе, трудовой подвиг белорусов в советском тылу, партизанская война на временно оккупированной территории Белоруссии. В опубликованных монографиях и статьях слабо отражены роль рабочего класса Белоруссии в зарождении и развертывании партизанского движения, деятельность подпольных партийных и комсомольских организаций в городах и селах, взаимодействие партизанских отрядов Белоруссии с частями Советской Армии, а также с партизанскими отрядами Украины, Литвы, Латвии и других районов страны, оккупированных не-

мецко-фашистскими захватчиками, и некоторые другие вопросы.

В настоящее время активную деятельность по исследованию вопросов истории партизанского движения в Белоруссии развернули Институт истории партии при ЦК КПБ, Институт истории Академии наук БССР, Музей истории Великой Отечественной войны и некоторые кафедры истории СССР и истории КПСС вузов республики.

Институтом истории партии, Партархивом, Институтом истории АН БССР, Белорусским государственным музеем проведена значительная научно-исследовательская работа по изучению Минского городского партийного подполья. Большой документальный и фактический материал свидетельствует, что Минское городское подполье, возникнув из небольших групп коммунистов и комсомольцев, в ходе войны превратилось в массовую подпольную организацию, возглавившую борьбу трудящихся города с оккупантами.

В соответствии с семилетним планом научных исследований в одном из томов создаваемой институтом «Истории БССР» впервые в широком плане будут даны обобщенные материалы по истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны. Историки республики должны активнее включаться в разработку этой темы, создавать фундаментальные труды, где всесторонне должно быть раскрыто участие белорусского народа в героической борьбе народов СССР за честь, свободу и независимость своей социалистической Родины.

На республиканском совещании историков и на заседании Научного совета неоднократно отмечалась необходимость усилить разработку проблем историографии, источниковедения и вспомогательных дисциплин по истории Белоруссии.

Задача белорусских историков — внести свой вклад в борьбу против фальсификации истории Белоруссии и СССР буржуазными реакционными историками, против ревизионизма и буржуазного национализма.

Для успешного развития исторической науки в республике надо шире развернуть обмен мнениями, творческое обсуждение исторических работ. С этой целью следует периодически созывать совещания, конференции по отдельным проблемам и вопросам исторической науки. Научно-исследовательские учреждения, вузы, кафедры, все научные работники должны повседневно заботиться о повышении идейного и теоретического уровня трудов по истории.

Печатание научной продукции в БССР связано с известными трудностями. На совещании ученые говорили о необходимости издания Институтом истории партии и Институтом истории АН БССР журнала-квартальника «Вопросы истории БССР и КПБ». Высказывались также пожелания расширить издание научных работ по исторической тематике в Белгосиздате, в издательствах АН БССР и БГУ.

Историки Белоруссии видят свою главную задачу в том, чтобы с марксистско-ленинских позиций всесторонне освещать историю белорусского народа на разных этапах его развития, глубоко и ярко показывать руководящую роль коммунистической партии в жизни и деятельности белорусского народа, освещать вопросы дружбы белорусского народа с братскими советскими народами и трудящимися стран социалистического лагеря, их взаимопомощи в борьбе за общее дело построения социализма и коммунизма, неуклонно проводить принцип партийности в исторических исследованиях, последовательно разоблачать реакционную буржуазную историографию, противопоставляя буржуазным фальсификациям подлинно научное освещение истории трудящихся масс Белоруссии. Тесно увязывая научно-исследовательскую работу с практикой коммунистического строительства, пропагандируя политические и научные знания, историки республики внесут свой вклад в дело коммунистического воспитания трудящихся.

Н. В. Каменская

РАБОТА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ СССР МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ Н. К. КРУПСКОЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Коммунистическая партия и Советское правительство призывают преподавателей истории как можно активнее включиться в сотрудничестве с научными работниками и преподавателями вузов в научную разработку вопросов истории местного края, шире применять краеведческий материал в обучении и воспитании детей.

В этой связи большое значение имеет опыт работы кафедры истории СССР Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. За последние годы она многое сделала в области изучения истории Московского края. В 1959/60 учебном году, после выхода в свет постановления ЦК КПСС «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе», члены кафедры приняли участие в создании коллективного сборника «Очерки по истории Московского края».

В жизни кафедры видное место занимает помощь краеведам Московской области, как учителям, так и любителям. Члены кафедры и аспиранты выступают для учителей с лекциями по истории Московского края, дают консультации, осуществляют научное руководство в их краеведческой работе, а также практически помогают создавать историко-краеведческие кружки и музеи в школах. Под руководством членов кафедры учителями истории написан ряд исследований, из которых надо отметить как наиболее интересные работы М. И. Эдемского «Участие рабочих Купавинской фабрики в революционном движении в 1900—1917 годах» (Купавинская школа) и А. И. Меркулова «Люберецкий завод сельскохозяйственных машин в советское время» (Люберецкая школа).

В Московской области много краеведов-любителей, фактически лишенных какого-либо научного руководства. Учитывая это, кафедра приняла решение организовать этих краеведов и объединить их усилия. С этой целью летом прошлого года была проведена историко-краеведческая экспедиция с широким участием студентов и аспирантов. Экспедиция посетила Истру, Звенигород, Серпухов, Коломну, Подольск, Ногинск и другие города области. Было выявлено состояние научно-краеведческой работы на местах, обследованы музеи и архивы, установлены связи с краеведами-любителями, собран богатый материал, характеризующий краеведческую работу.

На основе результатов экспедиции 30 октября 1959 г. в институте была проведена научно-методическая конференция по изучению истории Московского края. На конференции были заслушаны доклады: «Из истории краеведения Московской области» (проф. А. И. Козаченко), «Использование краеведческого материала на уроках истории в VIII—X классах» (учитель звенигородской школы В. С. Морошкин), «Из опыта организации и деятельности историко-краеведческого музея в школе» (учитель Люблинской школы Э. М. Бернштейн), «О формах работы историко-краеведческого кружка» (учительница Дмитровской школы Р. Г. Лагун).

Была организована выставка наглядных пособий по краеведению, изготовленных учащимися школ Московской области. Большой интерес представляли альбомы, составленные учащимися, газеты краеведческих кружков, рукописные журналы по истории родного города, отдельных колхозов и предприятий. Так, Дмитровская школа № 1 представила на выставку 5 номеров журнала «Вестник истории», рукопись «История города Дмитрова» объемом в 5 печатных листов и экспонаты для 6 стендов на тему «Социалистическое строительство в Дмитровском районе».

Конференция свидетельствовала о том, что историко-краеведческие кружки занимают важное место в коммунистическом воспитании учащихся. Походы по родному краю, встречи с участниками революционных событий, ветеранами труда, старыми большевиками и комсомольцами 20-х годов, с колхозниками и рабочими, с ударниками довоенных пятилеток и членами бригад коммунистического труда содействуют углублению знаний школьников по истории Советского государства. Ученики широко знакомятся с историей своей Родины, становятся живыми свидетелями ее успехов. Собранный ими материал используется на уроках и для создания школьных краеведческих музеев. Нередко такие музеи становятся достоянием всего города или района. Так, краеведческий музей Люблинской

школы № 3 фактически стал городским музеем.

Многочисленные выступления на конференции показали, что опыт работы учителей по изучению родного края и использованию местного материала на уроках истории заслуживает самого серьезного внимания.

Подводя итоги конференции, кафедра постановила провести слет юных краеведов-историков Московской области. Слет юных историков-краеведов состоялся 30 марта 1960 г., в дни школьных весенних каникул, и вызвал большой отклик. В слете участвовали 200 человек из 13 районов и 10 городов области. Помимо школьников, здесь были учителя истории, руководители пионерских и комсомольских организаций, работники отделов народного образования. Участники слета заслушали 17 сообщений. Вот некоторые из тем сообщений: «Как мы изучаем историю колхоза имени В. И. Ленина Люберецкого района» (кружок новокузьминской школы № 3); «Мы собирали материал по истории партизанского движения в Волоколамском районе в годы Великой Отечественной войны» (кружок средней школы г. Волоколамска); «Кружковцы пропагандируют историю родного края» (кружок школы № 1 г. Дмитрова); «Мы организовали музей в Лотошинском районе» (кружок средней школы № 556 г. Москвы).

Содержательные сообщения юных краеведов были встречены с большим интересом. Они позволяют судить о богатстве методических приемов различных кружков. Школьники с увлечением занимаются краеведением.

Слет показал, что изучение истории Московского края укрепляет любовь нашей молодежи к родным местам, к великой социалистической Родине.

Обсудив итоги слета, кафедра решила провести в начале будущего учебного года второй слет юных историков-краеведов.

Тесные связи с краеведами области позволили кафедре провести научную конференцию краеведов-учителей по истории Московского края. Это начинание кафедры поддержали Московский комитет КПСС, областной отдел народного образования, райкомы партии и районные отделы народного образования области. Участие в подготовке конференции приняли научные сотрудники Московского областного краеведческого музея.

Конференция состоялась 31 марта. В ее работах приняли участие 149 человек — преподаватели Московского областного педагогического института, педагогических вузов Рязани, Калуги, Коломны, Мурома, Московского городского института им. В. П. Потемкина, Высшей школы профдвижения, учителя Московской области, директора школ, научные работники районных музеев области, аспиранты и студенты. Большой интерес проявили к конференции рабочие, служащие, пенсионеры — активные участники революционного движения и социалистического строительства, работники советского государственного аппарата.

Программа работы конференции была очень обширна. На пленарном и четырех секционных заседаниях (истории советского общества, истории досоветского общества, археологии и атеистической) было заслушано 19 докладов. Особое внимание уделялось истории Московской области советского периода. Были заслушаны доклады общего характера («Об изучении истории Московского края» — профессор А. И. Козаченко, «Основные этапы установления Советской власти в Московской губернии» — доцент В. Т. Круть, «О сборе материалов по истории Московского края» — директор Московского областного краеведческого музея Д. В. Петков), а также по истории отдельных фабрик, заводов, колхозов («Из истории Коломенского машиностроительного завода» — доцент кафедры истории Коломенского педагогического института Е. П. Ефремцев, «Из истории передового колхоза имени В. И. Ленина Люберецкого района» — учитель С. П. Креймерман). Большой интерес вызвали доклады по истории революционного движения («Революционное движение на Купавинской фабрике в 1905—1917 гг.» — учитель М. И. Эдемский, «1905 год в городе Яхроме» — помощник мастера прядильно-ткацкой фабрики В. Е. Каплин), истории городов и сел («История социалистического города Ступино» — бывший председатель горисполкома Т. М. Горб, «Из истории села Ярополец» — учитель И. М. Смирнов), истории Великой Отечественной войны («О партизанском движении в Волоколамском районе в годы Великой Отечественной войны» — учитель Б. С. Грузинов, бывший партизан, «Дмитровский район в Великой Отечественной войне» — учительница Р. Г. Лагун), истории Отечественной войны 1812 г. («Партизанское движение в Звенигородском уезде в Отечественной войне 1812 года» — учитель В. С. Морошкин).

На секции археологии были сделаны доклады учителями Ю. В. Куртовым «Из истории первобытнообщинного строя на территории Московского края», И. А. Клевцовой «Некоторые итоги восстановления типа вятичей по черепам (в условиях школы)», Ю. А. Красновым «Археологическое обследование Кунцевского района». Атеистическая секция заслушала и обсудила доклады учителя А. И. Соколова «История Иосифо-Волоколамского монастыря», директора Московского областного краеведческого музея Д. В. Петкова «Из истории Ново-Иерусалимского монастыря», учителя Ю. В. Куртова «Использование материалов по истории Люберецкого района для атеистической пропаганды».

В большинстве докладов содержался богатый фактический материал. Например, помощник мастера прядильно-ткацкой фабрики в Яхроме В. Е. Каплин сообщил аудитории неизвестный до сих пор факт о том, что Яхромская фабрика в 1905 г. в течение 12 дней находилась в руках рабочих и руководил ею рабочий, которого бастовавшие ткачи и прядильщики выбрали своим директором. На подавление восстания на фабрике царскими властями были направлены войска. В. Е. Каплин разыскал всех оставшихся в живых участников событий 1905 г. на фабрике, записал их воспоминания, изучил и ряд других материалов. Это позволило ему написать содержательное исследование.

Участники конференции высказали пожелание проводить научные конференции по изучению Московского края регулярно, не реже раза в квартал. Были внесены предложения и о том, чтобы конференции в будущем проводились не только в Москве, но и в других местах области и носили тематический характер (например, по истории фабрик и заводов, колхозов Московской области и др.). Подчеркивалась необходимость организации консультаций для учителей и краеведов-любителей, систематического научного руководства деятельностью краеведов со стороны работников высшей школы. «Конференция дала нам очень много,— сказал учитель Скородумов (Шаховской район).— Я вношу предложение — объединиться учителям области, работающим над изучением аналогичных вопросов истории Московского края и совместными усилиями создать коллективное исследование».

Учитывая, что большинство докладов написано на основе первоисточников, в том числе архивных, и вносит определенный вклад в изучение истории Московского края, конференция вынесла постановление опубликовать их.

Конференция встретила широкий отклик в Московской области. «Конференция историков-краеведов,— писала 9 апреля газета «Коломенская правда»,— заложила прочную организационную основу для их работы. Коломенские краеведы теперь должны активизировать свою деятельность». После проведения конференции кафедра истории СССР стала получать многочисленные отклики с мест. Коломенский педагогический институт совместно с ГК КПСС принял решение провести по примеру кафедры истории СССР Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской общее собрание краеведов Коломны и ее района. Ступинский горком КПСС и работники районного отдела народного образования, заслушав сообщение о результатах работы конференции, наметили провести в мае районную конференцию краеведов и обратились к историческому факультету МОПИ с просьбой оказать им помощь.

Кафедра истории СССР Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской положила начало большому и нужному движению учителей-историков. Задача работников высшей школы в области историко-краеведческой работы в настоящее время состоит в том, чтобы объединить силы учителей истории и краеведов-любителей, широко использовать их ценную инициативу для разработки актуальных проблем советской исторической науки, обогатить ее новыми данными, полученными на основе глубокого изучения нового местного материала, а также помочь учителям в дальнейшем совершенствовании исторического образования в средней школе.

И. В. Дубровина
Г. Ф. Семенюк

О ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ

Коммунистическая партия всегда придавала и придает огромное значение пропаганде литературы. Одним из важных средств ее пропаганды являются библиографические пособия. Однако приходится констатировать, что указателей литературы в нашей стране издается пока недостаточно. Отсутствует полный учет литературы по ряду отраслей знаний. Нет хорошо налаженной текущей библиографической информации.

Нет необходимости доказывать, насколько велика роль библиографии в научной работе. Являясь вспомогательной отраслью науки, библиография обогащает ученых данными об успехах науки в родной стране и за рубежом, способствует их проникновению в глубь неисследованных проблем и создает, таким образом, реальные возможности для творческого решения последних.

Ни в коей мере нельзя признать удовлетворительным состояние библиографии в области истории. Учет литературы здесь по некоторым важным проблемам осуществляется слабо. Текущая информация о новых книгах, проводимая некоторыми библиотеками путем издания бюллетеней и списков литературы, не отвечает возросшим запросам научных учреждений и вузов.

Интересы дальнейшего развития исторической библиографии требуют координации усилий научных учреждений. С этой целью при Государственной публичной исторической библиотеке создана рабочая группа по координации работы в области подготовки библиографии. В группу входят сотрудники Института истории Академии наук СССР, преподаватели Московского государственного университета, Историко-архивного и Библиотечного институтов, представители отраслевых журналов и библиографы Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ГБИЛ), Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР (ФБОН), Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР (ГПИБ) и Украинской исторической библиотеки.

Рабочая группа по координации разработала на основе сообщений университетов, институтов и библиотек перспективный план развития исторической библиографии на ближайшие годы.

Основной задачей советской библиографии является пропаганда богатейшего наследия основоположников марксизма-ленинизма. Этим целям служит подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина» в двух частях[1], включающий названия свыше 10 тыс. документов за 1886—1923 годы. В «Хронологическом указателе» перечислены все опубликованные до сих пор произведения В. И. Ленина: книги, брошюры, статьи, доклады, речи, выступления, письма, записки и телеграммы, черновые и автобиографические материалы. В конце библиографии приведены алфавитный указатель названий произведений, список псевдонимов В. И. Ленина с указанием, какие произведения были им подписаны. Кроме того, предполагается издать «Библиографию библиографий произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина», которая поможет широкому кругу читателей в разыскании библиографических указателей марксистско-ленинской литературы.

В связи с подготовкой к изданию многотомной истории КПСС ведущие библиотеки страны принимают участие в разработке библиографии к данному труду.

Намечено издание библиографии большевистской периодики за 1900—1917 гг. и указателя листовок большевистских организаций.

В центре внимания научных учреждений и библиотек стоит также библиографирование литературы по истории СССР. Оно осуществляется как по линии создания ретроспективной библиографии по всему периоду, так и по линии подготовки указателей литературы по отдельным проблемам и разделам отечественной истории.

Ценнейшим библиографическим пособием является указатель по истории СССР (с древнейших времен до 1917 г.), изданный ФБОН АН СССР[2]. В нем описаны книги,

---

[1] Вышел из печати «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. Книги, статьи, выступления, письма и другие документы. Ч. 1. 1886 — февраль 1917». М. 1959.

[2] «История СССР. Указатель советской литературы. 1917—1952». М. 1956—1958. т. I. «История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма». М. 1956; т. II. «История СССР в период капитализма (1861—1917)». М. 1958.

статьи из сборников и журналов (на русском языке), важнейшие рецензии на приведенные в указателе издания, а также работы основоположников марксизма-ленинизма, представленные в различных разделах указателя.

Вышла в свет библиография по истории Узбекистана, учитывающая литературу 30—50-х годов [3]. В ней отражены книги по истории, антропологии, этнографии, археологии, истории культуры и науки республики. Наряду с монографиями здесь описаны сборники, труды и периодические издания, опубликованные на узбекском и русском языках. В разделе по истории зарубежного Востока представлены книги, в которых рассматриваются отдельные проблемы истории Узбекистана.

Готовятся библиографии по истории Украинской, Белорусской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Латвийской ССР. Эти издания позволят шире разрабатывать проблемы по истории союзных республик. В изучении истории отдельных местностей окажет помощь «Библиография указателей краеведческой литературы», подготавливаемая Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ГПИБ в соответствии с решением Научного совета Института истории по проблеме «История исторической науки» подготавливает библиографию «История исторической науки в СССР» в двух томах. В первом томе будут помещены материалы об историографии до 1917 г., во втором — о развитии советской историографии. В издание войдут исследования по общим вопросам историографии, литература об ученых в области истории СССР, всеобщей истории, археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин. Будет отражена литература о деятельности научных исторических обществ, среди них материалы о Русском и Московском археологических обществах, исторических и историко-филологических обществах при университетах, военно-исторических, историко-краеведческих, востоковедных и археологических обществах. Здесь же будут материалы о работе научных учреждений: Академии наук, институтов, университетов, археографических комиссий, архивов, музеев, съездов историков. Данная библиография, не имеющая себе подобных в нашей науке, призвана сыграть важную роль в расширении историографической базы исследования.

Крупнейшие библиотеки Москвы и Ленинграда в настоящее время готовят к печати «Сводный каталог русской книги XVIII века». В процессе работы возникают спорные вопросы. Не разработан, например, вопрос о принципах отбора литературы. Предусмотрено включать книги, имеющие не менее пяти страниц, независимо от их формата и количества печатных знаков на странице. Художественная литература, однако, включается целиком (даже если это только четверостишие). При таком решении вопроса в данный каталог не попадет большинство официальных документов, ценность и значение которых определяется отнюдь не количеством страниц. В Петербурге в Сенатской типографии, в типографии Академии наук, иногда в типографии государственной военной коллегии и других, а также в Москве в Сенатской типографии, изредка в типографии губернского правления, в типографии государственной военной коллегии печатались указы и другие правительственные издания. Во второй половине XVIII в. в некоторых губернских городах, имевших типографии при губернских правлениях, делались перепечатки с этих документов. Шрифт, как правило, был разный. В результате при перепечатке одного и того же текста получалось разное число страниц. Так как Сенатская типография включала на странице большее количество печатных знаков, чем губернские типографии, то получится, что в «Сводный каталог» войдут издания, перепечатанные на местах, а первые издания, имеющие большую ценность, не будут помещены в каталог.

Включение в «Сводный каталог» малостраничных изданий официально-актового материала увеличит объем издания. В ГПИБ, например, имеется приблизительно 2 300 указов и манифестов 1725—1800 гг., около 300 из них не отражены в Полном собрании законов. Первый том каталога может быть издан в срок, если все правительственные издания будут выделены в особый том. В нем наряду с указами (малостраничными) должны найти место и остальные публикации законов, превышающие пять страниц. Вместе с правительственными распоряжениями, актами, трак-

---

Приложение: схема классификации; вспомогательные указатели (к каждому тому).

[3] В. Г. Бек-Назарова. История Узбекистана. Библиографический указатель книг и статей в изданиях Комитета наук при Совете народных комиссаров УзССР, Узбекистанского филиала АН СССР и АН УзССР (1933—1957 гг.). Ташкент, 1960.

татами и т. п. в томе будут также представлены и реляции из действующих армий (среди которых тоже есть большое количество отвергаемых по листажу). Выделение этого материала в отдельный том будет выгодно отличать его и потому, что он будет расположен в удобном для использования хронологическом порядке.

Перспективным планом подготовки библиографических работ предусмотрено издание ряда указателей по истории революционного движения в России. Сотрудниками ГПИБ под редакцией академика М. В. Нечкиной разработана фундаментальная библиография «Движение декабристов». Этим изданием будет завершен учет значительного круга печатных материалов по истории первого этапа революционного движения в России. К сожалению, планом не предусматривается подготовка библиографии по истории второго этапа революционного движения.

В связи с 50-летием первой русской революции как в центре, так и в отдельных союзных республиках опубликованы библиографические указатели, посвященные этой выдающейся дате из истории революционного движения[4]. Сборники учитывают русскую литературу и на языках народов СССР. Назрела необходимость в издании фундаментальной библиографии всей литературы и публикаций, посвященных революции 1905—1907 годов. Такое издание может быть осуществлено путем кооперирования ведущих библиотек страны.

Важнейшей задачей советской исторической науки является глубокое изучение опыта социалистического строительства в нашей стране, раскрытие роли народных масс и Коммунистической партии в строительстве социализма и коммунизма.

В этой связи научные учреждения и библиотеки уделяют большое внимание подготовке библиографии по истории СССР периода социализма. Осуществляется учет библиографий по истории советского общества. ГПИБ совместно с ГБИЛ завершит в 1961 г. подготовку второго расширенного издания «Библиографии русской библиографии по истории СССР», куда наряду с дореволюционными указателями войдут и указатели, опубликованные после 1917 года.

ФБОН заканчивает составление третьего тома ретроспективной библиографии по истории СССР, в котором будет учтена литература по истории нашей страны в период социализма.

Серьезное внимание уделяется библиографированию документальных публикаций по истории советского общества. Решения ЦК КПСС, постановления Советского правительства, публикации местных партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций и учреждений, свидетельствующие об огромной созидательной, творческой деятельности партии и народа во всех областях жизни, дают богатейший материал исследователю. Научные работники обращаются прежде всего к изучению документов по конкретному вопросу. Для этого им необходим просмотр многочисленных каталогов центральных библиотек. Однако не исключено, что исследователь подчас упускает из виду публикации, отмеченные в каком-то частном разделе каталога. К тому же многие документы, изданные в центре, не представлены в последних тематических сборниках публикаций, носящих выборочный характер, так как учитывают документы за весь советский период. И, наконец, многие документы, изданные на местах, из-за отсутствия их учета должны разыскиваться в архивах, что в значительной степени осложняет работу ученых.

Большую помощь исследователям окажут библиографические указатели документальных публикаций по истории советского общества, составляемые ГПИБ. Два первых из данной серии — «Великая Октябрьская социалистическая революция» и «Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» — выходят в свет. Эти указатели с возможной полнотой учитывают все документы, которые опубликованы на русском языке в виде отдельных изданий, приложений к книгам, в исторических и общественно-политических журналах. В библиографиях помещены различного рода источники: протоколы, стенографические отчеты и резолюции съездов, конференций, совещаний центральных и местных организаций, сборники законов или отдельно изданные законодательные акты, разъяснения декретов правительства местными Советами, положения, циркуляры, инструкции, тезисы, воззвания, офи-

[4] К. И. Голиков. Первая русская революция 1905—1907 гг. Указатель литературы, вышедшей в 1954—1957 гг. в связи с 50-летием революции. М. 1957.; В. А. Дунаевский. Международное значение русской революции 1905—1907 гг. Указатель литературы. М. 1958; Д. С. Альохін. Революція 1905—1907 років на Україні. Бібліографічний покажчик юбілейної літератури до 50-річчя першої російської революції. Київ. 1959.

циальные обзоры, путевые тетради агитаторов и другие. Документы снабжены подробными аннотациями. В них дается источниковедческая характеристика документа, определяется, кому он принадлежит, проанализировано его содержание.

Перед ГПИБ стоит задача — ускорить подготовку библиографий документальных публикаций по последующим периодам истории СССР эпохи социализма.

Ценным источником, как известно, являются воспоминания современников — участников великих социалистических преобразований. ГБИЛ завершает составление библиографии «Советское общество в воспоминаниях современников. Ч. 2. Журнальные статьи». Создание библиографий документальных публикаций и мемуарной литературы расширяет источниковедческую базу исследования истории советского общества.

Одной из важнейших задач исторической науки является глубокое изучение Октябрьской революции. ФБОН и ГПИБ под руководством Научного совета Отделения исторических наук АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» подготовили и издали в 1959 г. указатель литературы «Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». В нем отражены издания, вышедшие в СССР за 1957—1958 годы. В 1960 г. опубликован «Ежегодник» литературы по истории Великого Октября и гражданской войны в СССР. Издание таких «Ежегодников» по этой проблеме предусмотрено и в будущем.

Необходимо отметить, что в подготовке указателей документальных публикаций и новейшей литературы по истории гражданской войны в СССР имеется некоторое дублирование. Например, ГБИЛ, несмотря на издающийся ГПИБ указатель документов по данной проблеме, готовит указатель всей литературы о гражданской войне, предназначенной для узкого круга читателей. При простом сравнении одного издания с проспектом другого можно видеть, что четвертая часть библиографии, подготовляемой ГБИЛ, будет включать материалы указателя документов. Не лучше ли ГБИЛ отказаться от параллелизма в подготовке библиографии по истории гражданской войны, сосредоточив всецело свои усилия на создании фундаментальной библиографии по истории Великой Отечественной войны.

Перспективный план предусматривает подготовку тематических библиографий по истории союзных республик. Среди них: «Сорокалетие установления Советской власти в Армении», «Сорокалетие Советской Грузии», «Латвия в годы Великой Отечественной войны», «Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть», «Советская Литва», «Революционная борьба трудящихся Туркменистана за Советскую власть и социалистическое строительство» и другие.

Осуществляется подготовка библиографических пособий по истории городов. Государственная историческая библиотека Украинской ССР в 1962 г. завершает составление двухтомной библиографии по истории Киева [5]. Указатель включает свыше 4 200 названий источников и литературы на украинском, русском и частично польском (работы, изданные во Львове) языках. Наряду с советской включена и дореволюционная литература. Указатель содержит также небольшие заметки и рецензии. Для удобства читателей имеются вспомогательные указатели авторов, составителей, редакторов и работ, описанных не на авторов, а также указатели: предметный, географических и топографических названий.

Библиографический указатель литературы о Тбилиси, изданный Тбилисской центральной научно-исторической библиотекой [6], включает книги, статьи из сборников и журналов, изданные как в дореволюционный, так и в советский период. В библиографии представлена литература о деятельности партийной и комсомольской организаций города, по истории, вспомогательным дисциплинам, этнографии, материалы о революционном движении. Имеется именной указатель.

Осуществляется также подготовка библиографии литературы по истории Ташкента и Харькова.

На основе фундаментальной картотеки по истории Москвы, составляемой ГПИБ, имеется возможность создать академическую библиографию по истории столицы нашей Родины.

ГПИБ завершает подготовку библиографии по истории крупнейших предприятий Москвы — заводов имени Лихачева, «Серп и молот», имени Владимира Ильича. Одна-

---

[5] Н. М. Шеліхова. Історія Київа. Бібліографічний покажчик. Т. I. Вып. 1, 2. Київ. 1958—1959.

[6] В. К. Джоджуа. Тбилиси. Библиографический указатель. Тбилиси. 1959 (на грузинском и русском языках).

ко разработка библиографии по истории фабрик и заводов требует более серьезного внимания. Перспективным планом предусматривается издание указателей лишь по истории предприятий Киевского экономического района и Одессы. Назрела необходимость в координации работы как центральных, так и ведущих библиотек на местах по созданию фундаментальных указателей по истории фабрик и заводов важнейших экономических районов СССР.

Разрабатывается библиография по истории крестьянства и коллективизации сельского хозяйства. Эту работу осуществляет Институт истории АН СССР.

Следует признать, что крайне мало уделяется внимания библиографированию литературы по истории отечественной культуры. Можно назвать лишь картотеку русской литературы по истории Московского университета и указатель «История Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского», изданный в 1959 году. Завершается подготовка библиографии по истории эстонского календаря.

Осуществляется учет библиографий и литературы по всеобщей истории. В 1962 г. будет завершена «Библиография русской библиографии по всеобщей истории». Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина готовит «Библиографию иностранной библиографии по всеобщей истории». ФБОН завершает составление указателя об основных библиографических справочниках по экономике, истории, праву, культурному строительству, науке, литературе и искусству европейских стран народной демократии и Югославии. ФБОН и библиотека имени А. М. Горького МГУ подготовляют указатель советской литературы по всеобщей истории.

Выходит в свет фундаментальная «Библиография Китая», учитывающая русскую литературу, изданную в период 1750—1957 годов. ФБОН завершает составление библиографии «Национально-освободительная борьба китайского народа (от «опиумных войн» до 1949 г., включая мирное освобождение Тибета)».

Разрабатываются библиографии по истории славянских государств. ФБОН и Болгарский библиографический институт подготовят к концу 1962 г. указатель «Республика Болгария. Историческая библиография. Т. 3. 1953—1957». В «Записках» Института славяноведения будет опубликована «Библиография дореволюционной и советской литературы о восстании 1863 года в Польше».

В «Библиографии Индии»[7] отражена научная, важнейшая научно-популярная и публицистическая литература, а также переводы произведений индийской художественной литературы, вышедшие в нашей стране с XVIII в. до 1957 года. Библиография учитывает литературу на всех языках народов СССР, а также произведения русских дореволюционных и советских авторов, вышедшие в нашей стране или за рубежом. В библиографию, к сожалению, не вошли работы, изданные малым тиражом, в том числе и авторефераты диссертаций. Литература в ней, по нашему мнению, систематизирована правильно. В библиографии, однако, имеются досадные пропуски. Отсутствует работа А. А. Бенедиктова «Индийское крестьянство в 70-х годах XIX в. (Экономическое положение и борьба против феодального и колониального гнета)», опубликованная в 1953 г. в Сталинабаде. Нет статьи Л. В. Шапошниковой «Положение пролетариата Индии и рабочее движение в конце XIX — начале XX в.», опубликованной в 1958 г. в книге «Индия и Афганистан. Очерки (история и экономика)».

В «Библиографии Турции»[8] отражены издания, вышедшие в советский период. Наряду с достоинствами книга имеет и ряд недостатков. Так, в ней отсутствуют высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о Турции. В разделе «В. И. Ленин о Турции» не описаны материалы из «Ленинских сборников». Вызывает возражение систематизация литературы. В разделе «Турция в новейшее время» почти отсутствует литература, освещающая вопросы внутреннего положения страны. Не названы книга Е. В. Тарле «Крымская война», статьи Ю. О. Боева «Молодо-турецька революція і політика великих держав» («Український історичний журнал», 1958, № 5), А. М. Валуйского «Восстание в Восточной Анатолии накануне младотурецкой революции (по материалам московских архивов)» («Турецкий сборник». М. 1958), И. А. Генина «Экономическое

---

[7] «Библиография Индии. Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР, оригинальная и переводная». (Составители: Г. Г. Котовский, Н. В. Менагаришвили, С. И. Таксынбаева (Ибрагимова). Редакционная коллегия: В. В. Балабушевич и Г. Г. Котовский). М. 1959.

[8] «Библиография Турции (1917—1958)». Составители А. Сверчевская и Т. Черман. М. 1959.

проникновение Германии в Турцию» («Труды» Московского института востоковедения. Сборник № 5) и др.

Перспективным планом предусматривается составление библиографии «Советская археологическая литература за 1929—1957 гг.» в двух выпусках. Институтом археологии АН СССР издана библиография литературы по археологии за 40—50-е годы [9]. В указатель включены не только материалы об археологических памятниках, но также и о памятниках архитектуры, искусства, ремесла, эпиграфике, нумизматике, сфрагистике. В нем представлены и исторические труды, связанные с археологической тематикой. Выборочно дана научно-популярная литература. Завершается подготовка указателя литературы по археологии за 1929—1940 годы. Учитывая изданный в 1931 г. библиографический указатель литературы за 1918—1928 гг., можно считать, что собрание советских изданий по археологии будет исчерпывающим.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе» ощущается потребность в новых библиографических указателях для учителей восьмилетней и средней школы.

ГПИБ в течение 1960—1962 гг. подготовит указатели литературы по истории СССР, древней и средневековой, новой и новейшей истории.

В настоящей статье отмечены лишь основные библиографические указатели, которые изданы в 1957—1960 гг. или выйдут в свет в течение ближайших 5—6 лет. Следует признать, к сожалению, что многие весьма ценные библиографии не могут быть опубликованы по вине издательств, руководствующихся преимущественно коммерческими соображениями. Тираж некоторых ранее изданных указателей был таким незначительным, что через неделю — другую после выхода из печати книги становились библиографической редкостью. Так случилось, например, с «Библиографией русской библиографии по истории СССР», изданной Всесоюзной книжной палатой в 2 300 экземплярах. То же произошло и с библиографическими указателями «История СССР», подготовленными ФБОН. У нас до сих пор еще плохо поставлена текущая информация о новой исторической литературе. Как уже отмечалось [10], информация о литературе осуществляется выборочно отраслевыми журналами, а также ведущими библиотеками. Бюллетени и списки новых поступлений, издаваемые ФБОН и ГПИБ, являются достоянием лишь некоторых университетов, институтов, библиотек и отдельных лиц. Расширение публикации библиографических списков литературы по отечественной истории в журналах «Вопросы истории» и «История СССР» в незначительной степени улучшит положение. Назрела необходимость в восстановлении бюллетеня «Историческая литература», издававшегося в 1940—1941 годах.

Интересы развития исторической науки требуют расширения текущей библиографической информации о новой литературе.

Перспективный план подготовки исторической библиографии предусматривает, таким образом, разработку фундаментальной библиографии по истории КПСС, завершение ретроспективной библиографии советской литературы по истории СССР, истории исторической науки в СССР, усиление подготовки указателей документальных публикаций и мемуарной литературы по истории СССР периода социализма, разработку библиографий по истории союзных республик. Создание указателей по истории рабочего класса и крестьянства, истории революционного движения, истории отечественной культуры — крайне важная задача, которая должна быть решена в ближайшие годы.

В области всеобщей истории перед институтами и библиотеками стоит задача составления библиографии дореволюционной и советской литературы по истории зарубежных стран, истории международного рабочего и коммунистического движения, издания указателей по советскому славяноведению и востоковедению.

Необходимо устранить параллелизм в работе библиотек по подготовке библиографических пособий, расширить и улучшить кооперирование библиотек и институтов в подготовке фундаментальных библиографических изданий, повысить научный уровень последних.

М. Л. Иткин

---

[9] «Советская археологическая литература. Библиография. 1941—1957 гг.» Составители Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская, А. А. Любимова. М.-Л. 1959. Рецензия Н. М. Черемисиной «Новый указатель советской археологической литературы». «История СССР». 1960, № 4.

[10] М. Л. Иткин, Э. А. Вайсборд, Р. М. Инглези, А. А. Соленникова. О состоянии и задачах советской исторической библиографии. «Вопросы истории», 1959, № 6.

О РАБОТЕ ИСТОРИКОВ ДНЕПРОПЕТРОВСКА

За последние пять лет в Днепропетровске опубликовано немало работ по истории, написанных местными авторами.

Так, к 40-летию Советской власти сотрудники Государственного архива Днепропетровской области и Областного партийного архива подготовили сборник документов и материалов «Октябрь в Екатеринославе» [1]. Сейчас ведется работа над вторым томом сборника, который будет назван «Екатеринославщина в период гражданской войны (апрель 1918—1920 г.)». Этот труд представляет тем больший интерес, что до последнего времени история гражданской войны на Екатеринославщине специально не изучалась.

Не менее важной работой, подготавливаемой к печати в 1961 г. авторским коллективом Госархива и Партархива, явится сборник документов и материалов «Днепропетровщина в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В этой книге будут широко использованы фонды местных партийных и советских органов, а также документы фашистских оккупационных властей.

Подготовка серии брошюр «Из истории Днепропетровской областной партийной организации» — ценное начинание местных историков. Серия будет состоять из 17 книжек объемом от 2 до 3 печатных листов каждая и иметь два раздела. В первый раздел войдут брошюры, освещающие революционные события в Екатеринославе со времени возникновения первых марксистских групп и кружков и до 1917 года.

Сейчас уже опубликован ряд брошюр: М. Г. Ярового (Днепропетровский горный институт), Е. К. Могарычевой (Криворожский пединститут), Т. Д. Таран (Днепропетровский химико-технологический институт), П. Л. Варгатюка (Криворожский пединститут), В. Я. Борщевского (Днепропетровская высшая партшкола), К. И. Познякова (Днепропетровский медицинский институт) и Т. М. Шульги (Днепропетровский металлургический институт), Ф. С. Павлова (Днепропетровский государственный университет) [2].

По второму разделу серии, охватывающему советский период истории Екатеринославской (Днепропетровской) партийной организации, готовятся следующие брошюры: Т. А. Кардашов, И. И. Гаращенко «Восстановление народного хозяйства области (1921—1925 гг.)», А. Ф. Батарин «Реконструкция народного хозяйства области (1933—1937 гг.)», М. Д. Белоус «Укрепление и развитие социалистического строительства в области (1937—1941 гг.)», А. В. Кузнецов «Все для победы над врагом (1941—1945 гг.)», В. С. Подворчанский, В. В. Мартынкова «Восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период (1945—1953 гг.)», И. К. Воропай и И. И. Корюшкин «В борьбе за развитие промышленности и сельского хозяйства (1953—1959 гг.)».

В дальнейшем на основе выпущенных в свет брошюр предполагается подготовить обобщающую монографию по истории Днепропетровской коммунистической организации с 90-х годов XIX в. до 1959 года. Осуществление такого мероприятия по Днепропетровской и другим областям Украины будет содействовать созданию в недалеком будущем фундаментального труда по истории Коммунистической партии Украины.

Днепропетровские историки готовят также ряд монографий и брошюр по истории своего края. Так, кандидат исторических наук В. Я. Борщевский написал монографию «Рабочие Екатеринослава в дни Октября», а также две брошюры: «Второй Всеукраинский съезд Советов» (съезд был проведен в Екатеринославе во второй половине марта 1918 г.) и «Первый Бердянский Совет». Сейчас он изучает тему «Рабочий класс и Советы Донецкого бассейна в Октябрьской революции».

Среди книг по истории революционного движения на Екатеринославщине, подготовленных к изданию, обращает на себя внимание брошюра доцента П. Л. Варгатюка (Криворожский пединститут) «В. И. Ленин

[1] «Октябрь в Екатеринославе». Днепропетровск. 1957.

[2] М. Г. Яровой. Марксистское движение в 90-х гг. XIX ст. Днепропетровск. 1959; Е. К. Могарычева. Накануне первой революции в России. Днепропетровск. 1959; Т. Д. Таран. Годы первой русской революции 1905—1907 гг. Днепропетровск. 1959; П. Л. Варгатюк. В годы реакции и нового революционного подъема. Днепропетровск. 1959; В. Я. Борщевский. Борьба за победу и укрепление Советской власти. Днепропетровск. 1959; К. И. Позняков, Т. М. Шульга. В период иностранной интервенции и гражданской войны. Днепропетровск. 1959. Ф. С. Павлов. «По ленинскому плану индустриализации страны (1926—1932 гг.)».

и екатеринославские большевики (90-е годы XIX столетия — 1918 г.)», представляющая собой первую попытку дать обобщающую работу по рассматриваемому вопросу.

На заседании кафедры истории КПСС Днепропетровского государственного университета (13 июня 1960 г.) было принято решение в порядке подготовки к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции приступить к написанию очерков по истории Днепропетровской области под общим названием «Славное пятидесятилетие». К этой работе будет привлечена большая группа днепропетровских историков: Л. Е. Бардагова, А. Ф. Батарина, М. Д. Белоус, А. В. Кузнецов, В. В. Мартынкова, Ф. С. Павлов, В. С. Подворчанский, Т. Д. Таран, Д. П. Пойда и др.

Значительное место в планах местных историков на семилетие отводится вопросам коммунистического воспитания трудящихся области. Так, работники кафедры истории КПСС Днепропетровского государственного университета исследуют тему «Из опыта коммунистического воспитания трудящихся на Днепопетровском металлургическом заводе имени К. Либкнехта после XX и XXI съездов КПСС».

Кафедра марксизма-ленинизма Металлургического института при содействии партийного комитета Металлургического завода имени Г. И. Петровского провела в апреле текущего года конференцию на тему «Ростки нового» — об ударниках и бригадах коммунистического труда. Конференция, проходившая на заводе, привлекла к себе большое внимание рабочих и вызвала у них горячий интерес. На конференции было принято решение подготовить ряд работ на эту тему. Уже вышла в свет брошюра доцента Днепропетровского химико-технологического института Б. Г. Куликовского «Движение бригад и ударников коммунистического труда — высший этап социалистического соревнования»[3].

В 1960 г. Днепропетровское областное издательство предполагает выпустить книгу «Молодость старого завода» (история Металлургического завода имени Дзержинского в Днепродзержинске), 70-летие которого отмечалось в 1959 году. Вместе с опубликованной в 1958 г. работой «История родного завода» (о старейшем в стране трубопрокатном заводе имени Ленина в Днепропетровске) этот труд положит хорошее начало в изучении истории крупных местных предприятий.

В течение 1961—1962 гг. предполагается подготовить фундаментальный труд по истории Днепропетровского металлургического завода имени Г. И. Петровского (бывший Александровский южнороссийский завод Брянского металлургического общества). История этого завода неразрывно связана с историей возникновения и развития металлургической промышленности юга нашей страны. Научная работа историков Днепропетровска координируется ученым советом, созданным при кафедре истории КПСС ДГУ.

Историки Днепропетровска приложат все усилия к тому, чтобы внести достойный вклад в осуществление задач, поставленных в решениях XX и XXI съездов КПСС и постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

Б. Я. Бриккер

[3] Б. Г. Куликовский. Движение бригад и ударников коммунистического труда — высший этап социалистического соревнования (по материалам Днепропетровской области). Днепропетровск. 1960.

СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЕ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК А. Я. БРЮСОВА

29 сентября с. г. историческая общественность нашей страны отметила семидесятипятилетие со дня рождения доктора исторических наук профессора Александра Яковлевича Брюсова — одного из виднейших советских археологов и историков первобытного общества, возглавляющего 1-й археологический отдел Государственного исторического музея и отдел полевых исследований Института археологии АН СССР. На состоявшемся в связи с этим заседании Ученого совета Института археологии АН СССР с докладами о научной и музейной деятельности А. Я. Брюсова выступили член-корр. АН СССР С. В. Киселев и проф. А. П. Смирнов.

Уже в своих ранних работах (монография «Поселения», М. 1926) А. Я. Брюсов выступил как поборник превращения археологии в подлинно историческую дисциплину, развивающуюся на основе марксистско-ленинской методологии. Основной областью своей исследовательской деятельности он избрал древнюю историю северных районов Европейской части СССР, которые 30 лет тому назад были почти сплошным «белым пятном» на археологической карте нашей страны. И если сейчас положение резко изменилось, открыты и введены в научный оборот первоклассные археологические материалы, то это прежде всего результат тридцатилетней экспедиционной деятельности А. Я. Брюсова. Создание широкой источниковедческой базы и большая аналитическая работа позволили ему разрешить многие вопросы древнейшей истории восточноевропейского Севера. В его книге «История древней Карелии» (Труды ГИМ, вып. IX. М., 1945) воссоздана история северных племен в III—I тыс. до н. э.

Обладая огромной эрудицией, А. Я. Брюсов рассматривал отдаленное прошлое северных районов в глубокой связи с древнейшей историей Европы. Важным этапом его исследовательской деятельности явилась фундаментальная монография «Очерки по истории неолитических племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (М. 1952), получившая широкое признание советских ученых и переизданная за рубежом. Особо следует отметить плодотворную работу А. Я. Брюсова в области теоретических проблем археологии и истории первобытного общества. Ряд специальных статей он посвятил таким важнейшим вопросам, как соотношение культуры и этноса, передвижения древних племен и закономерности развития их экономики и т. д. Ныне он завершает большую работу, посвященную индоевропейской проблеме. А. Я. Брюсов неоднократно защищал честь нашей науки на международных археологических конференциях и совещаниях. Он много сделал для внедрения в советскую археологию новейших методов естественных наук, являясь инициатором совместных работ археологов с геологами, географами, физиками, химиками и т. д.

Советское правительство высоко оценило научную деятельность ученого-коммуниста А. Я. Брюсова, наградив его орденом Ленина. Работы ученого по истории Севера нашей страны отмечены присвоением ему звания заслуженного деятеля науки Карельской АССР.

Юбиляра тепло поздравили директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков, представители Института этнографии АН СССР, Карельского филиала АН СССР, кафедры археологии МГУ и других учреждений. На заседании были оглашены также приветствия Президиума АН СССР, Обкома КПСС и Совета Министров Карельской АССР, Института истории АН Эстонской ССР, Института археологии АН УССР, Общества Австрия — СССР, археологов Финляндии и др.

Н. Я. Мерперт

Хроникальные заметки

◆ 90-летие со дня рождения видного партийного и государственного деятеля, соратника В. И. Ленина Александра Дмитриевича Цюрупы было отмечено на торжественном заседании Ученого совета Государственного музея революции СССР с участием ветеранов революции, ученых, представителей общественных организаций, рабочих, делегатов от трудящихся Башкирии и Тулы, где вел революционную работу Цюрупа. Сообщение о жизни и деятельности А. Д. Цюрупы сделал доктор исторических наук А. П. Кучкин. В труднейших условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи А. Д. Цюрупа, народный комиссар продовольствия, возглавил борьбу за хлеб, которую В. И. Ленин назвал борьбой за социализм. Воспоминаниями об А. Д. Цурюпе поделились старые большевики Л. А. Фотиева, Ф. Н. Петров, Е. Д. Стасова, Е. Я. Драбкина, бывший работник Народного комиссариата продовольствия Л. Н. Любарский и другие.

В Ленинграде в Музее Великой Октябрьской социалистической революции также состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное 90-летию со дня рождения А. Д. Цурюпы. С докладом о его жизни и революционной деятельности выступил заместитель директора музея по научной части Н. Л. Норовков.

◆ В Риге состоялось расширенное засе-

дание Ученого совета Института истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР в связи с семидесятилетием со дня рождения академиков К. Я. Страздиня и Я. П. Крастиня. Перу Карла Яновича Страздиня, сына батрака, революционера, деятеля народного просвещения, ученого, принадлежит много оригинальных исследований. Широкой известностью пользуется имя Яна Петровича Крастиня, члена партии с 1912 г., многие годы своей жизни посвятившего революционной борьбе, крупного специалиста по новой и новейшей истории. Юбиляров горячо приветствовали вице-президент академии П. И. Валескалн, директор Института языка и литературы АН Латвийской ССР Э. П. Свимпул-Сокол, заместитель директора Института истории и материальной культуры А. А. Дризулис, секретарь партийной организации академии М. М. Белюк и другие.

◆ В государственном архиве Иркутской области обнаружено два дела о «запасном унтер-офицере Леониде Красине, высланном в 1895 году в Иркутск под гласный надзор полиции». Документы проливают дополнительный свет на иркутский период жизни и деятельности Л. Б. Красина. В отношениях штаба Московского военного округа, воронежского и ялтинского губернаторов иркутскому генерал-губернатору сообщалось о «неблаговидном» поведении Красина в 9-м пехотном Великолукском полку, куда он поступил вольноопределяющимся в 1892 г. «для ведения пропаганды среди солдат», о его участии в марксистском кружке Бруснева и Голубева. Интересны «Маршрутный лист» и «Проходное свидетельство», выданные Красину в Воронежском полицейском управлении. В них говорилось, что «он не может нигде проживать, кроме Иркутска, а по приезде в сей город обязан не позднее 24 часов со времени своего прибытия лично явиться в полицейское управление». Красин был предупрежден, что «в случае нарушения с его стороны вышеуказанных предписаний он будет вновь заключен в тюрьму». В 1896 г. в Иркутске на страницах местной либеральной газеты «Восточное обозрение» развернулась полемика Красина с народниками. В статье «Судьба капитализма в Сибири» Красин дал блестящую критику народнических положений, выдвинутых редактором указанной газеты И. И. Поповым, показал, что экономическое развитие Сибири шло по капиталистическому пути, что с ростом капитализма растет организационно и политически его могильщик — пролетариат. Статья Л. Б. Красина в газете «Восточное обозрение» была первым опытом марксистской постановки вопроса об истории развития народного хозяйства Сибири. К концу пребывания Красина в Иркутске, в 1897 г., под его руководством образовалась марксистская группа из ссыльных и представителей местной рабочей и учащейся молодежи.

◆ В Государственном архиве Куйбышевской области хранятся бумаги о пребывании в Самаре Г. А. Лопатина, первого переводчика «Капитала» на русский язык. В ноябре 1881 г. по распоряжению департамента полиции Г. А. Лопатин был переведен под надзор полиции из Ташкента в Вологду. В феврале 1882 г., следуя в Вологду, он остановился в Самаре. Через день после приезда в Самару Лопатин отправил ходатайство в Петербург, добиваясь разрешения ехать дальше без конвоя. В Куйбышевском архиве сохранился подлинник его прошения, поданного самарскому губернатору. Надеясь получить ответ из Петербурга, Лопатин просил отсрочить его выезд из Самары. «Я живу здесь уже неделю, и из этого не вышло ровно ничего худого, а поэтому едва ли могут оказаться основания отказать мне... пробыть тут еще несколько дней, когда эта отсрочка представляет для меня такое существенное значение». Однако 26 февраля пришло предписание отправить Лопатина «в Вологду в сопровождении одного полицейского служителя в партикулярном платье, причем издержки за переезд означенного служителя принять за счет казны в том лишь случае, если Лопатин не имеет средств принять таковые издержки на свой счет». В первых числах марта полицейский, сопровождавший Лопатина, сдал его под расписку приставу первого участка Вологды. Через одиннадцать месяцев Лопатин бежал из Вологды за границу.

◆ Воссоздание истории рабфаков, обобщение их опыта приобретает важное значение в связи с проводимой в настоящее время перестройкой советской школы. 17 сентября 1920 г. в декрете советского правительства «О рабочих факультетах» была четко сформулирована цель рабфаков — «вовлечение рабочих и крестьянских масс в стены высшей школы». Важнейшую роль в подготовке кадров специалистов из рабочих и крестьян по различным отраслям знаний сыграли уральские рабочие факультеты. Воспоминания, материалы, печатавшиеся в журналах рабфаков Урала «Студент-рабочий», «Пермский рабфаковец», рисуют картину борьбы рабфаковцев за право на учение, за знания, против буржуазно настроенных профессоров, имевшихся в среде преподавателей вузов. Руководящая роль в этой борьбе принадлежала партийным ячейкам. Несмотря на большие трудности, уральские рабфаки уже на первом этапе своего существования (1920—1925 гг.) успешно справлялись с подготовкой трудящихся к поступлению в вузы. За это время уральские рабфаки окончило более 1 200 человек. Рабфаковцы оказали огромное влияние на воспитание студенческой молодежи в духе преданности делу рабочего класса. Они принесли в студенческую среду сознательное отношение к учебе, активный интерес к событиям, происходившим в стране, выступали застрельщиками новых начинаний в жизни студенчества. На рабфаках были созданы марксистско-ленинские кружки, проводились дискуссии на политические темы. Группа бывших преподавателей и выпускников рабфаков Урала приступила к составлению сборника об уральских рабфаках. Группа обращается ко всем бывшим учащимся и преподавателям рабфаков с просьбой принять участие в составлении указанного сборника, прислать

свои воспоминания и статьи по адресу: Свердловск, ул. Куйбышева, 48-а, Уральский университет, учебная часть.

◆ Одним из первых европейских исследователей Конго был русский путешественник и ученый В. В. Юнкер. Две поездки в неизведанные места Центральной Африки принесли ему мировую славу. Первое путешествие в Конго он совершил в 1876—1878 годах. Второе путешествие в Южный Судан и Конго, ставшее главным делом жизни В. В. Юнкера, состоялось в 1879—1886 годах. В отличие от многих буржуазных ученых В. В. Юнкер шел в дебри африканского континента как подлинный исследователь, гуманист и друг африканцев. Он обогатил мировую науку детальным описанием системы рек Северного Конго, рельефа, флоры и фауны этого обширного центрально-африканского района. Юнкер внес большой вклад в этнографию племен Центральной Африки. Его коллекции до сих пор занимают видное место в Этнографическом музее Академии наук СССР в Ленинграде и в некоторых других хранилищах. Избранный почетным членом Русского географического и ряда иностранных ученых обществ, В. В. Юнкер по заслугам считался «корифеем африканских географических исследований», как назвал его крупнейший русский путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский.

◆ В дни войны в Ленинграде в доме № 3 по улице Глинки под развалинами была погребена личная библиотека известного советского востоковеда Е. Э. Бертельса. Книги удалось спасти, и впоследствии они обрели пристанище в Петропавловской крепости. В послевоенные годы книги, упакованные в большие ящики, были отправлены в Москву. Здесь при разборе их выяснилось, что, помимо основного груза, в ящиках находятся бумаги, оказавшиеся архивом Союза взаимопомощи писателей при Русском литературном обществе. Ценная находка передана в рукописный отдел Пушкинского дома. Найденные документы открывают интересную страницу русской общественной жизни на рубеже XIX—XX вв., характеризуя разностороннюю деятельность Союза взаимопомощи писателей. Среди документов имеются материалы об избрании в члены союза А. П. Чехова, В. В. Вересаева, П. Ф. Лесгафта, Н. А. Котляревского, Р. Ю. Виппера. В том же архиве сохранилось письмо, адресованное министру внутренних дел, с просьбой разрешить «открыть повсеместную в России подписку на сооружение в Киеве, в Царском Саду, на берегу Днепра памятника малороссийскому поэту Шевченко». Примечательно письмо от 2 апреля 1899 года. Группа писателей обращалась в комитет союза с просьбой присоединить их имена к числу лиц, подавших заявления о невозможности дальнейшего пребывания в союзе издателя «Нового времени» реакционера А. С. Суворина. Союз взаимопомощи русских писателей просуществовал до 12 марта 1901 г., когда был закрыт в связи с протестом петербургских писателей против полицейского произвола.

◆ В Государственном архиве Астраханской области недавно обнаружены документы, которые проливают свет на революционную деятельность родителей выдающегося советского патофизиолога, президента Академии наук УССР, академика А. А. Богомольца (1881—1946 гг.). Отец его, доктор медицины А. М. Богомолец, находился под неослабным наблюдением царской охранки. В июне 1886 г. он приезжал в Черноярский уезд, Астраханской губернии, чтобы встретиться здесь со своим товарищем политическим поднадзорным В. Н. Бобаховым. Из архивных документов стало известно, что Бобахов «в 1883 году привлекался в Санкт-Петербурге к дознанию политического характера», а «товарищ его, доктор медицины Александр Михайлович Богомолец, судился с ним по одному делу». В секретном жандармском донесении сообщается и о том, что «жена Богомольца за преступления сослана на 12 лет в каторжные работы». С. Н. Богомолец в 1881 г. была приговорена к каторжным работам на 10 лет по делу «Южнороссийского союза рабочих», в котором она играла важную роль.

◆ В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде обнаружено описание городов Смоленщины 1725 года. В нем дана обобщенная характеристика состояния городов Смоленского края, приводятся интересные данные о его растительном и животном мире, общие сведения о населении городов и уездов Смоленщины. «Город Смоленск,— говорится в описании,— каменный, на горе, над р. Днепром. В нем во многих местах ров. За тою рекою на посаде — земляная фортеция и около помянутого города каменного — ров и земляная крепость с полисады». «В городе и в посаде живут разночинцы, купецкие люди и солдаты и ямщики». Среди других городов края упомянуты и описаны по аналогичному плану Дорогобуж, Рославль, Вязьма. Описание городов Смоленщины, составленное в 1725 г., является, по существу, первым географо-экономическим описанием Смоленского края.

Обзоры и рецензии

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНТОНИО ГРАМШИ

Вопрос о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на формирование марксистского мировоззрения выдающегося итальянского революционера Антонио Грамши постоянно привлекает внимание исследователей его творчества. Об этом свидетельствуют итоги состоявшейся в Риме в январе 1958 г. первой научной конференции по изучению наследия Грамши [1], а также отдельные книги и статьи, в которых говорится о его жизни и деятельности [2]. Все исследователи подчеркивают, что именно Октябрьская революция помогла Грамши глубже понять основные задачи борьбы итальянского пролетариата.

В связи с вышесказанным особенно большой интерес представляют работы Грамши, специально посвященные Октябрьской революции. Некоторые из этих произведений стали уже предметом исследования итальянских историков-марксистов [3], другие (в том числе сочинения Грамши общего характера, в которых содержатся отдельные теоретические положения и высказывания, касающиеся истории Октябрьской революции) еще ждут своего исследователя.

В настоящем обзоре автор ставит своей задачей показать лишь основные направления в освещении Грамши Октябрьской революции, не претендуя на исчерпывающее изложение этой большой и многогранной темы.

Первые суждения Грамши о русской революции относятся к периоду после победы Февральской буржуазно-демократической революции в России. Чтобы правильно оценить их, необходимо иметь в виду те разногласия, которые выявились в Итальянской социалистической партии по вопросу об оценке этой революции. Реформисты встали в основном на меньшевистские позиции: революция буржуазная — значит, пролетариат должен поддерживать буржуазию, не ставя своих собственных целей. В отличие от реформистов некоторые представители левого крыла ИСП понимали различие целей пролетариата и буржуазии в России и выражали надежду на дальнейшее развитие революционных событий. Точка зрения Грамши, руководившего в то время туринским социалистическим еженедельником «Il Grido del Popolo», наиболее полно выражена в его статье «Заметки о русской революции». В ней он писал: «Мы знаем, что революция была сделана пролетариями (рабочими и солдатами), мы знаем, что существуют Советы рабочих депутатов, которые контролируют деятельность административных органов. Но можно ли считать революцию пролетарской на основании того только факта, что она сделана пролетариями? Ведь война также делается силами пролетариата, и все же ее нельзя назвать по этой причине пролетарским деянием» [4]. Равным образом Грамши отвергал и тот критерий в оценке русской

---

[1] «Studi gramsciani Atti del convegno tenuto a Roma nei giorni 11—13 gennaio 1958». Roma. 1958.

[2] P. Togliatti. Gramsci. Milano. 1949; Л. Ломбардо-Радиче и Дж. Карбоне. Жизнь Антонио Грамши. М. 1953; К. Ф. Мизиано. Великая Октябрьская социалистическая революция и проблемы рабочего движения в Италии в работах Антонио Грамши 1919—1920 гг. «Новая и новейшая история», 1957, № 2, и др.

[3] M. Spinella. Gramsci, la Rivoluzione d'Ottobre, la scienza marxista della politica. «Società», 1957, № 5; F. Ferri. La Rivoluzione d'Ottobre e le sue ripercussioni nel movimento operaio italiano. «Società», 1958, № 1; М. Лиспи. Ранние работы Антонио Грамши. «Вопросы философии», 1959, № 11.

[4] «Il Grido del Popolo», 29 апреля 1917 г.; «Opere di Antonio Gramsci». Vol. 8. Torino. 1958, p. 105.

революции, который он называл «феноменом власти». Нельзя, по мнению Грамши, сводить все дело к тому, что власть автократическая была заменена властью буржуазной, нельзя также проводить параллель между Великой французской буржуазной революцией и Февральской революцией в России. «Эти революции,— замечал он,— походят друг на друга только с внешней стороны, так же как одно насилие походит на другое насилие, одно разрушение на другое разрушение». Главное, подчеркивал Грамши, заключается в тенденции развития революции в России, тенденции к установлению социалистического строя [5]. Это положение было важным шагом на пути к правильному пониманию характера русской революции. Однако вывод, который делал из него Грамши, оказывался в конечном счете ошибочным. Грамши считал, что Февральскую революцию на основании тенденции ее развития можно было все-таки назвать пролетарской. В дальнейшем на основе изучения произведений В. И. Ленина и опыта борьбы российского пролетариата А. Грамши подошел к правильному пониманию ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

В одной из своих последующих статей (июль 1917 г.) Грамши уже связывал тенденцию развития революции в России непосредственно с деятельностью большевиков [6]. Нельзя не отметить, однако, что Грамши в то время не имел еще достаточно четкого представления о путях и формах борьбы пролетариата за власть. Он представлял борьбу за всеобщее избирательное право, как единственно возможную форму борьбы пролетариата за власть. В свете этого становится особенно очевидным то огромное влияние, которое имела победа Великой Октябрьской социалистической революции в России на формирование мировоззрения Грамши. Уже в первых статьях и высказываниях, сделанных после победы Октябрьской революции, он горячо приветствует русский опыт установления диктатуры пролетариата. В этих статьях Грамши имелись некоторые ошибочные положения и формулировки, что уже отмечалось итальянскими исследователями-марксистами. Но важно другое — то, что Грамши сразу же становится на путь глубокого теоретического анализа опыта Октябрьской революции.

В статье «Утопия», опубликованной в июле 1918 г., Грамши полемизирует с реформистами, которые пытались доказать «несвоевременность» проведения в России пролетарской революции, ссылаясь на «отсутствие» материальных предпосылок, и ставит важный вопрос о соотношении экономических и политических факторов в революции. «Совершенно очевидно,— пишет он,— что политический строй зависит от экономической структуры, от форм производства и обмена». Однако, подчеркивает Грамши, «между предпосылкой (экономической структурой) и следствием (политическим строем) отношения являются далеко не такими простыми и непосредственными, и история народа не может быть сведена к одним только экономическим факторам» [7]. Таким образом, Грамши говорит о несостоятельности утверждений оппортунистов о несвоевременности социалистической революции в России. Правда, он не может еще по горячим следам событий и на основании отрывочных, а подчас и грубо искаженных сообщений из России дать конкретно-исторический анализ условий победы Октябрьской революции. Тем не менее методологические основы такого анализа намечаются им в общем правильно.

В статье нашла свое отражение и та линия теоретических разногласий между Грамши и оппортунистами, которая касалась отношения к вопросу о диктатуре пролетариата в России. Оппортунисты, в частности итальянские реформисты, характеризовали диктатуру пролетариата в России как «крайний произвол и беззаконие», подчеркивая свое отрицательное отношение к насилию вообще. Полемизируя с реформистами, Грамши утверждал, что именно диктатура пролетариата является реальной гарантией свободы, в отличие от буржуазной демократии она не увековечивает себя, а «позволяет создавать и укреплять постоянно действующие органы, в которых она в конце концов растворится после того, как выполнит свою миссию». На примере Советской власти Грамши показывал превосходство государства пролетарской диктатуры,

---

[5] Там же.
[6] «Il Grido del Popolo», 28 июля 1917 г.; «Opere di Antonio Gramsci». Vol. 8, p. 122.
[7] «Avanti!» (Piem), 25 июля 1918 г.; «Opere di Antonio Gramsci». Vol. 8, p. 280.

в котором действительно реализуется воля большинства. «Все трудящиеся могут принимать участие в Советах, могут влиять на них в том направлении, чтобы они еще лучше выражали их волю и желания»[8]. Все эти мысли и замечания развиты у Грамши в его последующих работах, написанных под непосредственным влиянием произведений В. И. Ленина и в связи с острой идеологической борьбой внутри Итальянской социалистической партии в период революционного подъема 1919—1920 годов.

В этот период, когда вся Италия была охвачена мощными революционными выступлениями трудящихся, вопрос об отношении к Октябрьской революции приобрел особенно важное значение. Реформисты, пытавшиеся увлечь массы на путь классового сотрудничества с буржуазией, всячески принижали и отрицали всемирно-исторический опыт Октябрьской революции. Представители двух других течений Итальянской социалистической партии — максималисты и абсентеисты — не могли противопоставить реформистам научный, марксистский анализ опыта Октябрьской революции. Не могли прежде всего потому, что сами не сумели усвоить важнейших уроков этого опыта. Максималисты, занимавшие руководящее положение в партии, ориентировались фактически на стихийный подъем движения трудящихся и, игнорируя русский опыт, пытались во что бы то ни стало сохранить организационное единство с реформистами. Абсентеисты выступали против всех форм легальной борьбы, что опять-таки свидетельствовало о поверхностном изучении ими русского опыта. Ни те, ни другие даже не ставили такие важные для революционного движения вопросы, как вопрос о гегемонии пролетариата и о его союзе с трудовым крестьянством, о партии как передовом отряде и руководителе масс и т. д. Естественно, что в этих условиях защита ими Октябрьской революции от наскоков реформистов не могла подняться до уровня глубоких теоретических обобщений и ограничивалась рамками общих деклараций и полемическими выступлениями.

На фоне этих выступлений статьи и высказывания Грамши об Октябрьской революции, относящиеся к периоду 1919—1920 гг., обращают на себя особое внимание. Грамши уже получил к этому времени возможность познакомиться с некоторыми работами В. И. Ленина и встал на путь усвоения и практического применения марксизма в Италии. В мае 1919 г. под его руководством была создана группа «Ордине Нуово», ставшая вскоре передовой марксистской группой в Италии. В печатном органе этой группы — газете «L'Ordine Nuovo», а также в туринском издании социалистической газеты «Avanti!» публиковались статьи Грамши по узловым проблемам пролетарской революции в Италии. В них он постоянно обращался к опыту Октябрьской революции, пытаясь творчески осмыслить его применительно к конкретным итальянским условиям. Кроме того, ряд статей Грамши, написанных в это время, был специально посвящен Октябрьской революции. Характерно, что полемическая направленность в них почти всегда органически сочеталась с научным анализом и глубокими теоретическими обобщениями.

В одном из первых номеров газеты «L'Ordine Nuovo» была опубликована статья Грамши «Дань истории», посвященная Октябрьской революции. Отмечая губительные для России последствия мировой войны, которая ввергла ее народ «в пучину нищеты, варварства, анархии и разложения», Грамши писал: «Величие большевиков в политике, их невиданный в истории шедевр политического руководства заключается именно в том, что они подняли упавшего гиганта и снова придали (или, вернее, впервые придали) конкретную динамическую форму этой дезорганизации, этому хаосу; в том, что они сумели спаять коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа и заложили прочный фундамент, на котором начался исторический процесс строительства коммунистического общества,— словом, в том, что впервые в истории они воплотили в жизнь марксову формулу диктатуры пролетариата»[9]. Таким образом, установление диктатуры пролетариата в России Грамши связывал с задачей преодоления дезорганизации и хаоса в стране, с одной стороны, и борьбы за построение нового, коммунистического общества — с другой. Грамши обращал особое внимание на роль партии в борьбе за диктатуру пролетариата. Он подчеркивал, что осуществление

---

[8] «Opere di Antonio Gramsci». Vol. 8, p. 285—286.

[9] «L'Ordine Nuovo», 7 июня 1919 г.; А. Грамши. Избранные произведения. Т. I, М. 1957, стр. 24.

диктатуры пролетариата в России стало возможным благодаря правильному политическому руководству со стороны большевистской партии.

Придавая большое значение своеобразию и специфике условий в России, Грамши отмечал в то же время интернациональный характер русского опыта. «Большевики,— писал он,— придали государственную форму историческому и социальному опыту русского пролетариата, который является также опытом пролетариата и крестьянства всех стран...». И далее: «Советы доказали свое бессмертие как форма организации общества, наилучшим образом отвечающая постоянным и многообразным (экономическим и политическим) жизненным потребностям русского народа, воплощающая в себе и претворяющая в жизнь надежды и чаяния угнетенных всего мира» [10]. Отмечая победы Советского государства над внутренними и внешними врагами, Грамши показывал несостоятельность попыток реформистов доказать, что возникновение этого государства явилось следствием «эпизодического» возмущения масс в период мировой войны. «...Советское государство,— писал он,— доказывает, что оно представляет собой неизбежное явление, неотвратимый этап развития человеческой цивилизации, первую ячейку нового общества» [11].

В ряде других статей Грамши неоднократно возвращался к вопросу об интернациональном характере русского опыта. Однако в противоположность максималистам и абсентеистам вопрос об использовании этого опыта в Италии он решал в неразрывной связи с анализом конкретных итальянских условий. Выступая за творческое использование опыта Октябрьской революции, Грамши подчеркивал: «Мы должны критически переработать этот опыт; отбросить все, что является в нем специфически русским, отражает особые условия, в которых находилось русское общество при возникновении Советской республики; выделить и прочно усвоить все, что в нем является непреходящей необходимостью для коммунистического общества, что отражает нужды и стремления класса рабочих и крестьян, методы эксплуатации которого одинаковы под всеми широтами» [12].

С вопросом об интернациональном характере русского опыта тесно связан вопрос о всемирно-историческом значении победы Октябрьской революции. В статье «Народы колоний», опубликованной в июне 1920 г., Грамши писал: «Восстания, которые поднимают народы, живущие в условиях колониального режима, и которые приобретают все больший размах и силу, позволяют нам сейчас в свете исторического опыта русской революции довольно точно определить смысл и значение следующего положения марксизма: пролетариат, освобождая себя, освободит вместе с собой все остальные угнетенные классы». И далее: «Свергнув царизм, русский пролетариат разорвал одну из самых тяжелых цепей, сковывающих народы Малой Азии и Персии, потряс до основания британскую колониальную систему, поставил под вопрос существование всей капиталистической системы в целом» [13].

В статье «Россия — мировая держава», опубликованной в августе 1920 г., Грамши подчеркивал, что «Советская Россия сделалась мировой державой, сделалась величайшей из мировых держав, такой державой, которая благодаря своему весу, своему историческому значению способна противостоять всей мировой капиталистической системе». Это коренным образом изменило соотношение сил между пролетариатом и буржуазией, помешало установлению во всем мире «монополистического режима», к чему могла привести, как указывает Грамши, империалистическая война 1914—1918 годов [14].

В числе теоретических проблем, связанных с анализом русского опыта, важное место в творчестве Грамши занимает вопрос об основных критериях и отличительных особенностях социалистической революции. Этому вопросу посвящена одна из его наиболее интересных в теоретическом отношении статей, «Две революции», опубликован-

---

[10] А. Грамши. Избранные произведения. Т. I, стр. 25—26.

[11] Там же, стр. 26.

[12] «L'Ordine Nuovo», 27 июня 1919 г.; А. Грамши. Избранные произведения. Т. I, стр. 328.

[13] «L'Ordine Nuovo», 26 июня 1920 г.; А. Грамши. Избранные произведения. Т. I, стр. 437, 439.

[14] «L'Ordine Nuovo», 14 августа 1920 г.; А. Грамши. Избранные произведения. Т. I, стр. 193.

ная в июле 1920 года. Революция, писал Грамши, является социалистической не только потому, что она ставит своей задачей и осуществляет свержение политической власти буржуазного государства. Революция бывает пролетарской, коммунистической (то есть социалистической), когда она освобождает новые производительные силы, развивавшиеся в недрах общества, в котором господствует класс капиталистов; «она бывает пролетарской и коммунистической в той мере, в какой ей удается помогать и содействовать развитию и организации пролетарских и коммунистических сил, способных вести терпеливую и методическую работу, необходимую для построения нового порядка в области производства и обмена, такого порядка, при котором стало бы невозможным существование общества, разделенного на классы...» И далее Грамши подчеркивал, что за революцией — разрушительным актом — должна обязательно следовать революция — созидательный процесс [15].

Необходимо отметить, что многие мысли и высказывания Грамши об Октябрьской революции были направлены не только против реформистских, но и против максималистских оценок русского опыта. Наиболее ярко это проявилось в вопросе о союзе рабочего класса с крестьянством. Как известно, идеологи II Интернационала не верили в силу и способность крестьянства к революционной борьбе. О. Бауэр, например, говорил об исчезновении со времен Маркса антикапиталистических настроений у крестьянства. К. Каутский делал из этого вывод о необходимости для социалистической революции пролетарского большинства в общей сумме населения страны. Этими идеями в Италии были заражены в значительной мере не только реформисты, но и максималисты. Многие партийные документы того времени свидетельствуют о непонимании максималистами роли крестьянства в борьбе за пролетарскую революцию в Италии [16].

В статье, написанной А. Грамши совместно с П. Тольятти в декабре 1919 г., подчеркивалось: «Русская революция нашла свою силу, свое спасение как раз в том, что в России рабочие и крестьяне, исходя из разных побуждений, движимые различными чувствами, оказались объединенными в своем стремлении к общей цели в совместной борьбе... Классовая борьба рабочих и крестьянская война связали свои судьбы неразрывными узами...» [17]. В статье «Рабочие и крестьяне», написанной в феврале 1920 г., Грамши указывает в качестве одной из главных причин поражения пролетариата в Германии и Венгрии на отсутствие широкой поддержки со стороны крестьянства [18].

Грамши на деле удалось выделить и прочно усвоить из русского опыта все, что является общим и необходимым для борьбы рабочего класса всех стран за социалистическую революцию. Именно в этом отличительная черта его работ и высказываний об Октябрьской революции. Вместе с тем мы могли убедиться, что в статьях и высказываниях Грамши об Октябрьской революции нашел свое отражение тот процесс развития его мысли по восходящей линии, важнейшим этапом которого было изучение произведений В. И. Ленина. А. Грамши, пытавшийся проникнуть в самую глубину сложных теоретических проблем русской революции, сумел на основе ленинского учения найти единственно правильный путь в решении этих проблем.

Статьи и высказывания Грамши об Октябрьской революции были важным оружием его борьбы против оппортунизма в Итальянской социалистической партии и способствовали идеологическому оформлению в ней марксистского ядра, положившего начало Итальянской коммунистической партии.

Б. Р. Лопухов

---

[15] «L'Ordine Nuovo», 3 июля 1920 г.; А. Грамши. Избранные произведения, Т. I, стр. 181—183.

[16] См. «2-й конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. Птгр. 1921, стр. 460—461.

[17] «L'Ordine Nuovo», 6—13 декабря 1919 г.; А. Грамши. Избранные произведения. Т. I, стр. 97—98.

[18] См. «Avanti!» (Piem), 20 февраля 1920 г.; А. Грамши. Избранные произведения. Т. I, стр. 126.

Заметки о книгах

Новые работы по исторической картографии Чехословакии *

«Карты чешских земель до середины XVIII века» представляют собой собрание копий старинных карт Чехии, Моравии и Силезии с начала XVI века.

Картография зародилась в Чехии еще в начале XV столетия. Но карты этого периода не сохранились. Карел Кухарж в вводной статье к сборнику сделал попытку реконструировать карты чешских земель 1422 г. на основании топографических таблиц того времени, где указаны координаты отдельных населенных пунктов, истоков рек и мест их слияния. В 1518 г. Клаудиан составил первую подробную карту Чехии, которая была напечатана; сохранился единственный ее оттиск. На карте нанесены города, местечки, замки, господские усадьбы и крепостцы — всего 280 пунктов. Города подразделены на королевские и вотчинные, гуситские и католические. Этой картой открывается атлас. В нем помещены также карты Чехии: Кригенгера — 1568 г., Аретина — 1619 г., Фогта — 1712 г. и Мюллера — 1722 года. Число названий на картах постепенно возрастает. На карте Мюллера показано уже около 11 тыс. населенных пунктов.

В атласе напечатаны копии четырех старинных карт Моравии. Первой по времени составления была карта Фабриция (1568 г.). Автором следующей являлся знаменитый чешский педагог Ян Амос Коменский (1627 г.). Кроме того, в атласе помещены копии карт, относящихся к началу XVIII в.: Фишера — 1712 г. и Мюллера — 1712—1716 годов. Заканчивается атлас двумя картами Силезии: Гельвига — 1561 г. и Виланда — 1736 года.

Картами Виланда завершается ранний период картографического изображения чешских земель. В дальнейшем составление карт перестает быть делом отдельных авторов. Его берет в свои руки австрийское правительство. Начинается период военной картографии.

Копии карт выполнены в красках, очень тщательно с точки зрения передачи оригиналов.

Атлас имеет двоякое научное значение. С одной стороны, это — издание ценного исторического источника, каким являются старинные карты. С другой,— это основной материал по истории чешской картографии, то есть страница из истории чешской культуры.

Второй атлас охватывает историю Чехословакии с древнейших времен до 1945 г. включительно. В нем картографировано 37 исторических тем на 44 листах. Всего в атласе 65 карт. Многие из них занимают лишь часть листа; некоторым, посвященным сложным темам, как, например, гуситское движение, народное хозяйство XV—XVI вв., отведено по два листа. В числе карт имеется несколько планов Праги разных исторических эпох. Кроме того, в атласе помещен ряд диаграмм для показа динамики явлений преимущественно хозяйственной, частично политической и культурной истории.

Над составлением научного исторического атласа работает Отделение исторической географии Института истории Чехословацкой Академии наук [1]. Цель данного атласа гораздо скромнее: он должен служить пособием при изучении отечественной истории в школе. В работе над атласом принимал участие большой круг специалистов как из состава сотрудников Отделения исторической географии, так и из лиц, работающих в других научных учреждениях. Всего в составлении карт участвовало свыше тридцати авторов. В процессе работы атлас рецензировало свыше двадцати историков и географов. Ответственный редактор атласа — Ян Мусилек, технический редактор — Богумил Стеглик.

Начинается атлас с карты поселений на территории Чехословакии в каменном веке, заканчивается картой освобождения Чехо-

---

* *«Vývoj mapového zobrazeni úsemí Československé republiky».*

[1] «Mapy českých zemí do poloviny 18. století Ústřední správa geodézie a kartografie». Praha. 1959.

[2] «Školní atlas československých dějin». Ústřední správa geodézie a kartografie. Praha. 1959.

«Развитие картографического изображения территории Чехословацкой Республики».

[1] «Карты чешских земель до середины XVIII века».

[2] «Школьный атлас чехословацкой истории».

[1] См. статью члена-корреспондента Чехословацкой Академии наук, одного из авторов данного атласа, Фр. Роубика «Историческая география в Чехословакии после 1945 г.». «Вопросы географии». Сборник 50. Историческая география. М. 1960.

словакии Советской Армией и планом пражского восстания 5—9 мая 1945 года.

В атласе дана достаточно подробная история политических границ территории, населенной чехами и словаками. Показаны места сражений и пути движения войска. Большое внимание уделено истории народных движений, особенно гуситскому движению, революции 1848 г. и рабочему движению XIX—XX веков. Ряд карт посвящен истории промышленности и путей сообщения.

Таким образом, история Чехословакии отражена в атласе весьма полно. Можно сделать авторскому коллективу и редакции лишь один упрек: историческая география населения и сельского хозяйства XIX—XX вв. представлена недостаточно. Нет ни одной картограммы плотности населения в историческом прошлом, нет картограмм грамотности, не показаны аграрные отношения, распределение сельскохозяйственных культур, география урожайности и т. п.

Карты технически хорошо оформлены. Но в результате большой нагрузки, а в ряде случаев и перегрузки карт материалом, они не всегда легко читаются. С педагогической стороны это недочет. Вероятно, использование атласа в школе покажет необходимость некоторой разгрузки карт. Во всяком случае, несомненно, что атлас принесет большую пользу при преподавании истории как в старших классах средней школы, так и в высших учебных заведениях.

Для историков СССР он, безусловно, представляет интерес с методической точки зрения.

В. К. Яцунский

ГО МО-ЖО. *Бронзовый век.* Изд-во иностранной литературы. М. 1959, 459 стр. Цена 16 руб. 80 коп.

Президент Академии наук Китайской Народной Республики профессор Го Мо-жо наряду с большой государственной и общественной деятельностью ведет также исследовательскую работу, являясь крупнейшим специалистом в области археологии и древней истории Китая. С некоторыми историческими сочинениями Го Мо-жо, в частности с его книгой «Эпоха рабовладельческого строя» (М. 1956), советские читатели уже знакомы.

Рецензируемая работа представляет собой сборник статей, написанных автором в 1935—1945 годах. Название «Бронзовый век» дано автором не случайно. Вошедшие в сборник 12 статей рассматривают различные аспекты истории эпохи бронзовых изделий в Китае (XIV—III вв. до н. э.). Кроме того, там имеются три дополнения и послесловие.

Тематически содержание сборника можно разделить на две части: первая посвящена истории идеологии древнего Китая. Вторая — проблемам развития древнекитайского общества.

Наиболее обширная статья сборника освещает историю идеологии доциньского Китая. Исследование многочисленных надписей на иньских гадательных костях и данных из письменных источников позволило автору воссоздать стройную картину возникновения и развития миросозерцания у древних китайцев начиная с XIV в. до н. э. вплоть до второй половины III в. до н. э., когда разрозненные царства Китая были объединены под эгидой династии Цинь. Го Мо-жо удалось установить, что в эпоху Инь (XIV—XII вв. до н. э.) в Китае возникло представление о высшем духе, обозначаемом терминами «ди» (владыка, бог), «шанди» (верховный владыка), «тянь» (небо) (стр. 21). Иньцы были суеверны и в своих гаданиях обращались к высшему духу. Го Мо-жо рассматривает процесс развития взглядов на мир в последующие эпохи. В частности, большое внимание уделяется автором характеристике различных идеологических течений, возникших в V—III вв. до н. э. С появлением учений Лао-цзы, Конфуция и Мо-цзы — этих великих мыслителей Китая, отмечает Го Мо-жо, «в истории идеологии Китая наступил золотой век науки и искусства» (стр. 70). Автор разбирает учения трех вышеупомянутых философов: даосизм, конфуцианство и моизм,— показывая, что в процессе их развития происходило взаимное обогащение каждой из этих школ. Особенно наглядно это прослеживается на анализе взглядов Сюнь-цзы, одного из многочисленных последователей Конфуция, который в своем учении о «небе» и «дао» соединил взгляды конфуцианства и даосизма (стр. 82).

В ряде последующих работ Го Мо-жо развивает и дополняет отдельные положения, выдвинутые им в статье «Развитие миросозерцания до династии Цинь». Он подробно анализирует учение моистов и показывает, что теория Мо-цзы «против нападений» призывала к пассивности и непротивлению. Принцип «против нападений» постепенно развился в «отрицание борьбы» (стр. 207).

Значительный интерес представляет раз-

дел, где Го Мо-жо говорит об отношении моистов к проблеме частной собственности. Он делает вывод, с которым мы согласны, о том, что сторонники Мо-цзы считали частную собственность священной и неприкосновенной (стр. 206). Однако этот вывод выглядел бы более убедительным, если бы автор связал его с теми историческими процессами, которые происходили в жизни китайского общества в период Чжаньго (V—III вв. до н. э.). Необходимо подчеркнуть, что в период Чжаньго, как показывают исследования, в Китае возникла купля-продажа земли, получил дальнейшее развитие институт частной собственности; все это, естественно, нашло отражение и в политических учениях. Некоторые философы (например, Мэн-цзы) выступали против расширения частной земельной собственности, другие (школа Мо-цзы), наоборот, включились в борьбу за защиту интересов землевладельцев.

Привлекает внимание периодизация истории конфуцианства в древнем Китае. По мнению Го Мо-жо, конфуцианство прошло в своем развитии два этапа: первый охватывает время от возникновения учения вплоть до образования империи Цинь (221 г. до н. э.), второй относится к послециньскому периоду, то есть к династии обеих Хань (конец III в. до н. э.— III в. н. э.). Если доциньское конфуцианство, несмотря на ряд различных течений, все же выступало как единое учение, отличное от других школ, то в период после циньской династии, когда конфуцианство официально превратилось в идеологию господствовавшего класса, оно уже представляло средоточие многих различных школ, включая моистов, даосов, легистов, натурфилософов и буддистов (стр. 448).

С такой характеристикой нельзя не согласиться. Она действительно отражает те коренные изменения, которые произошли с доциньским конфуцианством. Однако необходимо было отметить, что многие из школ, чьи положения вошли в ханьское конфуцианство, сами претерпели ряд существенных изменений. Это произошло, в частности, с легизмом — официальной идеологией циньских правителей во времена империи Цинь (221—207 гг. до н. э.) [1].

Изучение различных идеологических течений древнего Китая невозможно без предварительного разрешения проблемы подлинности самих письменных памятников. Поэтому автор уделяет значительное внимание этому сложному и трудному вопросу. Профессор Го Мо-жо со свойственной ему глубокой эрудицией сумел вполне убедительно доказать, что автором классического произведения «Книга перемен» («Чжоуи») являлся не Конфуций, как это считалось прежде, а ученый Цзянь-би (Цзы Гун) из царства Чу (стр. 88—122). Го Мо-жо удалось также установить, что трактат «Лао-цзы» был доработан Хуань Юанем (ученым из царства Чу) после смерти самого Лао-цзы (стр. 309—317).

Особый интерес представляет четвертая статья сборника, в которой автор разоблачает взгляды одного из современных идеологов чанкайшистской клики, врага китайского народа, прагматиста Ху Ши. Го Мо-жо решительно выступает против идеализирования Конфуция, которого Ху Ши сравнивает с Иисусом Христом и приписывает ему божественные качества. Го Мо-жо показывает, что конфуцианство — «это не результат деятельности какого-то великого таланта, а неизбежный результат исторического развития» (стр. 191). Таковы вкратце основные проблемы, поднимаемые в той части сборника Го Мо-жо, которая посвящена вопросам идеологии древнего Китая.

Интересна статья «Суждения о чжоуском обществе по стихам эпохи Чжоу на тему сельского труда» (стр. 123—158), освещающая историю социально-экономических отношений в период Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.). Из всех затронутых в этой работе проблем мы остановимся на разборе самой основной, а именно — «цзинтянь чжи» («колодезная система землепользования»). Согласно положению, впервые выдвинутому известным мыслителем Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.), в древности в Китае все пахотные земли делились на равные участки в форме иероглифа «цзин» (井) — колодец. Отсюда и возникло наименование «цзинтянь чжи». По схеме Мэн-цзы, каждый участок пахотной земли в форме «цзин» подразделялся на девять равных полей по 100 му каждое — восемь боковых «частных полей» и одно «общественное поле», расположенное в центре.

Подробно рассказав о схеме Мэн-цзы (стр. 149—150), Го Мо-жо отмечает, что она «может существовать лишь теоретически, практически осуществить ее невозможно» (стр. 150). Однако, отрицая схему Мэн-цзы, Го Мо-жо признает факт существова-

[1] Чэнь Ци-тянь. Чжунго фацзя гайлунь (Очерк истории легизма в Китае). Шанхай. 1936, стр. 74.

ния «цзинтянь» как системы измерения площади пахотной земли. Проанализировав ряд надписей на бронзовых сосудах эпохи Западного Чжоу, Го Мо-жо пришел к выводу, что в то время в Китае действительно существовали равновеликие квадратные поля (стр. 151). Он склонен признать и наличие «общественных полей», но не в таком виде, как это дано в схеме Мэн-цзы. По мнению Го Мо-жо, все пахотные земли страны, находившиеся в собственности государства, как раз и являлись «общественными полями». Государство наделяло наследственную аристократию и чиновничество определенными участками этих «общественных полей» в форме «цзинтянь», которые обрабатывались пожалованными рабами. Подобная форма землепользования была обнаружена у народности и (западная часть провинции Сычуань) в середине 30-х годов XX века. На основании этих данных Го Мо-жо считает Западное Чжоу рабовладельческим обществом (стр. 153—156).

Развивая приведенную выше трактовку «цзинтянь» в своих дальнейших работах, Го Мо-жо пришел в 1952 г. к следующему выводу: «система «цзинтянь» имела два назначения: 1) для чжухоу (наследственной аристократии.— *Л. П.*) и богуань (чиновников.— *Л. П.*) она представляла собой определенную единицу для выплаты жалованья; 2) для людей же, непосредственно занимавшихся обработкой полей, она представляла определенную единицу учета труда, их усердия. Поля «цзинтянь», обладая строго определенной площадью, служили своего рода критерием для обеих этих целей» [2]. По мнению Го Мо-жо, «цзинтянь» — это система учета рабского труда и пожалований чиновникам и аристократам.

В последние годы в китайской историографии возросло внимание к проблеме «цзинтянь чжи». Ученые Чжан Бо-цюань, Ван Чжун-ло, Ян Куань, Хань Лянь-ци и др. [3] считают, что система «цзинтянь» отражала общинные формы землепользования. Так же, как и Го Мо-жо, они отрицают схему Мэн-цзы, отмечая при этом, что в ней содержится рациональное зерно — идея равновеликих полей в пределах одного производственного коллектива. Китайским ученым удалось установить, что в надписях на бронзе и в письменных источниках в тех случаях, когда речь идет о земельных пожалованиях, иероглиф «цзин» — колодец — выступает в функции термина «ли» (里)». Благодаря этим исследованиям стало известно, что термин «ли» употреблялся для обозначения сельской общины, в которой существовал обычай регулярного передела полей [4].

К уже известным данным следует добавить новые материалы, подтверждающие существование сельской общины в Китае в VIII—V вв. до н. э. В трактате «Чуньцю гунян чжуань», окончательное оформление которого относится ко II в. н. э., сообщается о том, что все взрослое население «ли» (общины) выбирало из своего состава «отцов старейших» (фу лао), которые и руководили всеми делами общины. Самое интересное то, как явствует из сообщения источника, что община сама наделяла в качестве вознаграждения каждого «отца старейшего» двойным наделом пахотных земель, повозкой и лошадью [5]. Подобная оплата труда свидетельствует о существовании общинных органов самоуправления, не имеющих ничего общего с органами государственного управления.

Исследование Го Мо-жо, нашедшего реальное зерно в схеме Мэн-цзы, получило свое дальнейшее развитие в изысканиях других китайских ученых, открывших и доказавших существование сельской общины в древнем Китае.

Издательство иностранной литературы сделало полезное дело, познакомив советского читателя с фундаментальной работой одного из ведущих историков Китайской Народной Республики. Отрадно отметить хорошее в основном качество перевода. По нашему мнению, в книге следовало бы дать более обстоятельный комментарий.

Л. С. Переломов

---

[2] Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М. 1956, стр. 31.

[3] Ян Куань. Шилунь чжунгогудайды цзинтяньчжиду хэ Цуньшэ цзучжи (О системе «цзинтянь» и организации сельской общины в древнем Китае). «Сюешу юекань», 1959, № 6, стр. 43; Хань Лянь-ци. Чуньцю Чжаньго шидайды цуньшэ гуншэ (Сельская община в период Чуньцю и Чжаньго). «Лиши яньцзю». 1960, № 4, стр. 25.

[4] Ван Чжун-ло. Гуаньюй чжунго нули шэхуэйды вацзе цзи фэньцзянь гуаньсиды синьчен вэньти (К вопросу о разложении рабовладельческого общества и становлении феодальных отношений в Китае). Ухань. 1957, стр. 8—11; Ян Куань. Указ. соч., стр. 41—43; Хань Лянь-ци. Указ. соч., стр. 26—29.

[5] «Чуньцю гунян цзинчжуань цзе гу». Цит. по: «Шисань цзин чжушу». Т. 34, гл. 16. Шанхай. 1957, стр. 0492—0493.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Исторически преглед». София. 1960, № 3.

Статьи: проф. Т. Влахов. Ленинизм и национально-освободительные движения в зависимых и колониальных странах; Д. Мичев. Партизанские отряды в Болгарии в условиях подготовки нового вооруженного восстания (1924—1925); чл.-корр. Ал. Бурмов. Тайный Центральный болгарский комитет (второй период его существования). Сообщения: Н. Димов. Союз народного студенчества за границей —«Нарстуд» (1923—1926); К. М. Куев. Еще раз о времени составления славянской азбуки. Материалы: П. Пепо (Н. Р. Албания) и д-р С. Маслев. Страницы истории болгаро-албанских дружественных связей в XX в.

«Исторически преглед». София. 1960, № 4.

Статьи: Ц. А. Генов. Подготовка, проведение и защита «Воссоединения» 1885 г.; П. Петров. Поражение латинян под Адрианополем в 1205 г. и его историческое значение. Сообщения: проф. В. Топенчаров. Некоторые болгарские источники о характере «Балканского варианта»; Л. Киркова. О борьбе болгарских народных учителей против религиозного воспитания в школах в 1900 г.; Н. К. Кондов. К вопросу о времени, когда в болгарском земледелии была внедрена культура кукурузы. Лекции и консультации: Х. Окан. Возникновение и развитие рабочего и социалистического движения в Турции.

«Történelmi Szemle». Budapest, 1960, № 2—3.

Статьи: Э. Маюс. Стремления короля Сигизмунда к централизации в Венгрии; Л. Маккаи. Образование социального базиса абсолютизма в странах австрийских Габсбургов; И. Барта. Сеченьи и развертывание венгерского буржуазного движения за реформы; Э. Ковач. Польское восстание 1863 г. и венгерская эмиграция; Ш. Орбан. Соглашение государства и католической церкви. Обзоры: Об исторических корнях национализма. Анкета в Академии наук Венгрии. Л. Маккаи. О начале становления венгерской нации; А. Р. Варконьи. Проблема разработки истории освободительной борьбы против Габсбургов; А. Вереш. Проблема оценки истории XVIII в.; Э. Х. Балаж. Корни дворянского национализма эпохи реформ, восходящие к XVIII в.; И. Барта. Некоторые черты национализма эпохи реформ и революции и освободительной войны 1848—1849 гг. в Венгрии; Я. Варга. К истории национальных проблем 1848—1849 гг.; В. Шандор. Идея национального государства венгерских господствующих классов; Л. Катуш. Характерные черты национализма невенгерских народов в многонациональной Венгрии; П. Ханак. Некоторые проблемы венгерского национализма в конце XIX — начале XX в.; Я. Йемниц. Международное рабочее движение и национализм до 1914 г.; Ж. Л. Надь. Националистические лозунги на службе контрреволюции в 1919 г.; Т. Хайду. О «демократическом» национализме; Л. Маркуш. Социал-демократизм во время режима Хорти; Д. Чатари. Влияние ревизионизма в Венгрии и в Румынии.

«Nghiên cứu lich sử». Hà-nôi. 1960, № 6,

Чан Хьюи Льеу. Историческое значение III съезда партии; Вьонг Хоанг Тюен. О зарождении элементов капитализма во вьетнамском феодальном обществе; Хонг Куанг. Изучать Ленина, активизировать работу в области истории в интересах насущных задач революции (продолжение). Классики марксизма по вопросам истории; Ла Ван Ло. О направлении научно-исследовательской работы в области этнографии во Вьетнаме; Чан Хьюи Льеу. Отражение вьетнамского революционного движения в литературных произведениях вьетнамских авторов (продолжение); Е. Жуков. История и современность («Коммунист», 1959, № 11); Чан Куок Вьонг. Историческая география района Ханоя (в период до XI в.); Данг Вьет Тхань. К вопросу об исторической документации; Д. А. Крайнов. Археология и краеведение («Советская археология», 1957, № 3).

«Nghiên cứu lich sử». Hà-nôi. 1960, № 7.

Чан Хьюи Льеу. Несколько выводов из прошедшей конференции; Конференции о рабстве во Вьетнаме; Ван Тан. Необходимо иметь единую точку зрения по вопросу о рабстве во Вьетнаме; Чан Куок Вьонг и Тю Тхиен. Прошло ли вьетнамское общество через период рабства? Ван Тан. Вьетнамское общество действительно прошло через период рабства; Нгуен Лыонг Бить. Развитие производительных сил — определяющий фактор в возникновении рабовладельческих производственных отношений в древнем Вьетнаме; Фан Хьюи Ле. Пережитки рабовладельческих отношений в феодальном обществе и вопрос о существовании рабства во Вьетнаме; Дао Зюи Анх. О рабстве во Вьетнаме.

«Nghiên cứu lich sử». Hà-nôi. 1960, № 8.

Нгуен Конг Вынь. О характере Августовской революции; Буй Дынь Тханг. Вооруженная борьба в Августов-

ской революции; Хонг Куанг. Изучать Ленина, активизировать работу в области истории в интересах насущных задач революции (окончание); Чан Хьюи Льеу. На Национальном конгрессе в Танчао; Чан Куок Выонг. Историческая география района Ханоя (окончание). Вокруг вопроса о существовании рабства во Вьетнаме; Чан Хьюи Льеу. Отражение вьетнамского революционного движения в литературных произведениях вьетнамских авторов (продолжение).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1960, № 5.

Эрнстгерт Кальбе. Провокационный поджог рейхстага и укрепление фашистской диктатуры в Германии; Дитер Фрике. К вопросу о милитаризации духовной жизни в кайзеровской Германии. Дело Лео Аронса; Ян Петерс. Западногерманская историография о великодержавном периоде в истории Швеции. Сообщения: Готфрид Кох, Бернхард Тёпфер. Новые исследования по истории итальянских коммун XII и XIII вв.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 6.

Вернер Бертольд. О работе Эриха Ротхакера «Действенность философии истории...». Размышления по случаю XI Международного конгресса историков в Стокгольме в 1960 г.; Зигфрид Томас. Возрождение политической жизни в Берлине и единство действий пролетарских партий (май—июль 1945 г.); Герхард Хейц. Сгон крестьян с земли феодалами в Мекленбурге в XVIII веке. Сообщения: Дитер Фрике. О союзе прусско-германского милитаризма с клиром против социалистического рабочего движения в конце XIX в.; Иоахим Пецольд. К вопросу о военных целях германских монополистов в первой мировой войне (документация).

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1960, № 3.

Генрих Рау. Политика КПГ под руководством Эрнста Тельмана по отношению к крестьянству; Хорст Науман. Значение II конгресса Коммунистического Интернационала для объединения революционного крыла НСДПГ с КПГ; Вильгельм Велинг. Об антифашистской борьбе немецкого рабочего класса во время выборов в фашистские советы доверенных лиц весной 1935 г.; Траудль Кюн. О революционном рабочем культурном движении и классовых боях пролетариата 1928—1933 гг. в Германии, в частности о берлинской агитгруппе «Красный Рупор»; Гюнтер Политт, Франц Гохман. К истории возникновения Коммунистической партии Швеции. Воспоминания. Документы и материалы: Зигберт Кан. Документы о борьбе немецкого революционного рабочего движения против антисемитизма и преследования евреев; «Мы, коммунисты, и немецкая нация»; Курт Финкер. Документ пролетарского интернационализма. Научные сообщения: Ю. Н. Щербаков. Об участии немецких коммунистов и красноармейцев в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Восточном фронте (1918—1919 гг.).

«Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1960, № 3.

Целина Бобиньска. О ленинской историософии и некоторых вопросах отечественной истории; Ежи Секели. Идеология крестьянской войны в Венгрии в 1514 г.; Эмануэль Ростворовски. Предположения и догадки о манифесте крестьянской «конфедеренции», так наз. торчинской суплики (челобитной) 1767 г.; Кристина Керстен. Планы и организация миграции крестьян в Западных землях в 1945 г. Дискуссии и полемика: Ян Адамус. Новые пути общественной истории; Владислав Охманьски. Замечания к изданию хозяйственных инструкций для великопольских поместий; Станислав Хербст. О популяризации истории; Герард Лябуда. О методике воспитания молодых кадров.

«Z pola walki». Warszawa. 1960, № 3.

Галина Яновска. Из истории польской рабочей эмиграции во Франции в 1919—1939 гг.; Норберт Коломейчик. Организационное развитие Польской Рабочей Партии в 1945 г. Проблемы и дискуссии: Ян Канцевич. Историческо-материалистический метод в трудах польских историков и его критики; Леон Баумгартен. «Открытие» более чем сомнительное; Алина Осядач-Мольска. О взглядах Станислава Крусинского; Тадеуш Ендрущак. О публицистике КПП и борьбе за власть в Польше в 1918 г. Документы и воспоминания: Список участников съездов КПП; Теодора Федер. Обмен политзаключенных в 1923 г. (странички из воспоминаний); Мариан Яниц, Хелена Вольф. Партизанский дневник (23.VII.1944—23.I.1945).

«Československý časopis historický». Praha. 1960, № 4.

Статьи: Лаштовичка Б. Возникновение и значение Кошицкой правительственной программы; Недвед Я. Достижение организационного и идеологического единства рабочего класса в чешских землях в 1948 г.; Покора Т. Ли Да-чжао и его роль в движении «4 мая 1919 г.» и в коммунистическом движении в Китае; Отагал М. К истории борьбы за земельную реформу (после издания закона об отчуждении 16 апреля 1919 г.); Кудрна Я. К включению методологии и философии истории в историографию А. И. Тойнби.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

О современной исторической науке в Венгрии

«Századok». Budapest. 1960, №№ 1—3, 45—81. old.

Директор Института истории АН Венгрии академик Э. Молнар в статье «Развитие венгерской исторической науки за прошедшее десятилетие» подчеркивает, что решающий поворот в исторической науке произошел в Венгрии в 1948—1949 годах. В то время была поставлена задача — написать всю венгерскую историю заново, с марксистских позиций, в духе прогрессивных и революционных традиций; поставить в центр внимания венгерской историографии новую и новейшую историю, в особенности историю венгерского рабочего движения; усвоить исторический и диалектический материализм, ведя одновременно борьбу против враждебных, антимарксистских взглядов. Только таким путем венгерская историческая наука могла стать действенным средством воспитания трудящихся в духе социалистического патриотизма и неразрывно связанного с ним пролетарского интернационализма.

В развитии венгерской исторической науки Э. Молнар различает три периода. Первый, продолжавшийся до 1953 г., характеризовался развертыванием деятельности реорганизованных и вновь созданных научно-исследовательских институтов. Исторический материализм в эти годы стал господствующим методом в венгерской историографии. Но уже в конце 1953 г. дискуссия, организованная редакцией «Századok», ясно обнаружила и серьезные ошибки венгерских историков.

Второй период — с 1953 г. до разгрома контрреволюции осенью 1956 г.— ознаменовался исправлением некоторых ошибок, но процесс этот носил противоречивый, половинчатый характер. Большой вред при этом нанес ревизионизм, который, используя допущенные ошибки, разжигал национализм и стремился дискредитировать марксистскую историографию.

Последний период, начавшийся после разгрома контрреволюционного мятежа, характеризуется решительным исправлением ошибок, допущенных до 1956 г., усилением борьбы против остатков ревизионизма и особенно буржуазного национализма. Наиболее существенные успехи этого периода: широкий размах научных работ в области истории, оживление дискуссий, выход в свет нового учебного пособия по истории партии, издание документальных источников и т. д.

Венгерская историческая наука, опираясь на марксистский метод, определила главные проблемы и линии в изучении исторического развития Венгрии. Она разрабатывает историю рабочего движения, которая раньше совершенно игнорировалась. В этих успехах, отмечает автор, важную роль сыграла неоценимая помощь, оказанная венгерской исторической науке Советским Союзом.

Опираясь на значительный источниковедческий материал, историки-медиевисты в отличие от буржуазной историографии поставили в центре своих исследований историю классовой борьбы и крестьянских движений. Достигнуты успехи в исследовании освободительных войн венгерского народа в XVII—XVIII веках.

Весьма плодотворным было изучение истории Венгрии периода 1790—1849 гг., особенно революции 1848—1849 годов. Именно на этом участке был впервые прорван фронт буржуазной историографии и подорваны ее позиции.

В противовес буржуазной историографии, занимавшейся преимущественно политической историей капиталистической Венгрии, марксистские историки внесли серьезный вклад в изучение социальной и экономической истории Венгрии. Ныне предстоит разработка некоторых важных вопросов промышленного развития, аграрной истории, расслоения крестьянства и мелкой буржуазии, образования рабочего класса и развития капитализма в национальных окраинах.

В активе венгерской историографии последних лет — исследование по истории феодальной монополии на землю в X—XII вв., работа, освещающая историю средневековых городов, историю централизованного государства в XV в., аграрное развитие и крестьянское движение XVI—XVIII вв., монография о разложении крепостничества и переходе к капитализму и др. Положительно оценивает Э. Молнар университетский учебник по новой истории (и, в частности, попытки правильного освещения роли И. Сеченьи, а также выяснения характера зависимости Венгрии в системе дуализма), работы по истории рево-

люций 1848 и 1919 гг., вышедшие к 40-летию Венгерской Советской Республики, сборник документов «Венгрия и вторая мировая война».

Среди работ, посвященных истории венгерского рабочего движения, отмечена монография Э. Винце «Образование и первый период деятельности Социал-демократической партии Венгрии», которая выгодно отличается от исследований, написанных по этому вопросу ранее. Достигнуты успехи в изучении истории Венгерской Советской Республики.

Вместе с тем Э. Молнар отмечает ряд серьезных недостатков венгерской историографии, изжитых лишь отчасти. Венгерские историки, пишет автор, справедливо подчеркивали, что массовой силой в борьбе за независимость было крестьянство, но при этом они чрезмерно преувеличивали его роль; создавалось неправильное представление, будто крестьянство выступало как самостоятельная политическая сила, с собственной национальной программой, что в его борьбе имело место совпадение и национальных и антифеодальных целей. Историки невольно допускали народническую идеализацию крестьянства. В венгерской историографии имеются остатки национализма, с чем нельзя мириться. Национализм может быть окончательно искоренен лишь при условии последовательного и полного усвоения и применения принципа пролетарского интернационализма.

Изучение истории Венгрии после 1900 г., включая хортистский период, пишет Э. Молнар, все еще остается фрагментарным. История рабочего движения подчас изучается в отрыве от общего процесса социально-политического, экономического и национального развития. К числу методологических ошибок при исследовании истории Венгрии периода капитализма относятся и стремление историков «восполнить» недостаток фактического материала общими положениями, а также использование имеющегося исторического материала лишь в качестве иллюстрации отдельных выводов.

После 1953 г., когда значительная часть прежних ошибок была признана историками и началось их исправление, поднял голову ревизионизм, который, прикрываясь лозунгом «единый фронт историков», стремился подорвать ведущую роль марксистской исторической науки. Ревизионисты провозгласили главной движущей силой исторического развития не классовую борьбу, а национальное единство, охватывающее все классы, мешали развертыванию критики буржуазной историографии, провозгласив примат «компетентности» перед идейностью. Вследствие этого в исторической науке несколько ослабла борьба против буржуазной идеологии и среди историков усилилось влияние националистически-народнических воззрений. Выступая против остатков националистических взглядов, необходимо в то же время вести борьбу и с буржуазным объективизмом, который появился в качестве реакции на неправильно понятое требование партийности исторической науки. Часть историков воздерживается от написания обобщающих работ и предпочитает заниматься сбором фактического материала без должных обобщений. Все это может быть преодолено лишь повышением теоретической подготовки историков. После разгрома контрреволюции венгерская историческая наука развивалась в борьбе против ревизионизма, под знаком борьбы за исправление старых ошибок.

Говоря о буржуазных историках старшего поколения, многие из которых занимаются историей средних веков, Э. Молнар указал, что часть из них испытывает влияние марксизма, другие же продолжают оставаться на немарксистских позициях.

После 1956 г. центр тяжести исследовательской работы передвинулся к проблемам новейшей истории. Однако изучение истории народной демократии, отмечается в статье, находится лишь в начальной стадии. В области всеобщей истории необходимо в сотрудничестве с историками Советского Союза и стран народной демократии уделить больше внимания историческим связям венгерского народа с соседними народами. Необходимо исследовать историю национального вопроса, процессы распада монархии; особое внимание следует уделять историографии.

Задача марксистской исторической науки, пишет Э. Молнар, состоит в том, чтобы на основе глубокого усвоения марксистского метода и последовательного его применения искоренить всякие остатки буржуазного национализма и впредь не допускать его проникновения в венгерскую историческую науку.

Т. М. Исламов

Антифашистская борьба в Германии в 1935 году

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1960, № 3.

Статья В. Велинга посвящена одному из наиболее важных эпизодов движения Сопротивления в Германии в период до начала второй мировой войны — поражению гитлеровцев на выборах так называемых «советов доверенных» в 1935 году.

«Советы доверенных», согласно фашистскому законодательству, лишившему германский рабочий класс всех его завоеваний, создавались на предприятиях взамен прежних фабзавкомов и пользовались только совещательными правами. Для обмана рабочих гитлеровцы вынуждены были допустить выборность этих органов. Однако, чтобы обеспечить угодный капиталистам состав «советов доверенных», был установлен такой порядок, при котором список кандидатур утверждался хозяином данного предприятия совместно с руководителем нацистской ячейки. Уже первые итоги выборов «советов доверенных» весной 1934 г. явились для фашистов серьезным поражением. Тем не менее гитлеровцы решили провести голосование и в 1935 г., рассчитывая добиться иных результатов. Шовинистическая волна, связанная с такими событиями, как присоединение Саарской области (январь 1935 г.) и введение воинской повинности (март 1935 г.), должна была, по замыслам гитлеровцев, помочь им в привлечении большинства рабочего класса на свою сторону. Как показано в статье, фашисты мобилизовали все имевшиеся в их распоряжении средства: государственный аппарат, прессу, радио и т. п. В. Велинг приводит характерную цифру: в ходе демагогической кампании по выборам в «советы доверенных» весной 1935 г. было проведено 140 тыс. собраний и митингов; на многих из них выступали главари фашистской клики, в том числе и Гитлер. Одновременно власти осуществили новые массовые аресты, стремясь ослабить сопротивление на предприятиях. Используя неопубликованные материалы из архивов гестапо, автор дает представление о масштабе этих репрессий, которые, по замыслу фашистов, должны были запугать рабочий класс и заставить его отказаться от какой бы то ни было борьбы за свои интересы. Гитлеровцы призывали рабочих и служащих продемонстрировать «устойчивость общности предпринимателей и рабочих на заводах и фабриках».

Но ожидания фашистов не оправдались: выборы «советов доверенных» вновь принесли нацистам тяжелое политическое поражение. В статье содержится подробный анализ факторов, определивших подобный результат.

Главным фактором, обусловившим провал гитлеровцев на выборах, была последовательная и целеустремленная политика Коммунистической партии Германии, ее настойчивое стремление добиться создания единого фронта рабочих-коммунистов, социал-демократов, католиков. Автор показывает, что КПГ рассматривала подготовку и проведение выборов «советов доверенных» как свою центральную задачу на том этапе борьбы против гитлеровской диктатуры. Данная кампания явилась первым крупным мероприятием, в ходе которого КПГ наряду с подпольными средствами использовала легальные и полулегальные методы борьбы против гитлеровского режима. Выборы в «советы доверенных» сыграли, таким образом, важную роль в процессе тактической переориентации партии, развернувшемся с осени 1934 года.

Приводимые в статье материалы свидетельствуют о том, что в период подготовки к выборам на многих предприятиях по инициативе компартии развернулась оживленная дискуссия о целях выборов, о влиянии милитаризации страны на положение рабочих, о формах борьбы против фашистской диктатуры. Сплоченность рабочих в некоторых случаях вынудила фашистов внести изменения в списки кандидатов, включить в них вместо агентов предпринимателей таких рабочих, которых коллектив считал заслуживающими доверия. Эти успехи подтверждали эффективность единства действий рабочих различных политических убеждений.

Подлинные итоги выборов в «советы доверенных» неизвестны. Но материалы, публиковавшиеся в подпольной печати и в немецких демократических изданиях за пределами Германии, а также архивные документы, привлеченные автором, говорят о том, что значительная часть германского пролетариата высказалась против фашистских кандидатов. При этом следует учесть, что около 5 млн. кадровых рабочих, ставших безработными, политзаключенные, были лишены возможности участвовать в голосовании. Тем не менее выборы «советов доверенных» 1935 г. подтвердили, что фашизму не удалось завоевать существенного влияния на германский рабочий класс. Это

вновь красноречиво опровергало тактику «выжидания», которой придерживались лидеры социал-демократической партии, доказывавшие, будто в условиях фашистской диктатуры сколько-нибудь активная борьба невозможна.

Фашисты отказались после этих событий от выборов «советов доверенных». С 1936 г. эти «советы» назначались. Прямым следствием успеха демократических сил было оживление антигитлеровского движения во второй половине 1935 г., несмотря на непрерывно усиливавшийся террор. В. Велинг приводит уточненные данные, характеризующие рост массовых выступлений, в частности подъем забастовочной борьбы в это время.

Статья В. Велинга является составной частью большой исследовательской работы, которую проводят ныне немецкие историки-демократы, чтобы воссоздать подлинную историю антифашистской борьбы германских трудящихся, восстановить в памяти народа имена многих забытых героев революционного пролетариата Германии. Выводы, сделанные В. Велингом, безусловно, справедливы.

В том же номере «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» напечатаны интересные документы об антифашистской борьбе. Среди них — листовка КПГ «Коммунисты и немецкая нация», относящаяся к последним месяцам перед второй мировой войной. Листовка опровергала фашистскую клевету об «антипатриотизме» коммунистов и показывала, что подлинными врагами нации являются гитлеровцы. «Мы, немецкие коммунисты,— говорилось в этом документе,— любим нашу Германию, мы горды тем, что мы немцы, поэтому мы являемся непримиримыми противниками гитлеровского режима».

Л. И. Гинцберг

Из истории оккупационной политики западных держав в Германии

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität». Halle-Wittenberg. 1959. Oktober, S. 945—954.

Статья сотрудника Института всеобщей истории при университете в Галле (ГДР) Яниса Шмельцера «Секретная директива «JCS—1067» посвящена анализу оккупационной политики западных держав в Германии. В германской исторической литературе это одна из наиболее острых и актуальных проблем.

Я. Шмельцер исследовал происхождение и судьбу документа, в котором были сформулированы основы американской оккупационной политики в Германии.

Директива «JCS—1067» разрабатывалась еще в 1944 году. В ее составлении принимали участие самые высокопоставленные американские военные и политические деятели — Моргентау, Гопкинс, Стимсон, Хэлл и другие. Между лицами и учреждениями, привлеченными к разработке этого документа, уже в самом начале возникли серьезные разногласия.

В то же время известное влияние на содержание директивы оказали люди, которые придерживались идеалов антигитлеровской коалиции. Видным представителем этой группы являлся один из экспертов, Джордж Уиллер.

Учитывая настроение народных масс, боровшихся против фашизма, правящие круги США вынуждены были считаться с этой группой. Определенное воздействие на разработку оккупационной политики западных держав в Германии оказывала и советская дипломатия. Правители США не могли не считаться с заслугами и выдающейся ролью Советского Союза в разгроме гитлеризма. Благодаря этому в директиву вошел ряд пунктов, соответствующих требованиям антигитлеровской коалиции (разделы, касающиеся денацификации, демилитаризации, наказания военных преступников и др.).

Однако определяющее воздействие на содержание директивы оказали все же реакционные круги США. Но, определяя свое отношение к проблемам послевоенной политики США в Германии, представители этих кругов не были едины. Одни из них отстаивали концепцию «мягкого мира». Данная концепция предусматривала сохранение и использование германского военного и промышленного потенциала с целью превращения Германии, по выражению генерала Эйзенхауэра, в «бастион против России». Другие выступали за «жестокий мир». Последние стремились на длительное время оградить себя от германской конкуренции на мировых рынках путем разрушения германской индустрии и превращения Германии в страну, зависимую от США. За кулисами борьбы по вопросу о характере мира стояли крупнейшие монополистические объединения США (группы Моргана, Рокфеллера, Дюпона, Меллона). В основе этих разногласий лежала различная оценка послевоенных возможностей Советского Союза. Сторонники концепции «жестокого мира» считали, что СССР выйдет из войны

настолько ослабленным, что в течение 15—20 послевоенных лет не сможет восстановить свою экономику. Советский Союз, по их мнению, будет нуждаться в американских кредитах и в конечном счете попадет в зависимость от США. Они полагали, что в борьбе против Советского Союза можно обойтись без использования германского военного и промышленного потенциала.

На иных посылках основывалась концепция «мягкого мира». Ее сторонники — Хэлл Стимсон и др.— считали, что США и Советский Союз в послевоенное время будут самыми сильными в военном и экономическом отношении державами. Отсюда их стремление сохранить и использовать в борьбе против СССР промышленность Германии (прежде всего военную), и, конечно, под контролем американских монополий.

И та и другая концепции, как показывает автор статьи, ни в какой мере не соответствовали требованиям превратить Германию в мирное единое демократическое государство. Одна из них была рассчитана на порабощение, превращение Германии в колонию американских монополий; другая — на воссоздание милитаристской Германии.

Победила компромиссная политика, сформулированная в статье начальника центральноевропейского отдела госдепартамента США Ридлбергера, как политика «периода охлаждения», то есть промежуточного периода, в течение которого необходимо постепенно «остудить» антифашистский, демократический подъем народных масс. «Период охлаждения» должен был дать возможность германским империалистам восстановить свои силы. Американские монополии надеялись воспользоваться оккупацией Западной Германии, чтобы захватить патенты, заключить выгодные сделки и, таким образом, легко поставить под свой контроль бывших конкурентов.

Победа этой точки зрения связана с приходом к власти Трумэна и резким разрывом его с идеалами антигитлеровской коалиции и курсом Рузвельта.

Директива «JCS — 1067» вступила в силу незадолго до подписания Потсдамских соглашений и действовала до июня 1947 года. Автор убедительно показывает, что директива во многих своих положениях грубо противоречила Потсдамским соглашениям. Последние устанавливали, что союзники будут проводить в Германии единую политику. Директива же фактически утверждала сепаратную политику США. Резко отличались сформулированные в этих документах и цели оккупации. Потсдамские соглашения были направлены на то, чтобы «предоставить германскому народу возможность подготовиться к тому, чтобы вновь построить свою жизнь на мирных демократических основах». В директиве же цели «военного управления» Германией определялись так: «Германия оккупируется не с целью ее освобождения, но как побежденное вражеское государство». Директива противоречила соглашениям и в других важнейших пунктах (о сотрудничестве союзников с демократическими силами немецкого народа, о недопустимости экономического раскола страны и т. д.). Практическое осуществление директивы американскими оккупационными властями показало, что они нарушали даже те немногие статьи директивы, которые совпадали с требованиями антигитлеровской коалиции. К управлению промышленностью в западных зонах оккупации были допущены германские монополисты, которые в свое время скомпрометировали себя связью с фашистами, в то время как немецкие антифашисты не находили поддержки у американских властей.

Деятельность советских оккупационных властей строго соответствовала Потсдамским решениям: Восточная Германия была демократизирована, были приняты меры по восстановлению ее мирной экономики.

Из проведенного автором сопоставления Потсдамских соглашений с директивой, практики американской оккупационной политики, с одной стороны, и деятельности советских властей — с другой, становится ясно, что американское правительство с самого начала вело дело к расколу Германии, грубо нарушало свои союзнические обязательства, равно как и обязанности по отношению к германскому народу.

Таков вывод, к которому Янис Шмельцер пришел в результате глубокого изучения различных источников и литературы, опубликованных как на Западе, так и в странах социалистического лагеря.

А. А. Курносов

Антигитлеровский путч: легенды и действительность

«Einheit». Berlin. 1960, № 7, S. 1085—1097

В статье Вильгельма Эрсиля «Правда о 20 июля 1944 г. и ложь боннских милитаристов» разоблачаются измышления реакционных западногерманских историков, в

частности небезызвестного Герхарда Риттера и Ганса Ротфельса, об антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г. и раскрываются его действительный характер и подлинные цели.

Как известно, июльским событиям 1944 г. посвящено уже немало работ. Официальные боннские историки, уцелевшие гитлеровские генералы, а также политики и журналисты за последние годы выпустили ряд книг и статей, в которых делаются попытки представить основное ядро «заговорщиков 20 июля» — видных нацистов — в качестве антифашистов и «национальных героев», а неудавшийся переворот рассматривается как «национальное завещание». Поток подобных лживых утверждений особенно усилился в канун 15-летия «заговора», что нашло отражение, в частности, на страницах крупных западногерманских газет и в выступлениях официальных представителей Бонна. Так, в приводимой В. Эрсилем выдержке из гамбургской газеты «Die Welt» от 20 июля 1959 г. покушение на Гитлера квалифицируется как «единственное в своем роде германское деяние этого века». Подобная же характеристика июльских событий 1944 г. содержится и в цитируемых автором рецензируемой статьи высказываниях генерала Хойзингера, а также в выступлениях некоторых правых социал-демократов.

Вся пестрая смесь всевозможных легенд, созданных вокруг «заговора» и усиленно распространяемых западногерманской прессой, направлена на то, чтобы реабилитировать гитлеровских военных преступников, оправдать возрождение вермахта и реваншизм боннских милитаристов.

Одновременно, отмечает автор, западногерманские идеологи путем фальсификации «заговора» пытаются свести все движение Сопротивления к этому «заговору», оклеветать героическую борьбу рабочего класса Германии и всех подлинно антифашистских сил под руководством КПГ за спасение нации и представить борьбу этих передовых сил германского народа антинациональной.

В статье анализируются главным образом планы и деятельность группы Герделера.

В первом разделе статьи В. Эрсиль раскрывает цели реакционных главарей заговора (Герделер, Бек, Попиц, Хассель и др.) в области внешней политики. Их планы предусматривали заключение сепаратного мира с западными державами, свободный пропуск англо-американских войск в Западную Европу, в том числе в Германию, и концентрацию германских дивизий на Восточном фронте для продолжения войны против СССР. В выработке этих планов активное участие принимал генерал Шпейдель. Заговорщики целиком защищали агрессивную политику Гитлера, выдвигали планы «объединения» Европы совместно с западными державами, при этом Германии отводилась ведущая роль.

Автор отмечает, что эти преступные планы главарей заговора осуществляются ныне в Федеративной Республике Германии, которая все более укрепляет свое доминирующее положение в Европейском экономическом сообществе и в агрессивном военном блоке НАТО.

В статье приводятся интересные факты, свидетельствующие о тесных связях руководителей заговора с американскими империалистами. Так, Аллен Даллес, руководивший тогда американской разведывательной службой в Средней Европе, в начале апреля 1944 г. доносил в Вашингтон: «После свержения правительства Гитлера германские генералы, командующие в настоящее время Западным фронтом,— Фалькенгаузен и Рунштедт, должны прекратить сопротивление и облегчить ввод союзных (англо-американских.— *Ю. Г.*) войск»[1].

13 июля 1944 г. Даллес сообщил заговорщикам, что их планы продолжения войны с Советским Союзом нашли поддержку в определенных империалистических кругах США. Главари заговора Герделер и генерал-полковник Бек обещали американским монополистам, что в случае удачного покушения на Гитлера они предоставят в распоряжение американо-английских парашютно-десантных войск Берлин; предусматривалась высадка войск также в Гамбурге и Бремене. Таким образом, главари заговорщиков проводили антинациональную политику. Они рассчитывали продать страну американским и английским империалистам, чтобы спасти германский империализм от полного разгрома. Однако эти планы заговорщиков и агрессивных кругов США спасти германский милитаризм были сорваны мощным наступлением Советской Армии.

Реакционное руководство заговорщиков отвергало союз с антифашистским движением Сопротивления и особенно с КПГ,

[1] Allen Welsh Dulles. Verschwörung in Deutschland. Kassel. 1948, S. 171.

препятствовало мобилизации сил народа для борьбы против гитлеризма.

В статье отмечается, что наряду с реакционными силами среди заговорщиков имелось и левое крыло во главе с Штауфенбергом, объединявшее прогрессивно настроенную часть офицерских кругов и буржуазии, а также некоторых социал-демократов. Однако характер заговора и его конечные цели, подчеркивает Эрсиль, определяли не «левые», а реакционная верхушка заговорщиков.

В разделе, посвященном внутренней политике заговорщиков, раскрываются планы создания клерикально-милитаристской диктатуры. Пост главы правительства должен был занять Герделер. На основе анализа «Воззвания» заговорщиков к народу автор показывает, что их расчеты сводились к тому, чтобы совершить «дворцовый переворот», полностью сохранить старый фашистский государственный аппарат, власть империалистов, юнкеров и милитаристов и затем подавить антифашистское движение. Согласно плану будущего государственного устройства Германии, выработанному группой Герделера, исключалось всякое участие рабочего класса и трудящихся в руководстве государством.

Руководящие круги «заговора» и не помышляли о демократическом переустройстве страны, они боялись развертывания антифашистского народного движения и растущего влияния рабочего класса и КПГ. Герделер считал даже возможным сохранить нацистскую партию.

Как отмечает автор, реакционная программа группы Герделера в области внутренней политики, в которой Г. Риттер усматривает «идеал новой, лучшей Германии», ныне лежит в основе официальной политики Бонна.

В последнем разделе статьи излагается борьба Компартии Германии против гитлеровской диктатуры, за спасение немецкого народа. КПГ, пишет автор, была единственной силой, имевшей ясную программу спасения нации, способной сплотить всех противников нацизма в широкий антифашистский фронт для свержения гитлеровской диктатуры, за создание демократической Германии.

Антинациональной программе группы Герделера, направленной на сохранение милитаризма и фашизма и осуществляемой ныне правящими кругами ФРГ, автор противопоставляет действительно национальную программу КПГ, последовательно проводимую в ГДР,— программу создания единого демократического независимого германского государства.

Ю. М. Григорьян

Рисорджименто и проблемы современной Италии

«Studi storici». Roma. 1960, № 3, pp. 445—471

Статья одного из ведущих итальянских историков-марксистов, Д. Канделоро, «Рождение объединенного государства» является текстом доклада, прочитанного автором в марте 1960 г. в Риме на собрании, организованном Институтом Грамши. Собрание это было посвящено проблемам объединения Италии.

События 1859—1861 гг., отмечает Канделоро, сохранили актуальное значение до сегодняшнего дня вследствие не только того, что они завершили целый период итальянской истории и создали ряд необходимых предпосылок для дальнейшего развития Италии, но и потому, что они привели к рождению новых проблем, которые стали центральными в последующей истории страны и в несколько измененном виде существуют и ныне.

Образование единого национального государства в результате буржуазной революции не представляет собой явления специфически итальянского. Поэтому, указывает автор, нельзя понять Рисорджименто, не учитывая того, что связывает итальянскую историю с европейской как в сфере политики, дипломатии и идеологии, так и в области социально-экономических отношений. Вместе с тем надо помнить о связи Рисорджименто с предшествующей историей Италии. Канделоро опровергает в своем докладе широко распространенное в либеральной историографии Рисорджименто мнение о государственном объединении в 1861 г. как о чуде, которое нельзя объяснить предшествующим развитием страны.

В конце XVIII — начале XIX в. в экономике страны произошли качественные сдвиги в направлении капиталистического развития; появились социальные силы, которые могли более или менее радикально изменить существовавший порядок. Автор характеризует эти силы (буржуазно-аристократическая, буржуазно-народная и крестьянская группы), рассматривает взаимоотношения между ними и формулирует основные цели национального движения: антифеодальные и антиклерикальные реформы, политическая

свобода, независимость и единство. Анализируя истоки и особенности этих целей, Канделоро наибольшее внимание уделяет требованию единства и различным его трактовкам мадзинистами и умеренными.

В статье воссоздается политическая обстановка в итальянских государствах накануне воссоединения, прослеживаются главные причины кризиса этих государств. Канделоро характеризует также европейские международные отношения после 1848 г., благоприятные для объединения Италии.

Большой интерес представляет раздел, где содержится анализ деятельности либерально-умеренной партии, а также характеристика особенностей идеологии и тактики мадзинистов в период 1849—1853 годов.

Решающий период истории Рисорджименто — 1859—1861 гг.— Канделоро делит на три этапа. Первый этап — апрель 1859 — апрель 1860 г. (руководство национальным движением находится в руках умеренных). Вторая фаза — апрель — сентябрь 1860 г. (инициатива переходит к демократам; экспедиция гарибальдийской «тысячи» сокрушает господство Бурбонов в Сицилии и на юге полуострова). Третий этап — сентябрь 1860—март 1861 г. (усиление кавуристов, политическое поражение Гарибальди во время плебисцита на Юге и на выборах в январе 1861 г.).

В сентябре — октябре 1860 г. на некоторое время установилось равновесие: на Юге у власти были демократы, на Севере — умеренные. Но победа осталась за Кавуром. Умеренная партия стала господствующей в объединенной Италии. Это обстоятельство, указывает Канделоро, необходимо учитывать для правильного понимания дальнейшего развития страны.

Следствием победы кавуристов явилось установление в Сицилии и на юге Италии режима наместничества, при котором впервые возникла «проблема Юга». Правительство объединенной Италии в короткий срок осуществило ряд экономических мероприятий, отвечающих прежде всего интересам буржуазно-аристократических слоев. По форме управления новое государство было, по существу, авторитарным, с крайней административной централизацией, сохранялось и даже углублялось неравномерное развитие отдельных областей страны.

Рождение нового государства, указывает в заключение Канделоро, лишь частично разрешило проблемы политической свободы и национального единства. Решение этих вопросов должно осуществиться в новых социальных условиях, новыми социальными и политическими силами. Процесс, начатый в эпоху Рисорджименто, продолжается, таким образом, до сегодняшнего дня. В этом и состоит актуальность истории Рисорджименто.

М. И. Ковальская

Особенности индийского феодализма

«New age». New Delhi. 1960, vol. 9, № 5, pp. 1—19

Статья К. Дамодарана «Особенности феодализма в Индии» представляет собой одну из первых в индийской литературе попыток осветить с марксистских позиций средневековую историю страны.

Анализ особенностей индийского феодализма начинается здесь с характеристики некоторых специфических черт рабовладельческого общества в Индии. Эти черты, по мнению Дамодарана, проявлялись в следующем. Во-первых, рабство в Индии на протяжении всего развития рабовладельческой формации носило патриархальный характер. Труд рабов в Древней Индии никогда не применялся в масштабах, свойственных античному миру. Во-вторых, в рамках рабовладельческой формации сохранялась чрезвычайно прочная община, которая объединяла основную массу непосредственных производителей. Главным источником ее экономической силы и устойчивости являлось внутриобщинное разделение труда. В общине отсутствовала частная собственность на землю. Каждый член общины лишь пользовался своим участком, причем, как считает автор, в Древней Индии происходили регулярные переделы земли. Эксплуатировалась община господствующими классами также как единое целое. С нее взималась своего рода дань, составлявшая обычно $^1/_4$—$^1/_6$ общего урожая. С другой стороны, община и сама зачастую являлась коллективным эксплуататором труда рабов.

Обе указанные особенности индийского рабовладельческого общества (патриархальный характер рабства и устойчивость общины) оказали серьезнейшее влияние на складывание и дальнейшее развитие феодального строя.

Признаки кризиса рабовладельческой формации, по мнению К. Дамодарана, имели место уже в последние столетия до новой эры. Автор, в частности, весьма оригинально и интересно толкует некоторые статьи сборников законов того времени (например,

Нарадасмрити), которые определяли условия освобождения рабов. К. Дамодаран считает эти статьи свидетельством экономической невыгодности рабского труда. О том же, по его мнению, свидетельствуют и разделы «Артхашастры», касающиеся обработки царских полей и освоения новых земель. В этих разделах рекомендуется использование труда свободных крестьян, а не рабов.

Однако, продолжает К. Дамодаран, подобные явления отражают лишь начало кризиса рабовладельческой системы, но отнюдь не полное крушение рабовладельческой формации или установление феодального строя. В Индии, где рабство имело патриархальный характер, а рабы составляли лишь сравнительно небольшую часть непосредственных производителей, процесс перехода к феодализму был связан не столько с изменением положения рабов, сколько с постепенным превращением свободных общинников в феодально зависимых крестьян. Между тем основная масса общинников в последние века до новой эры и в первые века новой эры сохраняла свободу. Автор ссылается на записки знаменитого китайского путешественника Фа Сяня, которые подтверждают, что подобная свобода сохранялась даже в V веке н. э.

Сведения о постепенном закрепощении общинников появляются лишь в источниках VI—VII веков. Из них явствует, что господствующие классы использовали самое общину в качестве важнейшего средства внеэкономического принуждения и прикрепления крестьян к земле. Должностным лицам общины, как показывают источники VI в., стало вменяться в обязанность строжайшим образом следить за появлением пришельцев со стороны, чужаков. Автор считает эти данные источников свидетельством постепенного прикрепления крестьян к земле. Одновременно значительно возросли поборы, которые уплачивались общиной. Все эти явления в своей совокупности, как полагает автор, означали превращение свободных общинников в феодально зависимых крестьян и преобразование дани, собираемой с общины, в феодальную ренту. Подобные изменения и означали переход от рабовладельческого строя к феодальному.

Поэтому рубежом между рабовладельческим и феодальным способами производства в Индии К. Дамодаран считает период между IV и VI веками. Империя Харши (VII в.) и более поздние крупные государства в различных частях Индии (царства Чолов, Чалукьев, Палов, Паллавов и др.) представляли собой уже феодальные общества.

Останавливаясь на вопросе о времени окончательного перехода к феодализму в Индии, К. Дамодаран подчеркивает несостоятельность взглядов, принятых в буржуазной историографии и трактующих феодализм исключительно как юридическое и политическое понятие, отражающее взаимоотношения сюзерена и вассалов. Подобная точка зрения неизбежно приводит к выводу о том, что в зависимости от усиления или ослабления центральной власти в отдельные периоды истории Индии феодализм то появлялся, то снова исчезал. В частности, в индийской исторической науке широко распространена теория о развитии феодализма сверху после распада империи Маургев. В действительности, как справедливо отмечает автор, феодализм представляет собой социально-экономический строй, сущность которого определяется прежде всего положением непосредственных производителей.

Постановка и характеристика проблемы складывания феодального общества являются, пожалуй, наиболее сильной частью работы К. Дамодарана. Основное своеобразие индийского феодализма автор видит в том, что в средние века, как и в древности, в деревне сохранялась прочная община. Она вросла в феодальную систему в качестве ее важнейшего составного элемента. Непосредственный производитель в Индии обычно зависел от феодала не индивидуально, а как член зависимой деревенской общины. Что же касается внутреннего строя общины, то он принципиально не изменился. По-прежнему общинники не имели частной собственности на землю; община представляла собой замкнутую комбинацию крестьян и ремесленников, почти не зависящую от внешнего производства. Таким образом, индийская община в отличие от европейской не распалась в период развития феодализма, хотя и превратилась из объединения свободных производителей (а иногда и коллективного рабовладельца) в группу феодально зависимых крестьян.

Вторая особенность индийского феодализма состоит, по мнению К. Дамодарана, почти в полном отсутствии отработочной ренты. Отработочная рента существовала лишь в форме обязательного участия крестьян в общественных работах, организуемых государством. Основная же часть прибавочного продукта изымалась у крестьян в виде натуральной ренты. Очевидно, что другой стороной этой же особенности является от-

сутствие собственного помещичьего хозяйства, отсутствие барской запашки в Индии.

Прочность общины и отсутствие барской запашки объясняют преобладание в средневековой Индии государственной собственности на землю. В этом состоит третья особенность индийского феодального общества.

В тесной связи с преобладанием государственной собственности на землю находится своеобразная и весьма сложная структура класса феодалов в Индии. Верхние слои господствующего класса составляли правители и их приближенные, получавшие из рук первых пожалования в виде права на сбор ренты-налога в той или иной области. При мусульманах эта форма получения прибавочного продукта крупными феодалами получила законченное выражение в системе джагиров. С другой стороны, снизу, непосредственно из общины, вырастала прослойка мелких феодалов. Должностные лица общины — старосты, писцы и т. п., осуществлявшие сбор ренты-налога, получили возможность присваивать себе часть прибавочного продукта. Большую роль в рамках господствующего класса играло индусское и мусульманское духовенство. Еще одну своеобразную черту индийских феодалов К. Дамодаран видит в значительной текучести их состава. Поскольку в стране почти отсутствовали отработочная рента и помещичье хозяйство, легко происходила замена одного феодала другим.

Последнюю особенность феодализма в Индии составляла кастовая система. Каста наряду с общиной являлась в средневековой Индии важнейшим средством внеэкономического принуждения и прикрепления непосредственных производителей к «тяглу». Как подчеркивает автор, каста со всеми присущими ей ограничениями, делавшими для человека почти невозможным отказ от традиционного уклада жизни, представляет собой порождение феодального общества. Варны — сословия, существовавшие в Древней Индии, отличались от системы каст: варны в гораздо меньшей мере ограничивали свободу общинников. Вместе с тем К. Дамодаран высказывает весьма любопытное положение относительно прогрессивности каст на определенном этапе развития Индии. Он считает, что в раннее средневековье кастовая система и связанная с ней строгая наследственность профессии способствовали развитию производительных сил, в частности созданию высоких производственных навыков у индийских ремесленников. В целом, однако, заключает автор, каста, как и другие черты феодализма, играла глубоко реакционную роль. Именно эти особенности обусловили застойный характер и необычайно медленный темп развития индийского общества в средние века.

Л. А. Гордон

Апологетика империалистической политики

«Political Quarterly». London. 1960. July-September, vol. 31, № 3, pp. 272—284.

Автор статьи «Закат британской мощи во внешнем мире» Ширлей Вилльямс — видная политическая деятельница Англии, генеральный секретарь Фабианского общества, считающегося, как известно, своего рода идеологическим центром лейбористской партии.

Автор начинает с краткого экскурса в прошлое, но основное внимание уделяет обзору внешней политики Англии за последние пятнадцать послевоенных лет.

Обращаясь к периоду между двумя мировыми войнами, Ш. Вилльямс обходит молчанием мюнхенскую политику правящих кругов Англии. Неудачное начало войны с Германией и, в частности, позор Дюнкерка, явившийся в конечном счете результатом «политики умиротворения» фашистских агрессоров, характеризуется автором статьи «скорее как символ победы, нежели поражения». Не найти в статье и признания великой освободительной роли СССР во второй мировой войне. Игнорируя мощное народно-освободительное движение в странах Британской империи после второй мировой войны, Ширлей Вилльямс пишет, что из Индии, Пакистана, Бирмы и Цейлона Англия ушла «добровольно и никогда не было очевидным, что она должна была уйти». Вынужденный уход из этих стран выдается за «мудрость» лейбористского правительства. В районах за пределами Юго-Восточной Азии Англия, как говорится в статье, «торжественно вновь приняла на себя большую часть предвоенного бремени».

В статье перечисляются страны и районы, где третье лейбористское правительство приняло на себя военные, политические и экономические «обязательства» или «ответственность», а по сути дела, империалистические функции: в Греции, Турции, на «огромной базе» в Египте, в Иране, Трансиордании, Палестине и других местах. Более того, Ширлей Вилльямс добавляет: «...британские обязательства распространялись так широко, что британские войска были использованы даже для оккупации в сентябре

1945 г. Явы в целях поддержки голландцев и Южного Индокитая в интересах французов». Куда бы британские вооруженные силы ни вступали в конце войны и в послевоенные годы, они всюду использовались для подавления народно-освободительного, демократического движения, для насаждения антинародных, реакционных режимов. И это делало «социалистическое» правительство! Но ни слова осуждения империалистической политики правых лейбористов мы не найдем в статье Ш. Вилльямс. Она отмечает критику лейбористского правительства «слева»; прогрессивные деятели обвиняли правительство в том, что оно «забросило социалистическую политику». Автор статьи соглашается, что в этом есть доля правды и что «ни в какой мере нельзя считать социалистической английскую политику на Среднем Востоке и, конечно, не является социалистическим восстановление имперской мощи Франции и Голландии». Однако Ширлей Вилльямс оправдывает реакционную внешнюю политику лейбористов и их систематические уступки американскому империализму ссылками на экономические затруднения Англии. Она берет под защиту лейбористское правительство и от критики «справа», то есть со стороны тех буржуазных кругов, которые обеспокоены утратой былых позиций Англии на международной арене.

Автор статьи защищает мнение о том, что отношения Англии с США «всегда были двусмысленными». Так, после войны «были события, в которых мы,— пишет Вилльямс,— соглашались с ролью младшего партнера, зависимого от США в экономическом и военном отношении. В другое время мы видели себя в положении старшего партнера, старшего в смысле опыта, политической мудрости, методов дипломатии». Вместе с тем она считает, что Англия больше не может «выходить одна на дорогу», то есть, по существу, призывает к еще более тесному сплочению с американским империализмом.

Отношения Англии с Европой Ширлей Вилльямс считает «самой грустной главой послевоенной истории», ибо европейский континент якобы «надеялся после войны на лидерство Англии», а последняя не оправдала этих надежд.

Стать лидером в «европейских делах», по мнению автора, Англии мешали широкие «военные обязательства» и «ответственность на Среднем Востоке, в Африке и Азии». Под терминологией «военные обязательства» и «ответственность» автор статьи скрывает империалистическую политику, которую проводило третье лейбористское правительство во всех частях света.

Выход из внешнеполитических затруднений своей страны Ш. Вилльямс видит в том, чтобы Англия стала «мостом между Европой и Британским содружеством наций»; при этом она рекомендует уделять больше внимания и средств слаборазвитым странам Азии и Африки. Эти рекомендации отражают определенные планы правящих кругов капиталистических стран, стремящихся найти новые методы для сохранения своего господства в азиатских и африканских странах. Рецензируемая статья показывает, что идеолог лейбористской партии не намечает действительно прогрессивного направления английской внешней политики, отвечающей интересам народов Англии и всего мира. Ширлей Вилльямс оправдывает империалистическую политику Англии, поддерживает агрессивный Североатлантический блок, игнорирует необходимость быстрого решения проблемы разоружения и умалчивает о мирном сосуществовании государств с различным социально-экономическим строем.

А. Н. Красильников

Идеологическое оправдание экспансионизма американской буржуазии

«The American Historical Review». New York. Vol. LXV, № 2. January, 1960, pp. 323—334.

В статье Ч. Вивьера — преподавателя университета Висконсин-Милуоки—«Американский континентализм: идеология экспансии 1845—1910 гг.» рассматривается геополитическая идея так называемого «американского континентализма», в соответствии с которой национальные и «имперские» границы США якобы совпадают с границами американского континента. При этом Северная Америка, как утверждает автор, имеет свою особую, мифическую, «предназначенную судьбу». В соответствии с этой идеей весь мир рассматривается как пространство, на которое будто бы должно распространиться экономическое влияние США и их контроль над международными коммуникациями. Автор отнюдь не разоблачает эту бредовую концепцию мирового господства американской буржуазии, он лишь уверяет, что первопричина экспансии кроется не в интересах определенных эксплуататорских классов, а определяется идеями отдельных сторонников агрессивной политики. Эти идеи рассматриваются автором без всякой связи

с социально-экономической обстановкой в стране. Ч. Вивьер не показывает и качественного отличия агрессии США в начале XX в., которая уже явилась порождением монополистического капитала.

Вивьер призывает историков пересмотреть традиционную трактовку «американского континентализма» как идеологии американской экспансии, замкнутой американским континентом, и рассматривать ее как идеологию «заморской экспансии». В этой связи он обращает внимание на тот факт, что с 40-х годов XIX в. колонизация американского Запада сочеталась с борьбой за Тихий океан и стремлениями к расширению влияния на Китай.

Придерживаясь объективистской методологии, автор вынужден, тем не менее, для обоснования своей позиции приводить довольно яркие свидетельства агрессивных устремлений американской буржуазии в рассматриваемый период. Он приводит материал об экспансионистских планах наиболее оголтелых представителей американской буржуазии.

Так, уже Уильям Гильпин в 1846—1849 гг. в интересах осуществления широкой программы американской экспансии советовал президенту Джемсу Полку захватить устье р. Колумбия для использования его в качестве выхода для американской сельскохозяйственной продукции. Он считал, что США должны были стать новым мировым транспортным центром и арбитром в отношениях между Азией и Европой.

Другой видный идеолог американского экспансионизма, Аза Уитней, наживший большие капиталы на торговле с Китаем, требовал сооружения Тихоокеанской железной дороги.

Советник южных дельцов по железнодорожным и международным вопросам Метью Фонтейн Маури призывал связать бассейны Миссисипи и Амазонки в широком континентально-морском комплексе, который зависел бы от США и обеспечил им господство в районе Мексиканского залива и Карибского моря. Долина Миссисипи должна была, по его мнению, стать центром мировой торговли.

Перри М. Коллинз, развивая эти устремления, проявил «особый интерес» к бассейну реки Амур и к Восточной Сибири, «как каналам, по которым американская коммерческая предприимчивость должна проникнуть в темную глубь Северной Азии». Поддержанный президентом США Франклином Пирсом и государственным секретарем Уильямом Мерси, Коллинз в 1856 г. путешествовал по Сибири и, по его словам, чувствовал себя как «пионер в этих диких местах»; он обнаружил здесь «элементы американского Запада». Ему же принадлежит идея сооружения международного телеграфа через Британскую Колумбию, Аляску, Сибирь и соединения его с европейской телеграфной сетью. С осуществлением этого проекта компания «Уэстерн Юнион» связывала свои расчеты на создание всемирного коммерческого предприятия.

В 50-х годах экспансионистские аппетиты американской буржуазии еще более возросли. Один из носителей их, государственный секретарь Уильям Генри Стюард, в 1861 г. заявил, что США по своему географическому положению призваны распространить цивилизацию в западном направлении на Азию и даже Европу, вплоть до противоположного побережья Атлантики.

Геополитики конца XIX — начала XX в. Мэхан и Адамс призывали к расширению экспансии США в Азии и установлению их мирового господства. Идеи эти нашли свое выражение в империалистической политике правительства Т. Рузвельта.

Р. Е. Кантов

«Тень Алексинского»

«Revue historique». Paris. 1959. T. CCXXII, pp. 81—113

Можно было предположить, что имя Г. Алексинского — ренегата, опозорившего себя в 1917 г. грязной клеветой на В. И. Ленина, давно уже забыто. Однако, подобно «тени отца Гамлета», совершенно неожиданно воскресла и «тень Алексинского», причем не на театральных подмостках, а на столбцах одного из крупнейших французских исторических журналов. При всех своих глубоких принципиальных и методологических разногласиях с «Revue historique» советские историки привыкли считать, что этот журнал, основанный еще в 1876 г. видным ученым Габриэлем Моно и руководимый сейчас Пьером Ренувеном, дает, особенно в своих «Исторических бюллетенях», пусть иногда сжатую, но, во всяком случае, добросовестную научную информацию. Поэтому совершенно непонятно, чем мог привлечь внимание редакции «обзор» Г. Алексинского «Социалистическое движение в

России XIX века. Аграрный социализм («народничество»). Появление социал-демократии».

Во всей этой статье есть только четыре ссылки — на В. О. Ключевского, на «Историю русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, на книгу французского историка Хомана «Французская культура в России» и на «официальную», как выражается автор, биографию В. И. Ленина, вышедшую в Москве в 1943 году. Советская историческая наука сорок с лишним лет настойчиво и успешно занимается историей социалистического движения в России XIX века. За это время опубликовано огромное количество документов, ранее бывших недоступными исследователям, появилось множество монографий и статей. Однако о всей этой литературе Г. Алексинский совершенно не упоминает, очевидно, по той простой причине, что он с ней не знаком.

Мы не станем здесь останавливаться на фактических ошибках Г. Алексинского, которые изобличают его в полном незнании литературы вопроса. Но Г. Алексинский, этот «заведомый клеветник», как назвал его В. И. Ленин, не только проявил историческую неграмотность. Его работа не представляет никакой научной ценности, но зато имеет определенную тенденцию в духе Г. Алексинского 1917 года!

Хотя статья посвящена истории социализма в XIX в., автор начинает ее издалека — с Ивана Хворостинина (!). Он понадобился Г. Алексинскому для того, чтобы познакомить читателя с одной из «характернейших особенностей русской интеллигенции». «Свободомыслящий» Хворостинин запрещал своим крестьянам посещение церкви; неподчинявшихся он наказывал — бил розгами. Не ограничиваясь Хворостининым, Г. Алексинский вспоминает о Владимире Святом, татарском иге, Петре Великом, ссылается на Юрия Крижанича — и все это для того, чтобы «объяснить исторические корни» «экстремизма» русских революционеров и социалистов, а также их (придуманного Г. Алексинским) убеждения в том, что «можно привести в «рай» путем насилия».

Г. Алексинский в своей статье по истории социалистической мысли в России XIX в. умудрился посвятить всего лишь две строки, да и то в примечании, Н. Г. Чернышевскому. Зато он уделил три страницы Нечаеву. Он всячески протаскивает мысль о том, что идеи Нечаева были адекватным выражением «русского бунта, бессмысленного и беспощадного».

Г. Алексинский очень подробно останавливается на «лавризме», особенно на его «высоких» «моральных устоях». Делает он это для того, чтобы оправдать свой вывод, что такого высокого «морализма» уже якобы не найти у русских марксистов. По поводу рассуждения о «моральных устоях» нельзя не припомнить, кстати, что в 1917 г. даже меньшевистско-эсеровские руководители Совета в Петрограде отказались включить Г. Алексинского в состав Совета как заведомого клеветника и человека, чуждого всякой морали. Попытка Г. Алексинского рядиться теперь в тогу защитника «моральных устоев» против революционных марксистов — это поистине зрелище для богов!

До сих пор нам представлялось, что редакция такого журнала, как «Revue historique», не может не предъявлять своим авторам элементарного условия — знакомства с литературой вопроса. Статья Г. Алексинского этому требованию никак не отвечает. Она вообще далека от науки: «заведомый клеветник» ставил перед собой совершенно иную задачу — оболгать историю революционного марксизма в России. Напечатав статью Г. Алексинского, редакция «Revue historique» приняла тем самым участие в этом неприличном деле и ничем не помогла многочисленным зарубежным историкам, которые добросовестно интересуются итогами научно-исследовательской работы по такой исключительно интересной и важной проблеме, как история социалистического движения в России XIX века. Публикация подобных статей может только подорвать авторитет журнала в глазах научной общественности.

В. М. Далин

Ошибочная концепция о роли «средних слоев» в истории Франции

«The American Historical Review». New York. 1960, vol. 65, № 3, pp. 55—555.

Американский буржуазный историк Юджин Вебер в статье «Правые во Франции: рабочая гипотеза» поднял интересный вопрос: в чем причины роста реакции в ряде современных капиталистических государств? Он пытается ответить на него, рассмотрев соотношение сил основных политических партий и стоящих за ними социальных кругов в нынешней Франции, и

найти таким образом общие черты борьбы между «правыми» и «левыми» [1].

Отметим заранее, что автор анализирует только наиболее общие факты политической борьбы (понимая ее главным образом как избирательную борьбу между политическими партиями) в период с конца XIX в. до установления Пятой республики. Он оставляет вне поля зрения рабочее движение, массовые народные выступления. Лишь вскользь упоминает Ю. Вебер о создании Народного фронта и правительства Народного фронта, о вхождении коммунистов в состав первых послевоенных правительств.

Рассматривая борьбу между «правыми» и «левыми» во Франции, автор ставит вопрос: как могло случиться, что в стране, которая традиционно являлась страной неуклонного господства «левых», победили сторонники голлизма? Ответ на этот вопрос Ю. Вебер пытается найти в истории движения «средних классов» (так называет автор мелкобуржуазные, средние слои). Автор не дает четкого определения понятия «средние классы». Он говорит, что это те, кто составлял большинство «болота» времен революционного Конвента, те, от чьего имени действовали в 80-х годах прошлого столетия умеренные республиканцы, а позднее радикалы. Будучи всегда сторонниками существующего порядка, ибо он охраняет интересы собственности, лидеры «средних классов» лишь прикрывались революционной фразой, но ни одно правительство, сформированное под их эгидой, не было действительно революционным и ни одно из них не могло удержаться у власти сколько-нибудь длительный срок. Этот тезис Вебер пытается доказать, анализируя характер и деятельность «левых правительств» Франции, начиная с эпохи революции XVIII в. и до наших дней.

Но правомерно ли считать само понятие «средние слои» (или, по терминологии Вебера, «средние классы») неизменным с XVIII в. до наших дней? Совершенно ясно, что с тех пор эта группа претерпела значительные и количественные и качественные изменения. Таким образом, исходное положение Вебера оказывается неверным: «средние слои» отнюдь не нечто раз навсегда данное. Больше того, они представляют собой тот резерв, за счет которого происходит постоянное пополнение пролетариата.

Между тем нельзя сказать, чтобы автору было неизвестно, какую эволюцию претерпело французское общество за эти десятилетия. Вебер и сам отмечает усилившуюся классовую дифференциацию, в результате которой сейчас происходит особенно сильный процесс размывания «средних слоев». При этом Вебер считает, что представители этих слоев нередко идут на союз с крайней реакцией. Да, действительно, такие явления имели место. С помощью «средних слоев» в свое время пришли к власти фашисты в Италии и в Германии. Но у этого процесса, как известно, существует и другая сторона: те самые мелкие собственники, которые вчера были союзниками реакции в надежде на то, что она защитит их как собственников, после победы реакции, представляющей интересы крупного капитала, оказываются перед большей угрозой разорения, чем когда бы то ни было. И это может привести и приводит их к союзу с пролетариатом.

Из неправильного определения характера «средних слоев» как некой неизменной силы проистекает и неверная оценка их политической роли. Вебер тщится доказать, что «левые» всегда проводили одну и ту же политику, характеризующуюся демагогическим фразерством, прикрывающим буржуазное содержание. Он старается привести множество фактов из истории современной Франции, чтобы подтвердить этот тезис. Однако автор при этом не умеет или не хочет отличить фразерство лидеров «средних слоев», как правило, выражающих интересы верхушки мелких собственников, от действительно демократических тенденций малоимущих слоев. Он совсем не рассматривает того, как менялось содержание требований, выдвигаемых «средними слоями», как изменялись отношения между их политическими партиями и организациями рабочего класса, как менялись, наконец, отношения между массой мелких собственников и их лидерами.

Вебер неуклонно следует принятому им с самого начала намерению: «не замечать», елико возможно, существования действительно левого движения, революционной борьбы рабочего класса. При таком подходе подменяется самое понятие «левые». Но когда автор, говоря о причинах падения Четвертой республики, заявляет, что главнейшей из них было изгнание коммунистов из состава правительства и блокирование

[1] Под «левыми» Вебер понимает всех сторонников изменения существующего строя.

радикалов и социалистов с реакционными буржуазными партиями, он тем самым признает, что единственной партией Франции, имеющей право называться партией подлинно левых сил, является партия коммунистов.

Деятельность Коммунистической партии Франции, борьба рабочего класса страны, наконец, борьба внутри партий социалистов и радикалов, столь ярко отражающая наличие двух противоположных тенденций внутри «средних слоев»,— все то, чем характеризуется политическая жизнь современной Франции, совершенно не рассматривается Вебером. Не удивительно ли, что ответ на вопрос о причинах победы голлизма автор ищет в событиях восьмидесятилетней давности, в политической обстановке Франции после первой, но только не после второй, мировой войны?

Вполне понятно, что игнорирование массовой борьбы трудящихся, искаженная трактовка понятия «левые», односторонняя, внеисторическая, а потому фальсифицирующая действительность характеристика «средних слоев» и содержания их политической борьбы привели Вебера к абсолютно неправильным выводам об историческом бессилии «левых» и фатальной неизбежности победы «правых», всегда якобы имеющих поддержку «средних слоев».

То, что автор называет «традиционным левым движением» и что, по его собственной характеристике, лишь прикрывает левой фразой реакционную сущность защитников интересов собственности, действительно обречено на крах. Мы не будем оспаривать и того, что победа голлизма является победой правых кругов Франции. Но мы не можем согласиться ни с тем, что их победа была неизбежным следствием исторического развития Франции, ни с тем, что во Франции нет сил, способных оказать сопротивление реакции. И если искать в истории страны ответ на вопрос, поставленный в статье Вебера, то этот ответ будет заключаться в том, что причиной установления диктатуры де Голля, как и причиной прихода к власти правительства Даладье, был страх реакции перед чрезвычайным усилением революционных — поистине левых — сил Франции.

Нет, история Франции вовсе не нуждается в «коренном пересмотре», как того требует Ю. Вебер. Объективное исследование этой истории опрокидывает концепцию автора и еще раз подтверждает, что именно теперь, когда вместо мелкобуржуазных партий во главе демократического движения стоит пролетариат и его партия коммунистов, победа правых не может быть ни полной, ни долговременной. Опыт международного рабочего движения подтверждает, что будущее за коммунистами, опирающимися в своей борьбе на поддержку широчайших масс.

Е. Э. Печуро

«Большой бизнес» и проблемы разоружения

«*Zeitschrift für Politik*». Berlin. 1960, № 2.

Американский историк Джордж Хальгартен известен как автор монографии «Довоенный империализм» (о международных отношениях 1900—1914 гг.) и целого ряда других работ.

Его статья «К истории разоружения в XX столетии» посвящена одному из актуальнейших вопросов нашего времени. Перед нами — довольно реалистическая картина истории переговоров о разоружении на протяжении десятилетий. В своей статье автор пытается определить социальные силы, влияние которых препятствовало — и препятствует в наши дни — решению проблемы, имеющей колоссальное значение для жизни человечества.

Касаясь периода между двумя мировыми войнами, Хальгартен пишет: «В настоящее время можно документально доказать, что силы, заинтересованные в расширении армий и флотов, не только противились разоружению Франции, но с самого начала ставили себе целью перевооружение веймарской Германии, рассматривая это как исходный пункт гонки вооружений». Американский историк характеризует политику и правящих кругов самой веймарской республики, на словах объявлявших себя сторонниками разоружения, на деле же добивавшихся полного возрождения былой военной мощи Германии. Типичным представителем этих кругов автор считает Штреземана. В статье цитируется инструкция, направленная последним германскому делегату на женевских переговорах 1927 г. по вопросу о разоружении. «Исход совещаний,— говорилось в этом документе,— имеет решающее значение с точки зрения того, сумеем ли мы получить необходимую основу для воссоздания нашей военной мощи при благоприятных политических условиях».

Лишь два государства были действительно заинтересованы в разоружении, пишет

далее автор: СССР и Англия. Признавая последовательное выступление Советского Союза за разоружение, Хальгартен, однако, объясняет это не существом внешней политики социалистического государства, а лишь его практическими потребностями, которые определялись якобы лишь задачами периода первой пятилетки. Касаясь же Англии, Хальгартен правильно отмечает ее заинтересованность в сокращении сухопутных вооружений, в которых ее превосходили другие крупные капиталистические страны. Но автор «забывает» при этом, что Англия являлась непримиримой противницей какого-либо уменьшения морских вооружений. Поэтому отождествление позиций СССР и Англии искажает, по сути дела, самое существо рассматриваемого в статье вопроса.

Интересны разделы статьи, где освещается политика США в послевоенные годы. Хальгартен подчеркивает: несмотря на неизменные уступки СССР своим западным партнерам, США упорно противились заключению какого-либо соглашения по вопросу о разоружении, особенно же о запрещении ядерного оружия. Так было, например, в 1955 г., когда США отказались от своих собственных предложений о принципах контроля над разоружением после того, как СССР согласился с этими принципами. То же повторилось и в 1957 г. в вопросе о создании зон взаимной инспекции для предотвращения внезапного нападения, а в 1958 г.— в связи с переговорами о прекращении испытаний ядерного оружия, когда США сорвали намечавшееся соглашение под ложным предлогом о возможности взрывов, которых якобы нельзя обнаружить.

Автор справедливо считает главными виновниками этой вероломной политики крупные американские компании, которые занимаются изготовлением ядерного вооружения, ракет, электронной аппаратуры и т. п. Но дальнейшие его рассуждения на этот счет не могут не вызвать серьезных возражений. Хальгартен утверждает, что люди, заинтересованные ныне в гонке вооружений, якобы не из лагеря «большого бизнеса». Стремясь доказать этот тезис, автор приводит список американских компаний, которые получают в настоящее время наибольшие прибыли: на первых местах фигурируют такие фирмы, как «Боинг» (самолетостроение), «Дженерал дайнамикс» (электронные системы), «Локхид», Американская телефонно-телеграфная компания и др. Такие же «старые» концерны, как «Дженерал моторс», «Форд», крупные машиностроительные фирмы, оттеснены на задний план. Но автор неправ. Все это — лишь подтверждение факта усиления борьбы в лагере американского крупного капитала и обострения конкуренции монополий за прибыльные военные заказы. В ходе этой борьбы некоторые компании вырвались вперед. Они сумели, по-видимому, быстрее организовать производство современного вооружения, а также — что немаловажно — более эффективно затратить крупные средства на «обработку» правительственных чиновников, от которых зависит распределение заказов.

Хальгартен не ограничивается утверждением, что компании, производящие ракеты и пр., будто бы не являются неотъемлемой частью «большого бизнеса». Он уверяет, что гонка вооружений в области ракетного оружия, требующая огромных капиталовложений, «полностью отдает эти фирмы в руки государства», аппарат которого якобы и распоряжается ими. Перед нами еще один вариант старой буржуазной концепции о том, что крупный капитал подчинен государству, а не наоборот. Сдвиги в соотношении сил, происходящие в правящем лагере, Хальгартен пытается выдать за изменение природы существующего в США экономического строя. На деле природа эта осталась прежней. Если вместо представителя «Дженерал моторс» ныне в состав правительства США входит агент какой-либо другой монополии, пусть даже сравнительно «молодой», то курс внешней политики США в результате этого не стал иным. Как и прежде, он диктуется целями небольшой кучки мультимиллионеров, кровно заинтересованных в гонке вооружений и подготовке войны.

Л. Н. Георгиев

Дискуссия по проблемам истории Спарты

«Journal of the History of Ideas». New York. 1960, April — June. Vol. 21, № 2, pp. 266—273

В историографии нет установившегося мнения о сущности и характере реформ спартанских царей Агиса и Клеомена (III в. до н. э.). Одни считают их честолюбцами, стремившимися удовлетворить лишь свои захватнические аппетиты, другие — чуть ли не социалистами и даже коммунистами, принявшими смерть в борьбе за

благо народа. Один из крупнейших английских историков, Арнольд Тойнби, утверждает, что Агис и Клеомен — это божества. По его мнению, между событиями в жизни спартанских царей и евангельской историей Иисуса существуют параллели. Оба эти религиозных мифа имеют, полагает Тойнби, один общий источник — «супермиф» о божественном Царе-Спасителе, который пострадал за свой народ.

Американский исследователь Т. В. Африка в статье «Филарх, Тойнби и спартанский миф» выступает с резкой критикой положений Тойнби. Он называет утверждения Тойнби «сплошной пародией». Автор убедительно отстраняет всю шаткую аргументацию английского исследователя и предлагает вниманию читателя свою концепцию.

По мнению Т. В. Африки, в литературе существует так называемый «спартанский миф». Согласно этому мифу консервативная Спарта из столпа реакции в III в. до н. э. якобы превращается в освободительницу пролетариата. Вожди народной революции Агис и Клеомен в интересах масс стремились восстановить строгую ликурговскую дисциплину, которая разложилась под влиянием роскоши и богатства одних и обеднения других. Агис и Клеомен провозгласили лозунг «назад, к временам Ликурга». (В то время в Спарте было 9 тыс. земельных собственников, а не 2 тыс., как при Ликурге.) Под этим лозунгом шел передел земли, наделение участками обезземеленных граждан. За счет пополнения армии из числа получивших землю граждан, а также периеков и илотов шло укрепление военной мощи Спартанского государства. Насильственная смерть Агиса и Клеомена, поражение спартанской революции привели к потере народом всех его завоеваний и к ухудшению его положения.

Африка выступает с критикой этого «спартанского мифа». По его мнению, ни о какой народной революции в Спарте в III в. до н. э. не может быть и речи. Агис и Клеомен добивались проведения аграрной реформы с целью укрепления спартанской армии, с помощью которой они хотели расширить владения Спарты и удовлетворить свои честолюбивые захватнические интересы. Реформы были, по мнению американского историка, лишь инструментом политики.

Откуда же взялся этот «спартанский миф», спрашивает Африка. Основной источник по реформам Агиса и Клеомена — биографии Плутарха. Плутарх, говорит автор, выступает апологетом спартанской революции. Общеизвестным является тот факт, что Плутарх излагает события, пользуясь трудом современника этих событий — историка Филарха Афинского. Филарх, по мнению Африки, рисует социальную борьбу, происходившую в Спарте, в благоприятном для реформаторов свете. Он опускает все теневые стороны событий. Одновременно Африка защищает Филарха и от критики Тойнби. По мнению Тойнби, Филарх — это историк-новеллист. Его сообщения якобы далеки от действительности и поэтому не могут приниматься во внимание историками.

Таким образом, основной вывод Т. В. Африки сводится к тому, что «политический миф», созданный Филархом, был возведен А. Тойнби в «религиозный миф». В действительности, уверяет Африка, реформаторы, преследуя свои корыстные цели, обещали народу лишь восстановление старого, а не создание нового социального порядка. В последующем, как и раньше, основой жизни общества продолжал оставаться труд илотов, что вряд ли можно назвать гуманным.

Многие положения американского исследователя являются интересными. Совершенно справедлива его критика взглядов А. Тойнби на данный вопрос.

Но вряд ли можно игнорировать мощное народное движение в Спарте в III в. до новой эры и сводить все к простым реформам честолюбивых вождей, преследующих лишь свои личные цели. Надо помнить, что эти реформы всколыхнули и подняли трудящиеся массы всего Пелопоннеса на борьбу против господствующих классов рабовладельческого общества.

Н. И. Голубцова

Рукописи с побережья Мертвого моря

«Revue de Qumran». Paris. 1960. T. 2, fasc. 2, pp. 205—222

В 1947 г. в окрестностях Мертвого моря были найдены древние рукописи. Это событие привлекло к себе внимание исследователей целого ряда стран.

Недалеко от первой пещеры, где были найдены свитки, археологи обнаружили остатки поселения II в. до н. э.— I в. новой эры. Развалины пещер местные жители называют Хирбет-Кумран, поэтому община, которая жила здесь на рубеже нашей эры, и все свитки, открытые на побережье Мерт-

вого моря, получили в литературе наименование Кумранских.

Изучение рукописей археологами, историками и лингвистами дало уже существенные результаты [1].

В 1958 г. в Париже был основан новый журнал — «Revue de Qumran», основателем и ответственным редактором которого является Жан Карминьяк. В этом журнале публикуются все свежие исследования по Кумранским свиткам. Журнал объявлен интернациональным. В нем печатают статьи на своем родном языке ученые и других стран.

Жан Карминьяк — один из ведущих исследователей Кумранских рукописей. В 1958 г. он издал на языке иврит с французским переводом один из основных Кумранских документов — «Война сынов света с сынами тьмы» [2]. К тексту приложены большие исторические и филологические комментарии.

В одном из последних номеров «Revue de Qumran» появилась новая статья Ж. Карминьяка, которая посвящена спорному вопросу о личности основателя Кумранской общины. В документах он именуется «Учитель справедливости».

В настоящее время в литературе нет единого мнения об основателе Кумранской общины. Некоторые исследователи прямо отождествляют его с евангельским Христом (Тейхер). Другие считают, что «Учитель» предвосхитил образ Христа и что Иисус воплотил затем в себе все его черты (Дюпон, Соммер). Многие историки утверждают, что нарицательное имя «Учитель справедливости» принадлежит Онии II — последнему законному верховному жрецу дома Садока. Ония II был в 175 г. до н. э. низложен Антиохом IV и убит в 171 г. до новой эры (Раули, Мичел и др.). Эйслер, отождествляет «Учителя» с Иоанном Крестителем. Видный немецкий исследователь Бардтке полагает, что «Учитель справедливости» был жрецом в общине и умер в 130—125 гг. до новой эры. В литературе существует также мнение, что «Учитель» не является исторической личностью.

Ж. Карминьяк, проанализировав строфу за строфой Кумранские гимны, приходит к интересным и новым, хотя и спорным выводам. По его мнению, автором этих гимнов было реальное историческое лицо, которое следует считать основателем Кумранской общины. Это был, утверждает автор, Иуда Эссенянин [3], который в 103 г. до нашей эры вместе со своими сторонниками был сослан Александром Яннеем (царем и верховным жрецом) в Кумран. Карминьяк полагает, что гимны были написаны «Учителем» при Иоанне Гиркане, между 120 и 104 гг. до н. э., еще до основания общины. По мнению Ж. Карминьяка, гимны выражают не только субъективные чувства их автора, но отражают также объективные события, связанные с борьбой «Учителя справедливости» со своими врагами и с основанием им Кумранской общины.

Шаг за шагом прослеживает автор по гимнам гонения на «Учителя», его ссылку, клеветническую кампанию со стороны врагов, его заключение, споры и волнения среди его последователей.

Много споров среди исследователей вызывает историческая персонификация врагов «Учителя». Карминьяк посвящает этому вопросу почти половину своей статьи. Интересный терминологический анализ текстов приводит автора к убедительному выводу, что этими врагами могли быть только члены секты фарисеев.

Попытка автора вскрыть реальные исторические события, связанные с жизнью и деятельностью основателя Кумранской секты, не могут не вызвать интереса среди историков.

Н. И. Голубцова

---

[1] На русском языке см. обзорные статьи: А. Донини. Рукописи из окрестностей Мертвого моря и происхождение христианства. «Вестник древней истории» (ВДИ), 1958, стр. 114—131; ряд статей И. Д. Амусина (ВДИ, 1958, № 1, стр. 104—124; № 4, стр. 104—117). Две статьи К. Б. Старковой (ВДИ, 1958, № 1, стр. 87—102; 1958, № 1, стр. 196—212); ее же «Устав для всего общества Израиля в конечные дни». С приложением текста. «Палестинский сборник». Вып. 4. 1959, стр. 17—72; А. П. Каждан. Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря. «Вопросы истории религии и атеизма». М. 1956, стр. 280—314; Г. М. Лифшиц. Кумранские рукописи и их историческое значение. Минск. 1959, стр. 81.

[2] Manuscripts de la Mer Morte. Extraits hebreu-français. La regle de la guerre des fils de lumière contre les fils de ténébres. Texte restauré, traduit, commentré par J. Carmignac. Paris. 1958.

[3] Мысль о том, что «Учителем справедливости» является Иуда Эссенянин, который погиб при Александре Яннее, уже была высказана в литературе (например, Браунли). Ж. Карминьяк с помощью новых остроумных аргументов стремится подтвердить это положение.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М. 1958. 422 стр. Рец. Niederhauser E. — «Századok». Budapest. 1960, N 1—3, 384—387. old.

Альперович М. и Руденко Б. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М. 1958. 328 стр. Рец. Thompson J. M. — «Amer. Hist. Review». New York. 1960, vol. 65, N 3, p. 701—702.

«Архив Академии наук СССР». Обозрение архивных материалов. Т. 4. М.-Л. 1959. 353 стр. Рец. Kolankowski Z. — «Archeion». Warszawa. 1960. T. 33, s. 214—219.

«Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М. 1957. 574 стр. Рец. Křízek J. — «Historie a vojenstvi». Praha. 1959, N 4, s. 713—715.

Деборин А. М. Социально-политические учения нового и новейшего времени. В 3-х тт. Т. 1. Социально-политические учения нового времени. М. 1958. 628 стр. Рец. Sós V. — «Magyar filozófiai szemle». Budapest. 1960, N 2, 327—332. old.

Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX в.). М. 1958. 194 стр. Рец. Веселиновић Р. Л. — «Рад војвођанских музеја». Нови Сад. 1958, № 7, с. 203—204.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.-Л. 1956. 485 стр. Рец. Nadel B. — «Przegląd orient.». Warszawa. 1960, N 1, s. 95—98.

«З історії західноукраїнських земель». Т. 1—2. Київ. 1957. Т. 1. 170 стр.; т. 2. 247 стр. Рец. Jędruszczak T. — «Z pola walki». Warszawa. 1960, N 2, s. 143—146.

Зайончковский П. А. Кирилло-мефодиевское общество (1846—1847). М. 1959. 172 стр. Рец. Śliwowska W. — «Slavia orient.». Warszawa. 1960, N 1, s. 205—207.

«Из истории эстетической мысли нового времени». М. 1959. 186 стр. Рец. — «Rassegna sovietica». Roma. 1960, N 3, p. 86—87.

Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М. 1958. 215 стр. Рец. Boyer-Laforet M. — «Bulletin des bibliothèques de France». Paris. 1960, N 7, p. 209—211.

Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959. 403 стр. Рец. Aluas I. — «Cercetări filozofice». Bucureşti. 1960, N 3, p. 197—204.

Кузьмин Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты. М. 1958, 343 стр. Рец. Leinwand A. — «Przegląd hist.». Warzawa. 1960, N 1, s. 218—221.

Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М. 1958. 510 стр. Рец. Jaźwińska H. Praca o ruchu narodnickim. «Slavia orient.». Warszawa. 1960, N 1, s. 209—212.

«Локарнская конференция 1925 г. Документы». М. 1959. 512 стр. Рец. Šrom F. — «Čs. časopis hist.». Praha. 1960, N 3, s. 365—369.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.-Л. 1958. 328 стр. Рец. Pittersova A. — «Památky archeologické». Praha. 1960, N 1, s. 411—413.

«Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории». М.-Л. 1958. 603 стр. Рец. Geremek B. Un inventaire soviétique. «Annales». Paris. 1960, N 4, p. 764—766.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.-Л. 1958. 516 стр. Рец. Andreyev N. — «Slavonic and East European review». London. 1960, vol. 38, N 91, p. 569—571.

Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М. 1958. 336 стр. Рец. Werzchowski M. — «Przegląd hist.». Warszawa. 1960, N 1, s. 212—215.

Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М. 1958. 592 стр. Рец. Jemnitz J. — «Századok». Budapest. 1960, N 1—3, 388—390. old.

Шишкин А. Ф. Из истории этических учений. М. 1959. 344 стр. Рец. N. B. Valoroase studii marxiste cu privire la dezvoltarea teoriilor etice. «Cercetări filozofice». Bucureşti. 1960, N 3, p. 184—196.

Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. 1957. 512 стр. Рец. Ceška J. — «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univ.», řada hist. (C.). Brno, 1959, N 6, s. 101—106. Рец. Hahn J. — «Századok». Budapest. 1960, N 1—3, 381—384. old. Рец. Oliva P. — «Čs. časopis hist.». Praha. 1960, N 3, s. 347—350.

---

* Перечень рецензий составлен по журналам, поступившим в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР в течение июля—августа текущего года.

Хроникальные заметки

◆ Институт истории Болгарской Академии наук выпустил сборник, в который включены доклады болгарских ученых на XI международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. В сборнике освещаются проблемы античности, средневековья, новой и новейшей истории Болгарии.

◆ Научное издательство Польской Народной Республики выпустило в свет трехтомную публикацию «Процесс Ромуальда Траугутта и членов Национального правительства». Это первая публикация, содержащая полную документацию указанного процесса: судебные акты, полицейские рапорты, показания свидетелей, протоколы, письма, заметки и дневники, отобранные у повстанцев при обысках. Издание является ценным источником для изучения истории польского национально-освободительного восстания 1863—1864 годов.

◆ До сих пор считалось, что дом в Торуни (Польская Народная Республика), в котором родился гениальный польский астроном Николай Коперник, не сохранился. В связи с организацией в доме № 17 по ул. Коперника в Торуни музея Коперника в нем начались реставрационные работы, в ходе которых установлено, что этот дом был сооружен в начале XV века. Согласно «Книге служб» XV в., найденной в свое время в башне городской ратуши, а также метрическим записям костела св. Яна, этот дом в XV в. принадлежал семье Коперников, и именно в нем в 1473 г. родился великий ученый.

◆ В селе Пордим близ г. Плевен (Народная Республика Болгария), где сражалась румынская армия во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., открыт музей. В музее экспонированы материалы об участии румынских войск в борьбе за освобождение болгарского народа от турецкого ига.

◆ Учрежденный в начале 1960 г. в Польской Народной Республике Комитет современной культуры при Отделении общественных наук ПАН начал издавать журнал «Культура и общество». Журнал будет публиковать результаты исследования проблем культуры современного общества.

◆ Университет в Чикаго начал издавать журнал «Studies in Society and History», выходящий раз в три месяца.

◆ Французская археологическая экспедиция, ведущая раскопки близ городища Рас-Шамра (Сирийский район ОАР), обнаружила древнюю библиотеку, насчитывающую 400 клинописных таблиц. Изучаются сохранившиеся на таблицах тексты: письма, словари, циркуляры. На месте раскопок 4 тыс. лет назад находилась столица Угарита — одного из древнейших государств мира. Среди найденных предметов огромную ценность представляют таблицы, на которых записаны литературные тексты, особенно «История потопа», сходная с вавилонским эпосом — «Поэмой о Гильгамеше», а также части из «Книги мудрости». Последняя дает представление о нравах, существовавших 3 300 лет назад. В письмах рассказывается о морских сражениях, которые велись во II тысячелетии до н. э. Из переписки царей Угарита и Хеттского государства видно, что угаритский флот располагал судами, на которых можно было переправлять до 500 т груза. Словари и энциклопедии проливают дополнительный свет на прошлое Рас-Шамра. Угарит был расположен на пересечении важных торговых путей, и его столица являлась большим торговым портом. Некоторые таблицы служили своеобразными учебниками и словарями для купцов, приезжавших в Угарит из Египта, финикийских городов, Малой Азии, Вавилонии. Изучение таблиц раскрыло еще одну интересную деталь. Обычный клинописный алфавит включал 29—30 знаков, а в текстах Рас-Шамра употребляется всего лишь 22 знака. Видимо, это была своего рода стенография древности.

◆ В национальный музей в Дамаске передана статуя Венеры в полный человеческий рост, высеченная из базальта. Ее нашел сирийский крестьянин, обрабатывавший свой участок недалеко от селения Китр. Находка заинтересовала ученых. Пластические изображения Венеры и Афродиты проникли в Грецию с острова Кипр, но первоначальное происхождение их следует искать в Финикии, Ассирии и Вавилонии. В этих древних странах уже встречались статуи богини Астарты, которая во многом напоминает Венеру. Характерно также, что базальт, из которого была высечена найденная статуя, применялся как скульптурный материал в искусстве древнего Египта, позднего Рима и Византии. Сейчас перед учеными и искусствоведами стоит задача — определить эпоху, в которую ваятели создали эту статую. Возможно, что Венера, найденная в Сирии, является прообразом знаменитых античных статуй Венеры Милосской и Афродиты Книдской.

◆ На основе проведенных до недавнего времени исследований ученые считали, что первый человек на американском континенте появился 20 тыс. лет назад. В 100 км от Мехико-Сити в пустыне в результате раскопок, проводимых мексиканским археологом д-ром Каманчо, найдена кость давно вымершего млекопитающего — мастодонта. На ней обнаружены рисунки — изображения зверей (тапиров, бизонов, мастодонтов). Тщательное изучение показало, что кость относится к периоду, отстоящему от нашего времени на 30 тыс. лет. Это вносит существенную поправку в датировку появления первого человека в Америке. Во время раскопок найдены еще несколько костей, носивших следы обработки их человеком.

◆ Во время раскопок, проводившихся археологами южнее Тель-Авива (Израиль), найден интересный документ, относящийся к VII в. до н. э. Это жалоба, написанная горожанином древнего государства Иудеи на 14 глиняных табличках. Жалоба обращена к высокому должностному лицу и содержит протест против конфискации части имущества жалобщика за долги.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

О СУДЬБЕ РАБОЧЕГО-РЕВОЛЮЦИОНЕРА Я. С. ПОТАПОВА

В прошлом царской России история якутской политической ссылки составляет одну из наиболее трагических страниц. Среди революционных борцов, томившихся на каторге в последней четверти XIX в., нельзя не отметить петербургского рабочего Якова Семеновича Потапова, имя которого связано с первой революционной демонстрацией, состоявшейся 6(18) декабря 1876 г. в Петербурге на площади у Казанского собора.

Эта демонстрация вошла в историю как политическое выступление петербургского пролетариата, хотя вместе с рабочими в ней участвовало много студенческой молодежи. Перед участниками демонстрации выступил студент Горного института Г. В. Плеханов. После этого молодой рабочий Я. С. Потапов, поднятый демонстрантами на руки, развернул над толпой красное знамя. Пока в воздухе развевалось алое полотнище, у собора гремели слова: «Да здравствует социальная революция, да здравствует «Земля и Воля»!» Затем демонстранты двинулись к Невскому проспекту.

Против рабочих и студентов были брошены полицейские силы. Ожесточенная схватка закончилась арестом 32 человек.

Царизм свирепо расправился с участниками этого революционного выступления: одни из них были приговорены к каторжным работам в рудниках, другие — к ссылке в Сибирь. Силясь создать впечатление, что народ остается вне революционного движения, а «бунтуют» только интеллигенты, царский суд вынес рабочим — участникам демонстрации более мягкие приговоры, чем студентам [1]. Сенат, лицемерно ссылаясь на молодость Я. С. Потапова и еще двух рабочих, ходатайствовал об отправке их в какой-нибудь отдаленный монастырь «для исправления их нравственности и утверждения их в правилах христианского и верноподданнического долга» [2]. В результате Я. С. Потапов был сослан в Белавинский Спасо-Преображенский монастырь, Вологодской губернии.

Вскоре Синоду было сообщено, что он часто самовольно отлучается, ведет переписку, «не скрывает своего намерения уйти из монастыря, грозит нанести побои настоятелю монастыря и старается поселить раздор и ссоры между монашествующими». В связи с этим III Отделение распорядилось перевести Потапова в Соловецкий монастырь, «где бы он был подчинен более строгой дисциплине и лишен возможности самовольных отлучек» [3]. Здесь молодой рабочий-ссыльный находился с июня 1879 по май 1882 года. О его жизни в Соловках рассказывают некоторые документы департамента полиции [4].

Потапов был помещен в арестантское отделение «под строжайший надзор» и «для исправления его нравственности» поручен монаху Паисию. В марте 1881 г., протестуя против суровых условий заключения, Потапов ударил архимандрита. На следствии по этому делу он заявил: «Во все продолжение ссылки его в Соловецком монастыре он, Потапов, не пользовался решительно никакою свободою, а содержался постоянно под замком в одиночном заключении; неоднократные просьбы его о разрешении прогулок или посещения церкви оставались без удовлетворения» [5].

---

[1] См. Г. В. Плеханов. Соч. Т. 3. М. 1923, стр. 154.

[2] «Первая рабочая демонстрация в России». Сборник воспоминаний и документов. М. 1926, стр. 49.

[3] Журнал «Каторга и ссылка», 1931, № 11—12, стр. 31.

[4] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 102, III делопроизводство, 1881 г., д. 1260; V делопроизводство, 1882 г., д. 1844.

[5] См. М. Колчин. Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. М. 1908, стр. 152.

13 июня 1881 г. Потапов пытался бежать из-под ареста. С помощью табуретки он разогнул прутья решетки, вылез из окна и спрыгнул с третьего этажа на крепостную стену, откуда спустился на землю. Добежать ему, однако, удалось только до гавани. Здесь он был схвачен. Потапов был закован в кандалы [6]. По приказу обер-прокурора Синода за ним был установлен самый строгий надзор. 4 сентября 1881 г. Архангельская палата уголовного и гражданского суда, рассмотрев его дело, приговорила Потапова к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири. Вскоре после этого товарищ министра внутренних дел Дурново предложил выслать Потапова в Якутскую область.

Потапов был передан полиции в Соловецком монастыре в мае 1882 г. [7], а в Якутск был доставлен почти через два года.

До последнего времени ничего не было известно о пребывании Потапова в якутской ссылке. Существовало лишь краткое упоминание о нем в воспоминаниях Ю. М. Стеклова, который, будучи в ссылке в Якутске, встречал здесь в девяностых годах и Потапова [8]. Впоследствии, в 1931 г., историк революционного движения Г. И. Лурье задумал написать очерк о Потапове. Он предпринял розыски в московских и ленинградских архивах, расспрашивал многих участников революционного движения, но так ничего и не смог узнать о сибирском периоде жизни Потапова даже от тех, кто находился в якутской ссылке в конце XIX века [9].

Недавно после длительных поисков в местном архиве удалось найти документы о пребывании Я. С. Потапова в Якутии. Он был доставлен в Якутск 20 января 1884 года. Губернатор распорядился отправить его в Вилюйский округ, предписав поселить «не ближе 50 верст от школы и по возможности около церкви, так как он должен быть подвергнут церковному покаянию» [10]. В феврале 1884 г. Я. С. Потапов был поселен в местности Кобяй, подле Иннокентьевской церкви, и отдан на попечение местного якутского общества.

Материальное положение ссыльных в Якутии было настолько тяжелым, что некоторые из них просили губернатора либо увеличить им казенное пособие, либо поместить их в тюрьму. Потапов же, который по формальным причинам в состав политических ссыльных не был включен, не получал даже жалкого шестирублевого казенного пособия. С первых же дней пребывания в Кобяйском наслеге у него начались стычки с якутскими богачами (тойонами) и священником. Уже 14 февраля 1884 г. он подал прошение на имя губернатора [11]. К сожалению, документ этот не удалось найти, и содержание его остается неизвестным. 22 апреля 1884 г. Инородная управа сообщала Вилюйскому окружному полицейскому управлению: «Сего числа доставленный сей управе... старшиной Дмитрием Петровым, арестант Яков Потапов,— водворенный в Кобяйском наслеге, заявил сей управе, что он имеет необходимую надобность заявить оному полицейскому управлению по быту и положению своему» [12]. Под конвоем Потапов был доставлен к исправнику. Но последний, по-видимому, ограничился тем, что распорядился возвратить его на прежнее место жительства.

Тойоны старались избавиться от обязанности содержать нового ссыльного. Они жаловались на его «дерзкий характер», утверждали, что «со дня своего водворения он живет неспокойно», и просили отослать Потапова из Кобяйского наслега [13]. Потаповым был недоволен и священник. Он сообщал, что ссыльный не исполняет наложенного на него церковного покаяния, не бывает у исповеди и причастия, издевается над «словами божьими» [14].

Безрадостная, полная унижений и нужды жизнь сказалась на психическом состоянии Я. С. Потапова. Кобяйское родовое управление сообщало, что с июля 1885 г. он «замечается в умопомешательстве». В сентябре 1885 г. Потапов был доставлен в Ви-

---

[6] ЦГИАМ, ф. 102, III делопроизводство, 1881 г., д. 1260, л. 3.
[7] «Каторга и ссылка», 1931, №№ 11—12, стр. 35.
[8] Ю. М. Стеклов. Борцы за социализм. Ч. II. Изд. 2-е. М. 1924, стр. 233.
[9] «Каторга и ссылка», 1931, № 11—12, стр. 36—37.
[10] Центральный государственный архив (ЦГА) Якутской АССР, ф. 23, оп. 5, д. 9, л. 13.
[11] Там же, л. 8.
[12] Там же, оп. 1, д. 1087, л. 51.
[13] Там же, оп. 5, д. 9, лл. 4—5.
[14] Там же, л. 2.

люйск, где полиция передала его фельдшеру для «испытания умственных способностей». Наблюдения за больным велись с 13 по 21 сентября. О результатах фельдшер сообщал следующее: «При этом себя оказывал меланхолического свойства, заговаривал, будто его отравляют, по ночам бывал бред, почему Потапов подлежит продолжительному испытанию в якутской больнице»[15]. Тем не менее в якутской больнице Я. С. Потапов пробыл недолго. Уже 22 ноября 1885 г. полицмейстер возвратил его «по выздоровлении» в Вилюйск. При выписке из больницы администрация вынуждена была снабдить Потапова арестантской одеждой, настолько он был оборван.

Среди материалов о Потапове, обнаруженных нами в Центральном государственном архиве Якутской АССР, имеются его прошения, из которых шесть написаны им собственноручно. Как видно из этих документов, в последующее время психический недуг Потапова все более усиливался, и он периодически нуждался во врачебной помощи. Многие годы Я. С. Потапов упорно хлопотал о возвращении на родину, в Тверскую губернию[16]. Его бедственное положение, однако, не тронуло губернатора, и только в июле 1897 г., когда истек срок ссылки, Потапову был разрешен выезд в Европейскую Россию. Но из-за отсутствия средств возвратиться на родину ему не удалось. Потапов продолжал жить в Якутске, где умер 3 мая 1919 года[17].

Такова судьба Якова Семеновича Потапова, активного участника «первой,— по определению В. И. Ленина,— социально-революционной демонстрации в России»[18].

С. С. Шустерман

[15] ЦГА Якутской АССР, л. 3.
[16] Там же, ф. 12, оп. 1, д. 11507, лл. 1, 6.
[17] Там же, ф. 216, оп. 3, д. 6, л. 14 об.
[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 295.

АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ ГАЛЬПЕРИН

12 августа 1960 г. скоропостижно скончался выдающийся советский историк-востоковед, доктор исторических наук, профессор Александр Львович Гальперин.

А. Л. Гальперин родился в 1896 году. В 1922 г. он окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, а в 1924 г.— Институт восточных языков в Ленинграде. Научно-исследовательскую работу А. Л. Гальперин начал вести в Институте мирового хозяйства и мировой политики. С 1943 г. он сотрудничал в Тихоокеанском институте Академии наук СССР, а с 1950 г.— в Институте востоковедения Академии наук СССР.

А. Л. Гальперин был крупным специалистом в области внутренней истории и истории международных отношений стран Дальнего Востока. Ему принадлежат многочисленные исследовательские работы по различным периодам истории Японии. А. Л. Гальперин был одним из авторов обобщающих трудов советских японоведов: «Очерки новой истории Японии» (М. 1958), «Очерки новейшей истории Японии» (М. 1957). Он участвовал во «Всемирной истории», «Большой Советской Энциклопедии» и других крупных изданиях. Последние годы Александр Львович особенно много работал над проблемами истории Японии XVII—XIX веков.

Много труда вложил А. Л. Гальперин в изучение истории международных отношений на Дальнем Востоке. Широко известно его капитальное исследование «Англо-японский союз» (М. 1947). А. Л. Гальперин участвовал в подготовке коллективного труда «Международные отношения на Дальнем Востоке в эпоху империализма» (М. 1951, 2-е изд., 1956).

Внимание А. Л. Гальперина привлекали и вопросы историографии. Его перу принадлежат специальные статьи по истории русского востоковедения. А. Л. Гальперин

хорошо знал японскую историографию. Он редактировал переводы на русский язык ряда трудов японских историков, знакомил советскую общественность с работами прогрессивных ученых Японии. Александр Львович неоднократно выступал в печати с рецензиями на работы по истории и других стран Востока. Его труды, переведенные на японский, корейский и китайский языки, содействовали формированию историков-марксистов в странах Востока.

Свои обширные и глубокие знания Александр Львович с любовью передавал многочисленным ученикам. Многие годы он вел педагогическую работу в различных учебных заведениях: в Военной академии имени М. В. Фрунзе, в Высшей специальной школе РККА, в Московском государственном университете. А. Л. Гальперин был создателем курса истории Японии на историческом факультете МГУ, автором глав по истории Японии в учебниках и учебных пособиях.

За многолетнюю безупречную научно-педагогическую деятельность А. Л. Гальперин был награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Память об А. Л. Гальперине, выдающемся ученом, прекрасном педагоге, чутком и отзывчивом человеке, навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВОЛКОВ

17 сентября 1960 г. после тяжелой, продолжительной болезни на 41-м году жизни скончался старший научный сотрудник Академии наук СССР кандидат исторических наук Сергей Иванович Волков.

В лице С. И. Волкова советская историческая наука лишилась одного из молодых талантливых исследователей прошлого нашей Родины. Своими трудами Сергей Иванович внес заметный вклад в изучение истории русского крестьянства в феодальную эпоху. Им было опубликовано свыше 30 научных работ, главным образом о крестьянах XVIII века. Наиболее крупным исследованием С. И. Волкова является монография «Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в.», увидевшая свет в 1959 году. С. И. Волков был одним из авторов таких коллективных обобщающих трудов, как «Очерки истории СССР», и др. Смерть помешала ему завершить книгу об известном русском историке В. И. Семевском.

Работая в течение многих лет в Президиуме Академии наук СССР в качестве заместителя ученого секретаря Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР, Сергей Иванович Волков много сил и энергии отдавал развитию науки в братских республиках. Свою исследовательскую и научно-организаторскую деятельность он успешно сочетал с педагогической работой.

В годы Великой Отечественной войны С. И. Волков мужественно сражался в рядах Советской Армии против немецко-фашистских захватчиков и японских милитаристов. Советское правительство высоко оценило его боевые заслуги, наградив его двумя орденами «Красной Звезды» и медалями. В 1944 г., будучи на фронте, Сергей Иванович вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза, верным сыном которой он оставался до последних дней своей жизни.

Светлая память о Сергее Ивановиче Волкове, человеке большой души, навсегда сохранится в сердцах знавших его товарищей.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

B. G. GAFUROV. **International Orientalist Forum (on the results of the 25th International Congress of Orientalists)**

This article by B. G. Gafurov, chairman of the 25th International Congress of Orientalists, sums up the results of this scientific forum, which was attended by representatives from more than sixty countries.

Held in Moscow, this Congress, the author stresses, will undoubtedly exert influence on the development of world Orientalogy. It showed that the centre of Oriental research is now moving to the Afro-Asian countries and that research work in this sphere is directed at solving the urgent socioeconomic, political and cultural problems confronting present-day Asia and Africa. This is due to the colossal changes in the modern world. The victorious national-liberation movement of the Afro-Asian nations, who constitute the greater part of the world's population, has brought about the political liberation from the colonial yoke of almost all the countries in Asia and two-thirds of the African Continent. The savants of these countries have set out to study their own history, economy and culture, linking their research work with the tasks of national regeneration.

The discussion of urgent problems at the Congress reveals that, after the victory of the national-liberation movement in Asia and Africa, world Orientalogy must devote serious attention to present-day issues. The Congress graphically and convincingly demonstrated that the final victory of the new and progress in Orientalogy is closely bound with the work of Asian and African scientists. The future of Orientalogy is in the hands of the savants of Eastern countries. Western Orientalists must take an active part in this big job, help the scientists of the East and actively co-operate with them. West-East co-operation in this sphere will spiritually enrich the nations.

The shift of world Orientalogy to the East is symbolized by the Orientalists' unanimous decision to hold the 26th Congress in India.

One of the biggest achievements of the Congress, the article points out, was the promotion of closer ties among scientists of diverse social and political views.

The fruitful work done in a friendly atmosphere by this scientific assembly of Orientalists is vivid evidence of the fact that scientific progress vitally demands an end to the danger of a new world war.

The scientists presented altogether 658 papers, of which the Soviet Union accounted for 241, the People's Democracies — for 99, the countries of the East — for 107, and Western Europe and the United States — for 211.

The article analyzes the activity of Soviet Orientalists. At the 25th Congress, the author says, Soviet Orientalogy was represented in all its branches by scientific research carried out on the basis of Marxist-Leninist methodology. The profound and original manner in which the most important problems were elaborated showed that Soviet Orientalogy is superior to the bourgeois.

There have been two trends in Orientalogy from its very inception. One is expressed in the works of those who, directly or indirectly, help to consolidate the capitalist powers' colonial domination in the East. The other is expressed in the works of those who deeply respect the culture of the Eastern nations, condemn the colonialists and strive to promote progressive cultural co-operation between West and East.

These two trends were inherent in Russia's pre-revolutionary Orientalogy, but the second, the humane trend played the leading role. There was, however, only a small group of Orientalists in our country before the October revolution.

The situation changed radically after the establishment of Soviet power. The Communist Party and the Soviet Government actively assisted in the development of new Soviet Orientalogy in the early post-revolution years. This new Soviet Orientalogy dropped everything connected with the first trend and, on the other hand, took what was best in and characteristic of the second, humane and democratic trend. An All-Russian Scientific Association of Oriental Studies was founded on V. I. Lenin's instructions in 1922. The policy of the young Soviet state, which opposed all forms of exploitation and national and racial discrimination, created exceptionally favourable conditions for the development of Soviet Orientalogy.

The part taken by Soviet Orientalists in elaborating new alphabets and written languages, studying cultural heritage, actively promoting a new, Socialist culture, and training national intellectuals — all that created a possibility, for the first time in history,

for harmoniously combining theoretical research with the practical promotion of a new, genuinely popular culture in the East. "Traditional" Orientalogy, which was the monopoly of Western scientists, outlived itself in the Soviet Union back in the 1930's, when it was joined by young scientists from the Soviet republics of Central Asia and Transcaucasia, for whom research into the history, culture and languages of the Eastern nations was essentially research into their own history, their own culture, their own languages.

In addition to the Institute of Orientalogy of the U.S.S.R. Academy of Sciences there appeared new institutions for the study of Orientalist problems: the Pacific Institute of the U.S.S.R. Academy of Sciences, the institutes of history, literature and languages of the Union Academies of Sciences, the Institutes of Orientalogy of the Uzbek and Azerbaijan Academies of Sciences, the Orientalist departments of the Academies of Sciences in other republics of Central Asia and Transcaucasia. Rich collections of Oriental manuscripts were accumulated in Tashkent, Stalinabad, Erivan and other towns.

During World War II Orientalist departments were opened at the Historical and Philological faculties of Moscow State University (since then reorganized into the Institute of Oriental Languages), and Orientalist faculties were set up at the Leningrad, Central-Asian (Tashkent), Azerbaijan (Baku) and Tbilisi universities.

The 1950's were distinguished by the publication of a large amount of scientific literature, by the increasingly extensive and effective training of specialists at post-graduate courses, intensified co-ordination of Orientalist research, promotion of closer co-operation between the Orientalists of Moscow and Leningrad and the national Orientalists in the republics of the Soviet East.

In 1956 the work of the Orientalogy of the U.S.S.R. Academy of Sciences was reorganized. The number of researchers increased and that made it possible to start research in countries and branches which had been studied but little in the past. A big success has been notably scored in the study of the problems of present-day Africa.

The establishment of a special Eastern Literature Publishing House and the publication of a number of journals and periodicals ("Problems of Orientalogy", "Contemporary East," etc.) have increased the possibilities for publishing the works of the Orientalists and that helps to develop Oriental studies.

Soviet Orientalists, both those studying the historical past of Afro-Asian countries and those dealing with their present-day problems, concentrate their attention on discovering the progressive national traditions of the peoples, studying the heritage of the old social institutions that has been preserved to this day, determining what is a survival from the remote past and hampers progress and what is progressive, genuinely popular and worthy of support and further development.

There are two noteworthy features distinguishing the development of Soviet Orientalogy in recent years. Firstly, the development of the branch specialization of Orientalists along with the simultaneous strengthening of ties among scientists specializing in various branches of Orientalogy (antiquaries, medievalists, specialists in modern and contemporary history, linguists, economists, literary critics and so on). Secondly, establishment of close contacts between Soviet Orientalists and scientists of Eastern countries who, as science and culture develop in their newly independent countries, are beginning to play the leading role in the study of their own history, culture and languages.

These peculiarities of the development of Soviet Orientalogy have brought about certain organizational and even terminological changes There have been two scientific institutions established: the Institute of the Asian Nations (on the basis of the Institute of Orientalogy of the U.S.S.R. Academy of Sciences) and the Institute of Africa.

Foreign delegates at the Congress could convince themselves that Soviet Orientalists, while preferring to study contemporary problems, do not relax their attention to the ancient history and culture of the East, bearing in mind that the East was the cradle of human culture.

The author further analyzes the work of various Congress sections. Not one of the previous congresses, he stresses, had so many urgent historical themes and acute contemporary problems on its agenda. The Soviet Orientalists and the scientists of the People's Democracies were invariably backed by the savants of the East and the progressive scientists of the West on diverse important contemporary problems. That proves that the collective efforts of progressive scientists can do much to further promote Orientalogy, which can contribute to the victorious national-liberation movement and the building of a new life in Afro-Asian countries.

The 25th International Congress of Orientalists showed that the main problems of Afro-Asian modern and contemporary history are national-liberation movement, solution of vital socioeconomic and scientific-cultural questions confronting Asia and Africa in their development, and the radically new character of relations between the non-socialist countries of the East and the Socialist countries.

The Congress showed that principled, friendly co-operation and mutual understanding will bring about the triumph of the progressive line in Orientalogy. This line reflects the grandeur of life, historical realities, and it will triumph because the triumph of the progressive and new is the law of social development.

P. V. VOLOBUYEV: **Apropos of the Logicality and National-Historical Conditions of the Victory of the Socialist Revolution in Russia**

The author criticizes the traditional claims made by bourgeois historiography and sociology that the victory of the Socialist revolution in Russia was "accidental," as well as the allegations of the Right Social-Democratic and revisionist theoreticians that the victory of the revolution was due solely to Russia's national peculiarities.

The outline of the Marxist-Leninist theory on the logicality of the Socialist revolution as the only means of solving the basic contradictions of the capitalist society precedes a detailed analysis of the economic and political prerequisites for the victory of the revolution in Russia. The author establishes that it was precisely the radical contradictions of Russian capitalism, weighed down by numerous vestiges of feudal and semi-feudal relationships, that constituted the objective basis for the rise of a mighty revolutionary movement which led to the Socialist revolution. Politically and socioeconomically, Russia lagged behind the more developed countries of the West, but that did not prevent a rather high level of development of capitalism in her industry and its considerable expansion in agriculture. This gives reason to affirm that the basic forms of public economy and the classes forces were the same in Russia as in any other capitalist country.

The specific features of Russia's historical development were responsible for the fact that the Socialist revolution developed there first, and not in the advanced countries of the West. In spite of the Mensheviks' predictions, Russia's comparative backwardness not only did not hinder the victory of the revolution, but even accelerated and facilitated it. The inherent weakness of Russian capitalism brought about a situation in which the forces of the revolution had to deal with a weaker opponent than in the West. V. I. Lenin's historical merit lies in the fact that, having skilfully analyzed the internal and external peculiarities of the October revolution, he smashed all the Menshevik arguments about the "impossibility" of Socialism's victory in Russia (because of her backwardness) and proved that in the concretely historical conditions obtaining in 1917 it was easier to accomplish the revolution for the Russian proletariat than for the proletariat of any other country.

The article analyzes the importance of World War I for the victory of the people's revolution in Russia. The war was not and could not be the root cause of the outbreak of the revolution. But, imposing incredible suffering on the country's popular masses and shaking the state and economic apparatus, it brought the Socialist revolution nearer. The Russian people could get out of the crisis created by the war and dislocation only by overthrowing capitalism.

The decisive political force in the revolution was the country's working class which, within a brief span, went through an important school of revolutionary struggle and succeeded in rallying the majority of the people around it. The article describes the reasons for the high revolutionary spirit of the Russian working class (combination of democratic and Socialist tasks, extreme sharpness of class antagonisms, tsarism's military-police regime, etc).

The Russian proletariat's main source of strength was the ideological and political leadership by the Bolshevik Party.

The participation in the revolutionary struggle, apart from the proletariat and under its influence, of the multi-million peasant masses and the oppressed peoples of Russia's national outlying areas, gave the revolutionary movement added scope and accelerated it. The Russian bourgeoisie, unable to solve the democratic tasks facing the country, could not lead the people.

In the end, the author comes to the conclusion that the revolutionary collapse of capitalism logically had to start in he country where the capitalist system was relatively weak and where the social contradictions and the class struggle of the proletariat and its allies were most acute and widespread.

Subsequent historical developments confirmed the viability of the October Revolution and the correctness of the laws of the Socialist revolution discovered by Marx and Lenin.

V. Y. KRUPYANSKAYA. **Concerning the Problems and Methods of the Ethnographical Study of the Soviet Working Class**

The author deals with a new trend in Soviet historical research, the ethnographical study of the working class. Pre-revolutionary Russian ethnography did not set this task before itself. It regarded the proletariat as some conglomeration, deprived of ethnical specific features.

V. Y. Krupyanskaya stresses that in our days, when the role of the working class in the life of the Soviet country is growing constantly, it is impossible to study any aspect of the culture and life of the people without taking into account the role and importance of the working class in the history of society. Therefore Soviet science has advanced the ethnographical study of the working class as one of the most important and urgent problems.

The article sums up the results and outlines the problems and methods of this study.

In 1951 the Institute of Ethnography of the U.S.S.R. Academy of Sciences held a special discussion on the tasks and methods of the ethnographical study of workers. This discussion helped outline a programme which the institute made a basis of its research work in the Middle Urals and especially at the enterprises of Nizhny Tagil. Today the ethnographical study of the Urals workers is conducted on a comparatively lagre scale. The article describes the methods and results of a questionnaire investigation conducted by ethnographers among the workers of Nizhny Tagil. Similar studies are conducted by a number of other scientific centres (in the Ukraine, Byelorussia, Georgia, Kazakhstan, Kirghizia, and others). The questions which, in V. Y. Krupyanskaya's opinion, demand special attention of the ethnographers, include the formation of the working class in the past and its present composition; changes in the social-productive activities of the workers, specifically the influence of the mechanisation and automation of production on the cultural and technical level of the workers, on broadening their world outlook and cultural requirements; the family and everyday life; the influence of Soviet legislation, and also of the so-called common law, on the family life of the workers and so on.

Stressing the special importance of the study of spiritual and social life, the author notes that Soviet ethnographers by no means belittle the need for the study of material culture: its separate elements can help trace clearly the role of ethnical traditions in the development of its new forms.

The author stresses the necessity of pooling the efforts of historians and ethnographers for the ethnographical study of the working class.

N. Y. IVANOV: **From the History of the Second Kornilovtschina**

The article is about the counter-revolutionary plot against the imminent Socialist revolution in Russia in the autumn of 1917 and the role played by the Bolshevik Party and V. I. Lenin in exposing and smashing this plot.

The author stresses the particularly active part taken by Kerensky in mustering the counter-revolutionary forces. Early in September, alarmed by the fact that the Petrograd Soviet went over to the Bolsheviks on August 31, he sought to carry out the Kornilov plan of routing the Petrograd revolutionary proletariat. What made the preparations for the second Kornilovtschina easier was that Kerensky had retained Kornilovite generals on the commanding posts in the army. The Provisional Government left untouched one of the main Kornilov hotbeds on the River Don.

The article shows that the Kornilovites were well assisted by the Mensheviks and the Socialist-Revolutionaries. With the active participation of their leaders, Kerensky concluded negotiations with the Constitutional-Democrats on September 24 and formed a "new" coalition government. Thus, thanks to the assistance of the compromisers, Kornilov's Constitutional-Democratic Party actually found itself again at the helm of the state.

The working masses soon realized that the new government was extremely hostile to the revolution. That, the author points out, was facilitated decisively by the activity of the Bolshevik Party and its leader, V. I. Lenin.

The counter-revolution also launched active ideological preparations for the second "advent" of the Russian Cavaignac.

The article cites concrete data to show that the second Kornilovtschina like the first, was actively inspired by international imperialism. The political leaders of the "Allied" countries—Lloyd George, Poincaré and Woodrow Wilson—did not conceal that they hoped the revolution in Russia would be suppressed.

International reaction helped the Russian bourgeoisie in every way possible to organize a new Kornilovtschina. The imperialist powers openly interfered in Russia's internal affairs and went so far as to plan to send a "plenipotentiary commissioner" to the Provisional Government. It was only because they were afraid to show how much they were pressuring the Provisional Government that they gave up the idea.

The author describes the numerous steps undertaken by the Anglo-French and American imperialists to fetter Russia and smash her revolutionary forces.

As the article reveals, the counter-revolution paid particular attention to the military preparation of the second Kornilovtschina. Preparations to open the front to the Germans and surrender Petrograd and the Baltic Fleet, attempts to withdraw revolutionary detachments from Finland and the capital, disbandment of the Bolshevik-minded regiments and despatch of such units to certain death in the most dangerous sectors of the front, establishment of counter-revolutionary bases in the Cossack areas, provocations, arrests and massacres—such is the incomplete list of the military preparations undertaken at that time by the Kornilovites. The author cites archive and other materials to show that reactionary generals and admirals openly betrayed Russia's national interests in their hope to suppress the revolution.

Making good use of the rapid growth of the revolution, the Bolshevik Party worked selflessly and tirelessly among the masses and smashed the Kornilovites' attempts to build strong armed counter-revolutionary forces.

The study of the second Kornilovtschina, the author concludes, shows that this was a serious and well-prepared plot against the imminent Socialist revolution in Russia. This plot united the forces of foreign and domestic imperialist reaction. The part taken by the Right Social-Revolutionaries and the Mensheviks decisively facilitated the preparations.

The second Kornilovtschina was a graphic illustration of the deepening crisis in the "upper crust" on the eve of the October Revolution. The bourgeoisie's attempt to break out of this crisis by setting up a military dictatorship in the country had still less chance of succeeding in September and October than it had in August 1917. At that time the revolutionary forces were everwhelmingly superior to the reactionary forces.

The study of the second Kornilovtschina shows ever more clearly the great wisdom of the historical decision taken by the Bolshevik Party's Central Committee regarding the October 1917 uprising. In the conditions prevailing then, an immediate armed uprising was alone capable of saving the country from the danger of the generals and the Constitutional-Democrats setting up a bloody dictatorship.

The victory of the Great October Socialist Revolution smashed the plans of the enemies and torpedoed their plot.

I. S. KREMER: **The Great October Socialist Revolution and the Working-class Anti-war Movement in Bavaria (End of 1917—Beginning of 1918)**

The article deals with the direct influence the Socialist revolution in Russia exerted on the working class of Bavaria, one of the biggest provinces of the German Empire.

The author drew his material chiefly from the unpublished German court and investigation records preserved in G.D.R. archives. These documents contain evidence by arrested revolutionaries and militant workers, police reports on the illegal activity of the members of the Spartacus League and Left Radicals, witnesses' testimony, leaflets, clippings from local newspapers, correspondence between participants in the strike movement. These materials have only recently been made accessible to the historian and make it possible to study more thoroughly than ever before the revolutionary anti-war struggle waged by the Bavarian working class in the winter of 1917-18.

The article devotes particular attention to the history of the Bavarian workers' mass action—general political strike—at the end of January and the beginning of February 1918. The documents from the archives have enabled the author to analyze the nature of the strike, the ideological ties between the Left elements in the movement and the Socialist revolution in Russia, and the popularity of Lenin's peace programme among the Bavarian workers. The court records simultaneously expose the behind-the-scenes treachery of the Right Social-Democrats, who fully supported the authorities in their struggle against the revolutionary workers.

In conclusion, the author speaks of the lesson drawn by the German working class and its vanguard, the Spartacus League, from the experience of the general strike, the biggest workers' action in Western Europe in wartime, and from the experience of the Great October Socialist Revolution.

The struggle waged by the Bavarian workers in the winter of 1917-18 is one of the most glorious pages in the history of the German labour movement.

B. I. KOVAL: **Labour Movement in Brazil at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Century**

The author of the article has set himself the task of analyzing the rise and growth of the Brazilian proletariat's class struggle in the latter half of the 19th century and at the beginning of the present century. The article describes the features distinguishing the formation of the Brazilian working class and reviews in detail the history of Brazil's labour movement from its inception to 1918. Much space is devoted to the questions of the country's economic position, notably to the development of capitalism and penetration of foreign capital. The author makes wide use of industrial statistics of 1907, 1912 and 1920, and cites the latest works of foreign savants, primarily the Brazilian.

In his article, the author disagrees with the opinion prevailing in political literature that the Brazilian labour movement began to develop after the abolition of slavery (1888). He cites interesting factual meterial on the first worker manifestations in the mid-19th century, on the propagation of Utopian socialism ideas, on the labour press. The article says that the period from the middle of the 19th century to the abolition of slavery and the proclamation of the republic was the period of capitalism's birth within the old system and the beginning of a spontaneous labour movement. In those days, the author writes, the proletariat's struggle developed as part and parcel of the over-all democratic revolutionary movement against slavery, monarchy and the predominance of foreign capital.

After the abolition of slavery, the labour movement grew in the conditions of comparatively rapid extension of capitalism, on the one hand, and Brazil's growing economic, and consequently political, dependence on foreign (Anglo-American) imperialism, on the other. The article analyzes the changes in the structure and composition of the Brazilian proletariat, treats of the ideology and struggle of progressive workers, as well as of the revolutionary-minded intellectuals, for the establishment of a Socialist workers' party. The author also writes of the spread of Marxism in Brazil and the foundation of the proletariat's first class political organizations.

At the turn of the century there appeared anarchist and anarcho-syndicalist worker organizations. The author deals in detail with the nature of anarcho-syndicalism, its distinguishing features in Brazil, the reasons for its spread and its role in the history of the labour movement. To a certain extent, the anarcho-syndicalists helped to develop the strike movement and establish trade unions. At the same time, anarcho-syndicalism exerted a pernicious influence on the evolution of the proletariat's class awareness.

The article cites vivid examples of the struggle waged by the Brazilian workers against the war threat in 1914-18, describes the more important strikes, and characterizes the strong and weak points of the labour movement in that period.

In conclusion, it says that in 1917 the Brazilian labour movement had developed so much that it became necessary to establish an independent labour party of a new type—a Communist Party. This task was successfully fulfilled in the course of the mighty revolutionary upsurge after the victory of the Great October Socialist Revolution.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Гафуров Бободжан Гафурович, член-корреспондент АН СССР, директор Института народов Азии АН СССР, специалист по истории народов Востока нового и новейшего времени.

Волобуев Павел Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специалист по истории России периода империализма.

Крупянская Вера Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, фольклорист, этнограф.

Иванов Николай Яковлевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, работает в области истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Коваль Борис Иосифович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории АН СССР, специализируется по истории Латинской Америки.

Кремер Илья Семенович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, специализируется по истории Германии новейшего времени и истории международных отношений.

內 容

論 文

东方学家的国际論坛（第二十五屆国际东方学家代表大会的總結）……苏联科学院通訊院士波·加·加富罗夫
論俄国社会主义革命胜利的一般規律性和民族历史条件……巴·瓦·沃洛布耶夫
对苏联工人阶級进行人文学研究的題材范围和方法問題……維·尤·克魯皮揚斯卡雅
摘自"第二次科尔尼洛夫叛乱"史……尼·雅·伊凡諾夫（列宁格勒）
伟大十月社会主义革命和巴伐利亚工人阶級的反战运动（1917年末到1918年初）……伊·西·克列麦尔
十九世紀末到二十世紀初的巴西工人运动……波·伊·科瓦里

历史科学在苏联

在苏联科学院历史科学部和学術委員会里
紀念在波罗的海沿岸建立苏維埃政权二十周年的科学会議……亚·德里祖尔（里加）
……瓦·薩夫欽科（里加）

短評和書評

新書消息
苏联历史杂志上的文章

学术动态

談历史科学在白俄罗斯发展的若干問題……尼·瓦·卡明斯卡雅（明斯克）
談莫斯科州克魯勃斯卡雅师范学院苏联历史教研室对莫斯科州历史的研究工作……
……伊·弗·杜布罗維娜　盖·費·西麦紐克
論历史書目工作的远景計划……米·拉·伊特金
論德聶伯罗彼得罗夫斯克历史家的工作……别·雅·布里凱尔　（德聶伯罗彼得罗夫斯克）

历史科学在海外

短評和書評

外国报刊巡礼

信件和評論

亚历山大·里沃維奇·加尔彼林
謝尔盖·伊凡諾維奇·沃尔科夫

CONTENTS

Articles: **B. G. Gafurov, Corresponding Member, U.S.S.R. Academy of Sciences.** International Orientalist Forum (On the Results of the 25th International Congress of Orientalists); **V. P. Volobuyev.** Apropos of the Logicality and National-Historical Conditions of the Victory of the Socialist Revolution in Russia; **V. Y. Krupyanskaya.** Concerning the Problems and Methods of the Ethnographic Study of the Soviet Working Class; **N. Y. Ivanov** (Leningrad). From the History of the "Second Kornilovtschina"; **I. S. Kremer.** The Great October Socialist Revolution and the Working-Class Anti-War Movement in Bavaria (End of 1917-Beginning of 1918); **B. I. Koval.** Labour Movement in Brazil at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Century. Historical Science in the U. S. S. R. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: A. Drizul** (Riga) and **V. Savchenko** (Riga). The Scientific Session Dedicated to the 20th Anniversary of the Restoration of Soviet Rule in the Baltic Republics. **Surveys and Reviews.** New Books. Articles in Soviet Historical Journals. **Chronicle of Scientific Life. N. V. Kamenskaya** (Minsk). On Some Questions Regarding the Development of Historical Science in Byelorussia; **I. V. Dubrovina** and **G. F. Semenyuk.** The Work Done by the History Department of the N. K. Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute in the Study of the History of Moscow Region; **M. L. Itkin.** Long-Range Plan or Bibliographical Work in History; **B. Y. Brikker** (Dniepropetrovsk). On the Work of Dniepropetrovsk Historians; **N. Y. Merpert.** 75th Birthday of A. Y. Bryusov, D. Sc (Hist.). Historical Science Abroad. **Surveys and Reviews. Scanning Foreign Journals.** Letters and Notes. Obituaries: A. L. Galperin. S. I. Volkov.

SOMMAIRE

Articles: **B. G. Gafourov, membre-correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Forum international des orientalistes. (Aux bilans du XXV-e Congrès International des orientalistes); **P. V. Volobouev.** Au sujet des régularités générales et les conditions nationales historiques de la victoire de la révolution socialiste en Russie; **V. J. Kroupianskaïa.** Sur la question des problèmes et de la méthode des études ethnographiques de la classe ouvrière soviétique; **N. J. Ivanov** (Léningrad). De l'histoire du «second kornilovchtchina»; **I. S. Krémer.** La Grande Révolution Socialiste d'Octobre et le mouvement antimilitariste de la classe ouvrière de la Bavière (fin de 1917 — commencement de 1918) ; **B. I. Koval.** Le mouvement ouvrier au Brésil à la fin du XIXe siècle — au commencement du XXe siècle. Science historique en U.R.S.S. **Au département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux conseils scientifiques : A. Drizoul** (Riga), **V. Savtchenko** (Riga). Session scientifique, consacrée au 20-e anniversaire du rétablissement du pouvoir soviétique dans les Républiques Baltes. **Revues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique. N. V. Kamenskaïa** (Minsk). Sur quelques questions du développement de la science historique en Biélorussie ; **I. V. Doubrovina, G. F. Séméniuk.** La chaire de l'histoire de l'U.R.S.S. près l'Institut pédagogique N. K. Kroupskaïa de la région de Moscou étudie l'histoire de la région de Moscou ; **M. L. Itkin.** Sur le plan perspectif des travaux bibliographiques historiques ; **B. J. Brikker** (Dnépropétrovsk). A propos du travail des historiens de Dnépropétrovsk ; **N. J. Merpert.** Le 75-e anniversaire du docteur ès sc. hist. A. J. Brussov. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étangères.** Lettres et notes. **Necrologes :** Alexandre Lvovitch Galpérin. Serguei Ivanovitch Volkov.

INHALT

Beiträge: **B. G. Gafurow, Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR.** Internationales Orientalistenforum (zu den Ergebnissen des XXV. Internationalen Orientalistenkongresses); **P. W. Wolobujew.** Allgemeine Gesetzmäßigkeiten und national-historische Bedingungen für den Sieg der sozialistischen Revolution in Rußland; **W. J. Krupjanskaja.** Zur Problematik und Methodik des ethnographischen Studiums der sowjetischen Arbeiterklasse; **N. J. Iwanow** (Leningrad). Aus der Geschichte des „zweiten Kornilowtschina"; **I. S. Kremer.** Die Große Sozialistische Oktoberrevolution und die Antikriegsbewegung der bayrischen Arbeiterklasse (Ende 1917 — Anfang 1918); **B. I. Kowal.** Die Arbeiterbewegung in Brasilien Ende des 19. — Anfang des 20. Jahrhunderts. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: A. Drisul** (Riga), **W. Sawtschenko** (Riga). Wissenschaftliche Tagung zum 20. Jahrestag der Wiederherstellung der Sowjetmacht im Baltikum. **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik. N. W. Kamenskaja** (Minsk). Einiges über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft in Belorußland; **I. W. Dubrowina, G. F. Semenjuk.** Die Tätigkeit des Lehrstuhls für Geschichte der UdSSR beim Moskauer pädagogischen Gebietsinstitut „N. K. Krupskaja" zum Studium der Geschichte des Moskauer Gebiets; **M. L. Itkin.** Perspektivplan der bibliographischen Abhandlungen über Geschichte; **B. J. Brikker** (Dnjepropetrowsk). Die Tätigkeit der Historiker in Dnjepropetrowsk; **N. J. Merpert.** 75. Geburtstag des Doktors der Geschichtswissenschaft A. J. Brjusow. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften.** Briefe und Notizen. **Nachrufe** für: Alexander Lwowitsch Galperin und Sergej Iwanowitsch Wolkow.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ, (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 10707. Подписано к печати 10/XI 1960 г. Тираж 22 600.
Изд. № 2016. Заказ № 2690. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1961 ГОД

на журнал

«Советская этнография»

Орган Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.

«Советская этнография» является одним из центральных печатных органов советской исторической науки.

Основной задачей журнала является освещение на основе марксистско-ленинской методологии проблем развития культуры и быта народов СССР и зарубежных стран, вопросов этногенеза, исторической этнографии, истории первобытного общества и связанных с этнографией вопросов антропологии и фольклористики. Большое внимание уделяется процессам, протекающим в жизни народов СССР в эпоху перехода к коммунизму, а также освещению современной культуры народов мира, помогающему укреплению дружбы и сотрудничества между народами. Значительное место в журнале отводится характеристике состояния этнографической науки в СССР и за рубежом, рецензированию этнографической литературы и критике реакционных течений в буржуазной науке.

Наряду с собственно этнографическими публикациями в журнале печатаются статьи и материалы по смежным вопросам социально-экономической истории, археологии, искусствоведения, лингвистики и др.

Журнал рассчитан на работников исследовательских институтов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, работников музеев, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами этнографии.

Журнал выходит 6 раз в год.

Объем номера — 12 печ. листов.

Подписная цена на год 108 руб.

Гл. редактор журнала — член-корр. АН СССР С. П. Толстов.

Цена 7 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1961 год

НА ЖУРНАЛЫ ЦК КПСС

«КОММУНИСТ»

«ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ»

«АГИТАТОР»

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООБРАЗОВАНИЕ»

◆

Подписка принимается в отделах «Союзпечати», в отделениях связи, а также общественными распространителями печати.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»